

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (46)
2023

Главный редакторакадемик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:**А.Г. Ситдиков** – академик АН РТ, доктор исторических наук**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2023

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2023

© Журнал «Поволжская археология», 2023

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F.Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A.A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Editorial Board:

A.A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M.Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R.D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S.V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A.E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A.A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

M.Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2023

© Mari State University, 2023

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М. (Йошкар-Ола, Россия), Сивицкий М.В. (Болгар, Россия), Ситдиков А.Г. (Казань, Россия), Сарыбаев М.К. (Нукус, Узбекистан)</i>	
Строительные материалы мавзолея № 1 ханского некрополя у пос. Лапас (предварительный анализ)	8
<i>Мухаметшин Д.Г. (Болгар, Россия)</i>	
Стиль и форма болгаро-татарских надгробных памятников: единство и своеобразие	21
<i>Соловьев Б.С., Данилов П.С., Памеев Р.А. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Исследование Большепемьяльского могильника в 2022 году	37
<i>Федулов М.И. (Чебоксары, Россия)</i>	
Погребальный обряд чувашей XVI–XIX вв.	47
<i>Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия)</i>	
Историческая топография Царевококшайска.....	66
<i>Бородовский А.П., Волков П.В. (Новосибирск, Россия)</i>	
Манипуляции с головой погребенных в Быстровском некрополе (эпоха раннего железа Верхнее Приобье)	81
<i>Волкова Е.В., Баранов В.С., Кириягин К.В., Жолобов А.И., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия), Рахматуллин Н.Р. (Альметьевск, Россия), Калянов В.А. (Казань, Россия)</i>	
Предварительное антропологическое и судебно-медицинское исследование индивида из погребения 11 раскопа СХLIX Болгарского городища	97
<i>Сагдуллаев А.С., Шайдуллаев А.Ш., Тогаев Ж.Э. (Ташкент, Узбекистан)</i>	
О древневосточных и евразийских миграциях в Центральную Азию.....	113
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П. (Казань, Россия)</i>	
Средневековые археологические памятники Семеновского острова в Татарстане: история изучения и некоторые итоги исследований	129
<u>Лифанов Н.А.</u> (Казань, Россия)	
Раскопки могильника Малая Рязань I в 2020 г.	149
<i>Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. (Тула, Россия), Майко В.В. (Симферополь, Россия)</i>	
Магнитометрические исследования городища Белинское на Керченском полуострове	158
<i>Камышев А.М., Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызстан)</i>	
Монеты с городища Кен-Булуи в Кыргызстане (из раскопок 2022–2023 гг. и случайных находок прежних лет)	173
<i>Хамидов О.А., Каттаева Г.Ч. (Термез, Узбекистан)</i>	
Типология булавок культуры Сапалли.....	187

<i>Скочина С.Н., Костомарова Ю.В. (Тюмень, Россия)</i>	
Каменный инвентарь кочевников арктической тундры средневековой стоянки Халцынейсаля 1 на Гыданском п-ове (экспериментально-трасологический анализ)	206
<i>Крыласова Н.Б., Смертин А.Р. (Пермь, Россия)</i>	
И все же – набойки на каблуки (к вопросу о средневековой обуви на каблуках)	223
<i>Гумеров И.Г., Ахунов А.М., Усманов В.М. (Казань, Россия)</i>	
Новые находки татарских надмогильных камней XV–XVI в.: их классификация и специфика	235
<i>Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия), Масловский А.Н. (Азов, Россия)</i>	
Группа амфор клейма SSS в Золотой Орде	250
Список сокращений	262
Правила для авторов	264

CONTENT

<i>Zeleneev Yu.A., Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Sivitsky M.V. (Bolgar, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Sarybaev M.K. (Nukus, Uzbekistan)</i>	
Construction Materials of the Mausoleum No. 1 of the Khan Necropolis at Pos. Lapas (preliminary analysis).....	8
<i>Mukhametshin D.G. (Bolgar, Russian Federation)</i>	
Style and Shape of Bolgar-Tatar Sepulchral Monuments: unity and uniqueness.....	21
<i>Solovev B.S., Danilov P.S., Pameev R.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)</i>	
Investigation of the Bolshye Pamyaly Burial Ground in 2022.....	37
<i>Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation)</i>	
Burial Rite of the Chuvash People in the 16 th –19 th Centuries.....	47
<i>Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)</i>	
Historical Topography of Tsarevokokshaysk.....	66
<i>Borodovskiy A.P., Volkov P.V. (Novosibirsk, Russian Federation)</i>	
Manipulations with the Head of those Buried in the Bystrovka Necropolis (the Early Iron Age of the Upper Ob Region)	81
<i>Volkova E.V., Baranov V.S., Kiryagin K.V., Zholobov A.I., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Rakhmatullin N.R. (Almetyevsk, Russian Federation), Kalyanov V.A. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Preliminary Anthropological and Forensic Study of an Individual from Grave No 11 of Excavation CXLIX of Bolgar Settlement	97
<i>Sagdullaev A.S., Shaydullaev A.S., Togaev J.E. (Tashkent, Uzbekistan)</i>	
About Ancient Eastern and Eurasian Migrations to Central Asia.....	113
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Medieval Archaeological Sites of Semenovskiy Island in Tatarstan: history of study and some results of research.....	129
<i>Lifanov N.A. (Kazan, Russian Federation)</i>	
The Excavations of the Cemetery Malaya Ryazan I in 2020.....	149
<i>Zubarev V.G., Smekalov S.L. (Tula, Russian Federation), Maiko V.V. (Simferopol, Russian Federation)</i>	
Magnetometry Studies of Belinskoye Settlement on the Kerch Peninsula	158
<i>Kamyshev A.M., Kolchenko V.A. (Bishkek, Kyrgyzstan)</i>	
Coins from the City of Ken-Bulun in Kyrgyzstan (from excavations in 2022–2023 and random finds from previous years)	173
<i>Khamidov O.A., Kattaeva G.Ch. (Termez, Uzbekistan)</i>	
The Typology of Pins of Sapalli Culture	187

<i>Skochina S.N., Kostomarova Yu.V. (Tyumen, Russian Federation)</i> Stone Tools of the Nomads of the Arctic Tundra from the Medieval Site of Khaltsyneisalya 1 on the Gydan Peninsula (use wear analysis).....	206
<i>Krylasova N.B., Smertin A.R. (Perm, Russian Federation)</i> Still – these are Heeltaps (on the topic of heeled footwear in the Middle Ages)	223
<i>Gumerov I.G., Akhunov A.M., Usmanov V.M. (Kazan, Russian Federation)</i> New Discoveries of Tatar Gravestones of the 15 th –16 th Centuries: their classification and specific features.....	235
<i>Bocharov S.G. (Sevastopol, Russian Federation),</i> <i>Maslovskiy A.N. (Azov, Russian Federation)</i> A Group of SSS Branded Amphoras in the Golden Horde	250
List of Abbreviations.....	262
Submissions	264

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.4.46.8.20>

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МАВЗОЛЕЯ № 1 ХАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ У ПОС. ЛАПАС (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

© 2023 г. Ю.А. Зеленева, Е.М. Пигарев, М.В. Сивицкий, А.Г. Ситдинов,
М.К. Сарыбаев

Авторами приводятся новые материалы, полученные в ходе археологических исследований центрального мавзолея мемориального комплекса эпохи Золотой Орды, расположенного у пос. Лапас Астраханской области. Комплекс мавзолеев связывается с местом захоронения ханов Джучидов и представителей золотоордынской элиты второй половины XIII–XIV вв. В статье дается характеристика строительного материала и архитектурного декора, использованных при возведении мавзолея. Анализ полученных образцов кирпича и изразцов, изготовленных с использованием различных материалов и техник производства, позволяет провести их классификацию. Прослеживается взаимосвязь с архитектурными традициями и строительными методиками средневекового Хорезма. В этой работе представлен предварительный анализ основных видов и форм строительных материалов и архитектурного декора, обозначены перспективы дальнейшего изучения строительных технологий, применявшихся при создании этого архитектурного комплекса.

Ключевые слова: архитектурная археология, Золотая Орда, Хорезм, Лапас, мавзолей, изразец, строительный материал, архитектурный декор.

В низовьях Волги в 70 км севернее Астрахани на левом берегу р. Большой Ашулук располагается комплекс мавзолеев у с. Лапас, являющийся некрополем ханов Улуса Джучи. Территория памятника занимает площадь около 400 га, на которых к настоящему времени выявлены руины около 20 архитектурных объектов и остатки поселения с производственными сооружениями по изготовлению кирпича, в котором, вероятно, жили строители и смотрители этого комплекса. Архитектурные памятники хорошо известны по средневековым описаниям путешественников XIV–XVII вв. (Пигарёв, Ситдинов, с. 209–220).

Первые полевые исследования мавзолейного комплекса проводились в 1995–1997 гг. ПАЭ ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко, которым был составлен топографический план всего погребального комплекса и инструментальные планы всех отдельных его объектов (Пигарёв, Ситдинов, 2023, с. 209–220). Последующие работы с 2013 по 2022 гг. проходили подготовительный период, предваряющий археологические

раскопки памятника. Специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводились работы по тематическому дешифрованию материалов, связанных с геофизическими, геодезическими и аэрокосмическими методами (Бездудный и др., 2022, с. 314–325; Бездудный и др., 2022, с. 144–154; Зарипова и др., 2023, с. 40–41). Многолетняя подготовка способствовала накоплению информационной базы о памятнике и разработке методики его дальнейшего исследования. В 2022 г. экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ были организованы первые полевые археологические работы по изучению этого грандиозного комплекса (рис. 1).

В полевом сезоне 2022 г. с целью изучения стратиграфии памятника был заложен раскоп (площадь 160 кв. м), показавший слои строительства и функционирования мавзолея в XIV–XV вв., а также его разрушения в ходе разборки для получения кирпича для строительства Астраханского кремля в XVII вв. и позднее, до начала XX в. (Ситдинов, 2023). В ходе работ 2023

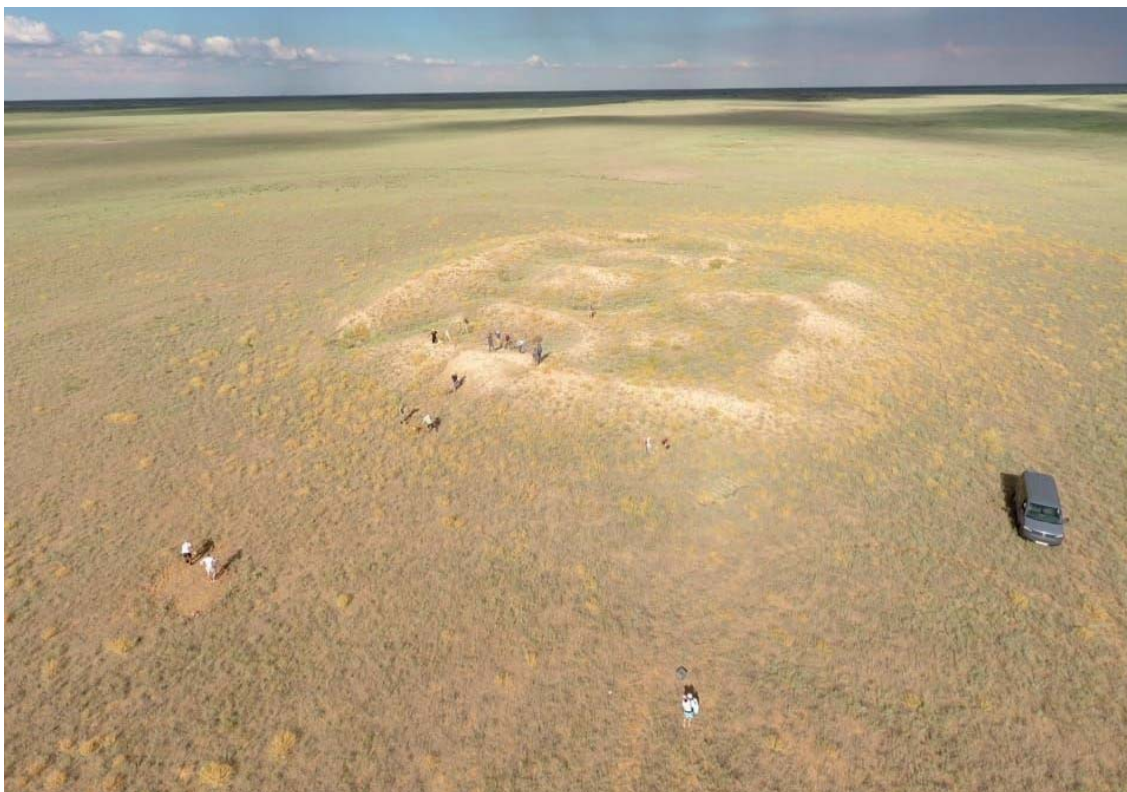

Рис. 1. Комплекс мавзолеев у пос. Лапас. Мавзолей № 1, съемка с БПЛА.

Fig. 1. The complex of mausoleums near the village Lapas. Mausoleum No. 1, shooting from a UAV.

г. были убраны слои кирпичного боя, перекрывающие остатки конструкции мавзолея с северо-западной стороны здания, раскоп был расширен в северо-западном направлении, в результате чего общая площадь исследований составила около 1000 кв. м¹. На вскрытом участке раскопа были расширены траншея внешней (западной) стены здания мавзолея, кирпичный пол и базы под деревянные колонны мавзолея (рис. 2). Было обнаружено восемь захоронений (вскрыто четыре) в пределах ограды двора вблизи стен здания мавзолея.

За два полевых сезона (2022–2023 гг.) была собрана коллекция, включающая в себя около 3000 предметов, представленных в основном лекальными строительными деталями и архитектурным декором мавзолея, а также массовым строительным материалом в виде многочисленных кусков битого кирпича, не вошедших в коллекцию. Выделяются четыре ос-

новные категории, представленные различными строительными материалами и элементами декора.

Категория I: жжёные кирпичи

Основным строительным материалом при возведении здания мавзолея являлся жженый кирпич, который разделяется на две основные группы – красноглиняный и желто-розовоглиняный (светлоглиняный). Красноглиняный кирпич использовался при выкладке стен и полов. Светлоглиняные кирпичи с отшлифованной лицевой поверхностью использовались при оформлении фасадов здания. Каждая группа имеет несколько стандартов размеров.

Группа 1. Кирпич жжёный, красноглиняный, плоский, квадратной формы, рядовой. Зафиксировано два типа глиняного теста: А – тесто рыхлое, с примесью крупнозернистого шамота (рис. 3: 1–3); Б – тесто плотное, с мелкозернистыми примесями (рис. 3: 4–5). Размеры кир-

Рис. 2. Комплекс мавзолеев у пос. Лапас.
Раскоп с остатками конструкции мавзолея № 1.
Fig. 2. The complex of mausoleums near the village Lapas.
Excavation with the remains of the mausoleum structure No. 1.

пича: А – $26 \times 26 \times 5,5$; $28 \times 28 \times 6,5$ см; Б – $23 \times 23 \times 5,5$; $24 \times 24 \times 4,5$; $24,5 \times 24,5 \times 5$; $25 \times 25 \times 5,5$ см. Отмечается встречаемость колотых до половины и обтесанных образцов (рис. 3: 1, 4, 5).

Группа 2. Кирпич жжёный, светлоглиняный (желто-розовый), лещатый, шлифованный, отделочный (фасадный). Зафиксировано три типа по форме: А – прямоугольный в сечении (рис. 5: 2, 3, 5); Б – клиновидный (рис. 5: 1, 4, 6, 7); В – в виде бруска (рис. 4: 1–4). Размеры кирпича: А – $12 \times 9 \times 5$; $20 \times 8 \times 4,5$; $20 \times 11,5 \times 4,5$; $20 \times 13 \times 4$; $20,5 \times 11 \times 4$; $20,5 \times 13 \times 4$; $21 \times 9 \times 4,5$; $21 \times 13,5 \times 4,5$; $21 \times 14 \times 4,5$; $21 \times 14,5 \times 4$; $21 \times 15 \times 4,5$; $21,5 \times 10 \times 4$; $23 \times 11 \times 4,5$; $23,5 \times 13 \times 5$; $24 \times 12 \times 5$; $24 \times 24 \times 4,5$ см; Б – $15,5 \times 12,5 \times 14,5 \times 4,5 / 3,5$; $18 \times 11 \times 4 / 2$; $19 \times 8 / 7,5 \times 3,5 / 2,5$ см; В – $7 \times 5 \times 3,7$; $7,7 \times 5,1 \times 2,1$; $8,2 \times 4,9 \times 4,4$; $11,2 \times 10,5 \times 4,2$ см. Один из брусков орнаментирован прорезными горизонтальными линиями и имеет тесанную под углом кромку (рис. 4: 3).

Кирпичи типов А и Б группы 2 от-

личаются многообразием заданных форм (рис. 5: 3, 5, 7) и выделенными «замками» (рис. 5: 1, 2, 4, 6). Достаточно часто встречаемой находкой на раскопе были блоки из спаренных кирпичей этих типов (рис. 6: 1–2), что дает нам возможность показать условную реконструкцию оформления фасада мавзолея (рис. 6: 3).

Кладки из жжёного кирпича осуществлялись на ганчевом растворе. Зафиксировано два вида растворов – известково-зольный (кыровский) и гипсовый (ганчевый).

В Средние века, как, впрочем, и в настоящее время, основным показателем значимости и главным источником впечатления от архитектурного объекта являлись уровень и качество его декорирования. Ниже мы рассмотрим встреченные на раскопе мавзолея № 1 образцы архитектурного декора.

Архитектурный декор мавзолея № 1 представлен многочисленными глиняными и кашинными поливными

Рис. 3. Мавзолей № 1. Кирпич красноглиняный рядовой, группа 1 типы А (1–3) и Б (4, 5).
Fig. 3. Mausoleum No. 1. Ordinary red clay brick, group 1 types A (1–3) and B (4, 5).

Рис.4. Мавзолей №1. Кирпич светлоглиняный (брусек), группа 2 тип В.
Fig.4. Mausoleum No. 1. Light clay brick (bar), group 2 type В.

изразцами различного функционального назначения. Поливные изразцы использовались при возведении купола мавзолея и для украшения его фасада и внутреннего пространства (рис. 6: 3; 7–10).

Категория II: изразцы жжёные светлоглиняные (желто-розовые)

Группа I. Изразец с бирюзовой поливой, лекальный, клиновидный, купольный, является типичным израз-

цом его классической формы, с лицевой покрытой поливой поверхностью и румпой – клиновидным удлинением тыльной стороны для осуществления связи с кладкой сооружения. По целым экземплярам зафиксировано три основных типа: А – лицевая сторона, покрытая поливой, имеет размеры от 5 до 10 см (рис. 7: 1; 8: 1); Б – лицевая сторона размером от 10 до 17 см (рис. 7: 2; 8: 2); В – лицевая сторона разме-

Таблица 1.

Размеры изразцов категории II группы 1

тип	длина лицевой стороны	ширина лицевой стороны	высота тела изразца
А	5	4,5; 5	6; 7; 8
	5,5	4; 4,5; 5; 5,5	4; 5; 6; 6,5; 7,5; 8; 8,5; 9
	6	4,5; 5; 5,5; 6	6; 7; 7,5; 8; 9,5; 10,5
	6,5	5; 5,5; 6;	5; 5,5; 6; 7; 7,5; 8; 9; 9,5; 10; 10,5
	7	5; 5,5; 6	5,5; 6; 6,5; 7; 7,5; 8; 8,5; 9; 9,5; 10
	7,5	5; 5,5; 6	4,5; 6; 6,5; 7; 7,5; 8; 8,5; 9,5; 10; 11,5
	8	4; 5; 5,5; 6	4,5; 5,5; 6; 7; 7,5; 8; 8,5; 9; 10
	8,5	4,5; 5; 5,5; 6	4,5; 5; 6,5; 7; 7,5; 8; 8,5; 9; 10; 11,5
	9	5; 5,5; 6	6,5; 7,5; 8; 8,5; 9; 9,5; 10
	9,5	4,5; 5; 5,5; 6	6; 7; 7,5; 8; 9; 9,5; 10
Б	10	4; 4,5; 5; 5,5; 6	5,5; 7; 7,5; 8; 8,5; 9; 10,5
	10,5	5; 5,5; 6	8; 9; 14,5
	11	4,5; 5,5; 6	6; 6,5; 7; 7,5; 8; 8,5; 9; 13;
	11,5	5,5; 6	9; 10; 12; 14
	12	4; 5; 5,5; 6	5,5; 6; 7; 8; 8,5; 9; 9,5; 10; 10,5; 12; 12,5
	12,5	4; 5,5; 6	6; 7; 7,5; 8; 9; 9,5
	13	4,5; 5; 5,5; 6	6,5; 7; 8; 8,5; 9; 9,5; 10; 11; 12; 13; 13,5; 15
	13,5	5,5; 6	7; 8; 9; 9,5; 10; 10,5
	14	5; 5,5; 6	7,5; 9; 10; 12,5; 15
	14,5	4; 5; 5,5	8; 8,5; 10; 14
	15	5,5; 6	8; 8,5; 10; 13,5;
	15,5	5,5; 6	7,5; 8; 9,5; 13
	16	5; 5,5; 6	8; 8,5; 9; 10,5; 13
	16,5	5,5; 6	7; 14
В	17	5; 5,5; 6	7; 8; 9; 10
	17,5	5,5; 6	6,5; 9
	18	5,5; 6	6; 8
	19	5,5;	8; 8,5
	20	5; 5,5; 6	8; 8,5; 9; 15,5
	21	4,5; 5; 5,5; 6	7,5; 8; 9; 10; 14,5
	21,5	5; 5,5; 6	7; 7,5; 8; 8,5; 9; 10
	22	5,5; 6	6,5; 7; 8; 8,5; 9; 9,5; 10

ром от 17 до 22 см (рис. 7: 3; 8: 3–6). Изразцы типа В отличаются многообразием заданных форм и наличием «замков» для более крепкого соединения (рис. 8: 3–6). Основные критерии, образующие тип, – размеры лицевой стороны и румпы, в связи с чем предложена следующая схема снятия размеров: длина лицевой стороны (а) / ширина лицевой стороны (б) / длина румпы (с) (рис. 8: 2).

При сравнении изразцов типов А, Б и В видно, что с увеличением размера изделия уменьшается количество размерных групп. В то же время

необходимо отметить, что с накоплением материала тип В, обладающий крепезными «замками», может быть расширен.

Группа 2. Изразец-плитка с бирюзовой поливой, трапециевидный в сечении (рис. 7: 4). Размеры: 10,7×10,7×4,4; 11×11,8×2,9; 11×11×3,5; 11,2×11,2×3,6; 11×18×2,9; 12×12×3,5; 11,8×4,8×3,2 см. Многочисленные фрагменты плиток показывают толщину изделия: 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 40 см.

Группа 3. Изразец-перемычка с мо-

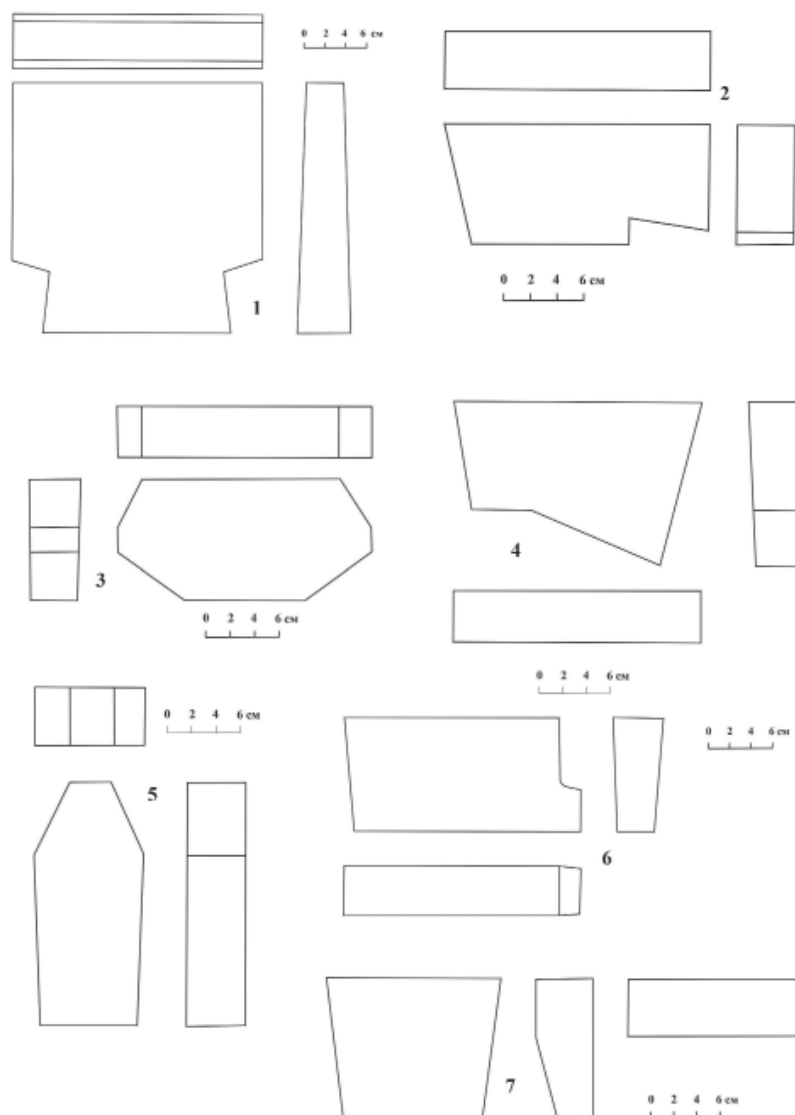

Рис. 5. Мавзолей №1. Кирпич светлоглиняный, группа 2 типы А (2, 3, 5) и Б (1, 4, 6, 7).
Fig. 5. Mausoleum No. 1. Light clay brick, group 2 types A (2, 3, 5) and B (1, 4, 6, 7).

нохромной подглазурной росписью, трапециевидный в сечении, фасадный (рис. 7: 5). Размеры: 10,5×4,8×3; 10,7×6×4 см. Встречены образцы с бирюзовой и зеленой поливой.

Группа 4. Изразец лекальный с полихромной подглазурной росписью (цвета: бирюзовый и белый), «псевдомозаика» (рис. 7: 6). Лицевая сторона путем прорезки разделена на три цветные зоны. Размеры: 27×7,5×19,5 см. Представлена в коллекции пока единственным экземпляром.

Группа 5. Изразец-перемычка («бантик») с бирюзовой поливой, трапециевидный в сечении, с рельеф-

ным оттиснутым в форме орнаментом, фасадный (рис. 6: 3; 7: 7). Эта группа изразцов обычно использовалась в качестве перемычек при облицовке фасада здания спаренными кирпичами (Денике, 1939, с. 7).

В коллекции представлено около 400 целых и фрагментированных изделий. Размеры этих изразцов находятся в границах 10×6×4 см с небольшими отклонениями в большую или меньшую сторону, в зависимости от типа.

Изразцы группы 5 представлены большим разнообразием типов орнамента – растительным, цветочным,

Рис. 6. Мавзолей № 1. Спаренные кирпичные блоки (1; 2); условная реконструкция фасадной (лицевой) кладки стены (3).

Fig.6. Mausoleum No. 1. Paired brick blocks (1; 2); conditional reconstruction of the facade (front) masonry wall (3).

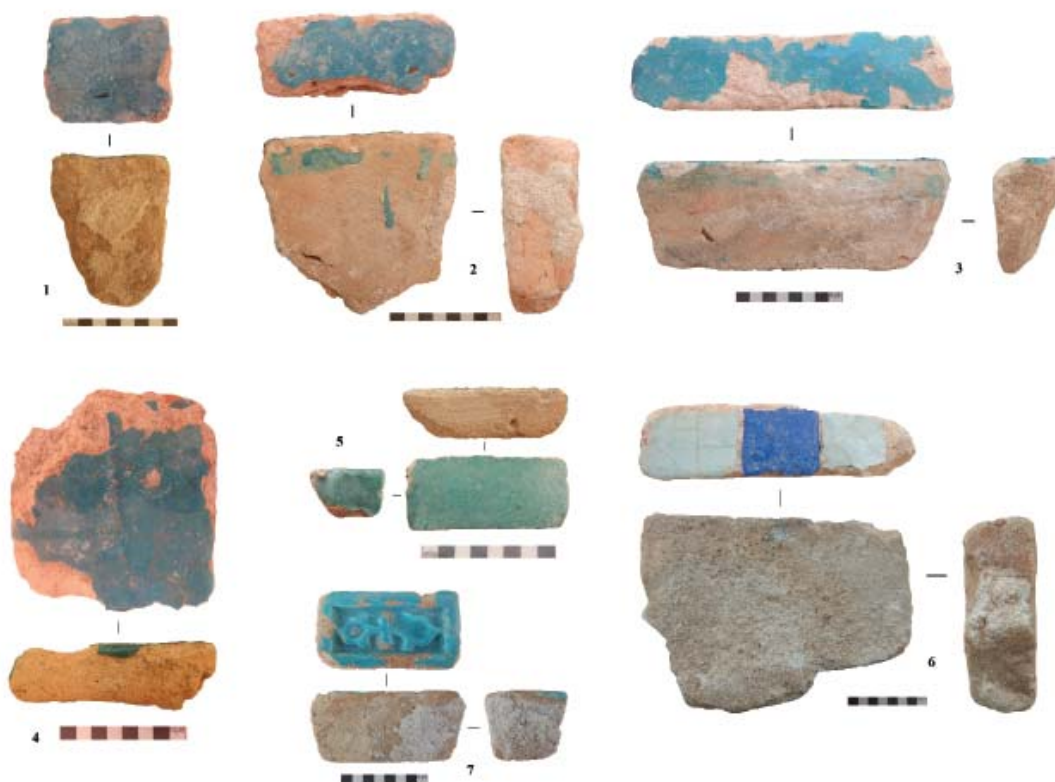

Рис. 7. Мавзолей № 1. Изразцы поливные на глине.

Fig. 7. Mausoleum No. 1. Irrigation tiles on clay.

геометрическим, с использованием сложной «плетенки» и соединением типов. Работа по типологии этой группы изразцов будет представлена отдельно.

Категория III: резная терракота

Группа 1. Резная неполиванная тер-

ракота.

Наша коллекция представлена многочисленными фрагментами резных плит с различным, в основном растительно-геометрическим, орнаментом (рис. 9: 1). Плитки имели высокий рельеф, орнамент на них

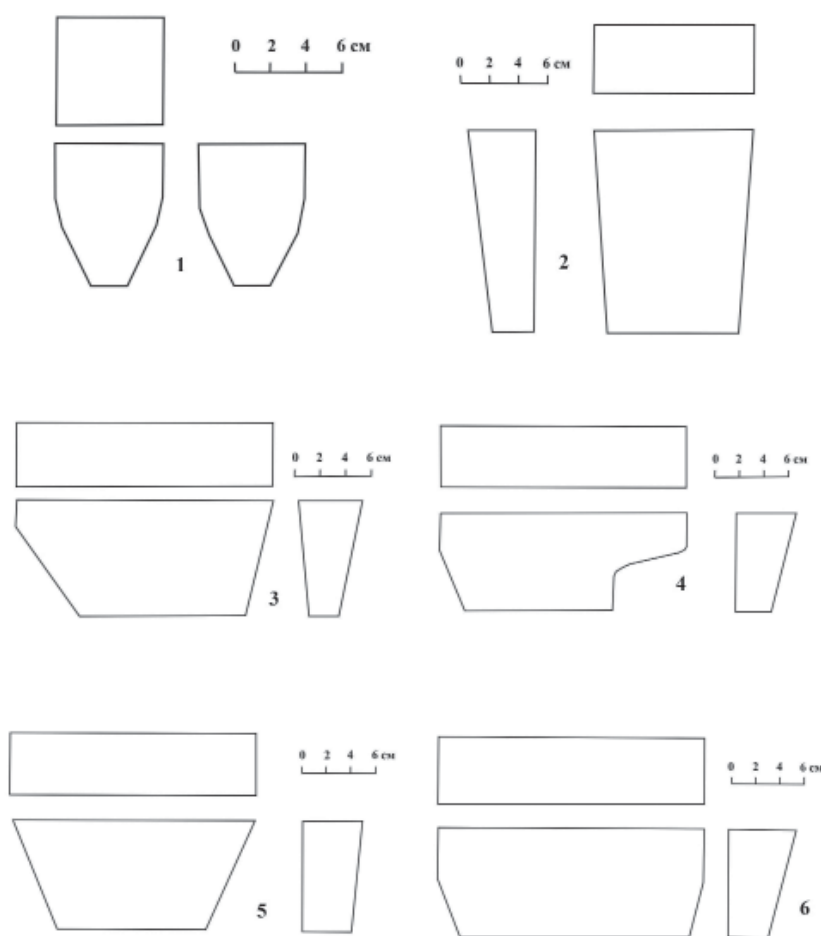

Рис. 8. Мавзолей № 1. Купольные поливные на глине изразцы.
Fig.8. Mausoleum No. 1. Dome irrigation tiles on clay.

выполнен глубокой резьбой. Из-за большой степени фрагментарности в настоящее время нам сложно говорить о размерах и других особенностях изделий этой группы. Но с продолжением исследования мавзолея будет увеличиваться объем информации и по технико-технологическим, и по орнаментальным особенностям неполивной терракоты.

Группа 2. Резная терракота, покрытая глазурью.

Эта группа архитектурного декора также представлена многочисленными фрагментами с сохранившимся растительно-геометрическим орнаментом (рис. 9: 2–6). Эти образцы, как и неполиваная терракота, также показывают высокий рельеф и орнамент, выполненный глубокой прорезкой.

Работа над изучением этой группы изделий также будет продолжена в будущем исследовании памятника.

Тип А – резная терракотовая плитка, частично покрытая бирюзовой поливой. Глазурью покрывались или рамки плитки (рис. 9: 2, 3), или основные элементы орнаментальной композиции (рис. 9: 5). Этот тип считается переходным, появление его относят к первой половине XIV в. (Уталиев, 2, 13, с. 49).

Тип Б – резная терракотовая плитка, полностью покрытая бирюзовой поливой (рис. 9: 4). Эта группа повторяет орнаментальные мотивы и технику исполнения резного орнамента группы типа А. Здесь представлен тот же резной растительно-геометрический орнамент, те же формы керами-

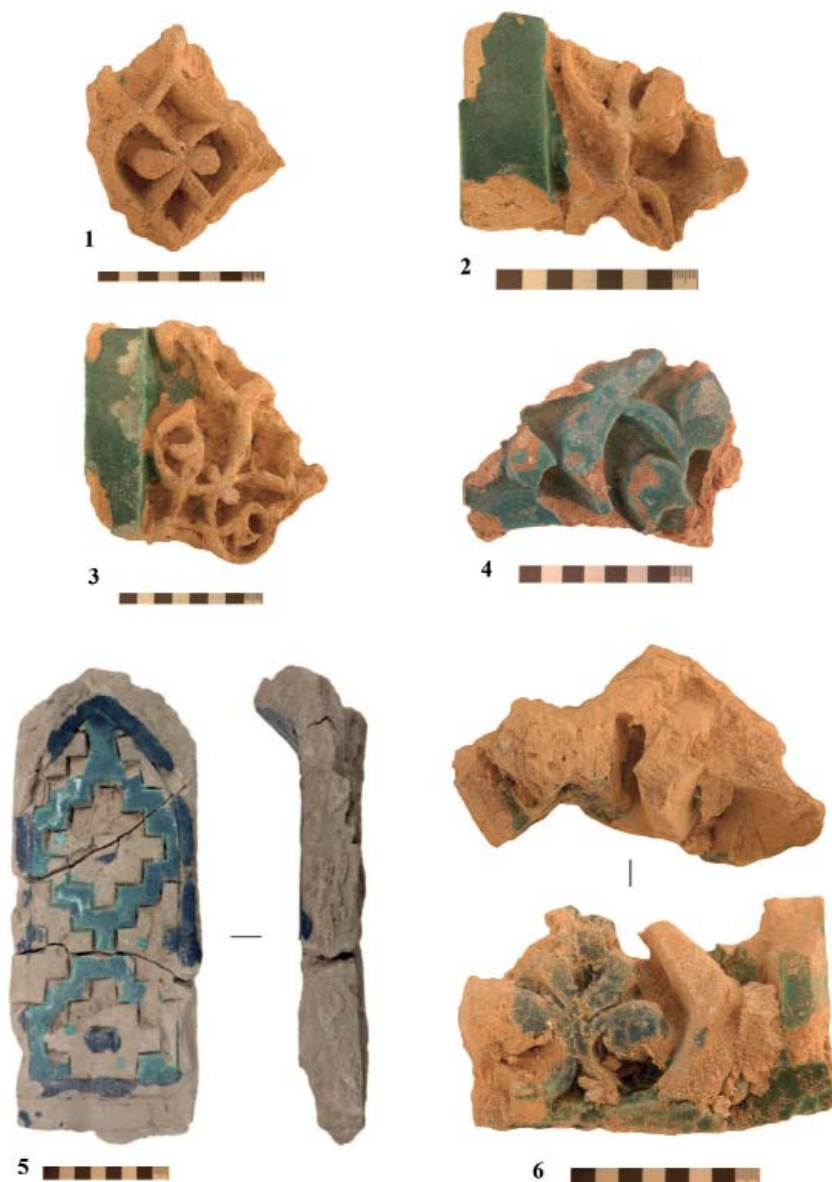

Рис. 9. Мавзолей № 1. Резная терракота.

Fig. 9. Mausoleum No. 1. Carved terracotta.

ческого изделия, но покрытые сплошной глазурью.

Категория IV: плитчатая архитектурная керамика с подглазурной многоцветной росписью (майолика)

Группа 1. Майолика на глине.

Эта группа представлена незначительным количеством обломков плиток и бордюров, украшенных слабо рельефным подглазурным растительным орнаментом (рис. 10: 2). В оформлении этих изразцов использовалась трехцветная полива, цвета белый, голубой, фиолетовый. Эта группа декора встречается в архи-

тектурных памятниках средневекового Хорезма домонгольского периода (Нильсен, 1956, с. 107).

Группа 2. Майолика на кашине.

Эта группа представлена большим количеством фрагментов, размеры которых не позволяют восстановить орнаментальные сюжеты целых изделий. Однако представленные образцы позволяют нам предложить предварительную типологию кашинных изразцов. Майолика на кашине подразделяется на два основных типа: майолика с подглазурной росписью (тип А) и майолика с надглазурной росписью (тип Б).

Рис. 10. Мавзолей № 1. Фрагменты кашинных изразцов.

Fig. 10. Mausoleum No. 1. Fragments of kashin tiles.

Тип А – подглазурная роспись изделий.

Вариант 1 – плоские прямоугольные и многоугольные плитки, бордюры со скошенным краем, покрытые бирюзовой поливой (рис. 10: 1).

Вариант 2 – плитки с рельефным растительно-геометрическим орнаментом с подглазурной полихромной росписью; цвета белый, черный, синий, голубой (рис. 10: 3–5).

Тип Б – надглазурная роспись изделий. Этот тип представлен небольшим количеством мелко фрагментированных кашинных плиток с растительно-геометрическим орнаментом (рис. 10:

6–11). Майолики выполнены в единой технике полихромной надглазурной росписи с позолотой. Глухую непрозрачную глазурь синего или бирюзового цвета наносили на обожженную основу, создавая фон орнамента. После обжига черной, белой и красной красками наносился рисунок, после чего плитки вновь обжигались, и на них наносилась позолота.

Представленное короткое описание коллекции образцов строительного материала и архитектурного декора, полученных в ходе двухлетнего археологического исследования мавзолея № 1 ханского некрополя у пос.

Лапас Астраханской области, показывает высокий уровень инженерно-строительных технологий, применявшихся при строительстве мавзолея. Многообразие элементов декорирования здания мавзолея и его размеры говорят о высочайшем социальном статусе погребенного в нем представителя золотоордынской элиты.

Уже первое знакомство с представленной коллекцией строительного материала и архитектурного декора показывает нам истоки их проникновения на Нижнюю Волгу. Подобные строительные технологии и способы декорирования известны на многочисленных архитектурных памятниках средневекового Хорезма, где они активно развивались на протяжении XII–XIV вв. (Кдырнязов, 1989).

Наше исследование методов строительства, применявшихся в ходе создания мемориального комплекса, находится в самом начале и носит предварительный характер. Продолжение археологических раскопок мавзолея, безусловно, приведет к увеличению объема коллекции, появлению новых видов строительного материала и архитектурного декора и расширению ассортимента уже обозначенных типов. По мере накопле-

ния фактического материала изучение каждого типа, представленного выше, будет продолжено.

На настоящее время мы отмечаем следующие моменты:

– в ходе разбора руин мавзолея и отвалов кирпичного боя нами не встречены поливные изразцы на красной глине, характерные для Нижнего Поволжья в XIV в.;

– также не зафиксированы на раскопе купольные поливные изразцы на кашине, в обилии встречаемые на нижеволжских золотоордынских памятниках с монументальной архитектурой;

– не обнаружено наличие мозаичных плит на кашине, являющихся характерной находкой на золотоордынских городищах;

– отмечается преобладание жженых светлоглиняных шлифованных фасадных кирпичей и спаренных из них блоков; находки строительного материала этого типа на Нижней Волге ранее не зафиксированы;

– также на нижеволжских памятниках золотоордынской эпохи не встречались ранее изразцы-перемычки («бантики»), представленные на мавзолее № 1.

Примечания:

¹ Отчёт о проведенных в 2023 г. исследованиях находится в процессе написания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бездудный В.Г., Вафина Г.Х., Мирсияпов И.Ю., Овечкина Л.В., Пигарёв Е.М., Ситдииков А.Г.* Предварительные итоги исследований неконтактными методами Лапасского комплекса мавзолеев // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 314–325.
2. *Бездудный В.Г., Пигарев Е.М., Ситдииков А.Г.* Магнитометрические исследования памятников Золотой Орды Нижнего Поволжья // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 144–154.
3. *Денике Б.П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.: Изд-во Всесоюзной Академии Архитектуры, 1939. 228 с.
4. *Зарипова Г.Х., Овечкина Л.В., Пигарев Е.М., Ситдииков А.Г.* Исследование комплекса мавзолеев у с. Лапас Астраханской области с применением современных технологий // Археология и геоинформатика. Шестая международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2023. С. 40–41.
5. *Кдырнязов М.-Ш.* Материальная культура городов Хорезма XIII–XIV вв. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 176 с.
6. *Нильсен В.А.* Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. Ташкент: АН Уз

СССР, 1956. 157 с.

7. Пигарев Е.М., Ситдилов А.Г. Мавзольный комплекс у с. Лапас Астраханской области (из полевого дневника В.В. Дворниченко) // Поволжская археология 2023. № 2(44). С. 209–220.

8. Ситдилов А.Г. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс мавзольев у с. Лапас» в Харабалинском районе Астраханской области в 2022 г. в 2-х томах (раскоп 1). Казань, 2023 / Архив ИА РАН.

9. Уталиев С. Архитектурный декор памятников средневекового Хорезма (XII–XIV вв.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2013. 77 с.

10. Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2. Вып. I / Под ред. С.С. Краснодубровского. Саратов: Тип. Штерцер и К, 1889. С. 14–25.

Информация об авторах:

Зеленева Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneva@mail.ru

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник Учебно-научного археолого-этнологического центра (УНАЭЦ), Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

Сивицкий Максим Владимирович, старший научный сотрудник, Болгарский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Россия); m1213@mail.ru

Ситдилов Айрат Габитович, академик АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Сарбаев Маман Ктайбекович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории. Нукусский государственный педагогический институт имени Ажипхана (г. Нукус, Республика Узбекистан); nkspi_info@edu.uz

CONSTRUCTION MATERIALS OF THE MAUSOLEUM NO. 1 OF THE KHAN NECROPOLIS AT POS. LAPAS (PRELIMINARY ANALYSIS)

Yu.A. Zeleneva, E.M. Pigarev, M.V. Sivitsky, A.G. Sitdikov, M.K. Sarybaev

The authors present the latest information obtained during the archaeological research of the central mausoleum of the Golden Horde memorial complex, located near the village Lapas of the Astrakhan region. Within the scientific circle, the complex of mausoleums is associated with the burial place of the Juchid khans and representatives of the Golden Horde elite. The article gives a detailed description of the building material and architectural decoration used in the construction of the mausoleum. The analysis of the obtained samples of bricks and tiles allows us to propose their classification and typology based on the use of various materials and manufacturing techniques. The connection with architectural traditions and construction techniques of medieval Khorezm is traced. Based on the preliminary analysis, the prospects for further study of the construction technologies used in the creation of this unique architectural complex are outlined.

Keywords: architectural archaeology, Golden Horde, Khorezm, Lapas, mausoleum, tile, building material, architectural decor.

REFERENCES

1. Bezdudnyi, V. G., Vafina, G. Kh., Mirsiapov, I. Yu., Ovechkina, L. V., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 314–325 (in Russian).
2. Bezdudnyi, V. G., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 144–154 (in Russian).
3. Denike, B. P. 1939. *Arkhitekturnyy ornament Sredney Azii (Architectural ornament of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: "Vsesoyuznaya Akademiya Arkhitektury" Publ. (in Russian).
4. Zaripova, G. Kh., Ovechkina, L. V., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2023. In Korobov, D. S. (ed.). *Arkheologiya i goinformatika. Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy dokladov*

(*Archaeology and Geoinformatics. Sixth International Conference*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 40–41 (in Russian).

5. Kdy`rmiyazov, M.-Sh. 1989. *Material'naya kul'tura gorodov Xorezma XIII–XIV vv. (Material culture of the cities of Khwarezm in the 13th–14th centuries)*. Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).

6. Nil'sen, V. A. 1956. *Monumental'naya arkhitektura Bukharskogo oazisa XI–XII vv. K voprosu o vznikenii srednevekovoy arkhitektury v Sredney Azii (The monumental architecture of the Bukhara oasis of the 11th–12th centuries. On the question of the emergence of medieval architecture in Central Asia)*. Tashkent: "Academy of Sciences of the Uzbek SSR" Publ. (in Russian)

7. Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 44 (2), 209–220 (in Russian).

8. Sitdikov, A. G. 2023. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh raskopok na territorii ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Kompleks mavzoleev u s.Lapas» v Kharabalinskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2022 g. v 2-kh tomakh (raskop 1) (Report on archaeological excavations on the territory of the cultural heritage site of federal significance "Complex of mausoleums at the village of Lapas" in Kharabali district of Astrakhan region in 2022 in 2 volumes (excavation 1))*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

9. Utaliev, S. 2013. *Arkhitekturnyy dekor pamyatnikov srednevekovogo Khorezma (XII–XIV vv.) (Architectural decoration of medieval Khwarazm sites (12th–14th centuries))*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.

10. Chekalin, F. F. 1889. In Krasnodubrovskiy, S. S. (ed.). *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* vol. 2, iss. I. Saratov: "Tip. Shtertser i K" Publ., 14–25 (in Russian).

About the Authors:

Zelenev Yury A. Doctor of Historical Sciences, Head of the Department. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; y_zelenev@mail.ru

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Sivitskiy Maxim V. Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarov St., 67, Bolgar, 422840, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; m1213@mail.ru

Sitdikov Airat G. Academician of the TAS. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Sarybaev Maman K. Doctor of Historical Sciences, Professor. Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyaz. A. Dustnazarov ko'chasi, 104-uy. Nukus, Republic of Uzbekistan; nkspi_info@edu.uz

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

СТИЛЬ И ФОРМА БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ НАМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ: ЕДИНСТВО И СВОЕОБРАЗИЕ¹

© 2023 г. Д.Г. Мухаметшин

Установка намогильных памятников не является обязательным элементом мусульманской погребальной культуры. Однако это явление широко распространено среди татарского народа. Возникшая в древности традиция сохраняется и поныне. В данной статье рассматриваются типы намогильных сооружений и памятников. Большое место в статье отведено арабографическим булгаро-татарским намогильным памятникам XIII – первой трети XX вв. На основании анализа формы, орнамента, стилистических особенностей письма выделяется круг эпитафий, объединенный определенными параметрами и единой территорией для XIII–XIV, XV–XVI, XVII–XVIII вв. Для памятников XIX–XX вв. выделение особенностей памятников связано с мастерами резьбы по камню. Дальнейшее изучение погребальных памятников, включая намогильные сооружения-мавзолеи, с одной стороны, и структуру текста, язык эпитафий, с другой, позволит выделить особенности внешней стороны погребального обряда отдельных регионов проживания татарского населения.

Ключевые слова: археология, эпиграфические памятники, татарские (мусульманские) кладбища, намогильные сооружения, эпитафии, форма памятника, мавзолеи, Волго-Камье, Касимов.

Традиция установки камней на могилах предков – очень древняя традиция. Она характерна для древних тюрков, домусульманских арабов, местных финно-угорских племен. В качестве примеров можно привести тюркские рунические памятники Сибири, ананьинские стелы Поволжья, арабографические эпитафии Аравийского полуострова.

Возникновение традиции установления намогильных камней в Среднем Поволжье и Приуралье связано с социально-политическими и этнокультурными изменениями, произошедшими в середине XIII века в Среднем Поволжье. Бывшая Волжская Болгария, как и другие оседлые области, такие как Хорезм, Крым, наряду с Дешти-Кыпчаком вошли в состав вновь образованной империи Золотая Орда. Город Болгар, бывший первоначально, в 30–40-х гг. XIII века, ставкой хана, фактически превратился в столицу Золотой Орды. Переселение значительного количества тюрк-

ских народов с территории Средней Азии в Волго-Камье, официальное принятие ислама ханом Берке, дальнейшее укрепление связи с Туркестаном (Хорезм) явились катализатором в возникновении традиции установки камней.

Нисколько не нарушая традиции, мастера-камнерезы и писцы вносят этнокультурные особенности регионов. Они ярче проявляются в периферийных районах, нивелируются в Болгаре и других крупных городах.

У современного татарского народа для обозначения намогильных камней общепринятым термином является название «кабер-таш» – «намогильный камень». Данный термин характерен и для других регионов, в которых проживают тюркоязычные народы. В Самарканде и его окрестностях намогильная плита называется «кабр-таш» (Поляков, Черемных, 1975, с. 264). Крымские татары вертикально стоящие намогильные камни называют «кабр-таш» (Червонная,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации в форме субсидий в рамках проекта № 075-15-2020-786 «История письма в европейской цивилизации».

1997, с. 10).

В татарском разговорном языке сохранились названия «ташбилге» – каменный знак, «тораташ» – каменное изваяние, «сынташ» – каменная баба, диалектное обозначение «таш башбата» (Материалы, с. 83, № 180). На многих болгарских, татарских эпиграфических памятниках название памятника отмечено термином «зиярат» – место погребения. В современном татарском языке «зиярат» – кладбище.

На эпитафиях XIII–XIV вв. широко распространен термин «балук» – надмогильный знак, памятник. Данное слово можно сопоставить с протоболгарским словом «белюх» (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 15). Термин «балук» возрождается на эпитафиях XVII–XVIII веков в формах «балук» (Н. Ура, Чишма, Чишминский р-н Республики Башкортостан), «билге» (Максабаш, Арский р-н РТ), «билик» (Тура, Чишма, Чишминский р-н Республики Башкортостан).

На памятнике из Болгар (Мухаметшин, 2021, с. 145, № 15) зафиксирован оригинальный термин «галямат» – знак. Памятник написан полностью на арабском языке, дата отсутствует. По своему оформлению и палеографии надписи памятник датируется концом XIII в.

На одной из эпитафий из Болгар (Юсупов, 1960, табл. 38) зафиксирован термин «алп битик» – большая надпись. Данный памятник отличается своим вертикальным расположением строк. Другой подобный памятник находится в экспозиции Музея Болгарской цивилизации (рис. 1: 1).

Зарождение и развитие тюркоязычной эпиграфики в Волго-Уральском регионе является своеобразным феноменом в истории. На сегодняшний день науке известно более 400 эпитафий XIII–XIV вв.

На древних кладбищах обращает на себе внимание своеобразное оформление надмогильной насыпи.

В правобережье Волги распространено оформление границы могилы рваными большими камнями, добываемыми на местах. Некоторые из них достигают одного метра и более. Над могилой насыпается привозной грунт, и в отдельных случаях насыпь могилы превращается во внушительное сооружение. У изголовья в обязательном порядке ставится большой необработанный камень без надписи. Ареал распространения данной традиции широк: село Старая Кулатка Старокулаткинского района Ульяновской обл. на востоке, село Средняя Елюзань Чадаевского района Пензенской обл.

Ограждение могилы камнями имело и чисто практическое значение. Это дает возможность не нарушать могилы, что нередко случается с течением времени при отсутствии наружного знака. Могилы с каменными ограждениями занимают больше места, поэтому кладбище быстрее заполняется и население вынуждено открывать новые кладбища. В селе Старая Кулатка Ульяновской области, не считая могилы святого, четыре кладбища, и практически все расположены внутри села.

Традиция ограждения могилы камнями, вероятно в XIX веке, начала уступать новым традициям – общемусульманским канонам, внесенным мусульманскими духовными деятелями. В селе Тат. Шмалак Павловского района Ульяновской области могилы, расположенные рядом, оформлены по-разному. Более выпукло этот процесс наблюдается в селе Зимница Старокулаткинского района Ульяновской области. На кладбище, где погребены ишан Хабибулла Шамсуаров, его семья и приближенные, традиция ограждения могилы камнями отсутствует, а на сельском кладбище она наблюдается.

Такая обкладка могильной насыпи необработанными камнями местными жителями, возможно, рассматрива-

Рис. 1. 1 – эпитафия с вертикальным расположением строк. XIV в.; 2 – закладная доска. Зимница. 1900 г.; 3 – сруб на могиле. Малое Русаково; 4 – обкладка могилы и эпитафический памятник. Имянле Буртас.

Fig. 1. 1 – epitaph with vertical arrangement of lines. 14th century; 2 – mortgage board. Zimnitsa. 1900; 3 – log cabin on the grave. Maloye Rusakovo; 4 – grave cover and epigraphic site. Imyanle Burtas.

лась как мавзолей. В Татарстане (Азнакаевское кладбище) необработанные камни ставили в кладку, которую можно рассматривать как стену мавзолея. На этих камнях ставили и закладную доску, например, на кладбище села Зимница Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. (рис. 1: 2). Она по своим размерам (6×50×43 см) не отличается от ранних закладных досок, например из мавзолея Шах-Али г. Касимова Рязанской обл. Закладная доска из Зимницы принадлежит имаму второй махаллы села Зимница Ибрахиму бин Салиху (1837–1900).

Широко были распространены де-

ревянные срубы-чардуганы, ограждающие могилу (Малое Русаково Кайбицкого р-на РТ) (рис. 1: 3).

Как было сказано выше, обкладывали края могилы природными необработанными камнями, а на некоторых из них устанавливали эпитафический камень (Имянле Буртас Кайбицкого р-на РТ) (рис. 1: 4).

С 70–80-х гг. XIII в. установка эпитафических памятников в Волго-Уральском регионе получает широкое распространение. На многих средневековых кладбищах и на более поздних, XVII–XIX вв. на могилах можно увидеть простые необработанные

Рис. 2. 1 – памятник с тамгой. Курганская обл. 1905 г.; 2 – классический тип памятников. Город Болгар. XIII–XIV в.; 3 – классический тип памятников. Город Болгар. 684 г.х. /1285 г.; 4 – Эпитафия периода Казанского ханства. Верхнее Кибя-Кози.

Fig. 2. 1 – monument with a tamga. Kurgan region, 1905; 2 – classic type of monuments. Bolgar. 13th–14th centuries; 3 – the classical type of monuments. Bolgar. 684 AH / 1285 CE; 4 – epitaph of the period of the Kazan Khanate. Verkhneye Kibya-Kozi.

и обработанные под определенную форму камни. Редко с тамгами. Датировать такие камни можно только в комплексе с находящимися рядом памятниками с надписью с точной датировкой. Встречаются кладбища, состоящие только из камней без надписи. Например, Ургагарское кладбище Алькеевского р-на РТ. Подобные кладбища нужно связывать периодом позднего Средневековья, когда территорию Западного Закамья вторично осваивает татарское население и основываются современные татарские населенные пункты.

В отдельных случаях на камнях ставятся родовые тамги. Хотя нам известны единичные тамги на камнях из золотоордынского города Болгар, в дальнейшем тамги не получили распространения. Кстати, тамги на Болгарских памятниках, учитывая, что они вырезаны на нижней части камня, принадлежат мастеру-резчику по камню. Тамги отсутствуют на памятниках периода Казанского ханства и на камнях XVII – первой половины XVI-II вв. Только на рубеже XVIII–XIX вв.

отдельные камни с родовыми тамгами можно встретить в Пензенской, Самарской, Ульяновской, Курганской областях (рис. 2: 1). Камни с тамгами широко распространяются в Оренбургском крае, например, в Троицке (Усманов, 2011, с. 19, 21, 23, 36, 49, 63, 75, 85, 93, 101, 102, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 126, 129, 221, 222, 225, 226). Все эти камни датируются XIX в. По времени они совпадают с тамгами на метрических книгах татар.

В XIX – начале XX вв. камни с тамгами устанавливались на могилах татар-кряшен (Молькеево) и чувашей-язычников (Ахметзянов, 2000, с. 76 и след.).

Камень с начерченным знаком зафиксирован в с. Старый Атлаш Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.

На татарских кладбищах встречаются хорошо обработанные камни без надписи (Чистопольское кладбище РТ). Данные памятники нужно рассматривать как заготовки, по каким-то причинам оказавшиеся в качестве памятника на могиле.

Классические эпиграфические па-

мятники XIII–XIV вв. представляют собой плоский параллелепипед с прямоугольным верхом. Они устанавливаются в землю, для чего 1/5, иногда 1/4 часть длины камня остается необработанной. Эти памятники – произведения профессиональных резчиков по камню города Болгар. Надписи на них – рельефный или углубленный, четкий, красивый почерк сульс или куфи. Такие памятники встречаются на всей территории Булгарского улуса. Для болгарских памятников характерна стрельчатая или килевидная арка, образующая тимпан, где располагаются изречения из Корана или розетка (Мухаметшин, 2021, с. 132, № 1, с. 143, № 13) (рис. 2: 2, 3). В восточных районах Предкамья, Чистополя и округи наблюдается закругленность углов верхней части камня. Памятники отдельных регионов выделяются своей орнаментацией: восточные районы композицией из трех розеток. А для Кирменско-Джукетауского региона характерна своеобразная многолепестковая розетка (Мухаметшин, 2021, с. 119, рис. 4).

Широко распространены классические памятники периода Казанского ханства в виде плоского параллелепипеда со стрельчатым верхом. В тимпане растительный орнамент, по бордюру «виноградная лоза» (Мухаметшин, 2021, с. 125, рис. 12) (рис. 2: 4). Этот тип памятников продолжает существовать и в XVII, даже в начале XVIII в. (Юсупов, 1960, табл. 75).

В XVII в. распространяется новый тип эпитафий с полукруглым верхом, в тимпане – растительный орнамент с бутоном в центре композиции (Мухаметшин, 2021, с. 129). Наиболее ранние эпитафии данного типа изготовлены резчиком по камню Ишмухаммедом бин Ишманом. Далее его сыном и, возможно, другими мастерами, например эпитафия 1681 г. в с. Рысово Агрызского р-на РТ (Марданов, Хадиев 2008, с. 77). Эти

памятники можно увидеть и в начале XVIII в. (пос. Чишма Чишминского р-на Республики Башкортостан). Территориально они занимают правобережные районы р. Камы Республики Татарстан и левобережье р. Белой до среднего течения реки.

В конце XVII в первой половине XVIII в. на пограничных территориях Чувашии и Республики Татарстан появляется группа эпитафий с геометрическим орнаментом. На плохо обработанной поверхности этих памятников надпись выполнена врезанным некаллиграфическим почерком (рис. 3: 1). Эти немногочисленные памятники, скорее всего, вырезаны одним мастером. На двух эпитафиях из д. Новое Буяново Шемуршинского, с. Новочелны-Сюрбеево Комсомольского районов Чувашии указаны имя мастера Бик-Пулада (Мухаметшин и др., 2012, с. 77).

Известно несколько своеобразных эпитафий XVII – первой половины XVIII в. с треугольной и округленной верхней частью. Поверхность камня не обработана, по бордюру – врезанная линия и неширокая орнаментальная полоса посередине текста (Салагыш Агрызского р-на РТ, 1658 г., см.: Марданов, Хадиев, 2008, с. 93) и Гайна-Ямаково Республики Башкортостан, 1149 г. х. – 1736/37 г., см.: Усманов, 2011, с. 210). Эти памятники объединяет еще и то, что дата на эпитафиях приведена и циклическим календарем «дунгыз елы» – год свиньи» и «таушкан елы» – «год мыши». Несомненно, эти памятники вырезаны рукой одного мастера.

Таким образом, после разрушения Казани мастера – резчики по камню в качестве эталона использовали высокохудожественные пышные эпитафии периода Казанского ханства. В дальнейшем на разных территориях проживания татарского населения возникли и эпиграфические памятники других типов, соответствующие

Рис. 3. 1 – Шигали. Чувашия. 1147 г.х./ 1734–35 г.; 2 – изображения «священных» предметов. Чистополь; 3 – эпитафия почерком насх. Бибаево Челны. 1900 г.; 4 – памятник в виде четырехгранного столба. Бигиево. 1878 г.

Fig. 3.1 – Shigali. Chuvashia. 1147 AH / 1734-35CE; 2 – images of “sacred” objects. Chistopol; 3 – epitaph in naskh's handwriting. Bibaevno Chelny. 1900; 4 – monument in the shape of a four-edged pillar. Begishevo. 1878.

реалиям времени – появлению новых центров экономической и духовной жизни татарского населения.

В конце XVIII – в начале XIX вв. мы наблюдаем появление эпитафических памятников на всей территории проживания татарского населения. Основная внешняя форма памятника остается прежней – это вертикально стоящая плоская плита прямоугольной, стрельчатой, треугольной,

полукруглой, закругленной формы. Отдельные памятники ставятся в паз каменного основания. Эпитафические памятники данной группы имеют орнаментацию, в основном растительного характера. Украшенные только геометрическим орнаментом памятники крайне редки. Изображение кумгана и тапочек на памятнике из Чистополя остается единственным изображением предметов на эпитафи-

ях (рис. 3: 2). Если принять во внимание, что в могиле похоронена жена мусульманина из Дагестана, это не удивительно. Многие памятники данной группы имеют красивый бордюрный орнамент, такое же оформление обратной стороны и боковых частей.

Памятники конца XVIII – начала XIX вв. многочисленны, выполнены различными мастерами, поэтому шрифт и почерки эпитафий различаются. Мастера, опытные, хорошо владеющие техникой резьбы по камню, использовали рельефный или углубленный шрифт почерком сульс или насх (рис. 3: 3). Одновременно эпитафии изготовляли местные, владеющие арабской графикой, знакомые с техникой резьбы по камню. Обычно они писали на необработанной поверхности камня врезанным некаллиграфическим почерком.

Имеются плоские плиты на постаменте с фигурной верхней частью. Надпись расположена в глубокой нише со стрельчатой аркой (Ядигар Кукморского р-на РТ (Хадиев, Марданов, 2014 с. 147, № XLVI-1)) или округленной аркой (Туешево, см.: Хадиев, Марданов, 2014, с. 123, № XXXVI-2; с. 73, № XX-3); Атнинский р-н РТ (Марданов, Хадиев, 2018, с. 383, № XXX-6; с. 245, № XVIIIг-2; с. 240, № XVIIIб-4; с. 46 № Ia-22; с. 34, № I-3; Хадиев, Марданов, 2021, с. 81, № XVIII-3). Бордюр отдельных памятников оформлен в виде фигурных столбов (Маскара Кукморского р-на РТ, см.: Хадиев, Марданов 2014, с. 79, № XXI-10; с. 80, № XXI-11).

Своеобразные плоские памятники с фигурной верхней частью с тремя шишками (Чалпы Азнакаевского р-на РТ, см.: Бурханов, Мухаметшин 2014, с. 169, рис. 84) отличаются большей шириной.

В XIX в. появляются эпитафии в виде восьмигранного, шестигранного или четырехгранного столба. Данные памятники характерны для Оренбург-

ской степи и Северного Казахстана. Однако более изящные эпитафии такого типа встречаются в Татарстане: с. Балтачево и Тирса Агрызского р-на РТ (Марданов, Хадиев, 2008, с. 26, 108; 2018, с. 272, № XX-10; с. 273, № XX-11; с. 190, № XII-11), Байкал Арского р-на РТ (Гайнутдинов 2016, с. 21, № 7), Бигиево Неверкинского р-на Пензенской обл. (рис. 3: 4).

Встречаются гранитные памятники в виде четырехгранных ступенчатых с надписью на всех четырех сторонах. Отдельные памятники из этой группы имеют навершие с полумесяцем. В основном они сосредоточены в Казани. В работе А.М. Гайнутдинова приводятся фото и описание 37 таких памятников из некрополя Старотатарской слободы (Гайнутдинов, 2023). Эпитафии поставлены купцам Бахтеевым, Апанаевым, Мишкиным, духовным деятелям Марджани, Ахмаровым, Кулахметовым и др. и членам их семей.

Такие же памятники поставлены в с. Пинделька Пензенской обл. Мухаммадрахиму Дебирдиеву (рис. 4: 1), в Чистополе Мухаммадзакиру ишану Камалову (рис. 4: 2), в Бурундуках Кайбицкого р-на РТ Гатаулле бине Габделваххабу Бурундуки, в Старом Тимошкино Барышского р-на Ульяновской обл. Бибигайши и Махбубджамал Акчуриным (Таиров, 2002, фототаблица).

Такие гранитные памятники обнаружены в Атнинском (Марданов, Хадиев, 2018, с. 405, № XXX-63), Балтасинском районах Республики Татарстан (Хадиев, Марданов, 2021, с. 94, № XVa-1).

Близкие по типу известняковые четырехгранные памятники без верхней части с надписью на всех четырех сторонах известны в с. Иж-Буби Агрызского р-на (Марданов, Хадиев, 2008, с. 52, № 28, с. 53, № 29).

Интересны известняковые памятники с шаровидной верхней частью с

Рис. 4. 1 – памятник М. Дебирдиеву. Пинделька; 2 – памятник Г. Камалову. Чистополь. 1893 г.; 3 – памятник жернов. Тат. Студенец. XIX в.; 4 – памятник жернов. Полевые Бикшики. XIX в.

Fig. 4. 1 – monument to M. Debirdiev. Pindelka; 2 – monument to G. Kamalov. Chistopol. 1893; 3 – millstone, used as gravestone. Tat. Studenets. 19th century; 4 – millstone, used as gravestone. Poleviye Bikshiki. 19th century.

надписью на всех четырех сторонах: Мамадыш Акилово Зеленодольского р-на РТ (Гайнутдинов, 2019, с. 75 № 6), с. Урмаево Комсомольского р-на Чувашии, пос. Красная Горка Нижегородской обл.

Известны случаи использования в качестве памятника половины мельничных жерновов. Визуальное изучение показывает, что эти жернова в определенный период использова-

лись по прямому назначению. К примеру, в д. Татарский Студенец Алькеевского р-на РТ (фото 20 рис. 4: 3), Ст. Атлаш Старокулаткинского р-на Ульяновской обл., Полевые Бишкики Батыревского р-на Чувашии (от ветряной мельницы) (рис. 4: 4). Надпись на жернове гласит: «После разрушения города Болгара Тамерланом (здесь приводятся имена четырех человек) основали села Полевые Биш-

Рис. 5. 1 – памятник деревянный. Иске Рязап. 1959 г.; 2 – намогильный желвак с надписью. Бездна. XIX–XX вв.; 3 – камень наutilus. XIX–XX вв.; 4 – памятник в виде ствола дерева. Иркутск.

Fig. 5. 1 – wooden monument. Iske Ryazap. 1959; 2 – inscribed gravestone. Bezdna. 19th–20th centuries; 3 – stone- *Nautilus pompilius*. 19th–20th centuries; 4 – monument in the shape of a tree trunk. Irkutsk.

кики». Сегодняшние исследования подтверждают мнение, что большинство населенных пунктов Предволжья и бассейна реки Свяги были основаны жителями закамских территорий Волжской Болгарии. Ручные жернова в оформлении могил можно наблюдать и на современном кладбище села Полевые Бишкики.

Семантика этой традиции не совсем ясна. Наличие болгарских жернов на погребениях золотоордын-

ского времени и периода Казанского ханства в Тат. Бурнаево Алькеевского р-она РТ, Тат. Айша Высокогорского р-она РТ показывает, что установка на могилах мельничных жерновов – это продолжение древних традиций. Круглые жернова лежат в основе возникновения традиции установления очень редких круглых намогильных камней с надписью, зафиксированных в с. Сокманы Агрызского р-на РТ (Марданов, Хадиев, 2008, с. 76, №

Рис. 6. 1 – антропоморфный памятник. Каргала. XIX в.; 2 – антропоморфный памятник с надписью. Индирка. Пензенская обл.; 3 – памятник в виде фаллоса. Индирка. Пензенская обл.; 4 – деревянный столб на могиле. Пензенская обл. XIX в.

Fig. 6. 1 – anthropomorphic monument. Kargala. 19th century; 2 – inscribed anthropomorphic monument. Indirka. Penza region; 3 – monument in the shape of a phallus. Indirka. Penza region; 4 – wooden pillar on a grave. Penza region. 19th century.

XVIII-3; с. 98, № XXI-7).

В качестве материала для намогильных памятников использовался доступный материал. Это может быть дерево (Иске Рязап Спасского р-она РТ (рис. 5: 1); Пускан Балтасинского р-она РТ, см.: Хадиев, Марданов, 2021, с. 89, № XXII-3), желвак вулканической породы (Бездна Дрожжановского р-она РТ) (рис. 5: 2), бетон (Бахтеевка Старокулаткинский р-она Ульяновской обл.), гранит.

Круглые камни вулканической породы без надписи или надписью краской зафиксированы только на кладбищах Дрожжановского р-на РТ. Внутри разрушенных камней встречаются отпечатки наutilus (рис. 5: 3). Форма деревянных, гранитных и бетонных памятников такая же, как у известняковых эпитафий в виде плоского параллелепипеда.

Оригинальные памятники в форме ствола дерева выявлены в Иркутске

(рис. 5: 4).

Отдельные памятники из столбообразных эпитафий носят антропоморфный характер (рис. 6: 1). Некоторые из них имеют надписи (рис. 6: 2).

Нет объяснения памятнику в виде фаллоса из с. Индирка Сосновоборского р-на Пензенской области (рис. 6: 3). Памятник стоит на кладбище рядом с другими обычными памятниками. В связи с отсутствием небольшой возвышенности над могилой погребенного можно говорить, что данный памятник стоит не на могиле погребенного. Вероятно, этот знак указывает, что погребенные на этом участке кладбища – люди одного рода. Установление деревянного столба на кладбище, также не на могиле, говорит о том же (рис. 6: 4). В связи этим надо упомянуть и о памятнике из Чистополя, надпись которого состоит только из суры «Фатиха»; не приведены ни имя погребенного человека, ни дата (рис. 7: 1). Памятник также является знаком-разделителем для отдельной территории кладбища.

О тонкой квадратной плите из Зимницы Ульяновской обл. было сказано выше, ее можно рассматривать как закладную доску мавзолея.

Установление мавзолеев над умершими людьми характерно для болгарского, далее татарского населения Волго-Уралья. Булгарские мавзолеи XIII–XIV вв. сохранились в городе Болгаре, в поселке Чишма в Башкортостане; мавзолеи Казанского ханства по археологическим материалам известны в Казани, на Балынгузе близ Биляра Алексеевского р-на РТ. В г. Касимове Рязанской области сохранились мавзолеи Шах-Али и Афган-Султана XVI–XVII вв. Для всех этих мавзолеев характерно наличие окон и дверей. Внутри мавзолеев располагались намогильные камни. Если болгарские мавзолеи внутри имели вертикально стоящие эпитафии, то внутри касимовских мавзолеев XVI

в. мы видим памятники на специально сделанной подставке или горизонтально расположенные саркофаги, как в мавзолее Афган-Султана XVII в., хотя старопосадские намогильные камни не отличаются от казанских вертикально стоящих надгробий.

На Касимовские мавзолеи большое влияние оказали мавзолеи и находящиеся на нем намогильные памятники Бахчисарая (Крым). Характерным для данного типа памятников являются закладные доски, установленные на наружных стенах мавзолея.

На мавзолеех Шах-Али и Афган-Султана они расположены над входом. Закладная доска Шах-Али размером 120×45 см, имеет надпись: «Владелец и собственник этого здания Шах-Али хан, сын Аулияр Султана, по летоисчислению двадцать первого числа месяца рамазан девятьсот шестьдесят второго года». Вокруг рамки изречение из Корана, 2 сура, 255 аят. Текст закладной доски Афган-Султана несколько отличается: «В тысяча пятьдесят восьмом благословенного месяца рамазан в девятый день, в год мыши, сын Араб-Мухаммад хана Афган Мухаммад Султан отошел от сего мира. Над ним соорудила этот здание его супруга Алтын-Ханым, дочь Хаджим Султана».

На современном мусульманском кладбище г. Касимова сохранились три мавзолея конца XVIII – начала XIX вв. По архитектуре все они открытого типа, высотой 160–190 см, без дверей, с одним или двумя окнами. Мавзолеи построены из тщательно подогнанных известняковых плит. Мавзолеи № 1 и 3 с одной, № 3 с тремя закладными досками. Согласно тексту закладной доски, мавзолеи № 1 и 3 построены в 1793/94 и 1808 годах. На мавзолее № 2 имеется три закладные доски 1768/69, 1796/97 и 1839 гг. (Мухаметшин, 2004). Последний факт показывает, что строитель-

Рис. 7. 1 – памятный знак с сурой «Ихлас». Чистополь. XIX в.; 2 – безымянная усыпальница. Чистополь. XIX в.; 3 – памятник советской эпохи. Чистополь. 1927 г.; 4 – эпитафия латиницей. Чистополь; 5 – эпитафия на оборотной стороне изразца, 1945 г.; 6 – эпиграфический памятник 1939 г., на котором был установлен изразец.

Fig. 7. 1 – memorial sign with the surah “Al-Ikhlās”. Chistopol. 19th century; 2 – nameless shrine. Chistopol. 19th century; 3 – monument of the Soviet era. Chistopol. 1927; 4 – epitaph in Latin script. Chistopol; 5 – epitaph on the back of the tile, 1945; 6 – epigraphic monument of 1939, on which the tile was placed.

ство мавзолеев может не совпадать с датой закладных досок, т. е. мавзолеи могли быть построены в более раннее время.

Во второй половине XVII в. и в Волго-Уралье возрождается традиция установки над могилами фамильных мавзолеев открытого типа. Сохранившиеся мавзолеи относятся к XVIII в., точнее ко второй его половине. Например, кирпичный мавзолей Ибрагима Берескеви из с. Верхняя Береске Атнинского р-на РТ с намогильным камнем 1198/1785 г. внутри (Ахметзянов, 2011), мавзолей Изнияз бин Ширнияз в с. Бакча Республики Башкортостан (Усманов, 2011, с. 206).

Такой же памятник – мавзолей Габ-

делгаффара Нажарый с намогильным камнем внутри известен в Агрызском р-не РТ. В XIX в. данная традиция широко распространяется. Основание такого же кирпичного мавзолея сохранилось в с. Усали Мамадышского р-на РТ (Хадиев, Марданов, 2015, с. 13), основание каменных мавзолеев – в с. Буралы Азнакаевского р-на РТ. Данные мавзолеи открытого типа с вертикально стоящими намогильными камнями. Хотя на отдельных мавзолеях можно увидеть закладные доски. В с. Эстерлибаш Республики Башкортостан присутствуют две закладные доски. На западной стороне мавзолея одна закладная доска размером 118×81 см. с текстом в четыре

строки. Вторая закладная доска расположена на северной стороне мавзолея (Усманов, 2005, 1нче китап, с. 64). На территории Республики Татарстан установление закладных досок не распространено. Камни, установленные на углу развалин мавзолеев в с. Шамак Мамадышского р-на РТ 1187/1773 г. (Хадиев, с. 13), Тумутук Азнакаевского р-на РТ (Усманов, № 318=А), можно рассматривать как закладные доски. По своим размерам и характеру установки на каменном бугре высотой полтора метра доску на кладбище с. Зимница Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. также можно рассматривать как закладную.

На отдельных татарских кладбищах сохранилось несколько мавзолеев, например, на Чистопольском кладбище РТ.

Среди чистопольских мавзолеев хронологически самой древней является усыпальница, расположенная в средней части западной окраины II сектора. Время его сооружения, судя по находящемуся внутри него намогильному памятнику, относится к первой половине 1830-х гг. Внутри мавзолея обнаружен памятник супруге Ибрагима Ахметова Зубейде, умершей в 1832 г. в возрасте 48 лет.

Тюрбе Зубейды имеет размеры: длина фасадной и задней стены по 5,5 м, боковых стен – 4,7 м. Толщина стен составляет 0,55 м. Судя по размерам, усыпальница является родовой. В настоящее время объект находится в разрушенном состоянии: частично сохранились лишь две угловые колонны на задней восточной части и стены по уровню цоколя и фундамента.

Безымянная усыпальница меньшего размера: 4×3 м. Высота стен 1,5–1,6 м. На задней стене имеется прямоугольный проем для входной двери; на передней стене два, на боковых стенах по три оконных проема с арочным верхом (рис. 7: 2).

Из усыпальниц Чистопольско-

го кладбища лучше всех сохранился мавзолеем шейха Мухаметзакира Камалова (1818–1893 гг.). В начале 2010-х годов памятник был отреставрирован. Размеры мавзолея 3,25×4,7 м. Высота кирпичной стены 0,65 м, колонн – 1,9 м. Над кирпичной стеной между колоннами установлены ажурные металлические решетки. С восточной стороны имеется калитка для входа внутрь усыпальницы.

Бескупольные мавзолеи характерны и для других тюркских народов. В качестве примера можно назвать казахстанские саганатамы XIX – начала XX вв.

Советский период не внес существенных изменений в традицию установления намогильных памятников. Несмотря на воинствующий атеизм, господствовавший с середины 1920-х годов, продолжает существовать традиция, заложенная в глубокой древности. Основной формой памятников остаются вертикально стоящие плоские плиты. Одним из элементов, внесенных в эпиграфику Октябрем, является «серп и молот» (Гайнутдинов, 2023, с. 477, № 41) и герб СССР (рис. 7: 3). Форма данного памятника, поставленного двухлетнему малышу, повторяет форму гранитных ступенчатых памятников и показывает глубокое проникновение в умы населения идеи коммунизма.

С принятием латинской графики на короткое время появляются отдельные эпитафии латиницей (рис. 7: 4), но подавляющее большинство эпитафий пишется арабской графикой, привычной для татарского населения, которое не забывало, что этой графикой была написана священная книга мусульман Коран.

Написание эпитафии на оборотной стороне изразца (1945 г.) и установление его на эпиграфическом памятнике 1939 г. остается загадкой и пока не выявится другой такой памятник, строить какие-то гипотезы по этому

поводу преждевременно (рис. 7: 5, 6).

Количество намогильных камней с арабской графикой в середине 30-х гг. XX столетия резко сокращается. Повсеместно появляются сначала деревянные, позже металлические пирамиды со звездой с именем покой-

ного. Сегодня арабографические эпиграфические памятники переживают период второго рождения. Используя различные материалы: мрамор, гранит, известняк, металл и композитные материалы, – современные мастера продолжают эту древнюю традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Әхмәтҗанов М.И.* Үлгәннәрнең каберен бел: Әлмәт төбәге эпиграфик истәлекләре. Казан: Мәгариф, 2000. 159 б.
2. *Әхмәтҗанов М.И.* Татар дөрбәләре тарихына // ТА. 2004. № 1–2 (10–11). С. 137–167.
3. *Әхмәтҗанов М.И.* Бәрәскә төрбәләре // Татарская археология. 2011. № 1–2 (20–21). С. 218–222.
4. *Бурханов А.А., Мухаметшин Д.Г.* Древности Азнакаевского региона // Серия “Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций Евразии”. Вып. 14 / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Яз, 2014. 171–180 с.
5. *Гайнетдинов А.М.* Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәрҗәни исемдәге Тарих институты, 2016. 456 б.
6. *Гайнетдинов А.М.* Яшел Үзән районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәрҗәни исемдәге Тарих институты, 2019. 226 б.
7. *Гайнетдинов А.М.* Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпиграфик истәлекләре. Казан: Конверс, 2023. 800 б.
8. Материалы по татарской диалектологии / Отв. ред. М.З. Закиев, Д.Б. Рамазанова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. 131 с.
9. *Мәрданов Р.Ф., Гадиев И.Г.* Әгерҗе төбәгенең ташъязма истәлекләре / Татар эпиграфикасы сериясе. 1 нче китап. Казан: Тамга, 2008. 148 б.
10. *Мәрданов Р.Ф., Гадиев И.Г.* Этнә төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: Татар кит. нәшр., 2018. 595 б.
11. *Мухаметшин Д.Г.* Отчёт об исследовании мавзолеев и эпиграфических памятников города Касимова. 2004 / Научный архив БГИАМЗ.
12. *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Хузур – Спокойствие, 2021. 152 с.
13. *Мухаметшин Д.Г., Михайлов Е.П., Иванов В.Н. (Алмантай).* Эпиграфические памятники Чувашии // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / Сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 70–79.
14. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Д.С.* Эпиграфические памятники города Булгара // Город Булгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 143–157.
15. *Поляков С.П., Черемных А.И.* Погребальные сооружения населения долины Заревшана // Домусульманские верования и обряды Средней Азии / Отв. ред. Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов. М.: Наука, 1975. С. 261–279.
16. *Таиров Н.И.* Акчурины. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 160 с.
17. *Усманов В.М.* Тарихый ядкәрләр. Икенче китап. Эстәрлетамак, 2005. 366 б.
18. *Усманов В.М.* Тарихый ядкәрләр. 4-нче китап. Бакча авылы, 2011. 190+243 б.
19. *Гадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф.* Кукмара төбәгенең ташъязма истәлекләре / Татар эпиграфикасы сериясе. 2 нче китап. Казан: Милли китап, 2014. 200 б.
20. *Гадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф.* Мамадыш төбәгенең ташъязма истәлекләре. Казан: Татар кит. нәшр., 2015. 199 б.
21. *Гадиев И.Г., Мәрданов Р.Ф.* Балтач төбәгенең ташъязма истәлекләре / Татар эпиграфикасы» сериясе; 5 нче китап. Яр Чаллы: «Ислам нуры» Дини-эшмәкәрлек Үзәге, 2021. 212 б.
22. *Червонная С.М.* Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // Татарская археология. 1997. № 1. С. 111–135.
23. *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: АН СССР, 1960. 322 с.

Информация об авторе:

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник» (г. Болгар РТ); djamil78@list.ru

**STYLE AND SHAPE OF BOLGAR-TATAR SEPULCHRAL MONUMENTS:
UNITY AND UNIQUENESS²**

D.G. Mukhametshin

The installing of sepulchral monuments is not an obligatory element of funeral culture in Islam. However, this phenomenon is widespread among the Tatar people. The tradition, which appeared in ancient times, still exists today. This article discusses the types of sepulchral structures and monuments. A large part of the paper is dedicated to the Bolgar-Tatar gravestones of the 13th– first third of the 20th century in Arabic script. Based on the analysis of the shape, ornament, and stylistic features of writing, a group of epitaphs is distinguished, united by certain parameters and a common area for the 13th–14th, 15th–16th, 17th–18th centuries. For the monuments of the 19th–20th centuries, the gravestone features are associated with the masters of stone carving. Further study of these monuments, including sepulchral structures – mausoleums, on the one hand, and the structure of the text, the language of epitaphs, on the other, will make it possible to identify the peculiarities of the funeral rite external side of certain regions, where Tatar people live.

Keywords: archaeology, name of the epigraphic site, cemetery, sepulchral structures, epitaphs, shape of the monument, mausoleums, Volga-Kama region, Kasimov.

REFERENCES

1. Akhmetzyanov, M. I. 2000. *Ylgannärneñ kaberen bel: Əlmät təbäge epigrafik istälekläre (Know the graves of the dead: epigraphic monuments of the Almetyevsk region)*. Kazan: “Məgarif” Publ. (in Tatar).
2. Akhmetzyanov, M. I. 2004. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (10–11), 137–167 (in Tatar).
3. Akhmetzyanov, M. I. 2011. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* 1–2 (20–21), 218–222 (in Tatar).
4. Burkhanov, A. A., Mukhametshin, D. G. 2014. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Drevnosti Aznakaevskogo regiona (Antiquities of the Aznakaevo region)* Series: *Vostok-Zapad: dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia)* 8. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 171–180 (in Russian).
5. Gaynetdinov, A. M. 2016. *Archa rayony epigrafik istälekläre (Epigraphic monuments of the Arsk district)*. Kazan: Sh. Mərxəni isemendəge Tarikh instituty (in Tatar).
6. Gaynetdinov, A. M. 2019. *Yashel Yzən rayony epigrafik istälekläre (Epigraphic monuments of Zelenodolsk district)*. Kazan: TR FA Sh. Mərxəni isemendəge Tarikh instituty (in Tatar).
7. Gaynetdinov, A. M. 2023. *Kazannuñ Yaña Tatar bistäse ziraty epigrafik istälekläre (Epigraphic monuments of the cemetery of the Novo-Tatarskaya Sloboda of Kazan)*. Kazan: “Konvers” Publ. (in Tatar).
8. In Zakiev, M. Z., Ramzanova, D. B. (eds.). 1978. *Materialy po tatarskoy dialektologii (Materials on Tatar dialectology)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 94–109 (in Russian).
9. Mardanov, R. F., Khadiev, I. G. 2008. *Əgerəçe təbəgeneñ tash"yazma istälekläre (Epigraphic monuments of Agryz district)*. Series: *Tatar epigrafikasy (Tatar epigraphy)* 1. Kazan: “Tamga” Publ. (in Tatar).
10. Mardanov, R. F., Khadiev, I. G. 2018. *Ətnə təbəgeneñ tash"yazma istälekläre (Epigraphic monuments of Atnya district)*. Kazan: “Tatar kit. nəshr” Publ. (in Tatar).
11. Mukhametshin, D. G. 2004. *Otchet ob issledovanii mavzoleev i epigraficheskikh pamyatnikov goroda Kasimova (Report on the study of mausoleums and epigraphic monuments of Kasimov)*. Scientific archive of the Bolgar Historical and Architectural Museum (in Russian).
12. Mukhametshin, D. G. 2021. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar epigraphic sites. Regional features and ethnic-cultural versions)*. Kazan: “Khuzur – Spokoystvie” Publ. (in Russian).
13. Mukhametshin, D. G., Mikhaylov, E. P., Ivanov, V. N. (Almantay). 2012. In Nikolaev, G. A. (ed.). *Volzhskaya Bolgariya (Bulgariya): etnokul'turnaya situatsiya i obshchestvennoe razvitiie: mate-*

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of subsidies within the framework of project No. 075-15-2020-786 "The History of writing in European civilization".

rialy nauchnogo seminara (Cheboksary, 13 aprelya 2011g.) (Volga Bulgaria (Bulgaria): Ethnocultural situation and social development: materials of a scientific seminar (Cheboksary, April 13, 2011)). Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 70–79 (in Russian).

14. Mukhametshin, D. G., Khakimzianov, D. S. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143–157 (in Russian).

15. Polyakov, S. P., Cheremnykh, A. I. 1975. In Snesev, G. P., Basilov, V. N. (eds.). *Domusul'manskie verovaniya i obryady Sredney Azii (Pre-Muslim beliefs and rituals of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 261–279 (in Russian).

16. Tairov, N. I. 2002. *Akchuriny (Akchuriny)*. Kazan: "Tatar. kn. izd-vo" (in Russian).

17. Usmanov, V. M. 2005. *Tarikhyy yadkärler. Ikenche kitap (Historical monuments. Book 2)*. Sterlitamak (in Tatar).

18. Usmanov, V. M. 2011. *Tarikhyy yadkärler. 4-nche kitap (Historical monuments. Book 4)*. Bakcha avyly (in Tatar).

19. Khadiev, I. G., Mardanov, R. F. 2014. *Kukmara töbägeneñ tash"yazma istälekläre (Epigraphic monuments of the Kukmor district)*. Series: Tatar epigrafikasy (Tatar epigraphy) 2. Kazan: "Milli kitap" Publ. (in Tatar).

20. Khadiev, I. G., Mardanov, R. F. 2015. *Mamadysh töbägeneñ tash"yazma istälekläre (Epigraphic monuments of the Mamadysh district)*. Kazan: "Tatar kit. nashr" Publ. (in Tatar).

21. Khadiev, I. G., Mardanov, R. F. 2021. *Baltach töbägeneñ tash"yazma istälekläre (Epigraphic monuments of the Baltasi district)*. Series: Tatar epigrafikasy (Tatar epigraphy) 5. Naberezhnye Chelny: "Islam Nury" Publ. (in Tatar).

22. Chervonnaya, S. M. 1997. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* (1), 111–135 (in Russian).

23. Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku (Introduction to the Bolgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Author:

Mukhametshin Dzhamil G. Candidate of Historical Sciences. Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarov St., 67, Bolgar, Russian Federation; djamil78@list.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ БОЛЬШЕПАМЪЯЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА В 2022 ГОДУ

© 2023 г. Б.С. Соловьев, П.С. Данилов, Р.А. Памеев

В статье рассматриваются результаты спасательных археологических работ на территории выявленного объекта культурного наследия «д. Большие Памъялы. Могильник», расположенного в Килемарском районе Республики Марий Эл. Исследования проводились археологической экспедицией Марийского государственного университета под руководством Б.С. Соловьева. Раскопки велись на территории прокладки коммуникаций к зданию строящейся школы. При строительстве часть памятника оказалась разрушена. Во время работ были обнаружены два мужских и два женских погребения, ориентированные на запад. В женских погребениях обнаружены украшения и детали женского костюма, характерные для марийской культуры. Мужские погребения сопровождаются бытовым инвентарем и орудиями труда. Во всех погребениях присутствовал нумизматический материал, достаточный для того, чтобы датировать могильник второй половиной XVIII в. Информация, полученная при исследовании могильника, является значимой для характеристики историко-культурных, религиозных и экономических аспектов жизни марийского населения в составе Российской империи.

Ключевые слова: археология, могильник, д. Большие Памъялы, Марийский край, вторая половина XVIII в., марийское население, костюм, украшения.

В декабре 2022 г. археологической экспедицией Марийского государственного университета под руководством Б.С. Соловьева были проведены спасательные археологические работы на территории выявленного объекта культурного (археологического) наследия «д. Большие Памъялы. Могильник» в Килемарском районе Республики Марий Эл.

Могильник был выявлен в ходе строительства школы. При проведении земляных работ строители обнаружили человеческие кости. С целью проверки полученной информации в октябре 2022 г. экспедиция Марийского НИИЯЛИ им. В.М. Васильева провела разведку на территории могильника, в ходе которой были определены границы памятника и зафиксированы разрушенные погребения. Также было установлено, что для предотвращения дальнейшего разрушения памятника необходимо организовать спасательные археологические работы (Никитина, 2022).

В ходе спасательных работ на территории памятника «д. Большие Памъялы. Могильник» были заложены два пересекающихся раскопа-

траншеи шириной 2 метра на месте проведения коммуникаций для школы (рис. 1). Общая площадь исследований составила 92 м². При проведении раскопок были обнаружены и исследованы четыре погребения и кенотаф (Соловьев, 2023).

Погребение 1 (рис. 2). Верхние контуры могильной ямы прямоугольной формы размером 60×187 см зафиксированы на глубине 22–23 см от дневной поверхности. Пятно могильной ямы ориентировано по линии запад – восток. Западная часть погребения оказалась разрушена при строительстве.

На глубине 46 см от дневной поверхности были зафиксированы остатки деревянной конструкции (гроба) прямоугольной формы размером 41×165 см, в которой находился костяк. Сохранившиеся деревянные стенки гроба имели толщину от 3 до 4 см.

На дне могильной ямы находился костяк в положении вытянуто на спине. Костяк был завернут в луб. Сохранившиеся лицевые кости обращены на север.

Справа от левой лучевой кости

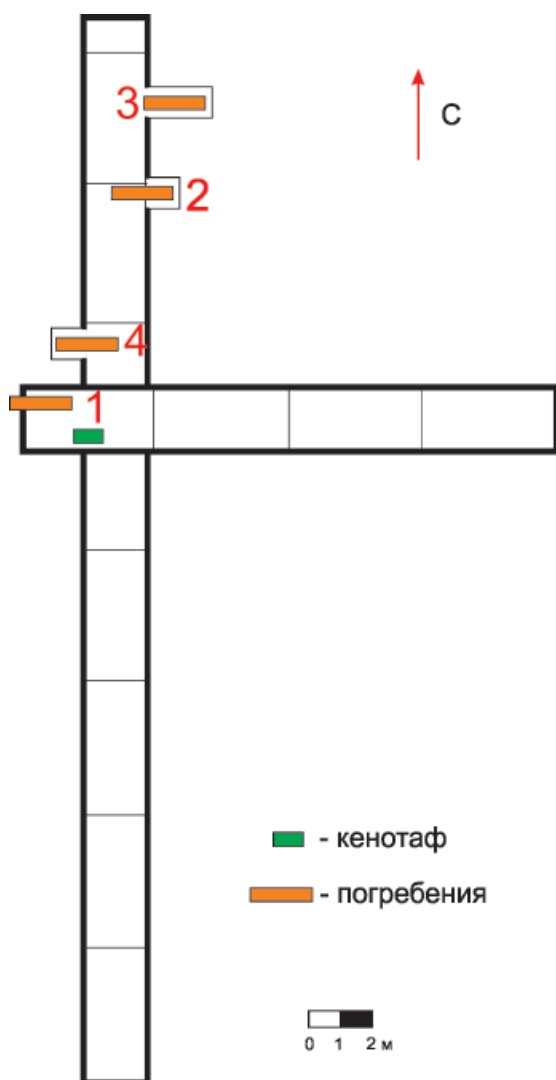

Рис. 1. План-схема раскопа.

Fig. 1. The excavation plan.

находился кованый железный нож размером 24,3×3,1 см с переходом от черенка к рабочей части. В области позвоночника была обнаружена бронзовая пуговица-бубенчик (рис. 3: 2). На верхней части правой бедренной кости стопкой были расположены монеты «ПЯТЬ КОПѢЕКЪ» 1781 г. и 1764 г. Между бедренными костями под тазом находился бронзовый перстень с орнаментированным плоским восьмиугольным щитком с растительным орнаментом (рис. 3: 1). Железный кованый топор с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края, и плоским обухом находился на нижней

части левой берцовой кости.

Погребальный инвентарь характеризует погребение как мужское.

Погребение 2 (рис. 4). Сохранившаяся часть могильного пятна шириной 63 см была обнаружена на глубине 37 см от дневной поверхности. Пятно ориентировано по линии запад – восток. Западная часть погребения (выше тазовой кости) оказалась почти полностью разрушена. На глубине 48 см были зафиксированы остатки деревянной конструкции (гроба), в которой находился костяк. Сохранившиеся деревянные стенки гроба имели толщину от 3 до 5 см.

На дне могильной ямы находился костяк в положении вытянуто на спине. В нетронутom положении сохранились часть черепа, лучевая и плечевая кости правой руки, кости таза и ног. Сохранившиеся лицевые кости обращены на север. Кости правой руки согнуты в локте. Ноги вытянуты, кости стоп не сохранились.

Исходя из того, что западная часть погребения оказалась почти полностью разрушена при строительстве, расположение находок в нём достаточно условно, так как они могли быть перемещены уже в ходе разрушения.

Слева от черепа находилось кожаное изделие треугольной формы размером 9×5 см, на одной из сторон которого находилось дополнение в виде полусферы с отверстием (рис. 5: 2). Вероятно, это изделие является частью такого головного убора, как венчик-повязка (Никитина, 2002, с. 90–92). Отверстие на изделии предназначено для крепления привесок. Украшена повязка была, по всей видимости, тремя монетами-«чешуйками» XVII вв., которые находились на кожаном изделии с отверстиями, через которые они крепились к головному убору (рис. 5: 4–6).

Там же, слева от черепа, находилась подвеска-сюльгама размером 3,4×2,4 см из белого металла, часть

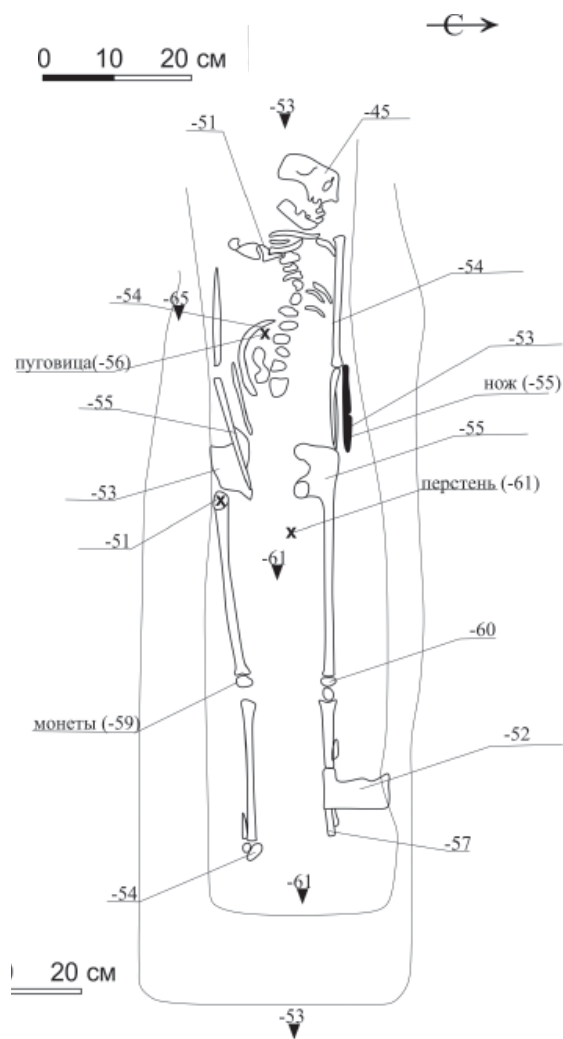

Рис. 2. План погребения 1.

Fig.2. Plan of burial 1.

сохранились два отверстия для крепления тканевых украшений, правая часть пластины с третьим отверстием сломана.

К правой части черепа прилегалo височное кольцо (рис. 5: 9). Височное кольцо выполнено из круглой в сечении серебряной проволоки диаметром 1,5 мм в виде вопросительного знака, длина проволоки 19 см. Стержень длиной 3 см обмотан меньшей в диаметре проволокой, посередине находится округлая в поперечном сечении бусина из полупрозрачного стекла, декор бусины выполнен в виде раковин каури. На конце стержня проволока загнута в кольцо для крепления нитки. По типологии Т.Б. Никитиной, височное кольцо относится к типу I, подтипу 2 (Никитина, 1992, с. 50–51). Такой тип височных колец был принадлежностью замужней женщины. Также Т.Б. Никитина описывает, как височные кольца использовались в марийском костюме: «Височные кольца большим концом крепились к голов-

нагрудного украшения (рис. 5: 1). Сюльгама была выполнена следующим образом: к трапециевидной пластине с задней стороны было припаяно полукольцо с застежкой. На центральной части подвески присутствует углубление для драгоценного камня, которое окружено лепестками либо лучами солнца, выполненными методом припайки. Остальную часть композиции составляют вырезанные зигзагообразные линии, которые можно интерпретировать как лучи солнца или воду. В нижней части пластины

Рис. 3. Инвентарь мужских погребений 1 и 4. 1 – перстень; 2 – пуговка бубенчик; 3 – перстень; 4 – монета XVII в. с отверстием.

Fig. 3. Inventory of male burials. 1 – ring; 2 – button bell; 3 – ring; 4 – coin with a hole of the XVII century.

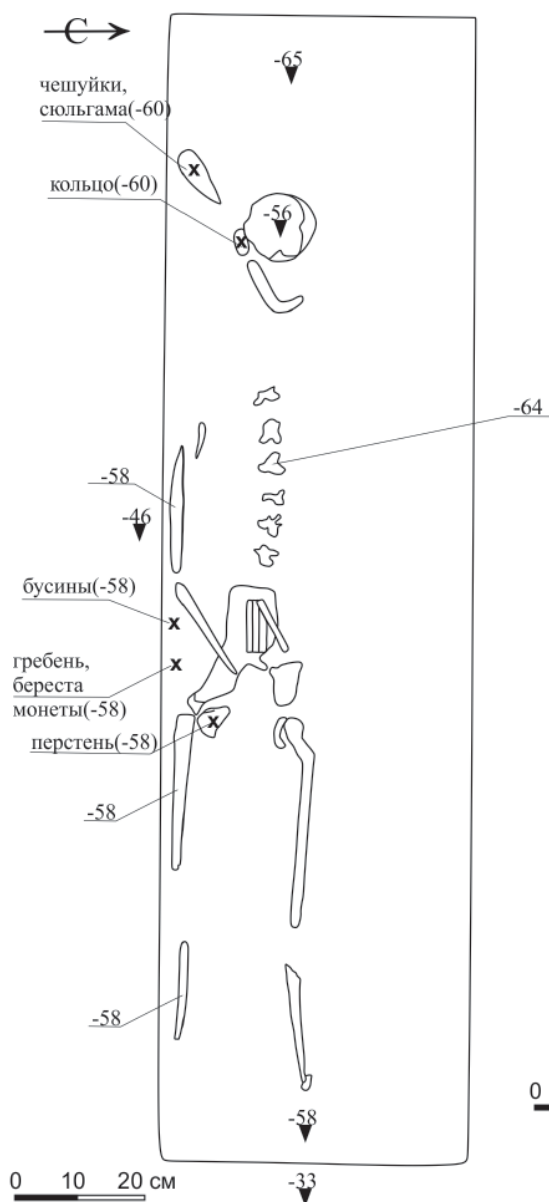

Рис. 4. План погребения 2.

Fig. 4. Plan of burial 2.

ному убору или к волосам, а к нижнему кольцу, загнутому в крючок, привязывалась нитка бус, бисера, монет, соединяющая оба украшения и опускающаяся на шею и грудь в качестве ожерелья» (Никитина, 1992, с. 52).

Слева от тазовых костей в борту погребения на бересте, которая является, по всей видимости, остатками коробочки с вещами умершего, находились: счетный жетон (рис. 5: 8); нечитаемая монета XVIII в.; монета 1768 г.; гребень для волос из цветного металла с девятью отверстиями

(рис. 5: 3); монета «ДЕНГА. 1754»; две монеты «ДЕНГА. 1749».

У костей правой руки был обнаружен комплекс бусин от 9 до 14 мм в диаметре из прозрачного, зеленого и синего стекла (рис. 5: 10). Исходя из расположения, бусины были, скорее всего, частью нагрудного украшения.

В области таза и нижних костей позвоночника находилось украшение-назадник «юпинэ» (рис. 5: 11). Найденное юпинэ состояло из семи шнуров, каждый из которых был обернут в тростник. Тростник в свою очередь был обернут тремя обоймочками из бронзы. На кончиках шнуров находятся бронзовые привески. Все шнуры с обоймочками при обнаружении были обернуты в ткань и бересту. Юпинэ крепилось к поясу и служило оберегом (Никитина, 1992, с. 59).

Под тазом у правой бедренной кости находился бронзовый перстень размером 2,3×2,1 см с плоским овальным серебрянным щитком (рис. 5: 7).

Погребальный инвентарь характеризует погребение как женское.

Погребение 3 (рис. 6). Череп костяка был зафиксирован на глубине 35 см от дневной поверхности. Могильное пятно прямоугольной формы размером 46×180 см зафиксировано в восточной части погребения на глубине 50 см от дневной поверхности. Погребение ориентировано по линии запад – восток. На дне могильной ямы находился костяк в положении вытянуто на спине. Лицевые кости обращены на восток.

На черепе по одному с обеих сторон находились височные кольца (рис. 7: 2) размером 19 см, которые были соединены бронзовой цепочкой (рис. 7: 14) длиной 24,2 и толщиной 0,1 см. Височные кольца практически идентичны височному кольцу из погребения № 2, за исключением бусины на стержне, которая здесь отсутствует. Они также относятся к типу I, подтипу 2, и являются принадлежно-

Рис. 5. Инвентарь погребения 2. 1 – сьюльгама-подвеска; 2 – кожаное изделие; 3 – гребень; 4–6 – монеты XVII в. с отверстием; 7 – перстень; 8 – счетный жетон; 9 – височное кольцо; 10 – бусы; 11 – юпинэ; 12 – береста.

Fig. 5. Inventory of burial 2. 1 – sulgama-suspension; 2 – leather good; 3 – comb; 4–6 – coin with a hole of the XVII century; 7 – ring; 8 – counting token; 9 – temporal ring; 10 – beads; 11 – yupinэ; 12 – birch bark.

стью замужней женщины.

Слева от черепа и справа от тазовой кости находились комплекс бисера диаметром 0,3 см (рис. 7: 1) и фрагменты бусин (рис. 7: 8) диаметром 1 см – часть украшения, которое крепилось к височным кольцам.

Справа от правой плечевой кости и справа от левой бедренной кости находились пять монет-«чешуек» (рис. 7: 9–13) диаметром 1 см из серебра с отверстиями – часть нагрудного или головного украшения.

Слева от позвоночного столба находились подвеска-сьюльгама (рис. 7: 17). Подвеска из погребения № 3, в отличие от подвески из погребения № 2, была изготовлена из цельной металлической пластины. Подвеска украшена вырезанным растительным орнаментом. Композицию орнамента составляет цветок, окруженный геометрическими узорами. В нижней части подвески присутствуют два отверстия для крепления украшений. Сама сьюльгама изготовлена из

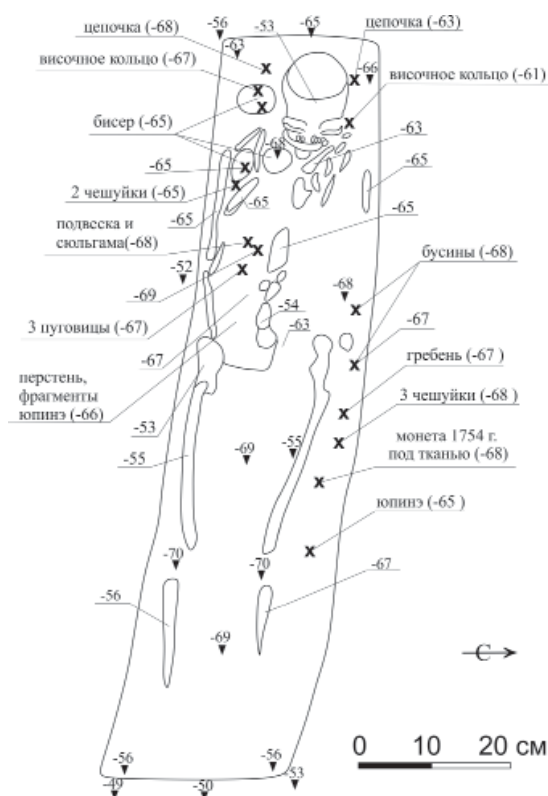

Рис. 6. План погребения 3.

Fig. 6. Plan of burial 3.

бронзы с серебрением. Украшена волнистым зубчатым орнаментом.

Также слева от позвоночного столба находились четыре пуговицы-бубенчика из бронзы (рис. 7: 4–7). Одна из пуговиц украшена продольными линиями, а её навершие выполнено в форме цветка.

Выше тазовой кости находилось украшение-назадник «юпинэ» (рис. 7: 16). В отличие от юпинэ из погребения № 2 юпинэ из этого погребения имеет большую сохранность. Юпинэ состоит из шести шнуров, обернутых тростником и длинными бронзовыми обоймочками длиной 9 см. Верхняя часть шнуров переплетена. На кончиках шнуров находятся бронзовые привески.

Здесь же находился неорнаментированный перстень (рис. 7: 15) размером 2×1,8 с плоским овальным щитком. На щитке присутствуют следы серебрения.

Справа от левой бедренной кости

находился гребень из бронзы, украшенный отверстиями различной формы. Ниже него находилась монета из белого металла «5 коп. 1769. спб» диаметром 1,3 см.

Погребальный инвентарь характеризует погребение как женское.

Погребение 4 (рис. 8). Пятно могильной ямы размером 145×50 см зафиксировано на глубине 45 см от дневной поверхности. Пятно было ориентировано по линии запад – восток. На глубине 47 см от дневной поверхности были зафиксированы остатки деревянной конструкции (гроба). Остатки конструкции присутствовали в бортах и посередине могильной ямы. Сохранившиеся деревянные части гроба имели толщину от 5 до 8 см. На дне могильной ямы находился череп, остальные кости не сохранились.

В северо-восточной части погребения находились кованый железный топор с широким симметрично расходящимся лезвием, косо срезанным у режущего края и плоским обухом и кованый железный нож с переходом от черенка к рабочей части. Южнее топорика находился перстень с плоским овальным щитком с серебрением вместо орнамента (рис. 3: 3).

В западной части погребения стопкой лежали девять монет «ДЕНГА» 1738, 1743, 1745, 1746, 1747, 1748, 1749, 1751, 1756 гг., южнее находилась монета-«чешуйка» с отверстием (рис. 3: 4).

Погребение № 4 по погребальному инвентарю определено как мужское.

Кенотаф. Кенотаф, обнаруженный на глубине 30 см от дневной поверхности, представлял собой подпрямоугольную яму глубиной 20 см без костей и инвентаря. На дне кенотафа находилась нечитаемая монета. Такие символические погребения характерны для марийских могильников.

Наиболее значимыми находками являются женские металлические

Рис. 7. Инвентарь погребения 3. 1 – бисер; 2 – височные кольца; 3 – гребень; 4–7 – пуговицы-бубенчики; 8 – бусы; 9–13 – монеты XVII в. с отверстием; 14 – цепочка; 15 – перстень; 16 – юпинэ; 17 – сьюльгама с подвеской.

Fig. 7. Inventory of burial 3. 1 – bead; 2 – temporal ring; 3 – comb; 4–7 – buttons-bells; 8 – beads; 9–13 – coin with a hole of the XVII century; 14 – chain; 15 – ring; 16 – yupine; 17 – sulgama with a pendant.

украшения и некоторые элементы костюма из погребений 2 и 3. Важность этих находок связана с тем, что элементы женского костюма являются этномаркирующим признаком. Также необходимо отметить, что расселение марийского населения на территории его современного проживания происходило компактными группами. Со временем социально-экономическая и политическая обстановка способствовала тому, что различные группы

марийского населения начинают все более изолироваться друг от друга (Никитина, 1992, с. 3; Иванов, 1995, с. 40) Изоляция, а также различие хозяйственно-культурных типов у марийского населения (земледелие у горных мари, охота у луговых мари) (Иванов, 1995, с. 29) приводят к различиям в материальной культуре марийского населения. Наиболее устойчиво эти различия отражаются в элементах одежды.

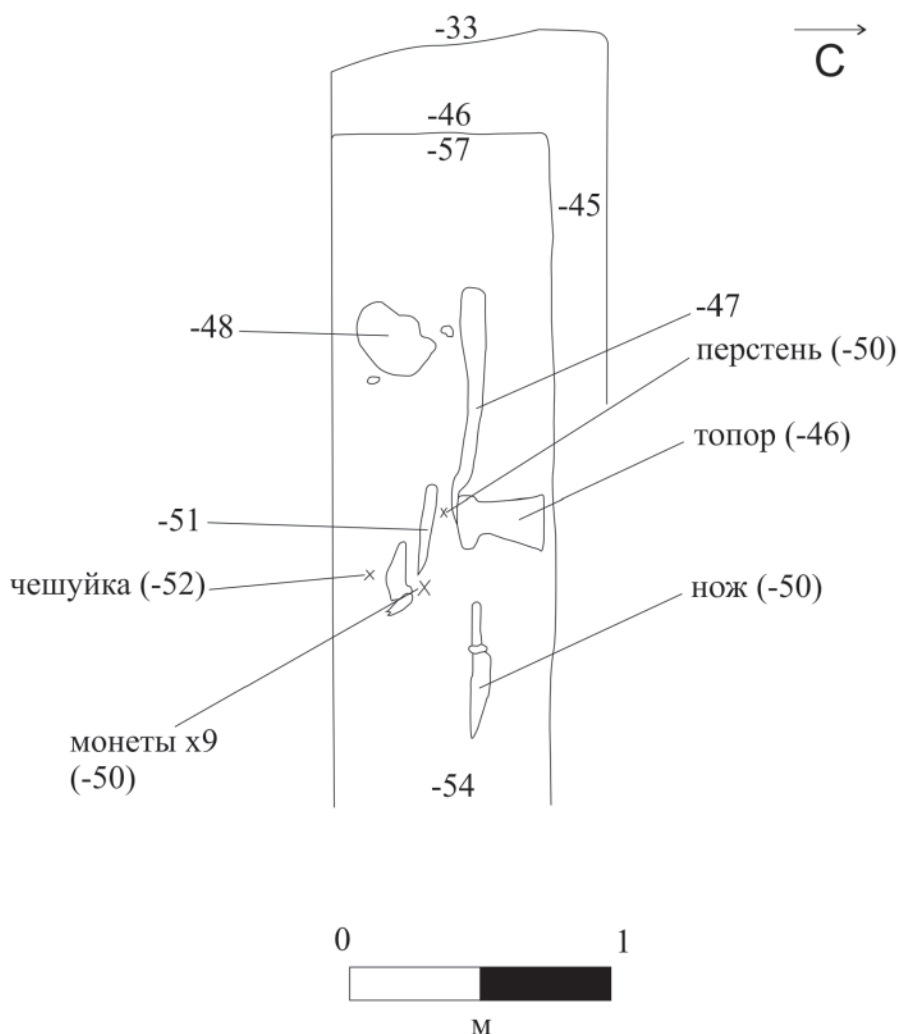

Рис. 8. План погребения 4.

Fig. 8. Plan of burial 4.

С присоединением Марийского края к Российскому государству начинается постепенная христианизация населения, что выразилось в погребальном обряде марийцев. Несмотря на это, исследованные погребения Большепамьяльского могильника сохраняют по большей части языческую обрядность. Исключение составляет только ориентация погребений на запад, в страну умерших, представление о которой появилось с началом христианизации (Никитина, 2002, с. 216).

Нумизматический материал (рис. 9) всех погребений дает возможность датировать памятник второй половиной XVIII в. Кроме того, дати-

ровка и количество монет середины XVIII в. говорят об устойчивых экономических связях местного населения с русским рынком в это время. Обмен продуктов натурального хозяйства на денежные средства требовался в первую очередь для выплаты ясака (Иванов, 1995, с. 26).

Весь комплекс находок и элементы костюма как этномаркирующий признак позволяют относить памятник к марийской культуре и датировать его второй половиной XVIII в. В этот период местное население уже было включено в орбиту российской экономики, но при этом сохраняло свою культурную и религиозную идентичность.

Рис. 9. Нумизматический материал XVIII в. из погребений 1–4.

Fig. 9. Numismatic material of the 17th century from burials 1–4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев Б.С. Отчет об спасательных археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «д. Большие Памъялы. Могильник» по Открытому листу № 3336-2022 от 01.12.2022 г. Йошкар-Ола / Архив УНАЭЦ МарГУ, 2023.
2. Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1995. 368 с.
3. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.
4. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
5. Никитина Т.Б. Отчет по открытому листу № 0472-2022 о выявлении объекта археологического наследия д. Большие Памъялы. Могильник / Архив МарНИИ, 2022.

Информация об авторах:

Соловьев Борис Степанович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Учебно-научный археолого-этнологический центр. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); sbs_unaec@inbox.ru

Памеев Родион Александрович, лаборант-исследователь. Учебно-научный археолого-этнологический центр. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); 1866rodion@gmail.com

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника. Учебно-научный археолого-этнологический центр. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pavel.s.danilov@mail.ru

INVESTIGATION OF THE BOLSHYE PAMYALY BURIAL GROUND IN 2022**B.S. Solovev, P.S. Danilov, R.A. Pameev**

The article discusses the results of rescue archaeological work on the territory of the identified object of cultural heritage "Bolshye Pamyaly village. Burial ground", located in the Kilemarsky district of the Republic of Mari El. The research was carried out by the archaeological expedition of the Mari State University under the leadership of B.S. Soloveyov. Excavations were carried out on the territory of laying communications to the building of the school under construction. During the construction, part of the archaeological site was destroyed. During the work, two male and two female burials were discovered, oriented to the west. Ornaments and details of women's costume characteristic of the Mari culture were found within women's burials. Male burials are accompanied by household equipment and tools. All the burials contained numismatic material sufficient to date the burial ground to the second half of the XVIII century. The information obtained during the study of the burial ground is significant for characterizing the historical, cultural, religious and economic aspects of the life of the Mari population in the Russian Empire.

Keywords: archaeology, burial ground, Bolshye Pamyaly village, Mari region, the second half of the XVIII century, Mari population, costume, decoration.

REFERENCES

1. Solovev, B. S. 2023. *Otchet ob spasatel'nykh arkhelogicheskikh issledovaniyakh na territorii vyyavlennoyo ob'ekta arkhelogicheskogo naslediya «d. Bol'shie Pam'yaly. Mogil'nik» po Otkrytomu listu № 3336-2022 ot 01.12.2022 g. (Report on open sheet No. 0472-2022 on the identification of the archaeological heritage site of the village of Bolshye Pamyaly. Burial ground)*. Yoshkar-Ola: Archive of Archaeological and Ethnological Center of Mari State University (in Russian).
2. Ivanov, A. G. 1995. *Ocherki po istorii Mariyskogo kraya XVIII veka (Essays on the history of Mari region of the XVIII century)*. Yoshkar-Ola: "Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th – Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
4. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkhelogicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
5. Nikitina, T. B. 2022. *Otchet po otkrytomu listu № 0472-2022 o vyyavlenii ob'ekta arkhelogicheskogo naslediya d. Bol'shie Pam'yaly. Mogil'nik (Report on open sheet No. 0472-2022 on the identification of the archaeological heritage site of the village of Bolshye Pamyaly. Burial ground)*. Yoshkar-Ola. Archive of Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

About the Authors:

Solovev Boris S. Candidate of Historical Sciences. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; sbs_unaec@inbox.ru

Pameev Rodion A. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; 1866rodion@gmail.com

Danilov Pavel S. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; pavel.s.danilov@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЧУВАШЕЙ XVI–XIX ВВ.

© 2023 г. М.И. Федулов

Анализ элементов погребального обряда чувашского народа проведён через статистическую обработку материалов могильников. Рассматриваются надмогильные сооружения, устройство ям, погребальный инвентарь и остатки традиционного костюма. Положение костяка детализируется в различных вариантах укладывания рук (вдоль тела, на тазу, животе, груди), редких отступлениях от вытянутого труположения на спине (скорченные, полуповёрнутые). Общечувашский традиционный обряд захоронения можно охарактеризовать наличием следующих элементов: неглубокие могильные ямы с отвесными стенками и ровным дном, вытянутое положение костяка, гроб или деревянная конструкция, бытовой инвентарь, носимые при жизни костюм и украшения, реже вещи, имевшие особое значение для умершего. Массово, не зависимо от пола и возраста, фиксируется наличие гроба или железного ножа, тогда как обломки серпа характерны для детских захоронений. Погребальный инвентарь является неотъемлемой частью обрядности всех этнографических групп чувашей. Среди культов широко распространены культ огня и лошади. Статистические данные позволяют установить частоту встречаемости отдельных элементов в разных могильниках, привязку к половозрастным группам захоронений.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, чуваша, XVI–XIX вв., традиционный погребальный обряд, инвентарь, украшения.

Погребальный обряд является одной из важных составляющих в археологической характеристике материальной культуры народов. Материалы погребальных комплексов помогают в решении сложных вопросов этногенеза, этнической истории, реконструкции ареала расселения и этнокультурных контактов.

Статистический анализ позволяет выделить общие и особенные черты могильников разных этнографических групп чувашей, охарактеризовать основные элементы погребальных традиций и инвентарь.

К настоящему моменту раскопками на территории Чувашии изучено более 40 средневековых могильников, относящихся к широкому хронологическому диапазону – XIV–XIX вв. Совокупность данных по всем могильникам представлена 1432 раскопанными погребениями. Исключив из этого числа два ранних могильника (123 погр. Кирегасьского и 44 погр. Большетаябинского) и южную (мордовскую) часть Бахтигильдинского могильника (29 погр.), получим данные по 1237 чувашским погребениям

XVI–XIX вв. (табл. 1).

В статистическую обработку мы можем включить 758 погребений (61%) с полным описанием и 479 погребений (39%) с частичным описанием. Под частичным описанием подразумеваем неполное отражение информации о раскопанных погребениях, например, обобщенные выводы о могильнике и инвентаре. Осложняют работу и различия в описании раскопок. Так, костяки описываются в «вытянутом положении», но о расположении костей рук на тазу или животе не уточняется, что вынуждало нас обращаться к иллюстрациям в отчётах о раскопках.

К сожалению, данные по некоторым могильникам найти не удалось. Например, отчёт по Новоядринскому могильнику за 1972 г. отсутствует, но коллекция предметов (предметы с соответствующей записью, позволяющей уверенно соотнести их с памятником) из 120 погребений хранится в музее ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Также отсутствуют описания по Татмыш-Югелевскому (198 погр.), Катергинскому (106 погр.), Карачевскому (24

Рис. 1. Карта-схема расположения могильников.

- 1 – Акулевский; 2 – Балдаевский; 3 – Бахтигильдинский; 4 – Большешкарачкинский; 5 – Большемемиинский; 6 – Большетаябинский; 7 – Вачалкасинский; 8 – Верхнеачакский; 9 – Верхнемагазский; 10 – Вурмерский; 11 – Икковский; 12 – Калугинский; 13 – Каракловский; 14 – Карачевский; 15 – Каршлыхский; 16 – Катергинский «Ача масарё»; 17 – Катергинский «Тубах масарё»; 18 – Кирегасьский; 19 – Кочинский; 20 – Малоарабузинский; 21 – Мартыновский; 22 – Мусирминский; 23 – Нижнекожарский; 24 – Новоахпердинский; 25 – Новосюрбеевский; 26 – Новоядринский; 27 – Орнарский; 28 – Первоклычевский; 29 – Полевокозыльярский; 30 – Староурмарский; 31 – Старошаймурзинский; 32 – Старошелканский; 33 – Татмыш-Югелевский; 34 – Таушкасинский; 35 – Тебикасинский; 36 – Тегешевский; 37 – Толиковский; 38 – Чегедуевский; 39 – Чирш-Сирминский; 40 – Юнгапосинский; 41 – Ядриновский; 42 – Яндашевский; 43 – Яншиховский.

Fig. 1. Map-layout of burial grounds.

погр.) и некоторым другим могильникам. Исходя из этого обстоятельства может различаться количество учтённых погребений в таблицах статистики.

В Чувашской Республике большая часть раскопанных могильников соотносится с этнографической группой верховых (вирьял) и средненизовых чувашей (анат-енчи). Другая группа расположена в юго-восточной части Чувашии и примыкающих районах Татарстана на территории проживания низовой группы (анатри) (рис. 1).

Датировка. Возникновение большинства могильников по находкам монет датируется XVI в. До 1551 г. Чувашский край не входил в состав Русского государства, и массового проникновения русских монет на его территорию не происходило. В ряде случаев анализ расположения и перекрытия монетных и безмонетных погребений доказывает начало функционирования могильников ранее XVI века. Среди рассмотренных объектов на наиболее раннюю датировку, по монетам второй половины XV в., претендует Новоядринский могильник (Вайнер, 1971, с. 60–71).

На территории Чувашской Республики из числа средневековых известны два могильника с ранней датировкой – у д. Кирегаси «Пялаху» (XII–XV вв.) и с. Б. Таяба (XIV в.). Большетаябинский могильник является мусульманским кладбищем, Кирегаський – не имеет типичных элементов чувашского погребального обряда (практически полное отсутствие инвентаря и расположение рук на груди).

На раскопанных кладбищах погребения XIX в. изучались редко. Авторы раскопок относили их к завершающим этапам функционирования некрополей (Мартыновский, Мусирминский, Малоарабузинский).

В дореволюционный период накапливался только историко-этногра-

фический материал, описывающий погребально-поминальный обряд чувашей. Археологическое изучение начинается с 1920-х гг., но раскопки носили нерегулярный характер на протяжении всего XX века. К числу самых масштабных работ по изучению кладбищ необходимо отнести экспедиции под руководством П.П. Ефименко (Ефименко, 1927), Ю.А. Краснова, И.С. Вайнера, В.Ф. Каховского, Б.В. Каховского (Каховский Б.В., 1978, с. 118–146), Г.И. Дроздовой (Дроздова, 2001) и др. (табл. 1).

Для учёта максимального количества элементов обрядности мы использовали отчёты о раскопках из архива Института истории материальной культуры и Института археологии РАН. К настоящему моменту отсутствуют комплексные труды, в которых был представлен статистический анализ элементов погребального обряда чувашей. В литературе порой складывалось представление о массовом распространении отдельных элементов обрядности, однако оно основывалось на публикации одного могильника, тогда как в целом такой элемент не характерен для других могильников.

Описание могильников. Общечувашский погребальный обряд включает в себя следующие характеристики. Могильники занимают возвышенные места рядом с водой и должны быть отделены от селения естественной преградой (рекой, оврагом, лесом). На местонахождение древнего кладбища может указать название местности на чувашском языке (Кивё şава, масарё). В исторической литературе упоминаются общеродовые кладбища, на которых хоронили жителей нескольких деревень (например, кладбище семи/девяти деревень) (табл. 2).

На поверхности могильников, как правило, не сохраняется видимых

Таблица 1

Общие сведения о позднесредневековых кладбищах

№ на карте	Название могильника, местонахождение	Датировка (век)	Кол-во погребений	Год раскопок	Руководитель раскопок
1	Акулевский, Чебоксарский район	XVII–XVIII	1	2020	С.А. Краснов
2	Балдаевский, Ядринский р-н	XVIII	4	1930	П.Н. Третьяков
3	Бахтигильдинский, Батыревский р-н	XVI–нач. XVIII	95	1975	В.Ф. Каховский
4	Большекарачкский, Моргаушский р-н	XVII–XVIII	1	1957	Н.В. Трубникова
5	Большемеминский, Верхнеуслонский р-н Республики Татарстан	XVI–XVIII	47	1994–1997	Г.И. Дроздова
6	Большешетаябинский, Яльчикский р-н	XIV	16	1948	А.П. Смирнов
			28	1984	Б.В. Каховский
7	Вачалкасинский, Чебоксарский р-н	XVII	4	1930	П.Н. Третьяков
8	Верхнеачакский, Ядринский р-н	XVI–XVIII	2	1956	П.Д. Степанов
			34	1989	Б.В. Каховский
			18	1990	
			26	1991	
9	Верхнемагазский, Чебоксарский р-н	XVI	2	1966	П.Н. Старостин
10	Вурмерский, Цивильский р-н	-	1	1991	Е.П. Михайлов
11	Икковский, Чебоксарский р-н	XVI–XVII	6	1961	В.Ф. Каховский
			9	1966	
12	Калугинский, Красночетайский р-н	XVII–XVIII	1	1950	П.Д. Степанов
			2	1988	Е.П. Михайлов
13	Караковский, Аликовский р-н	-	1	1954	П.Д. Степанов
14	Карачевский, Козловский р-н	XVII–XVIII	24	1949	М.С. Акимова
15	Каршлыхский, Моргаушский р-н	XVII–XVIII	13	1909	М.М. Хомяков
			25	1926	П.П. Ефименко
16	Катергинский «Ача масарё», Козловский р-н	XVII–XVIII	1	1909	П.И. Кротов
			17	1949	М.С. Акимова
17	Катергинский «Тубах масарё», Козловский р-н	XVI–XVIII	106	1949	М.С. Акимова
18	Кирегасьский «Палаху», Красноармейский р-н	XII–XV	1	1956	Н.В. Трубникова
			11	1966	В.Ф. Каховский
			29	1970	
			39	1971	
			41	1973	
			2	1981	В.Ф. Каховский, Е.П. Михайлов
19	Кочинский, Маринско-Посадский р-н	XVIII	4	1954	В.Ф. Каховский
20	Малоарабузинский, Батыревский р-н	XVI–XIX	2	1956	Г.А. Фёдоров-Давыдов
			1	1984	Г.И. Дроздова
21	Мартыновский, Козловский р-н	XVI–XIX	1	1924	А.М. Линевский
			91	1976	В.Ф. Каховский
22	Мусирминский, Урмарский р-н	XIX	1	1983	Г.И. Дроздова
23	Нижнекожарский, Красноармейский р-н	XVII	1	1952	П.Д. Степанов
			2	1956	Н.В. Трубникова
24	Новоахпердинский, Батыревский р-н	XVII–XVIII	2	1984	Г.И. Дроздова
			23	1985	
			13	1998	Б.В. Каховский

25	Новосюрбеевский, Цивильский р-н	XVII–XVIII	8	2000	А.В. Михеев
			14	2001	Б.С. Соловьев
26	Новоядринский, Ядринский р-н	XV–XVIII	2	1957	Н.В. Трубникова
			9	1969	Ю.А. Краснов, И.С. Вайнер
			95	1971	
			120	1972	
			2	2006	М.И. Федулов
27	Орнарский, Урмарский р-н	XVI–XVIII	1	1983	Г.И. Дроздова
28	Первоклычевский, Чебоксарский р-н	XVII	1	1980-е	Е.П. Михайлов, Б.В. и В.Ф. Каховский
29	Полевокозыльярский, Яльчикский р-н	XVII–XVIII	25	1927	П.П. Ефименко
30	Староурмарский, Урмарский р-н	XVII–XVIII	2	1983	Г.И. Дроздова
31	Старошаймурзинский, Буинский р-н Республики Татарстан	XVIII	2	1987	Г.И. Дроздова
32	Старошелканский, Урмарский р-н	XVI–XVII	1	1983	Г.И. Дроздова
33	Татмыш-Югелевский, Батыревский р-н	XVII–XVIII	198	1950	М.С. Акимова
34	Таушкасинский, Цивильский р-н	XVII–XVIII	2	1927	П.П. Ефименко
			2	1967	В.Ф. Каховский
35	Тебикасинский, Цивильский р-н	XVI–XVIII	15	1998– 1999	Б.В. Каховский
36	Тегешевский, Урмарский р-н	XVI–XVIII	2	1924	А.М. Линеvский
			33	1977	Б.В. Каховский
37	Толиковский, Чебоксарский р-н	XVI–XVII	46	1974	Б.В. Каховский
			57	1975	
			7	2006	
38	Чегедуевский, Урмарский р-н	XVIII – пер- вая пол. XIX	1	1983	Г.И. Дроздова
39	Чириш-Сирминский, Урмарский р-н	XVI–XVIII	2	1983	Г.И. Дроздова
40	Юнгапосинский, Моргаушский р-н	XVII–XVIII	17	1926	П.П. Ефименко
41	Ядриновский, Ядринский р-н	-	1	1926	П.П. Ефименко
42	Яндашевский, Мариинско-Посадский р-н	XVII–XVIII	17	1927	П.П. Ефименко
43	Яншиховский, Батыревский р-н	XVI–XVIII	2	1956	Г.А. Фёдоров-Давыдов
	Всего:		1432		

признаков погребений. Следы захоронений находят благодаря распашке или естественным осыпям почвы. Каменные надгробия выявлены на 28 памятниках, из которых один соотнесен с золотоордынским временем, три – с казанско-ханским, и 24 камня датированы XVII – I половиной XVIII вв.

Деревянный надмогильный столб – юпа (чув. юба), традиционно устанавливавшийся у могилы, фиксировался в грунте в виде остатков вертикально вкопанного столба или древесной трухи в яме, углублённой в материковую глину (Каховский Б.В., 1978, с. 132–138). У мужских захо-

ронений устанавливались дубовые столбы, у женских – липовые. Юпа найдены у 25 погребений. Столб вкапывался в головы, реже в ноги погребённого (Мартыновский, Большемеинский, Новосюрбеевский). В Новосюрбеевском могильнике в заполнении столбовой ямы найдены две монеты Петра I.

Преобладает западная ориентировка погребений, но есть и погребения с северо-западной (северной) ориентировкой. Строгая ориентировка на север имеется на Катергинском, Яндашевском и Большекарачкинском, а также в северной (мордовской) части

Таблица 2

Устройство могильных ям и положение костяка

№ на карте	Название могильника	Могильная яма											Положение костяка						
		Кол-во учтенных погребений	Ориентировка	Камен. надгробия	Форма ямы	Дно/стенка	Подбой и заплечики	Свободное место	Гроб (деревянная конструкция)	Столб (топа)	Кенотаф	Скорпенное	Полуповёрнутое	Положение рук:	Вдоль тела	На груди	На тазу	На животе	Не прослежено
1	Акулевский	1											одна	1			1		
3	Бахтигильдинский (северная часть)	66	250–295	1⊖			5	8	3	3	1	две	19		3	1	38		
4	Большекарачкинский	1	С									одна	5	1	2		4		
5	Большемемиинский	47	225–300			1		5	2		1	две	24		2	2	9		
8	Верхнеачакский	80	250–330	3⊖			14	1		3	1	одна	9		6	3	45		
9	Верхнемагазский	2	ЮЗ				1					две	17		3		5		
11	Икковский	15	СЗ, 3							5		одна	5		4		1		
12	Калугинский	3	3, СЗ					1				две	1		2				
13	Караковский	1	ЗСЗ				1	1				две	2		2				
14	Карачевский	1	С–СВ	+								две	2		1				
15	Каршлыхский	25	255–355					1		1	2	две	5						
16	Катергинский «Ача масарё»	1	С, СЗ						+			одна							
17	Катергинский «Тулах масарё»	1	С, СВ, СЗ	+					+			две	+		+				
20	Малоарабузинский	3	З									две	2				1		
21	Мартыновский	91	250–312	+	6⊗ 1]	1	38	12	4	8		две	46		4		19		
22	Мусирминский	1	270	+			1					одна	6		6	1	3		
23	Нижнекожарский	3	СВ/СЗ						+			две	1		1				
24	Новоахпердинский	38	240–270	+			6	29	3		2	две	20				4		
25	Новосюрбеевский	22	245–286		2⊗	2	9	16	7			одна	10		8	1	3		
26	Новоядринский	108	235–288		2⊖ 2_	2	59	8		1	2	две	10				8		
27	Орнарский	1	270									одна	36		6		40		
29	Полевокозыльярский	11	265–290	+			4	5	4			одна	16		13		6		
30	Староурмарский	2	360, 295	+			2	2				две	1		3				
31	Старошаймурзинский	2	280, 276									одна	1		1				
32	Старощелканский	1	265			1		1				две	1	1	1		1		
33	Татмыш-Югелевский	4	З, ЮЗ, СЗ									две	1*						
34	Таушкасинский	4	З					2				одна	1*						
35	Тебикасинский	5	275–300				2					две	1		2		1		
36	Тегешевский	35	256–284	+	1⊗		21	9	1	2	1	одна	1		1	8	2		
37	Толиковский	103	270–335		1⊖	1?	21	46		2	1	две	4		7	8	2		
38	Чегедуевский	1	270				1	1				одна	10	1	7	5	1		
39	Чирш-Сирминский	2	240, 280									две	36		7		40		
40	Юнгапосинский	17	320–345								1	одна	18		12		6		
42	Яндашевский	1	С, СВ									две	1		1				
43	Яншиховский		ЮЗ						+			одна	2						
	Итого:	699		8 (1,1%)	7⊖ и 9⊗ (1 и 2,3%)	3 (0,4%)	7 (1%)	186 (26,6%)	157 (22,5%)	25 (3,6%)	25 (3,6%)	3 (0,4%)	11 (1,6%)	две	239 (34,2%)	-	44 (6,3%)	8 (1,1%)	211 (30,2%)
												одна	95 (13,6%)	3 (0,4%)	68 (9,7%)	11 (1,6%)	32 (4,6%)		

Условные обозначения:

⊖ – овальная форма ямы; ⊗ – не прямоугольная яма; _ – сужающиеся стенки; * – условные (учтенные) единицы

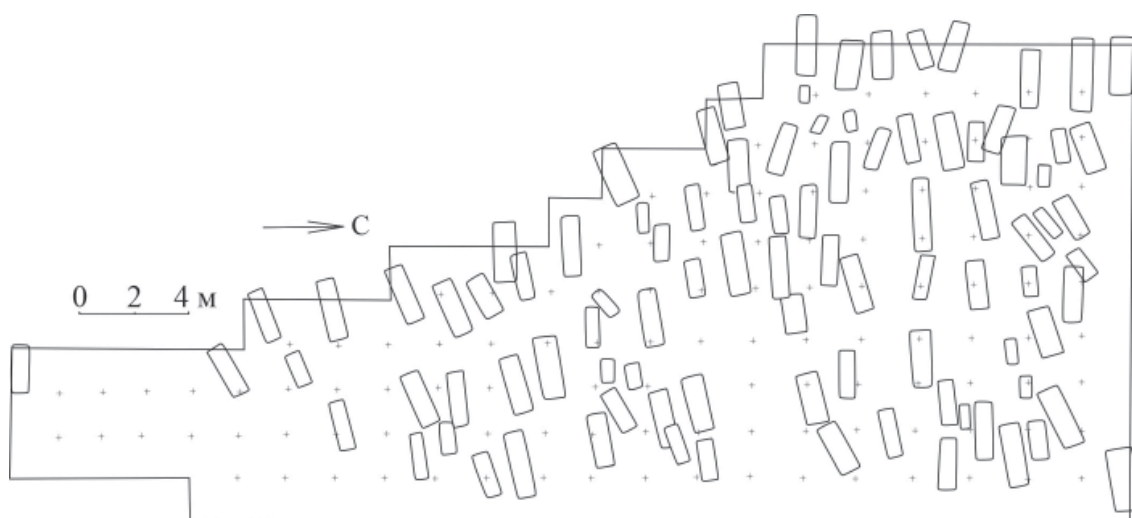

Рис. 2. План раскопа № 1 1971 г. на Новоядринском могильнике (по И.С. Вайнеру и Ю.А. Краснову). Примеры перекрытия могильных ям.

Fig. 2. Excavation plan No. 1 of 1971 at the Novoye Yadrino burial ground (according to I.S. Vainer and Yu.A. Krasnov). Examples of covering grave pits.

Бахтигильдинского. Большая часть исследователей объясняет северо-западную ориентировку влиянием марийцев, а западную – сохранившимися болгарскими традициями. С распространением христианской религии западная ориентировка продолжала доминировать.

Распространенное мнение о частом перекрытии могильных ям не находит своего подтверждения, что объясняется наличием столбов-юпа и могильных холмов. Перекрытия отдельных погребений зафиксированы на Новоядринском, Бахтигильдинском, Мартыновском и Кирегасьском (рис. 2).

Могильные ямы имеют глубину до 1 м, что объясняется религиозными представлениями, по которым чувашаи копали могилу до глины или незначительно углублялись в неё. В то же время часть захоронений совершена в почвенном слое (Толиковский, Бахтигильдинский).

Могильные ямы имели подпрямоугольную форму с отвесными стенками и ровным дном. Углы погребений незначительно скруглены. Единичные примеры овальных контуров ям являются исключением из правила (Ново-

ядринский, Толиковский, Бахтигильдинский, Верхнеачакский). Также редки иные формы: закругленные с одной стороны, сложнофигурные, ширина ямы с одной стороны уже противоположной.

Наклонные, сужающиеся ко дну стенки редки ввиду незначительности глубины ям (Новоядринский, Мартыновский, Старошелканский). Сложные формы в виде уступов-заплечиков сооружались для перекрытия деревянным накатником. В этом случае внешний контур могилы был значительно больше контура ниши, в которую укладывали погребённого. Вопреки мнению, что традиция делать уступы в виде ступеней встречается у всех групп чувашей, археологически зафиксировано только три погребения XVII–XVIII вв. (Новосюрбеевский, Акулевский). Заплечики зафиксированы как в мужских, так и в женских захоронениях (Большемеминский, Толиковский). Следов деревянных настилов, закрывающих тело усопшего от могильной земли, обнаружено не было. Расширение могильной ямы в виде двухстороннего подбоя найдено в двух погребениях Новоядринского могильника, но они сооружались не

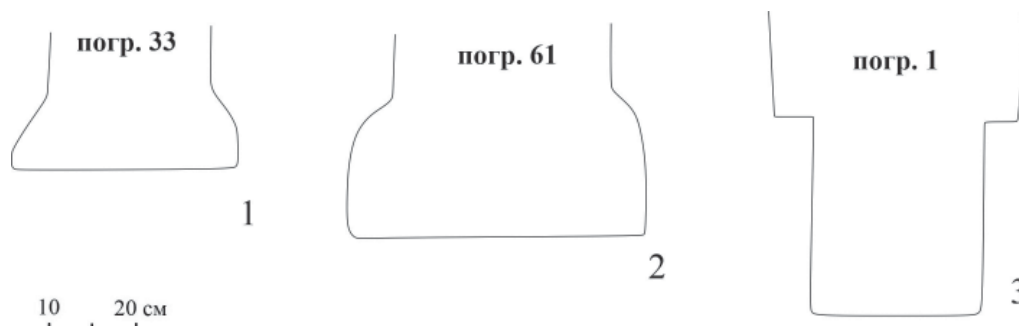

Рис. 3. Разрез погребений на Новоядринском (№ 1, 2) и Старошелканском могильниках (№ 3).

Fig. 3. Section of burials at the Novoye Yadrino (No. 1, 2) and Starye Shchelkany burial grounds (No. 3).

для размещения костяка. В одном из подбоев найден перстень (рис. 3).

Ширина могильной ямы незначительно превышает размеры костяка, длина ям 2,4–2,5 м была нормой, но могла достигать трёх метров (в Новоядринском до 2,85 м, Мартыновском до 3 м). В связи с этим возникает свободное место в головах или ногах. Зафиксировано 189 случаев свободного места, что составляет 15,4% всех погребений.

Деревянные конструкции в виде гробов, колод, рам или иных конструкций отмечены практически на всех могильниках, в более чем 20% погребений (рис. 4: 1). Остатки древесной трухи вокруг костяка указывают на истлевшие стенки гробовищ (Полевокозыльярский, Таушкasinский, Чегедуевский, Каракловский), под костяком – на остатки подстилки. Раскопано несколько крышек гроба (Толиковский, Мартыновский, Новоахпердинский).

В Новосюрбеевском могильнике вскрыта полностью сохранившаяся дубовая колода, подобная описана на Яншиховском могильнике. В Толиковском, Новоахпердинском и Старошаймурзинском могильниках изучена рамная конструкция. В могилах найдены металлические гвозди, однако авторы раскопок не всегда соотносят их с деревянными конструкциями.

Лубяная подстилка и крышка гроба найдены в одном погребении Мар-

тыновского могильника. Покрытие из луба (коры) зафиксировано в Каракловском и Старошаймурзинском могильниках, подстилка в Большемеинском и Новосюрбеевском могильниках. Войлочная подстилка найдена в Новоахпердинском могильнике.

Кенотафы. Вопрос о кенотафах требует отдельного подхода к изучению. К их числу относились погребения без костяка и инвентаря, однако к ним авторы раскопок причисляли погребения с полностью истлевшим костяком, особенно если они совершались в почвенном слое. Детские могилы (могилы малых размеров) часто к кенотафам не относились, однако ни следов костяка, ни инвентаря там не было. В засыпи кенотафов находятся вещи: нож (Толиковский, Мартыновский, Каршлыхский), обломок серпа (Верхнеачакский), череп лошади (Мартыновский).

Костяк. Преобладающим положением костяка является труположение на спине с вытянутыми руками и ногами (рис. 4). Череп чаще обращён лицевым сводом вверх, но имеется естественное смещение на правый или левый висок.

Анализ положения рук отталкивается от определения положения обеих рук. В статистике учтены данные по 699 погребениям, имеющим графическое отображение костяка (мы опирались на прорисовки погребений в отчётах, т. к. в публикациях

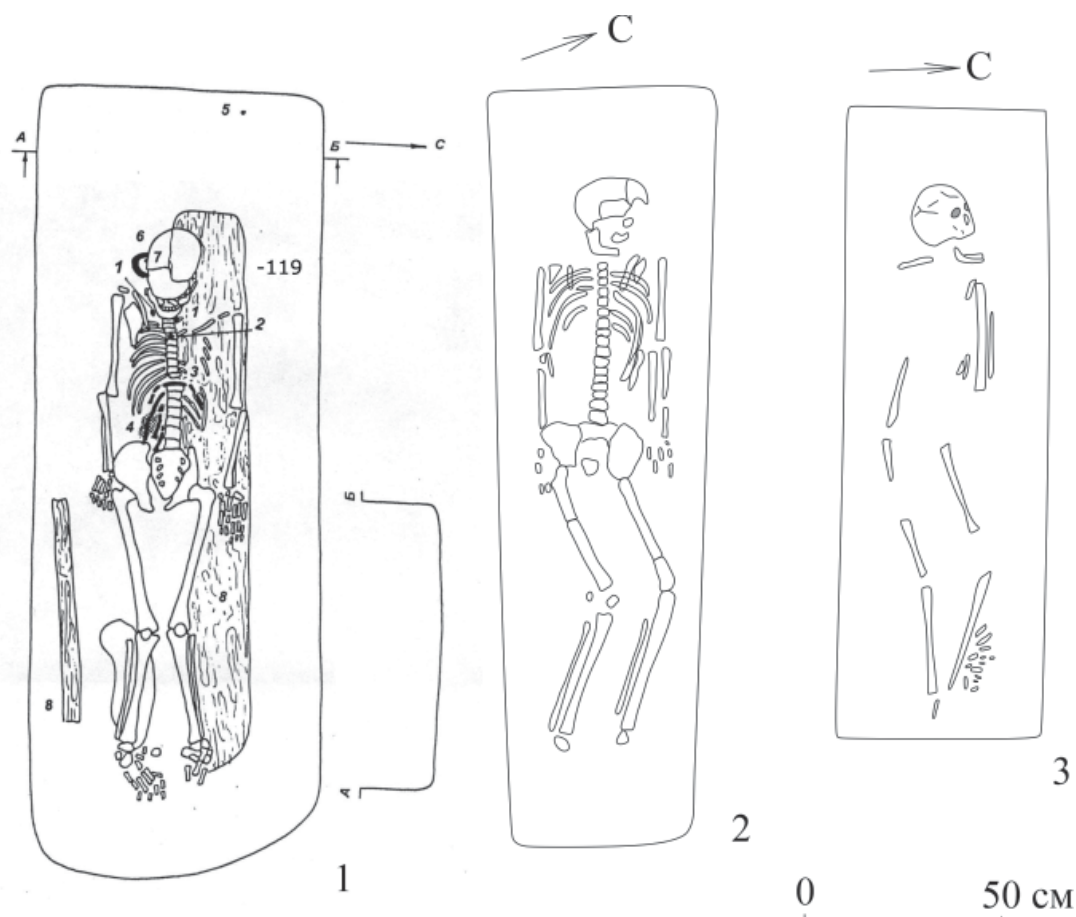

Рис. 4. Погребения с чувашских могильников: 1 – Новосюрбеевский II могильник (погр. 10, по А.В. Михееву): 1 – серьги; 2 – раковина каури; 3 – железная дужка; 4 – наконник хуре; 5 – монета; 6 – обломок серпа; 7 – бусина; 8 – гробовище. 2 – Новоядринский (погр. 14, по И.С. Вайнеру); 3 – Толиковский (погр. 97, по В.Ф. Каховскому).

Fig. 4. Burials from Chuvash burial grounds: 1 – Novoye Syurbeevo II burial ground (burial 10 according to A.V. Mikheev): 1 – earrings; 2 – cowry shell; 3 – iron shackle; 4 – hure's earpiece; 5 – coin; 6 – sickle chip; 7 – bead; 8 – coffin. 2 – Novoye Yadrino (burial 14 according to I.S. Vainer); 3 – Tolikovo (burial 97 according to V.F. Kakhovsky).

не все планы представлены) (табл. 2). Большой процент погребений, в которых из-за плохой сохранности костей, лучевых и локтевых костей положение рук не прослежено (обе – 211 (30,1%), и одна – 32 (4,6%)).

Вытянутое положение обеих рук зафиксировано в 238 погр. (34%), ещё в 95 погр. (13,6%) вытянута только одна рука. В этом плане археологические данные совпадают с этнографическими описаниями.

На втором месте по количеству зафиксированных случаев располагается тазовое положение рук (обе – 43 (6,1%), одна – 68 (9,7%)).

Очень редко встречается положение рук на груди (обе – 0, одна – 3 (0,4%)) и на животе (две – 11 (1,6%), одна – 8 (1,1%)). Положение рук на груди из всех средневековых могильников характерно только для Кирегаського могильника (обе – 5, одна – 15).

Скорченное положение костяка – на боку с подогнутыми ногами – зафиксировано на могильниках приурских чувашей в Новоядринском и Верхнеачакском могильниках (три погребения (0,4%)). В 11 случаях наблюдается положение на боку или в полуповоротом положении (Кахов-

Рис. 5. Металлический инвентарь: 1–3 – ножи; 4–6 – обломки серпов; 7–12 – кресала. 1–5, 7, 10 – Толиковский, 6 – Верхнеачакский; 8–9 – Бахтигильдинский.

Fig. 5. Metal inventory: 1–3 – knives; 4–6 – fragments of sickles; 7–12 – steels. 1–5, 7, 10 – Tolikovo; 6 – Verkhniye Achaki; 8–9 – Bakhtigildino.

ский В.Ф., 1991, с. 20) (рис. 4).

Инвентарь погребений. Инвентарь представлен ограниченным набором предметов. Наиболее часто встречающимися находками являются железные предметы (табл. 3).

Ножи и их обломки встречены в большинстве погребений независимо от пола (390 экз.) (рис. 5: 1–3). Большой процент обломанных ножей (25 из 80 (31,3%)) встречается в Новоядринском и Верхнеачакском (13 из 48

Рис. 6. Металлический инвентарь: 1 – топор; 2 – бур; 3 – зубило; 4–6 – стрела; 7–8 – пряжка. 1, 3–6, 8 – Новоядринский, 2 – Верхнеачакский, 7 – Бахтигильдинский.

Fig. 6. Metal tools: 1 – axe; 2 – drill; 3 – chisel; 4–6 – arrow; 7–8 – buckle.

1, 3–6, 8 – Novoye Yadrino, 2 – Verkhniye Achaki; 7 – Bakhtigildino.

(27,1%) могильниках. Общий процент обломанных ножей составляет 18,4%. Загнутых ножей найдено пять (по одному экземпляру в Новоядринском и Каршлыхском, три в Больше-меминском).

На материалах Толиковского могильника Б.В. Каховским разработана классификация ножей по форме лезвия и черешку. Он выделил ножи четырех типов и кинжалы: А – с узким острым лезвием, прямой спинкой, плоским черенком; Б – лезвие широкое, с овальным закруглением на конце, прямой спинкой, черенок плоский прямоугольный; В – с широким лезвием, прямой спинкой, плоским черенком с упором для рукоятки, лезвие с

овальным закруглением на конце; Г – ножи с горбатой спинкой, черенки с упором и без упора (Каховский, 1975, с. 212–214). Кинжалы, кроме Толиковского, представлены двумя экземплярами в Бахтигильдинском и Верхнеачакском могильниках.

Серпы представлены исключительно обломками в женских (9 экз.), детских и подростковых (15 экз.) погребениях. Детские погребения, в которых невозможно определить пол погребённого, но присутствует серп, автоматически относились к погребениям девочек. В отдельных случаях незначительные размеры обломков не позволяли исследователям точно определить их как серп или косу. В

Таблица 3

Погребальный инвентарь

№ на карте	Название могильника	Элементы костюма										Инвентарь										Следы тризны							
		перстни и кольца	браслет	серьги	ама	тухля и хушпу	железная пряжка	крестик нательный	пуговицы	подковы обувные	накошник (хуре)	столыама	монеты	нож	кресало	кремь	стрела	обломок косы	обломок серпа	топор	игла	ножницы	гвозди	пряслице	керамика	кости лошади	кости птицы	угли и зола	
1	Акулевский								1	1		1	1				1												
3	Бахтигильдинский (северная часть)	7					7		2	4	1	20	30	10	3		2		1										13
4	Большекарачкинский										1		1											1					
5	Большемеминский	2	1	5				3	1	4	3	19	21	6	2				1							1			9
8	Верхнеачакский	11	9	4		2	9	3	9	6	13	40	48	15	3	2	5					1	2			2	1	1	
9	Верхнемагаський										1	1	2	2															
10	Вурмерский											1																	
11	Икковский								2	1		4	5				1							3	1			3	
12	Калугинский	1				1			1				2		1														
13	Каракловский														1	1													
14	Карачевский											+	+																
15	Каршлыхский	2	2	1				1		1	3	4	18	2	2	2		2		1								3	
16	Катергинский «Ача масарё»											+	+																
17	Катергинский «Тупах масарё»	5	+									+	+																
19	Кочинский											1	1																
20	Малоарабузинский								1			3				1													2
21	Мартыновский	9			2			10		3	5	23	38				1	2							4			3	
22	Мусирминский	1						1				1																	
23	Нижнекожарский					1				1			2																
24	Новоахпердинский	6						4		1		29	15				1		1						1			6	
25	Новосюрбеувский	5	1	1		3	5	2	10	2	13	9		1			3											5	
26	Новоядринский	19	5	11	2	7	12	8	11	21	9	60	80	20	26	22	5	1	1			7	3	2	3	1		87	
	Предметная коллекция 1972 г.			2		1	2	1	2	5	30*	10			4				1				1					-	
27	Орнарский											1					+											1	
29	Полевокозыльярский	3						2			1	4	6	1				1											
30	Староурмарский	1										1	1															1	
31	Старошаймурзинский											1	1																
32	Старошелканский											1	1																
33	Татмыш-Югелевский											2*	4*																
34	Таушказинский											2	2	1														1	
35	Тебикасинский					1	1		3	1	4	4											1	1				3	
36	Тегешевский	3		1					1	1		4	5			1													
37	Толиковский	11	5	2	3	6	1	1	5	17	12	38	63	15	6	8	1	5			1	4		1	2			4	
38	Чегедувский					1	1					1	1																
39	Чирш-Сирминский	1						1	1	1		1	2															1	
40	Юнгапосинский		1	1				2	1	1		5	4	1					1						1				
41	Ядриновский										1		1																
42	Яндашевский	6	2		2			2	2	7	9	9	7	1	1	1	4				1				1				
43	Яншиховский		+									1																	
	Итого:	93	26	28	9	9	40	3	48	40	88	65	325	390	72	51	37	7	24	4	5	4	12	5	9	17	2	143	

Условные обозначения:

+ – количество найденных экземпляров не известно; * – условные (учтённые) единицы.

Орнарском могильнике такой обломок отнесён к железным дужкам от деревянной посуды (рис. 5: 4–6).

Из семи обломков **косы** один найден в женском погребении (Акулевский и Мартыновский), один в детском (Толиковский), ещё четыре экземпляра не соотнесены с полом погребённого (Яндашевский).

Кресало (51 экз.). Находки кресал чаще совершены отдельно от кусков кремня. В Новоядринском могильнике кресало и кремь с трутом лежали

в кожаном мешочке. По форме выделяются прямоугольные, калачевидные и салазковидные кресала (рис. 5: 7–12).

Топоры – достаточно редкая находка для чувашских погребений. На Каршлыхском могильнике они представлены двумя экземплярами, по одному экземпляру топоров найдено в погребении XVIII в. Новоядринского и Полевокозыльярского могильников (рис. 6: 1).

В рассматриваемых материалах

Рис. 7. Украшения и детали костюма: 1–3 – сюльгама; 4–7, 9 – бусина; 8 – раковина-каури; 10–11 – пуговица-гирька; 12 – булавка; 13 – бронзовая бусина; 14 – серьга-подвеска. 1, 3 – Яндашевский; 2, 4, 11 – Каршлыхский; 5 – Полевокозыльярский; 6 – Юнгапосинский; 14 – Верхнеачакский; 7–9 – Новосюрбеевский; 13 – Новоядринский; 12, 10 – Мартыновский.

Fig. 7. Jewelry and costume details: 1–3 – sulgama; 4–7, 9 – bead; 8 – cowry shell; 10–11 – button-kettlebell; 12 – pin; 13 – bronze bead; 14 – earring-pendant. 1, 3 – Yandashevo; 2, 4, 11 – Karshlykhi; 5 – Polevye Kozylary; 6 – Yungaposi; 14 – Verkhniye Achaki; 7–9 – Novoye Syurbeevo; 13 – Novoye Yadrino; 12, 10 – Martynovo.

мы находим сведения о 37 плоских, черешковых **наконечниках стрел** (рис. 6: 4–5). 22 наконечника относятся к Новоядринскому могильнику, где наблюдается нахождение стрел по два (в четырех погребениях) и три (в двух погребениях) экземпляра. Среди них представлен единственный четырехгранный наконечник. В погребениях, где авторами раскопок указан пол, преобладают стрелы в мужских погребениях. В женских погребениях Толиковского могильника найдено два наконечника.

Железный инструментарий представлен кочедыком (Татмыш-Югелевский, Каршлыхский), буром (Верхнеачакский), зубилом (Новоядринский)

(рис. 6: 2–3); бытовой инвентарь и личные вещи – железной бритвой, стремянем (Мартыновский), бронзовым гребнем (Ердовский, Мартыновский и Каршлыхский) (рис. 8: 5), бронзовым (Новоядринский) и металлическим колокольчиками (Катергинский «Тупах масарё»).

Железные иглы представлены четырьмя экземплярами, и дважды упоминаются шилья (Толиковский и Верхнеачакский).

Керамическая посуда не входила в состав инвентаря. Целые керамические сосуды и их развалы не найдены. Преобладают фрагменты стенок сосудов (девять случаев), в Толиковском найдена ручка сосуда. С боль-

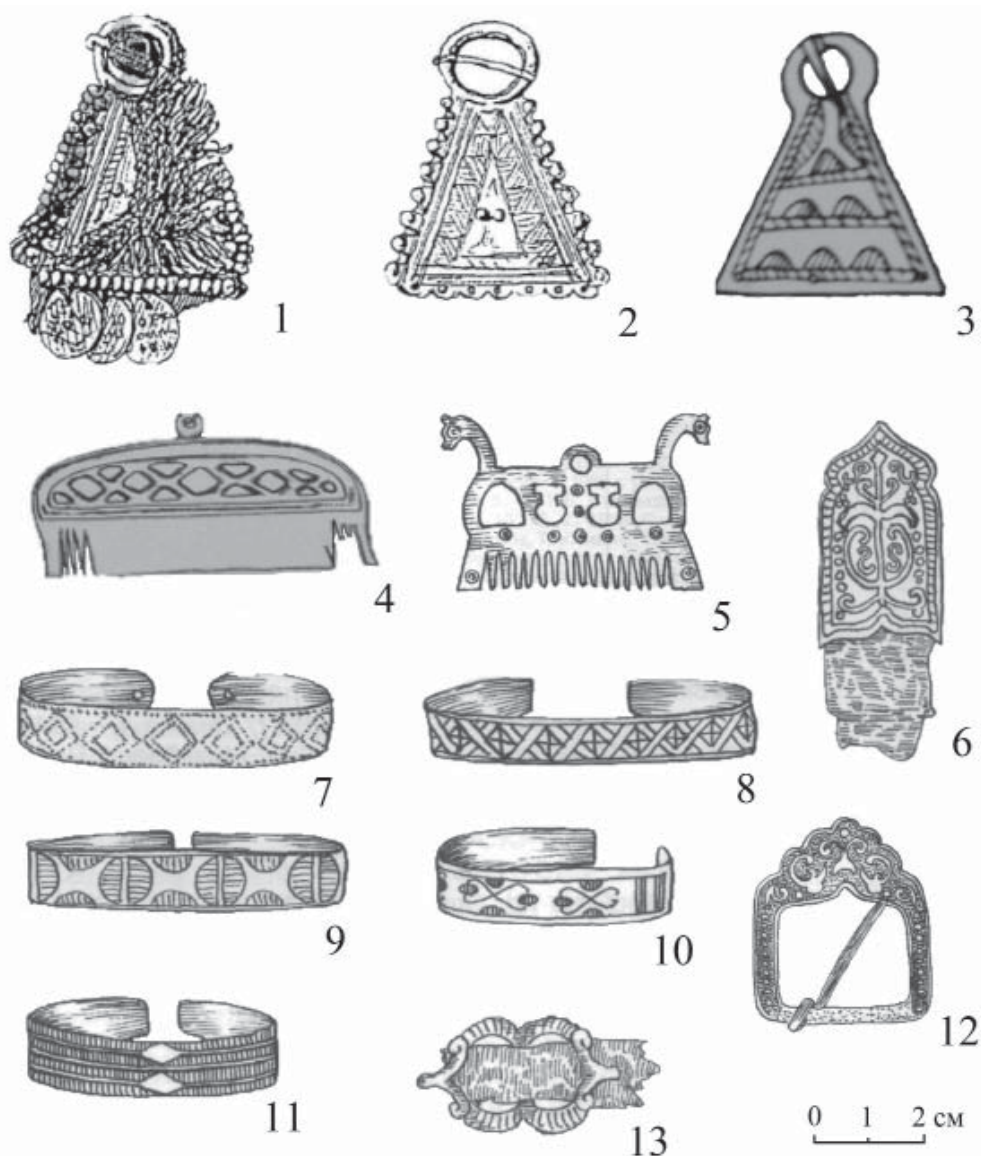

Рис. 8. Металлические украшения и инвентарь: 1–3 – ама; 4–5 – гребень; 6 – наконечник пояса; 7–11 – бронзовые браслеты; 12–13 – пряжка. 1–2 – Яндашевский; 3 – Толиковский; 4 – Мартыновский; 5, 13 – Каршлыхский; 6–12 – Верхнеачакский.

Fig. 8. Metal jewelry and inventory: 1–3 – ama; 4–5 – comb; 6 – belt tip; 7–11 – bronze bracelets; 12–13 – buckle. 1–2 – Yandashevo; 3 – Tolikovo; 4 – Martynovo; 5, 13 – Karshlykhi; 6–12 – Verkhniye Achaki.

шой вероятностью они попадали в погребения при засыпке могилы. На Новосюрбеевском и Орнарском могильниках найдены железные дужки от котлов (?).

Керамические и одно свинцовое пряслица найдены в Новоядринском и Верхнеачакском могильниках.

Украшения и элементы костюма. Бытовало нескольких типов традиционных женских головных уборов – повязки (масмак, сурбан)

или шапочки (тухья или хушпу). Исследователям не удалось полностью реконструировать облик всех ранних уборов. В отчетах имеются указания на остатки материи, кожи, бисера, бусин, монет, реже металлических пластин (Толиковский, Мартыновский, Верхнеачакский, Икковский). В отличие от образцов, хранящихся в музейных коллекциях, и этнографических описаний количество нашитых украшений на тканевую или кожа-

Рис. 9. Перстни: 1, 5, 6, 16 – Новоахпердинский; 2, 4, 9, 17 – Новоядринский; 3, 8, 13 – Верхнеачакский; 10, 11, 14 – Бахтигильдинский; 7 – Катергинский; 12 – Яндашевский; 15 – Каршлыхский могильники.

Fig. 9. Rings: 1, 5, 6, 16 – Novoye Akhperdino; 2, 4, 9, 17 – Novoye Yadrino; 3, 8, 13 – Verkhniye Achaki; 10, 11, 14 – Bakhtigildino; 7 – Katergino; 12 – Yandashevo; 15 – Karshlykhi burial grounds.

ную основу было меньше.

Для женских захоронений характерны находки украшений. Преобладают застежки-сюльгамы, серьги, наосники (хуре, юпинэ), перстни, кольца, браслеты, бусы, бисер, булавки, остатки материи от одежды и вышивки.

Сюльгамы овальной формы подразделяются на плоские и дротовые. Серебряный сюльгам найден в Верхнеачакском могильнике, в остальных они были бронзовые. На плоских

сюльгамах нанесён геометрический орнамент. Концы расплющены или загнуты в кольцо. Для застегивания применяется бронзовая или железная игла (рис. 7: 1–3).

Серьги или височные подвески. Серьги имели форму знака вопроса, иногда дополнены бусинами или оплетками из тонкой проволоки. Встречаются как в бронзовом, так и в серебряном исполнении. В одном могильнике может наблюдаться их нахождение парами и по одному эк-

земляру. В Большемеинском в пяти погребениях серьги найдены по одному экземпляру, что дает основание считать их височными подвесками (рис. 7: 12).

Бытовало несколько типов медных пластинчатых браслетов с растительным и геометрическим орнаментом. В Юнгапосинском и Новосюрбеевском могильниках найдены плоские браслеты из железа.

Перстни. Комплекс перстней и колец представлен 93 экземплярами. По форме перстней их можно разделить на перстни с овальным щитком и перстни-печатки. По орнаментальному признаку их можно условно разделить на несколько типов:

- сюжеты с изображением людей и их деятельности (рис. 9: 1–4);
- растительные стилизованные орнаменты (рис. 9: 5–8);
- животные и птицы (рис. 9: 9–12);
- геометрические орнаменты – изображение кругов, треугольников, заштрихованных фигур, имеется рубчатое окаймление перстней, в том числе вырезанные на обратной стороне печатки (Татмыш-Югелевский) (рис. 9: 13–17).

Сюжеты дают нам сведения о хозяйственной и военной деятельности человека, косвенно говорят о религиозных и мифологических представлениях.

Весьма специфичным нагрудным украшением является ама – треугольник из цветных металлов с орнаментом и символами (Новоядринский, Мартыновский, Толиковский, Яндашевский) (рис. 8: 1–3).

Бусины характеризуются разнообразием как материала, из которого они изготовлены (стеклянные, пастовые), так и оформления (цветовая гамма, наличие рельефа, размер). Бусины использовались для нашивания на элементы костюма или в качестве самостоятельного украшения (рис. 7: 4–7, 9).

Пуговицы делятся на подвески-гирьки из бронзы и плоские костяные с отверстиями (рис. 8: 10–11).

Монеты – очень важный элемент датировки. Они содержатся в 325 погребениях, что составляет 26,4% общего числа. Преобладают русские серебряные копейки чеканки XVI – начала XVIII вв. (до денежной реформы Петра I). Кроме монет регулярной русской чеканки имеются подражания («мордовки», «нухратки»), западноевропейские монеты и счётные жетоны.

Монеты использовались для украшения одежды и головных уборов, о чём свидетельствуют отверстия для нашивания. Монеты без отверстий служили сопроводительным инвентарем в загробный мир. Существовала традиция закрывать глаза, уши и рот умершего, что бы он ничего не смог рассказать на том свете. Монета во рту или под челюстью отмечены в Верхнеачакском, Новоахпердинском, Малоарабузинском могильниках. Монеты в кожаном мешочке найдены на Бахтигильдинском, Мартыновском, Тебикасинском могильниках.

Хюре – девичье поясное украшение (букв. хвост), имевшее охранительное значение. Длинные верёвочки, украшенные медными пронизками, являлись частью традиционного женского костюма до XVIII–XIX вв. Найдены в 90 погребениях как целым украшением, так и в виде отдельных веревок, трубочек-пронизок, бусин, раковин-каури и полусфер на концах. Большинство исследователей склонны считать, что эта часть костюма перешла к чувашам от марийцев (юпине), но в XIX веке выходит из употребления.

Остатки кожаной обуви прослеживаются по тлену кожи (Новоядринский, Толиковский, Большемеинский, Икковский, Таушкасинский), железным подковам и гвоздям.

Культ огня. Для чувашской традиции не характерны трупосожжения,

но в могилах присутствуют следы огня. В засыпи могил есть отдельные угольки (143 погр.), на дне могилы – кострища (Новоядринский, Верхнеачакский, Тебикасинский, Кирегасьский, Большемеинский). В 35 погребении Тегешевского могильника кострище устроено в отдельной яме. В Новоахпердинском и Малоарабузинском такие кострища устраивались вне ям, что может быть расценено как остатки поминальных обрядов. Чуваши верили в очистительную силу огня, так изгоняли злых духов.

Кости животных. Самой частой находкой были кости и зубы лошади. Целые скелеты не обнаружены. В Мартыновском могильнике найдены целые черепа и челюсть лошади, в Икковском три зуба располагались в руке погребённого. На Новоахпердинском могильнике кость лошади располагалась вне могилы. Кости птицы найдены в двух погребениях Новоядринского и Верхнеачакского, а зуб теленка – в Орнарском могильнике.

В засыпи средненизовой группы чувашей найдены орехи (Большемеинский, Старошаймурзинский, Чирш-Сирминский).

Православные нательные крестики найдены в двух женских погребениях, по монетам датированных I половиной XVIII в. (Тебикасинский и Чегедуевский), и недатированном женском погребении Толиковского могильника.

В погребальном обряде исследователи выделяют этнокультурные компоненты и особенности обрядности, складывающиеся из сочетания православных, мусульманских и традиционных верований (Краснов, 2007). Бахтигильдинский могильник, вероятно, имеет два периода существования. Южная связывается с местным мордовским населением, северная часть – с пришлым чувашским (Каховский В.Ф., Каховский Б.В., 1978,

с. 94).

Тегешевский могильник указывает на тесные связи с татарским населением. В нём раскопаны погребения по традиционному обряду, мусульманскому обряду и обряду, сочетающему мусульманские и языческие традиции (присутствует немногочисленный инвентарь, но череп обязательно обращён к югу, с западной ориентировкой костяка).

В Мартыновском могильнике в западной, более поздней части могильника присутствуют элементы христианства и отход от традиционного обряда (Каховский Б.В., 1978, с. 113).

Северо-западная ориентировка, скорченные и полуповёрнутые костяки объясняются влиянием поволжских финнов. Полуповёрнутые костяки встречены на раннем мусульманском Большетаябинском кладбище.

Проведённый статистический обзор всех доступных материалов позволяет конкретизировать особенности погребального обряда и выявить, насколько часто встречаются предметы быта и украшения. Преобладают сведения о верховой и средненизовой группе чувашского народа.

Общечувашский обряд обладает консервативными чертами. Труположение совершалось в неглубоких могилах и деревянных гробах. При могилах устанавливался деревянный столб. Костяк располагался головой на запад или северо-запад. Руки расположены вдоль тела или уложены на тазовых костях.

Неизменным атрибутом погребения является наличие погребального инвентаря. Бытовой инвентарь (ножи, кресала) являются массовой находкой, реже предметы, указывающие на ремесла и промыслы чувашей (кочедыки, стрелы, серпы, столярные инструменты).

Элементы одежды, головных уборов и украшений дают представление о традиционном костюме, часть из ко-

торых не представлена в современном тризны представлены культом огня, костюме (сюльгамы, накосники), эволюции головных уборов. остатками заупокойной пищи, практически полным отсутствием христианских традиций.

Следы традиционных культов и анских традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнер И.С.* Отчёт о работах 3-го Чувашского отряда Чебоксарской экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 4696. 71 л.
2. *Дроздова Г.И.* К вопросу об истории изучения позднесредневековых кладбищ и погребального обряда чувашского народа // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков, С.И. Валиулина, Р.М. Валеев. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 180–185.
3. *Ефименко П.П.* Материалы Средневожской экспедиции 1926–1927 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 230, 231, 240, 241.
4. *Каховский Б.В.* Толиковский могильник // История, археология и этнография Чувашской АССР. Вып. 56. / Ред. А.В. Изоркин. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1975. С. 196–216.
5. *Каховский Б.В.* Мартыновский могильник // Исследования по археологии Чувашии. Вып. 80 / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1978а. С. 95–118.
6. *Каховский Б.В.* Раскопки Тегешевского могильника // Исследования по археологии Чувашии. Вып. 80 / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1978б. С. 129–151.
7. *Каховский Б.В.* Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1978в. С. 118–146.
8. *Каховский В.Ф.* Исследование языческого могильника близ д. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии и антропологии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1991. С. 3–20.
9. *Каховский В.Ф., Каховский Б.В.* Бахтигильдинский могильник // Исследования по археологии Чувашии. Вып. 80 / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1978. С. 78–94.
10. *Краснов С.А.* Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 274–280.

Информация об авторе:

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары, Россия); mfedulov.chuvsu@mail.ru

BURIAL RITE OF THE CHUVASH PEOPLE IN THE 16TH–19TH CENTURIES

M.I. Fedulov

The analysis of the elements of the burial rite of the Chuvash people was carried out through statistical processing of burial grounds materials. Tombstone structures, pit construction, burial equipment and remnants of traditional costume are considered. Position of the skeleton is detailed in various ways of laying the arms (along the body, on the pelvis, stomach, chest), rare deviations from the elongated corpse position on the back (crouched, half-turned). The all-Chuvash traditional burial rite can be characterized by the presence of the following elements: shallow grave pits with steep walls and a flat bottom, an elongated position of the skeleton, a coffin or a wooden structure, household equipment, a suit and jewelry worn during life, rarely things that were of particular importance to the deceased. Massively, regardless of gender and age, the presence of a coffin or an iron knife is recorded, while the fragments of a sickle are characteristic of children's burials. The burial inventory is an integral part of the ritual of all ethnographic groups of the Chuvash people. Among the cults, the cult of fire and the horse are widespread. Statistical data allow us to establish the frequency of occurrence of individual elements in different burial grounds, binding to the sex and age groups of burials.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Chuvash, 16th–19th centuries, traditional funeral rite, inventory, jewelry

REFERENCES

1. Vainer, I. S. 1971. *Otchet o rabotakh 3-go Chuvashskogo otryada Cheboksarskoy ekspeditsii v 1971 g.* (Report on the work of the 3rd Chuvash detachment of the Cheboksary expedition in 1971). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 4696 (in Russian).
2. Drozdova, G. I. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia* (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region). Kazan: "Master-Line" Publ., 30–36 (in Russian).
3. Efimenko, P. P. 1927. *Materialy Srednevolzhskoy ekspeditsii 1926–1927 g.* (Materials of the Middle Volga expedition of 1926–1927). Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 2. Op. 1, dossier 230. 231. 240. 241 (in Russian).
4. Kakhovsky, B. V. 1975. In Izorkin, A. V. (ed.). *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Chuvashskoy ASSR* (History, archeology and ethnography of the Chuvash ASSR) 56. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 196–216 (in Russian)
5. Kakhovsky, B. V. 1978. In Kakhovsky, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkhologii Chuvashii* (Studies in the Archaeology of Chuvashia) 80. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 95–118 (in Russian)
6. Kakhovsky, B. V. 1978. In Kakhovsky, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkhologii Chuvashii* (Studies in the Archaeology of Chuvashia) 80. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 129–151 (in Russian)
7. Kakhovsky, B. V. 1978. In *Sovremennye sotsial'nye i etnicheskie protsessy v Chuvashskoy ASSR* (Modern social and ethnic processes in the Chuvash ASSR). Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 118–146 (in Russian)
8. Kakhovsky, V. F. 1991. In Kakhovsky, V. F. (ed.). *Voprosy arkhologii i antropologii Chuvashii* (Issues of Archaeology and Anthropology of Chuvash). Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–20 (in Russian)
9. Kakhovsky, V. F., Kakhovsky, B. V. 1978. In Kakhovsky, V. F. (ed.). *Issledovaniia po arkhologii Chuvashii* (Studies in the Archaeology of Chuvashia) 80. Cheboksary: Chuvashia Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 78–94 (in Russian)
10. Krasnov, S. A. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv* (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 274–280 (in Russian).

About the Author:

Fedulov Mikhail I. Chuvash State University. Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, Russian Federation); mfedulov.chvsu@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.4.46.66.80>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА

© 2023 г. П.С. Данилов

Статья посвящена анализу исторической топографии Царевококшайска на основании картографических, письменных и археологических источников. Наиболее информативным картографическим источником по исторической топографии Царевококшайска является план города 1795 г., на котором изображены основные элементы городского ландшафта. Письменные источники представлены наиболее детальными описаниями города 1728, 1795 и 1837 гг. Результаты археологических исследований исторического центра Йошкар-Олы значительно уточняют и дополняют данные архивных источников, позволяя локализовать историко-топографические объекты на современной карте города. В статье дается описание объектов городской планировки Царевококшайска, начиная с его центральной части – кремля, затем острога и заострожной территории. Описание включает в себя сведения из архивных источников, подкрепляемые данными археологических исследований. В заключении статьи характеризуется изменение основных черт городской планировки Царевококшайска на протяжении периода с момента основания города до начала XX века, ставятся дискуссионные вопросы исторической топографии Царевококшайска и делается вывод о необходимости дальнейших археологических исследований исторического центра Йошкар-Олы.

Ключевые слова: археология Нового времени, Царевококшайск, историческая топография, городская археология, исторические планы.

Царевококшайск был основан в 1584 году как военно-административный центр Марийского края. Город был построен в рамках общей градостроительной политики Русского государства в Среднем Поволжье, в результате которой возникли и другие города Марийского края – Козьмодемьянск, Кокшайск, Яранск и Царево-санчурск.

Воссоздание исторического ландшафта Царевококшайска осложнено тем, что за время существования города его рельеф подвергся значительным изменениям. Этот процесс был наиболее активен во время перепланировки исторического центра города, которая происходила в течение XX века. В связи с этим большое значение имеет анализ данных археологических исследований в комплексе с письменными и картографическими источниками.

Археологические исследования Царевококшайска были начаты В.С. Патрушевым в 1984 г. В дальнейшем, после более чем десятилетнего перерыва, они стали регулярно проводиться со второй половины 1990-х гг.

Начиная с 2007 г. археологические исследования стали носить по большей части характер спасательных раскопок на участках хозяйственного освоения. Это было связано с масштабной застройкой исторического центра Йошкар-Олы. В этот период археологические исследования на территории города ведут В.С. Патрушев, Л.П. Коновалова, Ю.А. Зеленева, П.С. Данилов, Е.Е. Филиппова, Ж.С. Калыгина, Б.С. Соловьев (рис. 1).

Наиболее информативным картографическим источником является план Царевококшайска 1795 г., на котором изображены ландшафтно-топографические объекты на территории города (рис. 2). Более ранний план Царевококшайска 1789 г. значительно схематичнее, а план 1796 г. во многом повторяет план 1795 г. Конечно же, на основании этого плана мы не можем воссоздать вид города по состоянию на первые десятилетия его существования, однако такие элементы искусственного ландшафта, как оборонительные рвы, на нем проследить возможно. На плане 1795 г. можно зафиксировать трехчастную

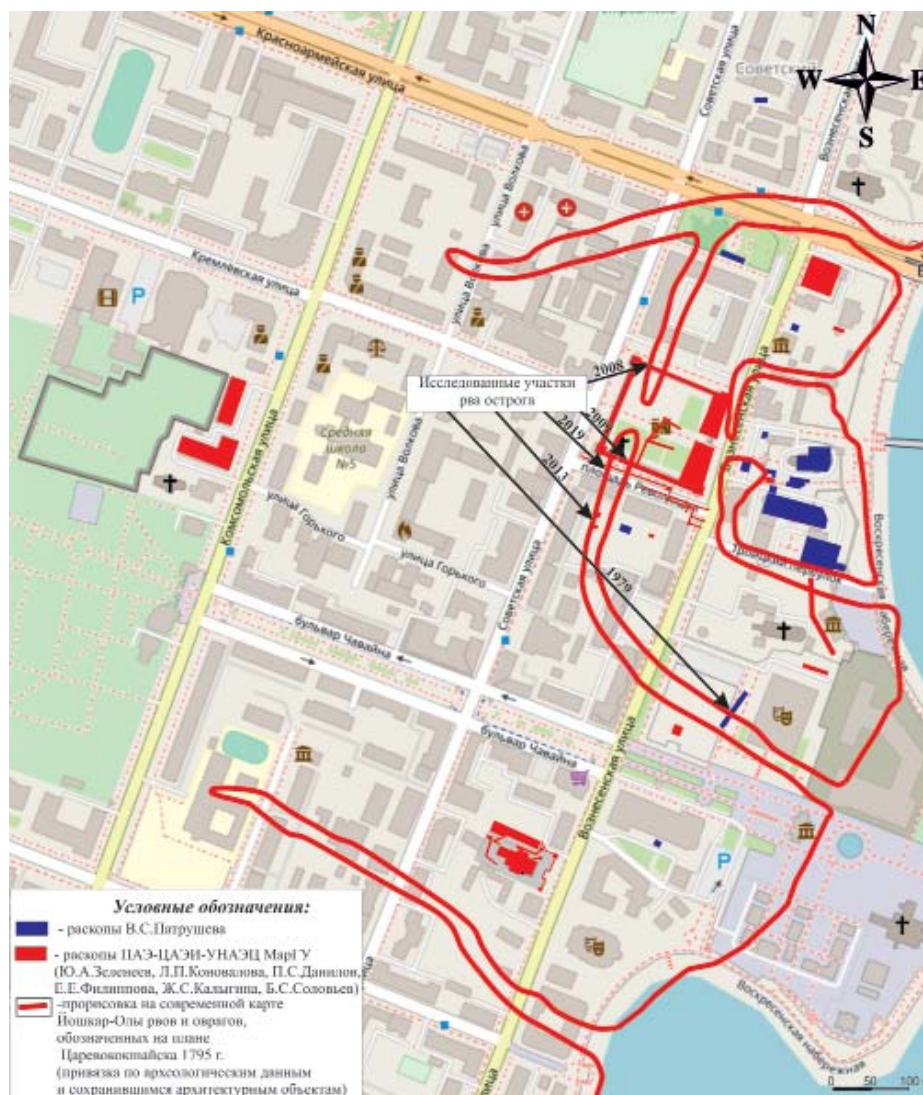

Рис. 1. План исторического центра Йошкар-Олы с обозначением археологических раскопов и с наложением ландшафтных объектов с плана Царевококшайска 1795 г.

Fig. 1. The plan of the historical center of Yoshkar-Ola with the designation of archaeological excavations and with the overlay of landscape objects from the plan of Tsarevokokshaysk in 1795.

структуру города, состоящую из кремля – территории первой крепости, в пределах которой находилась соборная церковь и административные постройки, – острога, внутри которого был посад, и заострожной территории, которая представляла собой по большей части усадебную застройку.

Первые данные об элементах городской планировки Царевококшайска в письменных источниках относятся к XVIII веку. В это время облик города значительно изменился с момента его основания. Во многом это связано с пожаром 1696 г., который полностью

уничтожил деревянные стены кремля и острога, от которых остались лишь рвы. В письменных источниках наиболее раннее описание состояния города, и в особенности его укреплений, относится к 1728 г. и принадлежит городничему Петру Кафтаникову для предоставления в контору инженерного правления Военной коллегии (Йошкар-Ола, 1994, с. 36, 37). В дальнейшем детальные письменные описания Царевококшайска есть в «Экономических примечаниях Царевококшайского уезда» 1795 года (Йошкар-Ола, 1994, с. 64) и в «Ста-

Рис. 2. Фрагмент плана Царевококшайска 1795 г. с обозначением исследованных археологических объектов.

Fig. 2. A fragment of the plan of Tsarevokokshaysk in 1795 with the designation of the investigated archaeological sites.

тистическом описании Царевококшайского уезда Казанской губернии» царевококшайского земского исправника А.А. Келлера 1837 г. (Келлер, 2013, с. 41).

Древнейшим ядром города стала крепость – кремль, который находился на территории, ограниченной рвами. На момент создания плана 1795 г. территория кремля ограничена рвом, который в его легенде обозначен как «старинная земляная крепость вокруг прежде бывших деревянных стен и башен, которая ныне едва местами вид имеет». Внутри кремля на плане изображена «соборная церковь каменная во имя Воскресения Господня с приделом, под коей кладовая для хранения денежной казны», «присутственные места», а также «духовное правление» (рис. 2).

Территория, которую занимал кремль, исследовалась В.С. Патрушевым в 1984 и 1996–1998, 2002–2007 гг. (рис. 1). Собственно оборонительные укрепления обнаружены не были,

однако в 1998 году были выявлены «остатки временного земляного вала и рва восточнее и южнее от северо-западного угла первой крепостной стены» (Патрушев В.С., 2009, с. 40). Предположительный ров имел глубину до 180 см и ширину на уровне дна менее 2 метров, что дает основания автору раскопок сделать вывод, что это не основной ров кремля и что перед его постройкой были сооружены временные земляные укрепления – ров и вал. К его мнению присоединяется А.Г. Бахтин (Бахтин, 2012, с. 568).

Помимо собственно рва В.С. Патрушев обнаружил засыпанное озеро, которое, по данным письменных источников, было на территории кремля (Патрушев, 1987, с. 68). Оно также прослеживается и на плане Царевококшайска 1795 г. (рис. 2).

Также одним из объектов внутри кремля, исследованных В.С. Патрушевым, является сооружение, которое атрибутируется им как дом воеводы. Первоначально эта конструкция вы-

Рис. 3. Фундамент Воскресенского собора (исследования 2021 г.).

Fig. 3. The foundation of the Resurrection Cathedral (research in 2021).

явлена во время археологических раскопок 1984 года, затем была доисследована в 1996–1997 гг. (раскоп 4). Она представляла собой заглубленный котлован глубиной до 40 см и размерами 560×620 см. Стены дома были прослежены в виде углисто-зольной массы шириной до 120 см. «Напротив выхода из дома находился крытый двор наземного типа без котлована размерами 420×620 см и очажной ямой размерами 140×115 см. В южной половине двора выявлены 5 столбовых ям диаметром от 20 до 47 см, ограничивающие площадь 240×115 см» (Патрушев, 2009, с. 38). Внутри постройки был выявлен развал изразцовой печи с большим количеством неполивных изразцов, которую автор раскопок датирует концом XVI – началом XVII вв. В справке Царевококшайской воеводской канцелярии от 1730 года о необходимости постройки нового воеводского двора и обустройстве тюрьмы говорится о планировке воеводского дома: «Хором: две избы; черная изба – напротив белая; меж ими сени с перерубом надвое» (цит. по Иванов, 2011, с. 75), что в целом соответствует описанию того объекта, который был исследован В.С. Патрушевым. Судя по остаткам следов пожара, который, по всей видимости, стал причиной разрушения этой постройки, она сгорела в одном из по-

жаров, от которых регулярно страдал Царевококшайск.

Важнейшими элементами городского ландшафта любого русского города являются церкви. На территории, которую ранее занимал кремль, археологически были зафиксированы остатки фундамента Воскресенского собора 1759 г. постройки – В.С. Патрушевым в 1984 и 1996 гг. и Ю.А. Зеленевым в 2021 г. (рис. 3). Исследования 2021 г. показали, что фундамент храма был ленточный, сформирован из кирпича, положенным на слой из обломков кирпича, пролитых известковым раствором и забитых в фундаментную траншею, выкопанную в материке, и в верхней части в деревянную опалубку, отпечатки которой были прослежены на его стенах. Кирпичи в стеновой кладке были уложены на известковый раствор (Данилов, Зеленева, Соколов, 2021, с. 233). Воскресенский собор также обозначен на плане Царевококшайска 1795 г.

Помимо сооружений, на внутрикремлевской территории В.С. Патрушевым было исследовано приходское кладбище, которое, по всей вероятности, относилось к соборной Воскресенской церкви. В 1984 и 2007 г. было обнаружено 78 погребений, совершенных по православному обряду, с западной ориентировкой, которые автор раскопок датирует XVI–

XVII вв. (Патрушев, 2009, с. 37, 42).

По всей вероятности, восточная граница кремля, которая примыкала к берегу Малой Кокшаги, не сохранилась. Изменение береговой линии было прослежено Г.Л. Ласточкиным, который на основании анализа планов Царевококшайска конца XVIII – начала XX вв. отметил значительное размывание берега Малой Кокшаги именно в районе кремля Царевококшайска (Ласточкин, 2009, с. 60). Он связывает такую тенденцию с плотной мельничного пруда, которая размывала берег при спуске воды и которая прослеживается на всех планах города. Подтверждают это и письменные источники. В описании кремля П. Кафтанникова 1728 г.: «У городской стены от реки Кокшаги от мельничного пруда берега подмыло водой и подрыло под самую стену и ходу ныне нет...» (Йошкар-Ола, 1994, с. 37).

По мере развития города, в конце XVI – начале XVII вв., образовывался посад, который примыкал к стенам крепости с севера, запада и юга. В первой четверти XVII века территория посада была укреплена рвом и валом. По всей вероятности, это произошло уже после событий Смутного времени, когда в январе 1609 года Царевококшайск подвергся захвату одним из отрядов повстанцев, не признавших власти царя Василия Шуйского. Первое упоминание о царевококшайском остроге можно увидеть в «Наказе царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводе В.Я. Воронову об управлении городом и уездом» от 29 марта 1628 г.: «...И Василью, приехав в Царев Кокшайской, взяти у воеводы у Василья Зиновьева город и острог, и городовые и острожные ключи и на городе, и на остроге наряд...» (Димитриев, 1992, с. 62–71). По всей вероятности, здесь говорится уже об обеих линиях укреплений – городе (кремле) и остроге. Можно сделать вывод, что

линия укреплений посада была построена в промежуток между 1609 и 1628 годами.

Острог на плане 1795 года представлен в виде сохранившихся на момент его составления рвов и именуется просто «таковая ж земляная крепость», в пределах которой, помимо усадебной застройки, находилась церковь Живоначальной Троицы. Вокруг нее на плане помещено подобие городской площади, на которой находились городская магистрат, питейный дом и торговые лавки. Непосредственно у рва, окружавшего кремль, внутри острога помещен «казенный деревянный дом, в коем помещается градская полиция» (рис. 2).

Оборонительные укрепления острога, в отличие от кремля, были исследованы достаточно хорошо (рис. 1, 4, 5). Ров острога на его южном участке был разрезан при прокладке коммуникаций в 1979 г., где его впервые зафиксировал В.С. Патрушев (Патрушев, 2009, с. 36). Затем ров острога был исследован в 2008 г. Л.П. Коноваловой и в 2009 г. Ю.А. Зеленевым при археологических раскопках на территории строительства культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль» (рис. 4). В 2013 г. он был обнаружен при шурфовке во дворе дома 121 по ул. Советской. В 2019 г. ров острога был исследован Б.С. Соловьевым при археологических раскопках на территории строительства «ЖК Кремлевский» к югу от «Царевококшайского кремля». Помимо рва в 2008, 2009 и 2019 гг. с внутренней стороны острога было выявлено основание тыновой стены (рис. 5).

Данные археологических раскопок показывают, что, по всей вероятности, в систему оборонительного рва острога был включен природный овраг. Об этом, в частности, могут говорить исследования 2008–2009 гг. Ров острога был разрезан на двух

Рис. 4. Участок рва острога Царевококшайска (исследования 2009 г.).

Fig. 4. The plot of the moat of the Tsarevokokshaysk prison (research in 2009).

участках, удаленных друг от друга на 90 м. Южный участок оборонительной системы посада, исследованный в 2009 году, значительно отличается от северного участка, исследованного в 2008 году. Ширина северного участка рва, исследованного Л.П. Коноваловой в 2008 г. составила до 6 м, глубина его 1,6 м от уровня материка. Ширина южного участка, исследованного в 2009 г. Ю.А. Зеленевым, составляет до 5 метров, однако ров был разрезан лишь до середины, в связи с чем можно сделать вывод, что его ширина составляет не менее 10 метров. Глубина на южном участке рва составляет до 2,5 метров от уровня материка (Воробьева, Данилов, Зеленева и др., 2014, с. 50). Исходя из этого, можно заключить, что южный участок рва значительно шире и глубже северного. По всей вероятности, в южный участок рва был вписан ранее существовавший овраг, тогда как тот участок рва, который исследован в северной части «Царевококшайского кремля», был выкопан вручную.

При археологических исследованиях острожного рва Царевококшайска 2008–2009 гг. на его дне были выявлены деревянные конструкции, представлявшие собой лежащие вдоль линии рва бревна с продольными пазами, в которые были вставлены

деревянные плахи, установленные враспор друг другу под углом около 60 градусов и прижатые сверху другим бревном (рис. 4). По всей вероятности, эта конструкция служила для укрепления стенок рва (Воробьева, Данилов, Зеленева и др., 2014, с. 42).

В письменных источниках сведения о рвах Царевококшайска встречаются в описании кремля и острога П. Кафтанникова 1728 г. Из него следует, что вокруг кремля шла стена длиной в 226 сажень, состоящая из трех проезжих и пяти глухих башен: «А по описи и по мере города кремля по городской стене с начатку, где была Спасская башня, от оной башни кругом 226 сажень. Строения было 3 башни проезжих, 5 башен глухих. Город был рублен в две стены, в ширину кои 3 сажени». Он же описывает острог: «Город же острог был рублен в тарасы. Мерею оного города, где была городская стена от кремля от Галицкой проезжей башни кругом до Тайницкой башни 252 сажени. По оной стене было башен проезжих – 1, глухих – 3» (Йошкар-Ола, 1994, с. 37). Это единственное упоминание в источниках о том, что стена острога была «рублена в тарасы». При археологических же исследованиях укреплений острога, проведенных в 2008–2009 и 2019 гг. на двух участках была выявлена лишь

Рис. 5. Основание тыновой стены острога Царевококшайска (исследования 2009 г.)

Fig. 5. The base of the rear wall of the Tsarevokokshaysk prison (2009 research)

двухрядная тыновая стена (рис. 5). По-видимому, точной информации о «городовом строении» на момент составления описания П. Кафтанникова уже не сохранилось, с момента пожара 1696 г. прошло уже более 30 лет, а сведения очевидцев могли быть недостоверными.

В «Экономических примечаниях Царевококшайского уезда» 1795 года о рвах уже не упоминается, они именуется «лощинами»: «А от губернского города Казани 130 верст по обе стороны реки Малой Кокшаги, трех потоков лощин безымян, приходящих в сем городе устьями своими к означенной реке, и большой дороги, лежащей из города Казань в город Уржум» (Йошкар-Ола, 1994, с. 64). Вероятно, на тот момент рвы-овраги уже стали такой частью городского пейзажа, что воспринимались как природные ланд-

шафтные объекты, которыми, по всей вероятности, и были изначально.

В описании Царевококшайска А.А. Келлера 1837 г. уже говорится, что «никаких остатков древностей и исторических памятников в городе не имеется... Весьма неглубокие рвы и валы остались признаками прежних укреплений. Должно полагать, что были деревянные стены и бойницы, от которых, однако ж, ничего не осталось, кроме народных преданий» (Келлер, 2013, с. 41).

По сведениям, которые излагает В. Мошков в своих путевых записках «Город Царевококшайск», в начале XX века рвы еще были видны: «Они представляют из себя нечто вроде оврагов с пологими берегами, настолько, однако, глубоких, что через них на пересечении с улицами перекинута деревянные мостки» (Мошков, 1984,

с. 33). По его словам, невозможно было представить, что эти рвы были «делами рук человеческих». Эти сведения в соединении с данными археологических исследований подтверждают тот факт, что рвы все-таки имели природное происхождение.

С течением времени необходимость в оборонительной линии отпала, и посад стал выходить за пределы укреплений, формируя территорию города за пределами острожных стен и рвов. Деревянные сооружения кремля и острога, и до этого, по всей вероятности, сильно обветшавшие, пострадали во время пожара 1696 года и после этого уже не были восстановлены. Рвы кремля и острога также были сnivelированы. Это было связано с тем фактом, что функции Царевококшайска как форпоста Русского государства на территории, населенной враждебным населением, уступили место функциям административного центра уезда. Меняется и состав населения Царевококшайска: если в 1723 году преобладающее большинство жителей составляли военные (50,9%), то в 1795 году их осталось лишь 5,4% от жителей города (История сел и деревень, 2004, с. 18). Место оборонительных сооружений острога было занято усадебной застройкой. Облик города также значительно меняется, что в том числе связано с тем, что в 1730–1770-х гг. в Царевококшайске были построены пять каменных храмов, которые стали центрами притяжения, вокруг которых формировалось городское пространство.

Внутри острога археологически были исследованы три объекта, относящиеся к разным хронологическим периодам, – это кладбище Троицкой церкви XVII – первой половины XVIII вв., участок усадебной застройки XVII–XIX вв. на перекрестке ул. Красноармейской и Вознесенской и базарная площадь Царевококшайска, которая возникла во второй трети

XIX в. (рис. 1).

Исследованный Ж.С. Калыгиной в 2015 г. участок погоста Троицкой церкви располагается к северо-востоку и востоку от ее алтарной части. На территории некрополя были исследованы 182 погребения. Погребальный обряд Троицкого некрополя традиционен для русского населения Среднего Поволжья. Ориентировка погребений западная либо западо-северо-западная, труположение – вытянутое, на спине, руки сложены на груди либо вытянуты вдоль тела (рис. 7). Погребальный инвентарь погребений Троицкого некрополя ограничен нательными крестами и остатками металлических деталей одежды – пряжек и пуговиц. Судя по особенностям погребального обряда, здесь хоронили жителей окрестных русских деревень, которые относились к приходу Троицкой церкви (Иванов, 2011, с. 117).

Участок усадебной застройки XVIII–XIX вв. на перекрестке современных улиц Красноармейской и Вознесенской был также исследован Ж.С. Калыгиной в 2015 г. (Данилов, Калыгина, Огородников, 2016, с. 258–261). Культурный слой и сооружения, исследованные на территории раскопа, относятся к XVII–XIX вв. В результате раскопок выявлены многочисленные остатки деревянных сооружений, представляющие собой основания срубов жилых и хозяйственных построек, подклеты, погребя, дощатые настилы. В связи с насыщенностью культурного слоя грунтовыми водами высока степень сохранности дерева и других органических материалов. Наиболее раннее из обнаруженных сооружений датируется по нумизматическому материалу второй половиной XVII века.

Исследование базарной площади было осуществлено в 2008–2009 гг. при археологических раскопках на территории культурно-историческо-

Рис. 6. Базарная площадь Царевококшайска. Деревянные конструкции (исследования 2009 г.).

Fig. 6. Tsarevokokshaysk Market Square. Wooden structures (2009 research).

го комплекса «Царевококшайский кремль», а также при раскопках на месте строительства «ЖК Кремлевский» в 2019 г. В ходе исследований были обнаружены многочисленные деревянные конструкции, относящиеся к периоду существования базарной площади (рис. 6). Это подклеты торговых лавок, деревянные мостовые и дренажная система. В ходе этих раскопок был также исследован комплекс сооружений, вероятно представлявший собой усадьбу ремесленника, занимавшегося кожевенным промыслом (Огородников, 2015, с. 237).

Заострожная территория на плане 1795 г. именуется «предместьями», в которых можно наблюдать три церкви. Это «церковь во имя Вознесения Господня» к северу от острога, церковь «входа Господня в Иерусалим» к югу от острога. Также за пределами городской территории, к западу от острога, изображено «вне города кладбище и при ней церковь Тихвинской божией матери». В предместье на западной границе города также находится «соляной магазин и при нем винный подвал». На северной же границе города на выезде по дороге, ведущей в Яранск, на плане отмечен еще один «питейный дом» (рис. 2).

За границей острога основные археологические исследования пришлись на часть города, прилегающую к посаду с южной стороны (рис. 1). Здесь был исследован Входоиерусалимский некрополь XVII – середины XVIII вв., архитектурный объект – фундамент Входоиерусалимской церкви середины XVIII в., участок усадебной застройки XVIII–XIX вв. и сооружения Богородице-Сергиевского монастыря, возникшего на этой территории в конце XIX в. (Высоцкая, Данилов, Соколов, 2021, с. 117).

Входоиерусалимский некрополь, исследованный П.С. Даниловым в 2010 и Е.Е. Филипповой в 2014 гг., представляет собой приходское кладбище церквей, в разное время существовавших на этой территории, – Рождественской и Входоиерусалимской. К приходу этих церквей относились жители марийских деревень, окружающих Царевококшайск, что подтверждается архивными данными (Иванов, 2011, с. 119). Это четко фиксируется при рассмотрении особенностей погребального обряда некрополя. Наиболее ранние погребения, помимо особенностей погребального обряда, характерных для православной традиции, обладают язычески-

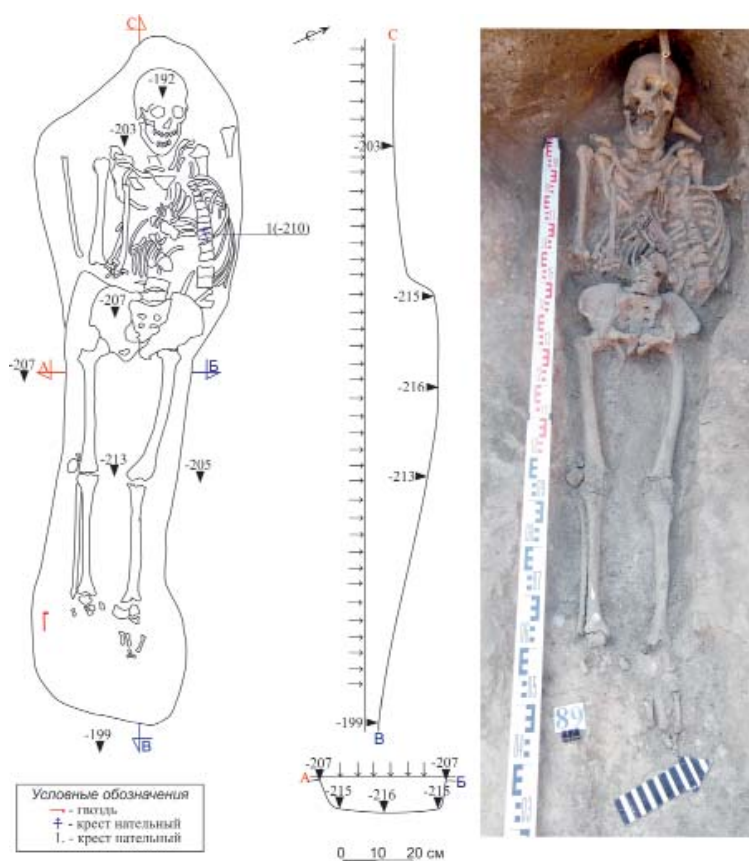

Рис. 7. Троицкий некрополь. Погребение 89 (исследования 2015 г.).
Fig. 7. Trinity Necropolis. Burial 89 (2015 research).

ми чертами. К ним в первую очередь относится наличие погребального инвентаря, обладающего яркой этнической принадлежностью. Это украшения (юпинэ, сьюлгамы, перстни, браслеты, височные подвески), бытовые предметы (ножи, кресала), а также монеты, являющиеся как частью женских украшений, так и клавишиеся в качестве посмертного дара (рис. 8). Всего на территории некрополя было исследовано 752 погребения (Данилов, Зеленева, 2021, с. 130).

На участке усадебной застройки, исследованной П.С. Даниловым в 2010 г. за западной границей Входоиерусалимского некрополя, были выявлены заглубленные в материк сооружения – два подклета жилых домов с остатками срубов, хозяйственные ямы и частокольные канавки. По всей вероятности, эта территория относилась к заострожной Рождественской слободе (Высоцкая, Данилов, Соколов, 2021, с. 124). Нумизматический материал, обнаруженный в их заполнении,

позволяет датировать сооружения второй половиной XVIII – первой половиной XIX вв.

Фундамент Входоиерусалимской церкви 1757 г. постройки был исследован П.С. Даниловым в 2010 г. При раскопках удалось обнаружить северную часть основания церкви (рис. 9). Сохранилась часть основания северной стены и часть апсиды храма, относящейся к северному приделу храма – приделу Петра и Павла. Фундамент храма был ленточный, сформирован из кирпича на густом известковом растворе. Ров под фундамент прорезает ранние культурные напластования, однако практически не врезан в материк (Высоцкая, Данилов, Соколов, 2021, с. 124).

Сооружения Богородице-Сергиевского монастыря конца XIX в. были исследованы Е.Е. Филипповой в 2014 г. Были обнаружены основание восточной монастырской стены, которая проходила параллельно ул. Вознесенской, и фундамент привратной по-

Рис. 8. Входиерусалимский некрополь. Погребение № 280 с вещевым комплексом (исследования 2010 г.).

Fig. 8. Entrance to the Jerusalem necropolis. Burial No. 280 with a clothing complex (research 2010).

стройки северной стены монастыря, которая выходила на ул. Рождественскую (современную ул. Чернышевского).

К западу от территории острога наиболее хорошо исследованным археологическим объектом стал Тихвинский некрополь – городское кладбище, основанное во второй половине XVIII века после того, как указом Екатерины II от 24 декабря 1771 г. был введен запрет хоронить в пределах городской черты. Кладбище было частично исследовано Ю.А. Зеленевым в 2012 г., раскопки проводились на участке к северу от Тихвинской церкви, погребения на котором датируются второй половиной XIX – началом XX в. На территории Тихвинского

некрополя было исследовано 758 погребений. Погребальный обряд Тихвинского некрополя характерен для городских кладбищ Нового времени. Погребения имеют западную ориентировку, совершались в деревянных гробах, погребальный инвентарь по большей части ограничивается предметами личного благочестия (нательные кресты, иконки). Однако встречаются и нетипичные предметы, такие как сосуды-елейницы, в качестве которых выступали бытовая посуда, бутылочки и аптечные флаконы. На территории некрополя были выявлены и надмогильные сооружения – склепы, сложенные из кирпича и зачастую оштукатуренные известковым раствором (рис. 10). Была также зафиксирована

Рис. 9. Фундамент Входиерусалимской церкви (исследования 2010 г.).

Fig. 9. The foundation of the Entrance of the Jerusalem Church (research 2010).

серия погребений с восточной ориентировкой, в которых обнаружены католические предметы личного благочестия, вероятно принадлежащие ссыльным полякам.

Все эти археологические объекты фиксируются на исторических планах Царевококшайска, что дает основания для привязки в том числе и неисследованных археологически объектов городского пейзажа на современной карте Йошкар-Олы (рис. 1). Важно отметить, что на плане Царевококшайска 1795 г. есть так называемые «пустые места», которые прилегают к каменным церквям. Их особенность – отсутствие построек. Такие участки наблюдаются на территории, прилегающей к соборной Воскресенской церкви, к Троицкой церкви и Входиерусалимской церкви. Если совместить эти картографические данные с результатами археологических исследований, проводимых на этих участках, возникает предположение, что так была отмечена территория приходских кладбищ, которые на момент составления карты уже перестают существовать.

Во второй трети XIX – начале XX в. складывается современная городская планировка Царевококшайска. Регулярный план города был подписан императором Николаем I в 1835 году. В «Статистическом описании Царевококшайска» 1837 года, которое принадлежит А.А. Келлеру, говорится

о прежней планировочной ситуации, сложившейся в Царевококшайске, и регулярном плане застройки, предполагавшемся к реализации: «Строение города прежде состояло из сплошных почти малых деревянных домов, крытых драницами. Улицы не в прямой линии. План города, подвергающийся нескольким переменам, Высочайше утвержден 1-го марта 1835 г., по которому и началось строение. Город занимает ныне пространства в длину 724, в ширину 450 саж. и разделяется на 3 квартала. В нем назначено по плану три площади, которые еще не приведены в порядок...» (Келлер, 2013, с. 41). Именно в этот период на месте центральной части посада, которая была расположена к западу от бывшего кремля и соборной церкви, формируется базарная площадь с торговыми лавками и ремесленными мастерскими.

Дальнейшее развитие Царевококшайска в целом проходит на основе регулярного плана 1835 г. Об абсолютной реализации этого плана речи не идет, однако улицы города в целом потеряли черты беспорядочно-кучевой застройки, которая прослеживается на карте Царевококшайска 1795 г. Состояние города на начало XX века хорошо фиксируется на плане 1916–1917 гг. На нем уже присутствуют спрямленные улицы с хорошо выраженными кварталами и обозначена базарная площадь с рядами торговых

Рис. 10. Тихвинский некрополь. Надмогильное сооружение – склеп (исследования 2012 г.).

Fig. 10. Tikhvin necropolis. The tomb structure is a crypt (2012 research).

лавок. Топографические объекты на этом плане не обозначены, однако есть мостки, которые, по всей вероятности, пересекали остатки рвов-оврагов. Такие прослеживаются в районе улицы Садовой (современной Красноармейской), где проходил северный ров острога, и в районе улицы Рождественской, к югу от Входиерусалимской церкви, где был природный овраг, зафиксированный при археологических раскопках 2010 и 2023 гг.

Таким образом, планировочная структура Царевококшайска в развитии представляется следующим образом. На территории, ограниченной оврагами и течением реки Малой Кокшаги, первоначально строится кремль, внутри которого располагаются административные и жилые постройки, церковь. Далее за пределами крепости формируется посад, вокруг которого строится острог, в систему рва которого были включены овраги. С утратой военно-административных функций города оборонительные сооружения теряют свое значение, разрушаются и больше не восстанавливаются. В середине XVIII века появляются новые объекты городского пространства – каменные храмы Царевококшайска, затем формируется планировка города на основе регулярного плана 1835 г. Археологические исследования позволяют соотнести данные письменных и картографиче-

ских источников с современным планом Йошкар-Олы (рис. 1, 2). В ходе изысканий удалось выявить и локализовать такие элементы городской топографии, как оборонительные рвы острога, точное местоположение которых теперь известно в пяти точках современной Йошкар-Олы. Установлено точное местоположение разрушенных в XX веке церковей – Входиерусалимской и Воскресенской, а также Богородице-Сергиевского монастыря. Выявлены и локализованы четыре исторических некрополя Царевококшайска – Воскресенский, Входиерусалимский, Троицкий и Тихвинский. Исследована базарная площадь Царевококшайска и многочисленные участки городской усадебной застройки.

Вместе с тем расположение многих элементов исторической топографии Царевококшайска еще нуждается в уточнении. Наиболее важным является точная локализация оборонительных укреплений кремля, местоположение которых до сих пор остается невыясненным. Необходимо и уточнение границ исторических некрополей Царевококшайска, что крайне важно для постановки этих объектов культурного наследия на государственную охрану. Все эти задачи требуют дальнейших археологических исследований на территории исторического центра Йошкар-Олы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айплатов Г.Н.* Город Царевококшайск и его уезд в XVII–XVIII вв. // Страницы истории Марийского края / Отв. ред. Л.И. Ибраев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. С. 9–32.
2. *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI вв. Очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ. 2012. 660 с.
3. *Воробьева Е.Е., Данилов П.С., Зеленева Ал.Ю.* Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2014. 180 с.
4. *Высоцкая Д.С., Данилов П.С., Соколов А.В.* Входоиерусалимский археологический комплекс Царевококшайска (XVII–XIX вв.) // Поволжская археология. 2021. № 4. С. 117–128.
5. *Данилов П.С., Зеленева Ю.А.* Исторические некрополи Царевококшайска по археологическим данным // Поволжская археология. 2021. № 4. С. 129–136.
6. *Данилов П.С., Зеленева Ю.А., Соколов А.В.* Новые материалы по каменному храмовому строительству XVIII в. в Царевококшайске – Йошкар-Оле // Поволжская археология. 2022. № 4. С. 230–239.
7. *Данилов П.С., Калыгина Ж.С., Огородников А.Д.* Археологические исследования УНАЭЦ МарГУ на территории Республики Марий Эл в 2015 году: предварительные итоги // Музейный вестник № 10 / Отв. ред. А.В. Муравьев. Йошкар-Ола: Национальный музей РМЭ, 2016. С. 258–261.
8. *Димитриев В.Д.* «Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводу В.Я. Воронову об управлении городом и уездом» // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 62–71.
9. История сел и деревень Республики Марий Эл. Город Йошкар-Ола / Отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 2004. 304 с.
10. Йошкар-Ола. 1584–1991. Документы и материалы по истории города / Отв. ред. В.М. Тарасова. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1994. 352 с.
11. *Келлер А.А.* Статистическое описание Царевококшайского уезда Казанской губернии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 154 с.
12. *Ласточкин А.Г.* «О местоположении русской крепости на Кокшаге-реке (к постановке проблемы)» // Города Среднего Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 56–67.
13. *Мошков М.* Город Царевококшайск. Из путевых заметок // Слово о Йошкар-Оле / Ред. и сост. К.К. Васин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. С.30–49.
14. *Огородников А.Д.* Кожаная обувь русского населения Царевококшайска XVII в. (по материалам раскопок г. Йошкар-Олы) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ. 2015. С. 236–238.
15. *Патрушев В.С.* Из прошлого нашей столицы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987. 78 с.
16. *Патрушев В.С.* Древности Йошкар-Олы: итоги и перспективы археологических исследований // Города Среднего Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 36–44.
17. *Сануков К.Н.* Царевококшайск-Йошкар-Ола: страницы истории // Города Среднего Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 14–30.

Информация об авторе:

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника. Учебно-научный археолого-этнологический центр. Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pavel.s.danilov@mail.ru

HISTORICAL TOPOGRAPHY OF TSAREVOKOKSHAYSK

P.S. Danilov

The article deals with analysis of the historical topography of Tsarevokokshaysk on the basis of cartographic, written and archaeological sources. The most informative cartographic source on the historical topography of Tsarevokokshaysk is the city plan of 1795, which depicts the main elements of the urban landscape. Written sources provide the most detailed

descriptions of the city in 1728, 1795 and 1837. The results of archaeological research of the historical center of Yoshkar-Ola significantly refine and supplement the data of archival sources, allowing us to localize historical and topographic objects on the modern map of the city. The author describes the objects of the urban planning of Tsarevokokshaysk, starting with its central part – the Kremlin, then the prison and Zaostrozhnaya territory. The description includes information from archival sources supported by archaeological research data. In conclusion, the author characterizes the change in the main features of the urban layout of Tsarevokokshaysk during the period from the founding of the city to the beginning of the 20th century, raises controversial issues of the historical topography of Tsarevokokshaysk and concludes that further archaeological research of the historical center of Yoshkar-Ola is necessary.

Keywords: archaeology of Modern times, Tsarevokokshaysk, historical topography, urban archaeology, historical maps.

REFERENCES

1. Aiplatov, G. N. 1970. In Ibraev, L. I. (ed.). *Stranitsy istorii Mariiskogo kraia (Pages from the History of the Mari Land)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 9–32 (in Russian).
2. Bakhtin, A. G. 2012. *Mariyskiy kray v XIII–XVI vv. Ocherki po istorii (Mari region in the 13th–16th centuries. Essays on history)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ (in Russian).
3. Vorobeva, E. E., Danilov, P. S., Zeleneev, A. Y. 2014. *Arkheologicheskoe izuchenie Yoshkar-Oly – Tsarevokokshayska (k 430-letiyu goroda) (Archaeological study of Yoshkar-Ola – Tsarevokokshaysk (to the 430 anniversary of the city))*. Yoshkar-Ola: "STRING" Publ. (in Russian).
4. Vysotskaya, D. S., Danilov, P. S., Sokolov, A. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 117–128 (in Russian).
5. Danilov, P. S., Zeleneev, Yu. A. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (37), 129–136 (in Russian).
6. Danilov, P. S., Zeleneev, Yu. A., Sokolov A. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (42), 230–239 (in Russian).
7. Danilov, P. S., Kalygina, Zh. S., Ogorodnikov, A. D. 2016. In Murav'ev, A. V. (ed.). *Muzeynyy vestnik (Museum Bulletin)* 10. Yoshkar-Ola: National Museum of Mari El Publ., 258–261 (in Russian).
8. Dimitriev, V. D. 1992. In *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik (Mari Archaeographic Bulletin)* 2, 62–71 (in Russian).
9. In Ivanov, A. G. (ed.). 2004. *Istoriya sel i dereven' Respubliki Mariy El. Gorod Yoshkar-Ola (The history of villages and villages of the Republic of Mari El. The city of Yoshkar-Ola)*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ. (in Russian).
10. In Tarasova, V. M. (ed.). 1994. *Yoshkar-Ola. 1584–1991. Dokumenty i materialy po istorii goroda (Yoshkar-Ola (1584–1994). Documents and materials on the history of the city)*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ. (in Russian).
11. Keller, A. A. 2013. *Statisticheskoe opisanie Tsarevokokshayskogo uyezda Kazanskoy gubernii (Statistical description of Tsarevokokshaysky uyezd of Kazan province)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
12. Lastochkin, A. G. 2009. In Ivanov, A. G. (ed.). *Goroda Srednego Povolzh'ya: istoriya i sovremennost' (Towns of the Middle Volga Region: History and Contemporaneity)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 56–67 (in Russian).
13. Moshkov, M. 1984. In Vasin, K. K. (ed.). *Slovo o Yoshkar-Ole (Word about Yoshkar-Ola)*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ., 30–49 (in Russian).
14. Ogorodnikov, A. D. 2015. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 8. Yoshkar-Ola: Mari State University, 236–238 (in Russian).
15. Patrushev, V. S. 1987. *Iz proshlogo nashey stolitsy (From the past of our capital)*. Yoshkar-Ola: "Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
16. Patrushev, V. S. 2009. In Ivanov, A. G. (ed.). *Goroda Srednego Povolzh'ya: istoriya i sovremennost' (Cities of the Middle Volga Region: History and Contemporaneity)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 36–44 (in Russian).
17. Sanukov, K. N. 2009. In Ivanov, A. G. (ed.). *Goroda Srednego Povolzh'ya: istoriya i sovremennost' (Cities of the Middle Volga Region: History and Contemporaneity)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 14–30 (in Russian).

About the Author:

Danilov Pavel S. The Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; pavel.s.danilov@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

**МАНИПУЛЯЦИИ С ГОЛОВОЙ ПОГРЕБЕННЫХ
В БЫСТРОВСКОМ НЕКРОПОЛЕ
(ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)¹**

© 2023 г. А.П. Бородовский, П.В. Волков

Статья посвящена анализу находок в Быстровском некрополе (Быстровка-1,2,3) эпохи раннего железа в Верхнем Приобье. Все эти прецеденты были интегрированы в контекст различных вариантов погребальной обрядности: ингумации, вторичных погребений и ритуальных парциальных захоронений. На поверхности отделенных голов представлены различные следы насильственных и производственных воздействий – колющих, пробивающих и режущих инструментов. В соответствии с формой отверстий от пробивающих орудий на поверхности некоторых из черепов из Быстровки-2, кургана-9 можно определить, что они были нанесены лезвием чекана с подпрямоугольным сечением. Такая разновидность ударного оружия эпохи раннего железа представлена на севере Верхнего Приобья не очень широко. При этом большинство железных чеканов эпохи раннего железа Верхней Оби имели преимущественно округлое сечение своего бойка. Так же следует отметить, что отверстия от ударов чеканов по черепу на Алтае имели преимущественно так же округлое сечения. Тогда как, на территории Среднего Енисея (тагарская культура) отверстия от ударов чеканов имели так же преимущественно подквадратное сечение. Такое сходство входных отверстий от чеканов на Среднем Енисее и Верхней Оби (Быстровка-2), косвенно свидетельствует о том, что чеканы, которыми были нанесены удары, могли иметь «тагарское» происхождение. Наряду с этими особенностями следует отметить, что, судя по трасологическим особенностям нанесения ударов чеканом, на один из черепов из кургана-9 Быстровки-2 удар был нанесен по голове, когда человек стоял перед нападавшим на коленях. Именно такая поза представлена на одном из петроглифов на г. Куня на Среднем Енисее. Наличие для Быстровского некрополя обширной сводки радиоуглеродных и дендрохронологических датировок позволяет, наряду с различными изделиями предметного комплекса (наконечники стрел, керамические сосуды и др.), датировать манипуляции с головами погребённых серединой – последней третью I тыс. до н.э. В целом, все эти факты, укладываясь в формат «археологии насилия», иллюстрируют не только различные варианты травм от насильственных действий, но и сложные и многоэтапные ритуалы, отраженные в погребальной обрядности.

Ключевые слова: археология насилия, трасология, технология, эксперимент, реконструкция, эпоха раннего железа, Верхнее Приобье, погребальные ритуалы с головами.

Введение

В эпоху раннего железа на севере Верхнего Приобья (окрестности г. Новосибирска) активно шел процесс локализации масштабных некрополей. Одним из них является агломерат курганных групп Быстровка-1, 2, 3 (рис. 1) в лесостепном правобережье р. Оби (Искитимский район Новосибирской области РФ), который, судя по репрезентативной серии радиоуглеродных и дендрохронологических дат

(Бородовский и др., 2003, с. 84, табл. 2; Алексеев и др., 2005, с. 59, 60) и предметному комплексу, формировался на протяжении всей второй половины I тыс. до н. э. (рис. 2). Значительное количество погребенных в этих многомогильных курганах (Быстровка-1 – 71 особь; Быстровка-2 – 193 особи; Быстровка-3 – 117 особей) достаточно наглядно отражает не только поликультурность населения эпохи раннего железа на севере Верхнего

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя эпохи раннего железа в Верхнем Приобье.

Fig. 1. Location of the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age in the Upper Ob region.

Приобья, но и различные варианты манипуляций с головой погребенных. Среди таких воздействий представлены следы раскраски, отсечения голов (Бородовский, 2002, с. 101, рис. 83), их насаживания на шесты (Шишкин и др., 2016; 2017; 2018; Кишкурно и др., 2021), скальпирования (Бородовский, Табарев, 2005), деформации, трепанации (Шпакова, Бородовский, 1999; Бородовский, 2002, с. 103, 105, рис. 85), а также последствия различных военных травм (Бородовский и др., 2010, с. 29–51). Одним из таких примеров является неоднократно изучавшееся захоронение трех отсеченных человеческих голов на краю насыпи кургана 9 Быстровки-2 (рис. 3).

Несмотря на то, что изучению этого комплекса уже посвящена серия публикаций (Бородовский, 2002; Бородовский, 2017; Шишкин и др., 2016; 2017; 2018; Кишкурно и др., 2021), достоверность его представления как источника еще далека до своей полноты. Устранению таких ин-

формационных пробелов и противоречий в интерпретациях посвящена представленная статья.

Основная часть

Необходимо подчеркнуть, что в ряде публикаций (Шишкин и др., 2016; 2017; 2018; Кишкурно и др., 2021) представлены недостоверные характеристики, которые требуют своего уточнения. Это касается культурной атрибуции комплекса, а также важных деталей при описании исходного источника.

Серьезными неточностями грешит и само описание «следов» обряда выставления голов на шестах, описанное в указанных выше публикациях. Необходимо отметить, что для юга Западной Сибири традиция захоронения нескольких человеческих черепов в курганах прослеживается еще с эпохи поздней бронзы (ирменная культура, Сапогово-1, к. 6, Кузнецкая котловина) (Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, с. 12, 82). В некоторых случаях в это время единичные

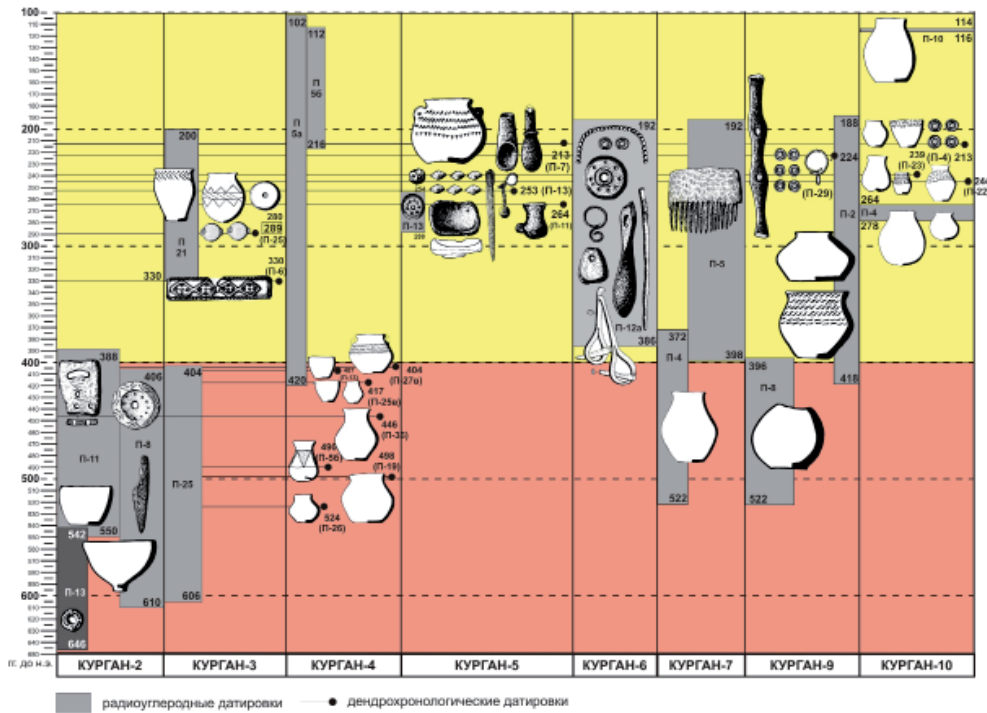

Рис. 2. Комплексное датирование погребений курганной группы Быстровка-2.

Fig. 2. Comprehensive dating of the burials of the barrow group Bystrovka-2.

захоронения черепов (Камень 1, Новосибирское Приобье) сопровождались керамическим сосудом (Новиков, 2001, с. 62).

Для эпохи раннего железа такая практика еще эпизодически представлена на культовых комплексах городищ от Среднего Приртышья (Большой Лог) (Алябина, Конигов, 1995; Багашев и др., 2017, с. 57) до Среднего Приобья (Саровское городище) (Чиндина, 1978). В отношении присутствия инокультурной керамики в захоронении с черепами с периферии кургана 9 Быстровки-2 следует отметить два факта. Во-первых, это достаточно распространённое явление для эпохи раннего железа на юге Западной Сибири (Матвеева, Кобелева, 2013; Матвеева, 2016; Бородовский, 2015; 2016). Во-вторых, для самого Быстровского некрополя представлен целый ряд прецедентов, где фигурирует инокультурная керамика. К такой посуде относится кулайский сосуд с «шипом» на днище из кургана-2 погребения 4 Быстровки-2 и саргатский

сосуд с рогообразным орнаментом с вдавлениями из кургана 5, погребения 1, Быстровки-2 (Бородовский, 2002, с. 92, рис. 80, 2). Отметим, что еще один керамический кулайский сосуд из кургана-9 погребения 2 Быстровки-2 (рис. 3: с, 3) был аналогичен керамике I группы из Каменного Мыса. Радиоуглеродная дата (СОАН-3966, 2285 ± 60 л. н.) костей погребенного с таким сосудом соответствует периоду 509–192 гг. до н. э. Все это явно свидетельствует, что погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган 4, погребения 5а, 5б).

Следует также отметить, что предположение о водружении голов на кургане 9 Быстровки-2 якобы было необоснованно приурочено как к его завершающей стадии, как и всего мо-

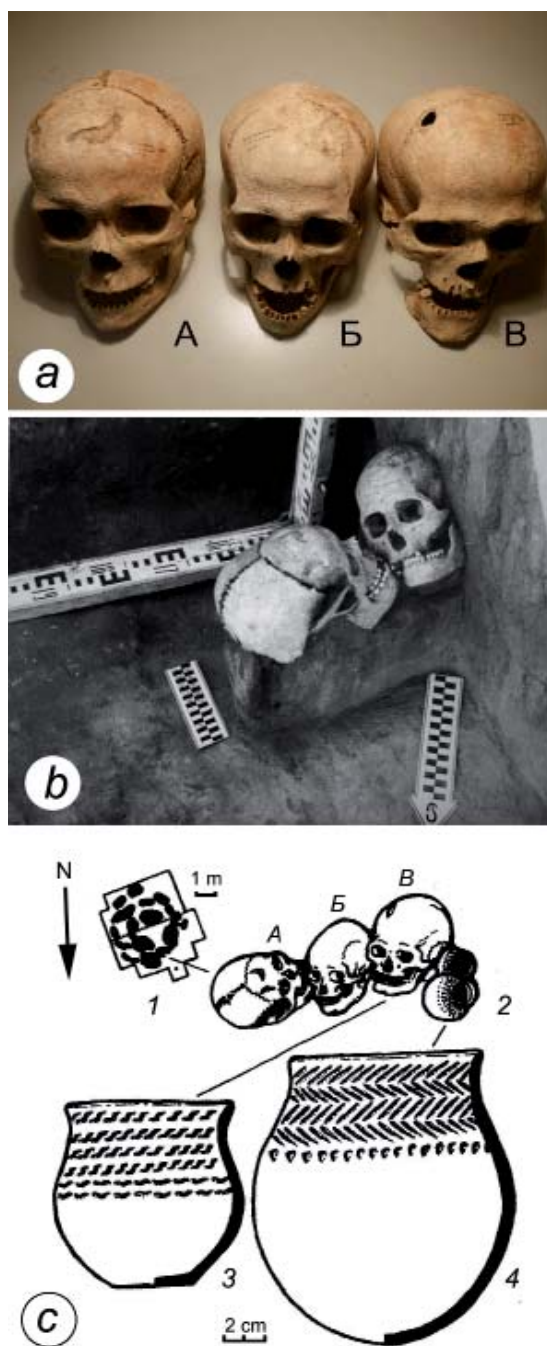

Рис. 3. Могильник Быстровка-2. Курган 9. Черепа «А», «Б» и «В» (а). Черепа «А» и «Б» в процессе раскопок (б). Местоположение черепов на плане кургана (с 1); относительное расположение черепов по итогам раскопок (с 2) и два, обнаруженных рядом, керамических сосуда (с 3 и с 4).

Fig. 3. Burial ground Bystrovka-2. Kurgan 9. Skulls "A", "B" and "C" (a). Skulls "A" and "B" during excavation (b). The location of the skulls on the plan of the mound (from 1); the relative position of the skulls according to the results of the excavations (from 2) and two ceramic vessels discovered nearby (from 3 and from 4).

гильника в целом (Шишкин, Зубова, Кишкурно, 2016, с. 134). Поскольку по данным обширной серии данных радиоуглеродного и дендрохронологического анализа этот погребальный комплекс (курган 9) Быстровки-2 хотя и относится к поздней группе курганов, но функционирует достаточно долго (рис. 2).

В целом становится очевидным, что предложенная гипотеза о выставлении человеческих голов на Быстровском некрополе является достаточно противоречивой, не отражающей всей полноты манипуляций с этой частью тела человека. Тогда как необходимыми условиями научности любой гипотезы являются: проверяемость, наблюдаемость, непротиворечивость (Клейн, 2011, с. 59). В свою очередь, активное использование в представленной работе экспериментально-трассологических исследований позволяет актуализировать алгоритм проверки различных версий гипотез в формате криминалистики (Клейн, 2011, с. 67–68).

Микроскопическое обследование поверхности черепов выявило ряд их повреждений. Трассологический анализ и систематизация такого рода следов позволила их определить их генезис и проследить последовательность их образования.

На черепе «А» были зафиксированы следы двух искусственных прободений. Отверстия расположены в правой теменной кости, в районе затылочного шва и в левой половине затылочной кости, несколько ниже затылочного шва. В первом случае отверстие имеет характерную форму, на его краях прослеживается смятость костной ткани и незначительные сколы компакты на поверхности эндокрана (рис. 4: а, б). Прободение такой формы могло образоваться на черепе в результате проникающего удара. Второе отверстие в затылочной кости имеет, вероятно, то же происхождение

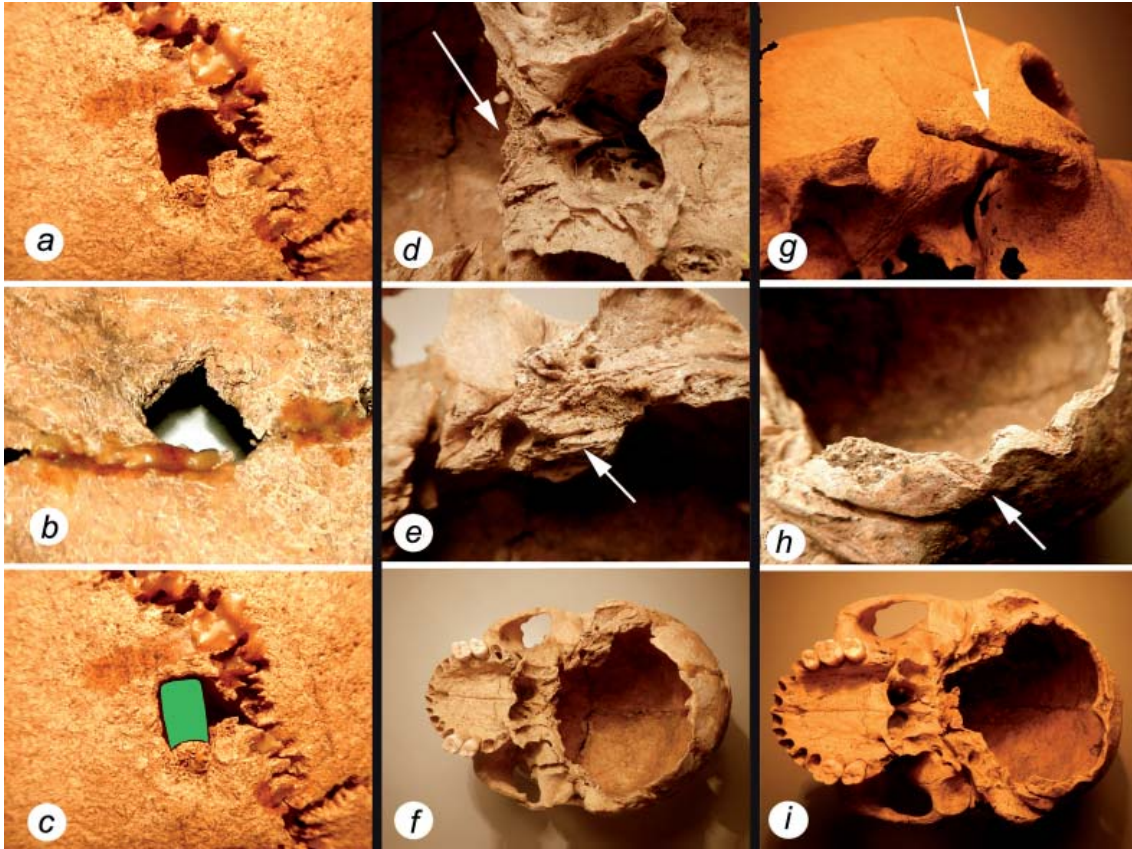

Рис. 4. Входное (а) отверстие с внутренней стороны черепа «А» и выходное (б) отверстие на внешней поверхности в его затылочной части. Вероятная форма сечения орудия убийства (с). Следы использования ножа при резке черепа «А» (d, e) и последствия расширения его большого затылочного отверстия (f). Следы использования ножа при резке черепа «Б» (g, h) и последствия расширения его большого затылочного отверстия (i).

Fig. 4. Inlet (a) hole on the inside of the skull "A" and outlet (b) hole on the outer surface in its occipital part. Probable cross-sectional shape of the murder weapon (c). Traces of using a knife when cutting the skull "A" (d, e) and the consequences of the expansion of its large occipital foramen (f). Traces of using a knife when cutting the skull "B" (g, h) and the consequences of the expansion of its large occipital foramen (i).

(его анализ затруднён значительной деформацией этого участка черепа в процессе последующих с ним манипуляций). Вместе с тем с определённой долей уверенности можно предположить, что описываемые отверстия могли образоваться в результате двух ударов, нанесённых орудием типа «чекан» по голове стоящего на коленях и опустившего голову человека.

Следует обратить внимание также на характер сечения от боя чекана на женском черепе «А». На территории Верхнего Приобья черепа с такими повреждениями далеко не единичны. В качестве примеров можно привести

пробитые головы погребённых из могильника Бийск-1 (курган 10) (Завитухина, 1961, с. 97) и Новотроицкого-1 (курган-28, погребение 1, курган-30, погребение-1) (Рыкун, 1999, с. 152, 153). Целая серия мужских черепов с пробоинами от ударов чекана известна на сопредельной территории с Верхним Приобьем – Саяно-Алтае. Такие случаи характерны для пазырыкских погребений Горного Алтая (Второй Пазырыкский курган, Уландрык II). Тувы (Саглы-Бажи-II) (Кубарев, 1987, с. 65), Среднего Енисея (Береговой 1) (Бородовский и др., 2010, с. 41, рис. 10, 7) и Западной Монголии

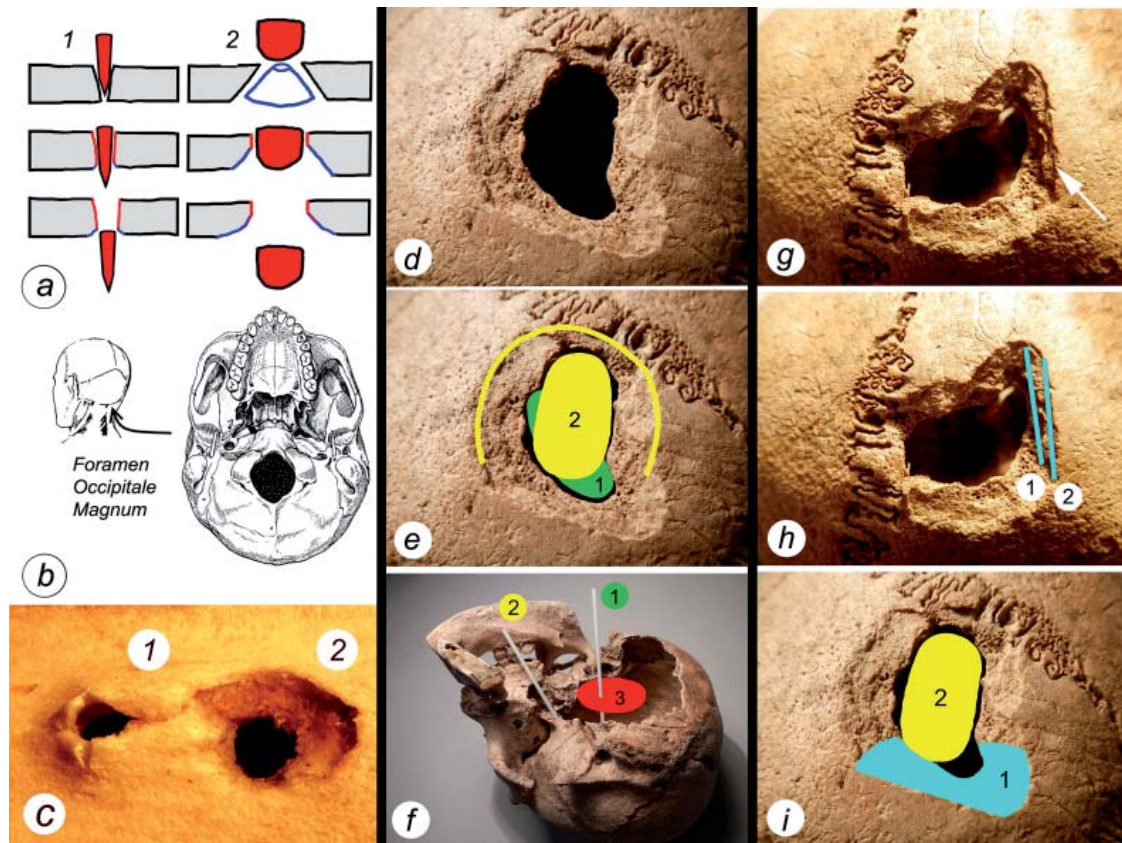

Рис. 5. Схема (а) прободения кости относительно острым (1) и притупленным (2) орудием. Типичный размер и место расположения большого затылочного отверстия на черепе человека (b). Образец выходного отверстия (c) при прободении кости относительно острым (1) и притупленным (2) экспериментальным орудием. Выходные отверстия на внешней поверхности черепа «Б» (d). Последовательность проникновения и форма сечения орудий прободения (1 и 2). Граница зоны распространения конусообразной трещины (e) от воздействия орудия 2. Направления проникновения орудия 1 через зону большого затылочного отверстия (3) и орудия 2 через зону искусственно расширенную в основании черепа (f). Выходные отверстия прободения и следы резки ножом (g) с внешней поверхности черепа «Б». Линии и последовательность резки ножом (h 1,2). Зона удаления кости после резки черепа (i 1) и конфигурация сечения орудия прободения 2 (i 2).

Fig. 5. Scheme (a) of bone perforation with a relatively sharp (1) and blunt (2) tool. Typical size and location of the foramen magnum on a human skull (b). A sample of the exit hole (c) when perforating a bone with a relatively sharp (1) and blunt (2) experimental tool. Exit holes on the outer surface of the skull "B" (d). Sequence of penetration and cross-sectional shape of perforation tools (1 and 2). The boundary of the zone of propagation of a cone-shaped crack (e) from the impact of tool 2. The directions of penetration of tool 1 through the zone of the foramen magnum (3) and tool 2 through the zone artificially expanded at the base of the skull (f). Exit holes of perforation and traces of cutting with a knife (g) from the outer surface of the skull "B". Lines and sequence of cutting with a knife (h 1,2). The zone of bone removal after cutting the skull (i 1) and the configuration of the section of the perforation tool (i 2).

(Улангомский могильник). Все удары чеканом были последовательно нанесены в теменную область. Поединки с использованием чеканов и ударов ими по голове известны как среди петроглифов тагарского времени на среднем Енисее у гор Куны и Тепсей (Советова, 2005, с. 80, рис. 3), так и

Восточного Казахстана (Сагыр, Кулжабасы) (Самашев, 2006, с. 104,105). На этих наскальных рисунках петроглифы отражают различные стадии поединков пеших воинов с использованием чеканов. Для травм от чекана, выявленных на черепе женщины из кургана 9 Быстровки-2, наиболее

соответствует расположению жертвы насилия на коленях спиной к нападавшему или результат удара всадника вслед убегающему или стоящему человеку. Однако следует обратить внимание, что для большинства случаев травм от чекана на черепах представлены отверстия округлого сечения от бойка чеканов. Тогда как на женском черепе («А») из Быстровки-2 сечение отверстий является прямоугольным. Находки чеканов с таким сечением бойка представлены на севере левобережья Верхнего Приобья эпизодически как среди случайных находок, так и в погребальных комплексах (Новый Шарап – 2) (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 155, табл. XXV, II; с. 181, табл. LI, 1). В связи с этим следует подчеркнуть, что подпрямоугольность бойка чеканов встречается среди образцов тагарского вооружения (Береговой-1) (Бородовский и др., 2010, с. 41, рис. 10, 4). Тогда как на других территориях юга Западной Сибири более распространенными являются железные и бронзовые чеканы с округлым бойком. Этот факт явно свидетельствует о том, что травму головы женщина из Быстровки-2 (курган 9) получила достаточно редко встречающейся разновидностью ударного оружия.

Следует также отметить, что, вероятно, практически сразу после убийства было произведено и отделение головы от тела (антропологический анализ показал, что череп «А» – женский) (Кишкурно, Алексеева, Шишкин, Зубова, 2021, с. 142–144). В месте соединения височной, клиновидной и затылочной костей, с использованием ножа, справа и слева были произведены два косых реза по естественным промежуткам между костями в направлении затылочной части черепа, где кость надрубалась несколькими уверенными ударами, вероятно, с использованием того же инструмента – ножа (рис. 4: d, e). Следует отметить хорошее знание анатомии человека и

несомненный опыт оператора.

На черепе были зафиксированы и следы операции по расширению большого затылочного отверстия (БЗО). В качестве рабочего инструмента использован нож. Ориентация резов и их последовательность дает основания предположить удержание ножа в работе правой рукой и удержание черепа на горизонтальной поверхности правой лицевой частью к оператору (рис. 4: f).

Следов умерщвления, подобных следу чекана на черепе «А», на черепе «Б» не обнаружено.

Отделение черепа «Б» от тела убитого проводилась оператором, действия которого принципиально не отличались от работы с черепом «А» (рис. 4: g–i). Использовался нож. Можно отметить некоторую небрежность, «размашистость» действий оператора при декапитации – резы кости в зоне БЗО часто излишне протяженные и не столь отчетливо ориентированы, как при работе с черепом «А». Отмечены следы и функционально неочевидной резки ножом (рис. 4: g). Расположение черепов «А» и «Б», при операции в зоне БЗО, сходны в основных чертах – удержание на горизонтальной поверхности правой лицевой частью к оператору.

Обследование внутренней поверхности черепа «Б» выявило следы его прободения со стороны БЗО. Экспериментальные исследования позволили зафиксировать ряд закономерностей в формировании отверстий в кости при использовании орудий различных типов (рис. 5: a, c).

Результаты проведенных экспериментов практически схожи с аналогичными исследованиями, проводившимися при трасологическом изучении следов трепанации на черепах могильников тесинского этапа тагарской культуры. Опыт расщепления камня помог пониманию генезиса деформаций кости как следствие

удара по ее поверхности «по модели формообразования продуктов расщепления цельный осколок, возникший в результате «вдавленного» перелома, может рассматриваться как позитив конуса Герца» (Гиря и др., 2020, с. 142).

Детализация исследований процесса прободения черепов через большое затылочное отверстие предоставила возможности и для дифференциации использовавшегося инструментария, имеющего относительно «острый» и «притуплённый» рабочий край; понимание орудий прободения в категориях «раздвигающего» (рис. 5: а 1) и «выбивающего» (рис. 5: а 2) материал инструментов.

Отмеченные на черепе «Б» выходные отверстия прободения представляют собой следствие ударов орудием, приведших именно к «выбиванию», выкалыванию фрагментов кости, к образованию конических, расширяющихся в направлении удара трещин (рис. 5: d). Отверстие в черепе «Б», как хорошо видно по внешней конфигурации оснований конических трещин (рис. 5: e), было произведено двумя ударами.

Определение центров приложения импульсов раскалывающих кость сил и ориентации плоскостей «оснований» конических фигур выкалываний и последовательность наложения следов образовавшихся трещин позволили определить векторы прилагавшихся для прободения черепов сил. Было установлено, что два фиксируемых удара производились приблизительно в одну точку, но с различных направлений (рис. 5: f).

Первая линия прободения проходит через большое затылочное отверстие (БЗО) к внутренней поверхности черепа под углом, близким к прямому (рис. 5: f 1). Прободение второго отверстия через БЗО, как выяснилось при реконструкции процесса, оказалось невозможным. Угол наклона

инструмента, условно обозначенного как «орудие 2», в точке его соприкосновения с относительной плоскостью кости внутри черепа совсем иной, чем у «орудия 1». Вектор приложения выкалывающей кость силы в данном случае мог пройти внутрь черепа только после искусственного расширения зоны БЗО (рис. 5: f 2).

Следует отметить, что анализ конфигурации обоих прободений черепа не свидетельствует об использовании орудий с острыми режущими краями. Форма сечения орудий в зоне контакта с костью имела подовальные очертания (рис. 8: b), характерные скорее для деревянных кольев, чем для заостренных ромбовидных в сечении металлических копий, использовавшихся людьми в исследуемое время.

Тем не менее вызывает значительные сомнения мотивация насаживания отчлененных голов из кургана 9 на тупой конец древка копья (Кишкурно и др., 2021, с. 141). Можно привести целый ряд аргументов в пользу нереальности таких действий. В частности, сечение деревянного стержня в двух случаях пробития черепов имело совершенно иное сечение (эллипсоидное), вообще не соответствующее древку копья.

Анализ зоны выходных отверстий черепа «Б» выявил и следы резки ножом (рис. 5: g–i). Характерно, что линии как минимум двух резов сопрягаются с отверстием первого прободения черепа. Можно предположить и причину такого рода манипуляции. Если после первого прободения черепа и его насадки на деревянный кол прошло достаточно большое время, то естественно предположить превращение ещё сохранившегося кожно-волосного покрова головы в клейкую структуру и слипание поверхности черепа с поверхностью деревянного насада. Если в силу неизвестных нам причин требовалось снятие головы, то неизбежным оказывалось и среза-

ние её с кола с применением орудия типа ножа.

Следует отметить и тот факт, что при повторном снятии головы с насада перед её захоронением в кургане нож уже не потребовался. Вполне вероятно, что к этому времени произошло засыхание клейких масс и сравнительно лёгкое снятие черепа с насада.

При отделении головы от тела на черепе «В» были оставлены следы, аналогичные отмеченным на черепах «А» и «Б». В качестве инструмента декапитации использовался нож (рис. 6: а, б). Действия, как и в двух ранее описанных случаях, характеризуются как уверенная работа опытного и хорошо знающего анатомию человека оператора.

Следы резки и надрубания кости ножом, фиксируемые на всех трех черепах, располагаются по границе мягких тканей шеи и головы. Их расположение позволяет говорить о том, что выполняемые действия производились без нарушения целостности позвоночного столба.

Во всех трех наблюдаемых случаях обезглавливание осуществлялось с помощью ножа путем его вонзания под подбородок трупа и последующим выполнением симметричных боковых надрезов. Завершалась операция надрубанием и выламыванием части затылка, связанной с позвоночником.

Траектория разрезов, всегда «выполняемых по направлению к яремному отверстию, была ориентирована на места расположения крупных сосудов, что уменьшало необходимость применения серьезных физических усилий. Поскольку на костях черепа в большинстве случаев отсутствуют дублирующие порезы, которые могли бы свидетельствовать о нескольких попытках интуитивного нахождения оптимальной траектории, можно предполагать, что человек, выпол-

нявший манипуляцию, был знаком с внешними анатомическими ориентирами ключевых точек» (Шишкин, Зубова, Волков, Кишкурно, 2016, с. 139). Кроме того, следы на всех трёх черепах не свидетельствуют о стремлении оператора к некой деликатности по отношению к трупу. Работа ножом по кости черепа проводилась равно как уверенно, как и достаточно грубо (рис. 6: б).

Большое затылочное отверстие на черепе «В» искусственно расширено несколько больше, чем на черепах «А» и «Б» (рис. 6: с).

Как и на черепе «Б», здесь зафиксированы признаки двух прободений (рис. 6: d). Сходны следы наложений первого и второго пробития черепа с внутренней стороны черепа (рис. 6: e). Направления векторов, прилагаемых при насаде черепа на кол, сил на черепе «В» несколько отличны: направление движения кола при вторичном насаде проходит через зону БЗО (рис. 6: f).

Следы завершающих манипуляции с черепом «В» во многом сходны с тем, что производились на черепе «Б». При снятии черепа после его первого пребывания на колу также использовался нож (рис. 6: g–i). В отличие от следов на поверхности черепа «Б» здесь зафиксированы следы не двух, а трёх резов, отделяющих подсохшую голову от деревянного насада (рис. 12: b), но эта деталь не представляется значительной.

Подводя итог сделанным наблюдениям, можно проследить и общую для всех последовательность манипуляций с изучаемыми черепами.

Декапитация.

Отрезание головы производилась ножом. Последовательность действий во всех трёх случаях однотипна и характерна для оператора, имеющего немалый опыт и хорошо знающего анатомию человека.

Первый насад головы.

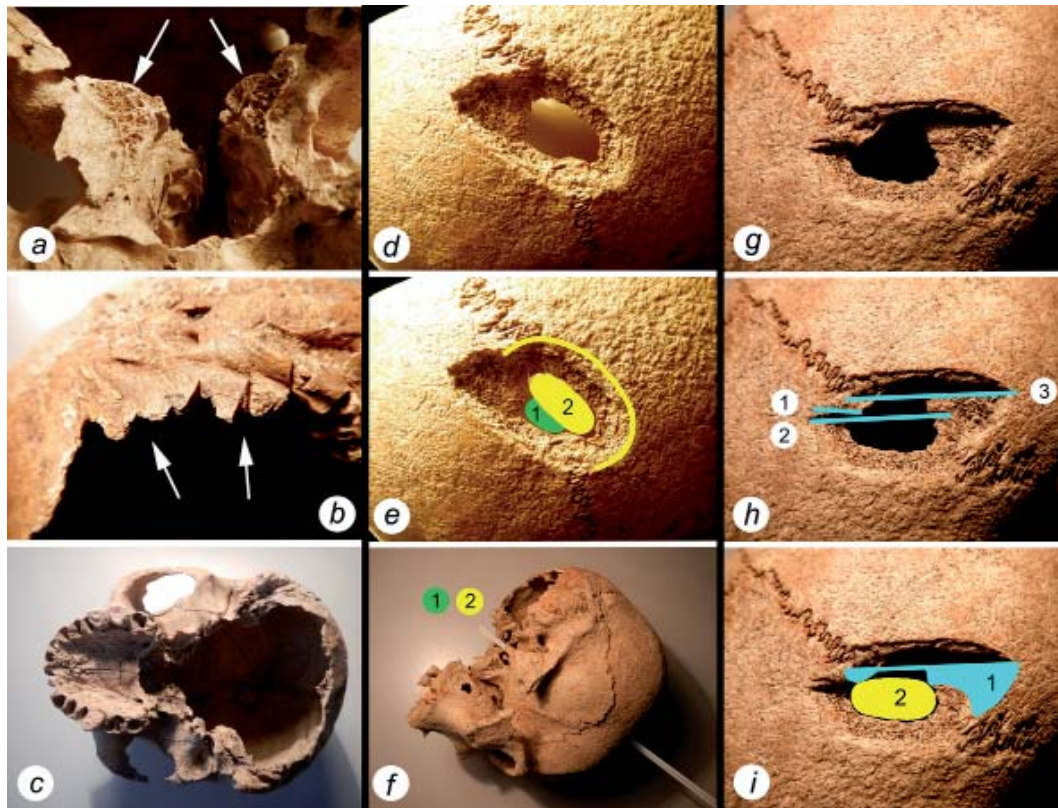

Рис. 6. Следы использования ножа при резке черепа «В» (а, б) и последствия расширения его большого затылочного отверстия (с). Выходные отверстия на внешней поверхности черепа «В» (d). Последовательность проникновения (е) и форма сечения орудий прободения (1 и 2). Граница зоны распространения конусовидной трещины (е) от воздействия орудия 2. Направления проникновения орудий 1 и 2 через зону большого затылочного отверстия (f). Выходные отверстия прободения и следы резки ножом (g) с внешней поверхности черепа «В». Линии и последовательность разки ножом (h 1-3). Зона удаления кости после резки черепа (i 1) и конфигурация сечения орудия прободения 2 (i 2).

Fig. 6. Traces of using a knife when cutting the skull "B" (a, b) and the consequences of the expansion of its large occipital foramen (c). Exit holes on the outer surface of the skull "B" (d). Sequence of penetration (e) and cross-sectional shape of perforation tools (1 and 2). The boundary of the zone of propagation of a cone-shaped crack (e) from the impact of tool 2. Directions of penetration of tools 1 and 2 through the zone of the foramen magnum (f). Exit holes of perforation and traces of cutting with a knife (g) from the outer surface of the skull "B". Lines and sequence of cutting with a knife (h 1-3). The zone of bone removal after cutting the skull (i 1) and the configuration of the section of the perforation tool 2 (i 2).

Направление первого прободения черепа проходит по линии через центр большого затылочного отверстия. Пробитие кости производилось орудием с относительно тупым острием, подовальным в сечении. Наиболее вероятным представляется насаживание головы с остатками мягких тканей на деревянный кол.

Снятие с кола.

Следы резки в зоне сопряжения костей черепа с насадом могут быть интерпретированы как свидетельство

процесса снятия черепа с шеста, на котором он пребывал достаточно долгое время.

Расширение большого затылочного отверстия.

Для повторного насаживания головы на кол, вероятно по гигиеническим или эстетическим причинам, было произведено удаление остатков мозга в черепе через расширенное в результате резки ножом большое затылочное отверстие. Не исключено, что было совершено и заполнение внутреннего

пространства черепа каким-либо му-мифицирующим материалом, замедляющим процесс разложения кожи на лицевом отделе черепа. Могло быть это сделано и для придания устойчивости положения черепа на насаде. На всех трёх черепах отмечается сходный «почерк» работы оператора.

Повторный насад головы.

Вторичное прободение черепов производилось в той же зоне черепа, как и при первом насаде головы. Положение черепа на шесте не отличалось от результатов первого насада.

Повторное снятие черепа.

Манипуляции с черепом на этом этапе, вероятно, не вызвали затруднений у оператора. Хорошо просохший череп снялся с кола, очевидно, легко – нож для резки в зоне сопряжения костей черепа и насада не потребовался.

Погребение черепа.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в целом для Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3) эпохи раннего железа в Верхнем Приобье характерна достаточно разнообразная практика манипуляции с головами погребенных, которая включала скальпирование (Бородовский, Табарев, 2005), деформацию (Бородовский, 2002, с. 105, рис. 85), отсечение, насаживание на колья, разрушение черепной коробки и посмертную трепанацию (Шпакова, Бородовский, 1998). Все эти действия очень часто совершались с одним и тем же черепом последовательно. Причем первоначальным актом мог являться факт получения погребенной смертельной военной травмы (рис. 4: а–с).

Тщательное фиксирование этого комплекса в ходе раскопок и детальное изучение указанного антропологического материала позволило выявить перманентность алгоритма действий с человеческими головами

Такая, не только гипотетическая, но и верифицированная в результате

экспериментально-трасологического анализа последовательность, позволяет утверждать, что выставление человеческих голов на шестах было далеко не первым актом всех этих манипуляций и уж явно не завершающим действием. Поскольку в конечном итоге все эти человеческие головы были захоронены в общем погребальном комплексе (кургане 9 Быстровки-2). В свою очередь отсутствие в соседних синхронных курганных группах (Быстровка-1, 3) этого некрополя у целого ряда погребенных, включая коллективные захоронения (Быстровка-2, 3) (Бородовский и др., 2010, с. 35 рис. 9, 1,2,4) голов в «обычных» могилах, вполне может быть косвенным свидетельством последствий межклановых конфликтов. Причины и мотивация происхождения таких событий могут быть самыми различными – от традиционной «судебной» практики (Геродот, IV, 1972, с. 80) до межклановой вражды или внешних столкновений в ходе конкуренции за лидерство или какие-нибудь ресурсы. Следует отметить, что как в случае с «обычными» погребениями с захороненными без голов (Быстровка-1, курган 4, погребение 1), так и отдельных черепов на периферии кургана 9 Быстровки-2. В полной мере представлена погребальная практика с сопроводительным инвентарем. Если в первом случае (Быстровка-1, курган 4, погребение 3) это помещение костяного наконечника стрелы на месте утраченной головы, то во втором (Быстровка-2, пола насыпи кургана 9) – это расположение у отчлененных голов инокультурных (кулайского и саргатского) керамических сосудов (рис. 3: с, 3, 4).

В свою очередь помещение у отчлененных голов в кургане 9 Быстровки-2 инокультурных керамических сосудов могло иметь также достаточно сложную семантику – от символического вместилища, дара до культурного маркера.

Подходя к интерпретации такого последнего предположения необходимо отметить, что выявление в ходе антропологических исследований отсутствия существенных отличий этих черепов от общей краниологической выборки курганной группы Быстровка-2 (Кишкурно и др., 2021, с. 147) как достаточно любопытно, так и очень показательно.

Во-первых, соответствие антропологических особенностей керамике с определенной культурной атрибуцией (кулайской или саргатской) совсем не является очевидным по причине целого ряда факторов. Среди них ограниченность «кулайской» антропологической выборки (могильники Каменный Мыс, Алдыган, единичные черепа с Усть-Полуя, Кулайской Горы, Большого Лога) (Багашев и др., 2017, с. 57), а также ее меньшая репрезентативность по уровню полноты и сохранности в сравнении с антропологическими материалами из Быстровского некрополя в Верхнем Приобье.

Во-вторых, для Быстровки-2 характерно как присутствие целого ряда погребений с кулайским и саргатским

инвентарем, так и прямые аналогии отдельных сопроводительных предметов из захоронений с могильником Каменный Мыс. К примеру, керамический кулайский сосуд из погребения 2 кургана 9 Быстровки-2 аналогичен керамике I группы из Каменного Мыса. К такой же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из погребения 4 кургана 2 Быстровки-2 (Бородовский, 2015).

В-третьих, следует еще упомянуть о явно выраженной тенденции присутствия и сочетания разнокультурной керамики среди целого ряда культурных образований на юге Западной Сибири с конца I тыс. до н. э. вплоть до эпохи раннего Средневековья (Матвеева, Кобелева, 2013; Матвеева 2016, с. 148–153; Бородовский, 2016, с. 95; Бородовский, 2017, с. 239). Этот факт может быть обусловлен как интенсивностью культурных связей и интеграционных процессов, так и миграционной активностью, в ходе которых могли возникать внутренние и внешние конфликты, результатом которых становились сложные и разнообразными манипуляция с человеческими головами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Х., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб: Теза, 2005. 290 с.
2. Алябина В.П., Конилов Б.А. Древнее святилище на окраине Омска // Памятники истории и культуры Омской области. Омск, 1995. С. 14–18.
3. Багашев А.Н., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Слепцова А.В. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой лог в Омске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37) С. 57–71.
4. Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области / Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 6. Новосибирск, 2002. 208 с.
5. Бородовский А.П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 123–132.
6. Бородовский А.П. Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2009. 112 с.
7. Бородовский А.П. Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам дати-

рования Быстровского некрополя) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 87–96.

8. *Бородовский А.П.* Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3(13). С. 94–102.

9. *Бородовский А.П.* Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. Вып. 23 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 23. С. 229–240.

10. *Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В.* Археология насилия. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2010. 110 с.

11. *Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джал Э.Дж.Т.* Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древестно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганный группы Быстровка-2). // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 79–92.

12. *Бородовский А.П., Табарев А.В.* Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 87–96.

13. *Геродот.* История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.

14. *Гиря Е.Ю., Учанева Е.Н., Малютин А.А., Бусова В.С., Лазаретова Н.И.* Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. С. 135–171.

15. *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии / Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1961. С. 89–108.

16. *Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г.* Аварийные раскопки близ курганов с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 206 с.

17. *Кишкурно М.С., Шишкин А.С., Алексеева Е.А., Зубова А.В.* Новые результаты изучения человеческих черепов из ритуального комплекса могильника Быстровка-2 (ранний железный век) // Camera praehistorica. 2021. № 2(7). С. 138–151.

18. *Клейн Л.С.* Гипотеза в археологии // Российский археологический ежегодник. Вып. 1 / Гл. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 56–72.

19. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.

20. *Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: ТюмГУ, 2016. 264 с.

21. *Матвеева Н.П., Кобелева Л.С.* К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. С. 68–78.

22. *Новиков А.В.* Исследование на могильнике ирменской культуры Камень-1 // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ, 2001. С. 62–64.

23. *Рыкун М.П.* О характере травматических повреждений мужского населения Каменской культуры (по материалам могильника Новотроицкое-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 151–154.

24. *Самашев З.* Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.

25. *Советова О.С.* О возможностях использования наскальных изображений в качестве истории военного дела племен тагарской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 77–84.

26. *Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

27. *Чиндина Л.А.* Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири / Отв. ред. В.А. Дремов. Томск: Томский университет, 1978. С. 51–80.

28. *Шапков А.Т.* Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV–XVI вв. (по русским и иностранным источникам) // Историческая наука на рубеже веков / Отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург: Волот, 2000. С. 94–108.

29. *Шишкин А.С., Волков П.В., Зубова А.В., Кишкурно М.С.* Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 134–143.

30. *Шишкин А.С., Волков П.В., Зубова А.В., Кишкурно М.С.* Ритуальное выставление голов у носителей каменной культуры Новосибирского Приобья (по палеоантропологическим материалам из могильника Быстровка-2) // XII Конгресс антропологов и этнологов России. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 142.

31. *Шпакова Е.Г., Бордовский А.П.* Факты искусственного повреждения черепов из Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа (по материалам могильников Быстровка-2,3) // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 1998. С. 684–692.

Информация об авторах:

Бордовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); altaicenter2011@gmail.com ORCID 0000-0002-6312-1024

Волков Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); volkov100@yandex.ru ORCID 0000-0001-9303-4565

MANIPULATIONS WITH THE HEAD OF THOSE BURIED IN THE BYSTROVKA NECROPOLIS

(THE EARLY IRON AGE OF THE UPPER OB REGION)

A.P. Borodovskiy, P.V. Volkov

The article deals with analysis of the material from the Bystrovka necropolis (Bystrovka-1,2,3) of the Early Iron Age in the Upper Ob region. All these precedents were integrated into the context of various types of burial rites: inhumation, secondary burials, and ritual partial burials. On the surface of individual heads there are various traces of violent and industrial influences – stabbing, punching and cutting tools. In accordance with the shape of the holes from the piercing tools on the surface of some of the skulls from Bystrovka-2, kurgan-9, it can be determined that they were made with a chekhan with a subrectangular section. This type of impact weapon of the Early Iron Age is not widely represented in the north of the Upper Ob region. At the same time, most of the iron chasings of the Early Iron Age of the Upper Ob had a predominantly rounded cross-section of their striker. It should also be noted that the holes from the blows of the chekhan on the skull in Altai had a predominantly rounded section. Whereas, on the territory of the Middle Yenisei (Tagar culture), the holes from the chekhan of the coinage also had a predominantly sub-square section. Such a similarity of the entrance holes from the coinage on the Middle Yenisei and the Upper Ob (Bystrovka-2) indirectly indicates that the coinage with which the blows were struck could be of “Tagar” origin. Along with these features, it should be noted that, judging by the tracing features of striking with a coin on one of the skulls from Bystrovka-2 kurgan-9, it was struck on the head when the person was kneeling in front of the attacker. It is this pose that is shown on one of the petroglyphs on Mount Kunya in the Middle Yenisei. The presence of an extensive report of radiocarbon and dendrochronological dating for the Bystrovka necropolis makes it possible, along with various objects of the object complex (arrowheads, ceramic vessels, etc.), to date manipulations with the heads of those buried in the middle – the last third of the 1st millennium BC. In general, all these facts fit into the format of the

The study was carried out under the project "Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technology, adaptation and cultural ties" (FWZG-2022-0006).

“archeology of violence” and illustrate not only various variants of injuries from violent actions, but also complex and multi-stage rituals reflected in the funeral rites.

Keywords: archaeology of violence, traceological analysis, technology, experiment, reconstruction, Early Iron Age, Upper Ob region, burial rituals with heads.

REFERENCES

1. Alekseev, A. Yu., Bokovenko, N. A., Vasil'ev, S. S., Dergachev, V. A., Zaitseva, G. I., Kovalyukh, N. N., Kuk, G., van der Plikht, Kh., Possnert, G., Sementsov, A. A., Skott, E. M., Chugunov, K. V. 2005. *Evrasiya v skifskuyu epokhu. Radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya (Eurasia in Scythian Time. Radiocarbon and Archaeological Chronology)*. Saint-Petersburg: “Teza” Publ. (in Russian).
2. Alyabina, V. P., Konikov, B. A. 1995. In *Pamyatniki istorii i kul'tury Omskoy oblasti*. Omsk, 14–18 (in Russian).
3. Bagashev, A. N., Slepchenko, S. M., Alekseeva, E. A., Sleptsova, A. V. 2017. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (2), 57–71 (in Russian).
4. Borodovskiy, A. P. 2002. *Arkheologicheskie pamyatniki Iskitimskogo rayona Novosibirskoy oblasti (Archaeological sites in the Iskitim district of the Novosibirsk region)*. Materialy «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii (Materials of the "Corpus of historical and cultural sites of the peoples of Russia) 6. Novosibirsk (in Russian).
5. Borodovskiy A.P. 2018. In Nosov, E. N. (ed.). *Drevnie nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropoley (Ancient necropolises: Burial and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises)*. Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. XLVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, State Hermitage Museum Publ., 123–132 (in Russian).
6. Borodovskiy, A. P. 2009. *Traditsionnye i estestvenno-nauchnye metody datirovaniya pogrebal'nykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleza) (Traditional and natural scientific methods of dating burial complexes (by the materials of the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).
7. Borodovskiy, A. P. 2015. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (43), 87–96 (in Russian).
8. Borodovskiy, A. P. 2016. In *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 3(13), 94–103 (in Russian).
9. Borodovskiy, A. P. 2017. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 23. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 229–240 (in Russian).
10. Borodovskiy, A. P., Zubova, A. V., Pozdnyakov, D. V., Tabarev, A. V., Cheremisin, D. V. 2010. *Arkheologiya nasiliya (Archaeology of violence)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).
11. Borodovskiy, A. P., Slyusarenko, I. Yu., Kuz'min Ya. V., Orlova, L. A., Kristen, Dzh. A., Garkusha, Yu. N., Burr, Dzh. S., Dzh. E. Dzh. T. 2003. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 15 (3), 79–92 (in Russian).
12. Borodovskiy, A. P., Tabarev, A. V. 2005. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 21 (1), 87–96 (in Russian).
13. *Gerodot. Istoriya v 9 knigakh (Herodotus. History in 9 books)*. 1972. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
14. Giryа, E. Yu., Uchaneva, E. N., Malyutina, A. A., Busova, V. S., Lazaretova, N. I. 2020. In *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)* 1, 135–171 (in Russian).
15. Zavitukhina, M. P. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannego zheleza Sibiri i Sredney Azii (Bronze and Early Iron ages in Siberia and Central Asia)*. Series: Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Collection of Papers the State Hermitage Museum) 3. Leningrad: The State Hermitage Museum, 89–108 (in Russian).
16. Ilyushin, A. M., Kovalevskiy, S. A., Suleymenov, M. G. 1996. *Avariynye raskopki bliz' kurganov s. Sapogovo (Emergency excavations near the barrows at the village of Sapogovo)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).
17. Kishkurno, M. S., Shishkin, A. S., Alekseeva, E. A., Zubova, A. V. 2021. In *Camera praehistorica* 2, 138–151 (in Russian).
18. Kleyn, L. S. 2011. In Vishnyatsky, L. B. (ed.-in-chief). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 56–72 (in Russian).
19. Kubarev, V. D. 1987. *Kurgany Ulandryka (Barrows of Ulandryk)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Matveeva, N. P. 2016. *Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov) (Western Siberia in the Migration period (is-*

sues of cultural genesis according to materials from burial sites)). Tyumen: Tyumen State University Publ. (in Russian).

21. Matveeva, N. P., Kobeleva, L. S. 2013. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (3), 68–78 (in Russian).

22. Novikov, A. V. 2001. In Chindina, L. A. (ed.). *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii (The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent areas: Materials of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference)*. Tomsk: Tomsk State University, 62–64 (in Russian).

23. Rykun, M. P. 1999. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izuchenii skifskoi epokhi Altaia i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 151–154 (in Russian).

24. Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazakhstana (Petroglyphs of Kazakhstan)*. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).

25. Sovetova, O. S. 2005. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 24 (4), 77–84 (in Russian).

26. Troitskaya, T. N., Borodovskiy, A. P. 1994. *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya (Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob Region)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

27. Chindina, L. A. 1978. In Dremov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri (Issues of Archaeology and Ethnography of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 51–80 (in Russian).

28. Shashkov, A. T. 2000. In Redin, D. A. (ed.). *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov (Historical science at the turn of the century)*. Ekaterinburg: “Volot” Publ., 94–108 (in Russian).

29. Shishkin, A. S., Volkov, P. V., Zubova, A. V., Kishkurno, M. S. 2018. In Nosov, E. N. (ed.). *Drevnie nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropoley (Ancient necropolises: burial and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises)*. Series: Proceedings of IHMC RAS. Vol. XLVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, State Hermitage Museum Publ., 134–143 (in Russian).

30. Shishkin, A. S., Volkov, P. V., Zubova, A. V., Kishkurno, M. S. 2017. In Zagrebin, A. E., Martynova, M. Yu. (eds.). *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii (XII Congress of anthropologists and ethnologists of Russia. Izhevsk, July 3-6, 2017)* Moscow, Izhevsk: “IEA RAN, UIIYaL UrO RAN” Publ., 142 (in Russian).

31. Shpakova, E. G., Borodovskiy, A. P. 1998. 1998. In Gemuev, I. N. (ed.). *Sibir' v panorame tysyacheletiy (Siberia within the Panorama of Millennia)* 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 684–692 (in Russian). *of Archaeology and Ethnography of Siberia*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 51–80 (in Russian).

About the Authors:

Borodovskiy Andrey P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; altaicenter2011@gmail.com ORCID 0000-0002-6312-1024

Volkov Pavel V. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Novosibirsk State University. Pirogova str., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; volkov100@yandex.ru ORCID 0000-0001-9303-4565

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 11 РАСКОПА СХLIX БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2023 г. Е.В. Волкова, В.С. Баранов, К.В. Кирягин, А.И. Жолобов,
А.Г. Ситдииков, Н.Р. Рахматуллин, В.А. Калянов

В данной статье авторы приводят предварительные данные по останкам из погребения 11 раскопа СХLIX Болгарского городища. Необычный для средневекового Болгара погребальный обряд привлёк внимание к этому погребению в ходе раскопок 2010 года. Авторами приводится характеристика индивидуальных особенностей останков по результатам кранио- и остеоскопии, их описание в соответствии с прижизненными изменениями и посмертной сохранности. В ходе исследования было установлено, что индивид был мужского пола, возрастом от 35 до 45 лет, реконструированная по разным методикам длина тела составила 158–163 см. Палеопатологическое исследование и медико-криминалистическая реконструкция выявили признаки анкилозирующего спондилоартрита и перелома подъязычной кости. Были выполнены графическая и пластическая реконструкции облика по методу М.М. Герасимова, так же были зафиксированы дискретно-варьирующих признаки черепа исследуемого индивида.

Ключевые слова: археология, физическая антропология, краниофенетика, травма, патология, болезнь Бехтерева, медико-криминалистическая реконструкция, пластическая реконструкция, средневековье, Болгар.

Охранно-исследовательские работы лета 2010 г. на территории Болгарского городища X–XV вв. в районе одного из мысовых выступов высокой коренной волжской террасы (раскоп СХLIX) позволили обнаружить захоронение, которое представляется необычным в контексте истории Волжской Болгарии. Погребение раскопано и исследовано в центральной части мыса (погребение 11, сектор Центральный 2). Следы могильной ямы были выявлены на уровне материкового грунта как пятно подпрямоугольных очертаний, вытянутое по направлению запад – восток, с округлым выступом с северной стороны. Стратиграфически объект соотносим с ранним горизонтом золотоордынского слоя. Длина 184 см, ширина от 64 см до 92 см. Костяк проявился в западной части могильной ямы в процессе первой выборки заполнения. При дальнейшей расчистке заполнения определилось, что покойный находился в сидячем положении, спиной к запад-

ной стенке могильной ямы. Основные части скелета, за некоторым исключением, расположены в анатомическом порядке. Некоторое смещение ребер, очевидно, обусловлено посмертными деформациями трупа и действием на костяк грунтовых масс. Ноги были согнуты в коленях и несколько раздвинуты, коленные чашечки смещены (очевидно, грызуны). Берцовые кости располагались почти перпендикулярно ко дну ямы, с уклоном в сторону южной и северной стенок. Стопы лежали *in situ* практически на дне ямы. Кости рук были вытянуты и сложены между ног в районе таза, ладонями вниз. В правую руку покойного был вложен четырехконечный бронзовый крест с раздвоенными на концах перекладинами и восьмигранной втулкой для крепления древка. Голова находилась отдельно от шеи – у ног покойного, между большими берцовыми костями, теменной частью упираясь в нижнюю треть правой берцовой кости, лицом в сторону туловища, т. е.

¹ Работы проводились в рамках программы Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан (2013–2014 гг.)

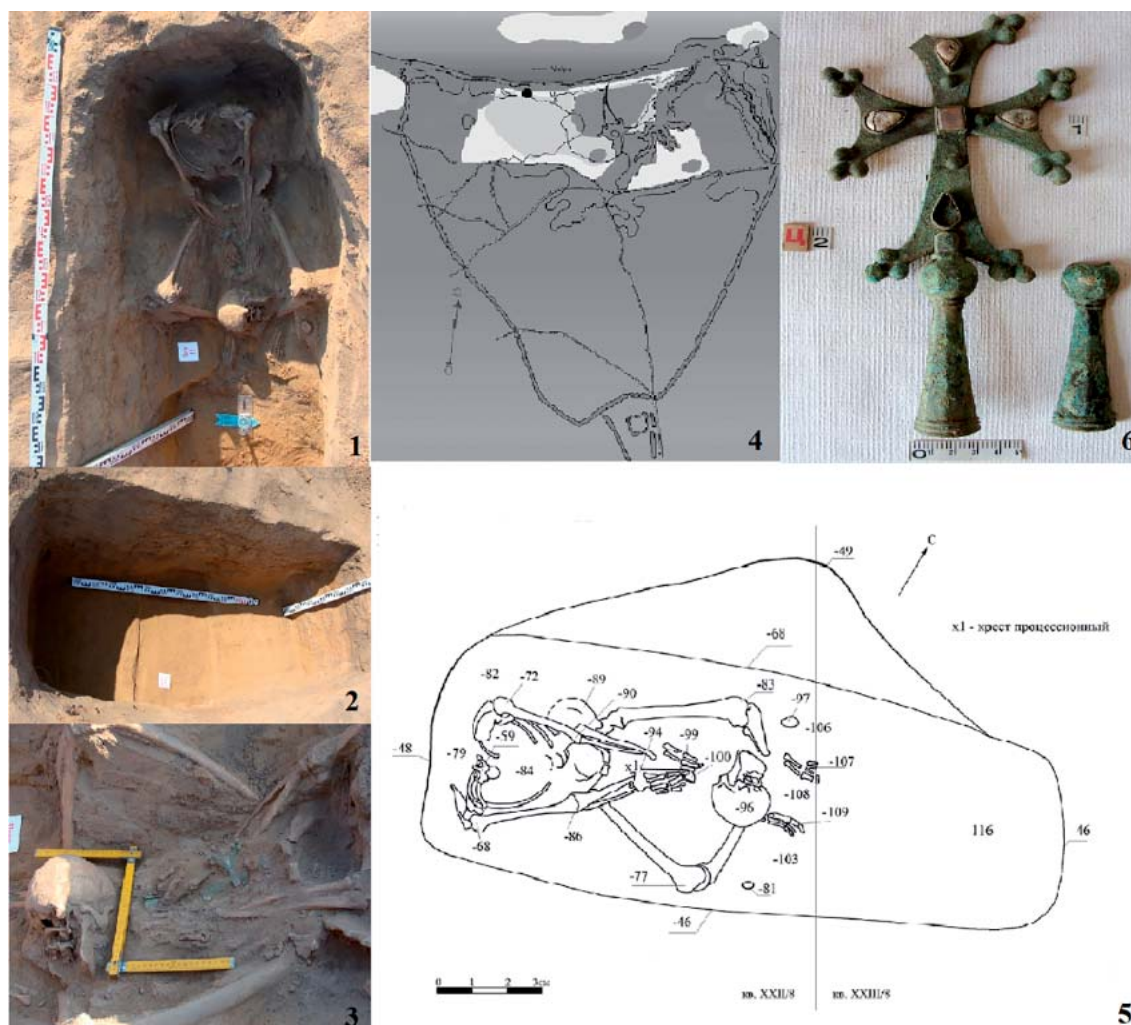

Рис. 1. Погребение 11. 1–3 – виды погребения на разных этапах расчистки; 4 – план Болгарского городища, раскоп СXLIX, сектор Центральный II; 5 – схема погребения; 6 – процессионный крест.

Fig. 1. Burial no. 11. 1–3 – views at different stages of clearing; 4 – map of Bolgar fortified settlement, excavation CXLIX, sector the Central II; 5 – burial plan; 6 – processional cross.

на запад. У основания черепа *in situ* находились два шейных позвонка (см. рис. 1) (Баранов и др., 2019).

Анализ погребального обряда позволил отнести данное погребение к «одной из разновидностей сидячих захоронений, совершаемых в рамках христианской погребальной традиции», а захороненное лицо – к непосредственному представителю христианской общины, «не исключено – проповеднику или церковному иерарху» (Баранов и др., 2019, с. 241–243). Аналогичный способ похорон известен в христианской традиции как погребение по «восточному»

или по «греческому» обычаю, «как и положено восточным патриархам», когда тело усопшего в полном облачении и с посохом в руке помещалось в кресло и опускалось в гробницу. Истоки этого обычая исследованы слабо, но, как представляется, они исходят из греко-византийской традиции. Подобным образом были погребены константинопольский патриарх Афанасий Царьградский (1654) (<https://drevo-info.ru/articles/4422.html>), святитель Игнатий митрополит Мариупольский (1786) (<https://azbyka.ru/days/sv-ignatij-mariupolskij>), епископ греческой старостильной церкви

Хризостом (2023) (https://dzen.ru/a/Y9uFup6Z4D_BjfXB). По всей видимости, выявленный на территории Болгарского городища погребальный комплекс также представлял собой своеобразную гробницу, которая была засыпана в результате дальнейшей градостроительной деятельности на территории исследованного участка.

Аналогии кресту исследователи обнаруживают на территории Кавказа, Малой Азии, Трапезундской империи, приводя в качестве примера армяно-византийский процессионный крест, что наряду с письменными свидетельствами о широких контактах Болгара и южного Причерноморья может указывать на неместное происхождение погребённого, а характер погребения – на его особенный статус (Баранов и др., 2019).

Костные останки представлены в хорошей сохранности и были доступны для дальнейшего изучения методами антропологии и судебной медицины.

Сравнительно-анатомическим методом с использованием иллюстраций в «Атласе анатомии человека» Р.Д. Синельникова, костного архива медико-криминалистического отделения и рентгенографического метода установлена принадлежность всех костей, доставленных на исследование, скелету одного человека и конкретная их анатомическая принадлежность.

По краниометрическим параметрам черепная коробка некрупных размеров, мезо-брахикранная (основные диаметры характеризуются малыми величинами). Однако лобная кость широкая и средненаклонная в профиль, с тенденцией к покатости. Форма черепа по вертикали определяется как пентагоноидная. Лицевой отдел описывается как среднеширокий и средневысокий, по пропорциям относится к категории средних. Надглазничные вырезки смещены к переносью, верхний край глазницы

несколько завернут, острый. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы, сошник искривлен влево, подносовой шип направлен вперед. Межчелюстной шов не выступает, глубина клыковых ямок значительна, более 6 мм. Ширина рта средняя (около $\frac{1}{2}$ бигониальной ширины). Альвеолярный отросток верхней челюсти имеет мелкие дефекты по лункам 1, 4, 6 зубов справа и 1, 4, 6, 7 зубов слева, обнажением полости лунки. Прикус (вероятно) ножницеобразный. Контур нижней челюсти закруглен. Антропологический тип визуально определяется как европеоидный. Исследования индивида, проведенные ранее И.Р. Газимзяновым позволили определить, что «череп морфологически описывается признаками, характерными в целом для представителей южноевропеоидных популяций средиземноморского типа, – относительно узкое и средневысокое лицо сопровождается резкой его горизонтальной профилировкой и большим углом выступления носа» (Баранов и др., 2019, с. 241).

Прижизненно утрачены шесть зубов (на верхней челюсти 6, 7, 8 справа и 8 слева, на нижней челюсти 8 справа и 7 слева), давно, с заращением лунок; десять зубов (на верхней челюсти 1, 2, 4, 5 справа; 1, 2, 5, 6 слева и на нижней челюсти 1 справа и слева) утрачены посмертно. Удалены остатки грунта с поверхности, естественных отверстий черепа, лунок альвеолярных отростков челюстей. Свободно извлекающиеся зубы удалены. Произведено определение местоположения зубов в количестве девяти и закрепление их в лунках клеем ПВА. Всего в наличии 16 зубов (табл. 1).

Задняя часть чешуи височной кости утолщенная, сосцевидные отростки средней величины, направлены вперед и вовнутрь, с выраженным рельефом, несколько больше выражены с левой стороны (рис. 2).

Таблица 1

Определение сохранности зубов индивида

Верхняя челюсть	правая сторона								левая сторона							
	Оз	Оз	Оз	О	О	О	О	О	О	О	Кр	Кр	О	О	Кр	Оз
№ зуба	8	7	6	5	4	3	2	1	1	2	3	4	5	6	7	8
Нижняя челюсть	Оз		Кп	Кр				О	О						Оз	

В формуле приняты следующие условные обозначения: пустая клетка – зуб цел; О – зуб отсутствует, лунка не зарощена (посмертная утрата зуба); Оз – зуб отсутствует, лунка зарощена; Кп – кариозная поверхность; Пб – пломба; Кр – корень.

Таблица 2

Определение половой принадлежности черепа и посткраниального скелета

Методика	Оценка показателей	Результат
По качественным, анатомо-морфологическим признакам черепа (по В.Н. Звягину, 1983 г.)	Оценено 40 признаков: • мужских признаков – 33; • женских признаков – 7;	Диагностический коэффициент (67,342) свидетельствует о вероятной принадлежности черепа лицу мужского пола.
По показателям диагностических размеров черепа (по В.И. Пашковой 1958, В.Н.Звягину 1983)	Оценено 25 показателей: •вероятно мужских – 9; •вероятно женских – 4; •достоверно женский – 1; •неопределённых – 11.	Вероятно, мужской череп
По качественным остеоскопическим признакам черепа (по Д. Ферембах, И. Швидецкой, Строукалу, 1979)	Оценено 14 показателей (шкалирование, балльная оценка): •мужских – 8; •индифферентных – 5	Череп оценен как мужской с перевесом в 25 баллов
Остеометрический метод определения по бедренным и плечевым костям с использованием метода диагностических коэффициентов, разработанного Й. - В.И. Найнисом (1966 г.).	Оценено 6 признаков по правой плечевой кости и 7 признаков по правой бедренной кости.	Диагностический коэффициент (-14) по правой плечевой и (+9) по правой бедренной кости демонстрируют принадлежность мужскому полу
Определение по анатомо-морфологическим признакам и остеометрическим показателям таза (Воробьев, Тонков, 1953)	Оценено 11 анатомо-морфологических признаков: мужских – 11. Оценено 10 остеометрических признаков: •мужских – 9; •неопределённый – 1.	20 диагностических признаков из 21 указали на принадлежность костяка мужскому полу.

Для определения половой принадлежности погребенного использована методика расчета половой принадлежности черепа по анатомо-морфологическим признакам (Звягин, 1983). Определение пола проводилось по показателям диагностических размеров черепа (Пашкова, Резников, 1978). Остеоскопические признаки черепа с оценкой их значимости определены по Д. Ферембах, И. Швидецкой,

М. Строукалу согласно материалам Международного симпозиума по половозрастной диагностике скелета 1979 года (Лебединская, 1998). Череп достоверно определён как мужской (табл. 2). Определение пола проводилось также по костям таза и трубчатых костям, остеометрическим способом по бедренным и плечевым костям с использованием метода диагностических коэффициентов (ДК),

Рис. 2. Фото черепа исследуемого индивида в разных проекциях.

Fig. 2. Photo of the cranium of the individual being studied in different projections.

разработанного Й.-В.И. Найнисом в 1966 г. (Пашкова, Резников, 1978). Пол определялся по анатомо-морфологическим признакам и остеометрическим показателям таза согласно методу В.П. Воробьева, В.Н. Тонкова (Тонков, 1953).

При исследовании черепа обнаружены проявления краниостеноза, при котором достоверное определение возраста по состоянию швов внутренней поверхности свода черепа невозможно. По степени зарастания швов черепа ориентировочно костный возраст неизвестного мужчины может быть определен в пределах 35–45 лет (по методике В.Н. Звягина, 1975). Также было проведено определение костного возраста по длинным костям скелета. Возрастные изменения бедренной и плечевой костей оценивались визуально и рентгенографически по данным Hansen для проксимального отдела бедренной и плечевой костей. Бедренные кости представлены полностью, относительно тяжелые, сухие. Ямка головки четко выражена, края ее четко очерчены, заострены. Границы головки и шейки сглажены. Структура губчатого вещества мелкоячеистая. Балки имеют радиальное направление. Компактный слой отно-

сительно твердый, крепкий. Эпифизарная линия в области головки представлена узкой короткой полоской. Верхняя граница костномозговой полости находится несколько выше нижнего края малого вертела. Плечевые кости представлены полностью, относительно тяжелые, сухие. Поверхность костей в верхних (проксимальных) отделах шероховатая, грубая с множеством мелких отверстий, наростов и валиков. Гребни большого и малого бугров четко выражены. По краю головки и в области бугров имеются пористые дефекты. Структура спонгиозного вещества мелкоячеистая, балки имеют радиальное строение. Эпифизарная линия имеет вид прерывистой полоски. Компактный слой крепкий, толстый. Верхняя граница костномозговой полости находится несколько ниже уровня хирургической шейки. Таким образом, состояние длинных костей соответствует возрастному периоду 30–39 лет, наиболее вероятно – около 35 лет.

Таким образом, учитывая наличие краниостеноза швов свода черепа со стороны внутренней поверхности, ориентировочный костный возраст погребённого определен в пределах 35–45 лет, по состоянию длинных ко-

Таблица 3

Индивидуальные данные по дискретно-варьирующим
краниологическим признакам черепа индивида из погребения 11

№	Признак	прав.	лев.
1.	Sutura frontalis (metopica)	+	
2.	Foramen supraorbitale	+	+
3.	Foramen frontale	+	+
4.	Spina trochlearis	+	-
5.	Foramen infraorbitale access.	-	-
6.	Os zygomaticum bipartitum	следы	-
7.	Ossa Wormii suturae coronalis	-	-
8.	Foramen parietale	-	-
9.	Forma spina processus frontalis (прямой/выступ/отросток)	отросток	выступ
10.	Stenocrotaphia (processus parietalis ossis sphenoidalis)	+	+
11.	Proc. frontalis ossis temporalis (полн./неполн.)	неполн.	неполн.
12.	Os epipterium	-	-
13.	Ossa Wormii suturae squam.	-	-
14.	Foramen tympanicum	-	-
15.	Os postsquamosum	1 (след)	1 (след)
16.	Os Incae	-	-
17.	Os triquetrum	-	-
18.	Os apicis lambdae	-	-
19.	Processus interparietalis	-	-
20.	Ossa Wormii suturae lambdae	2	-
21.	Os asterii	1 (след)	1 (след)
22.	Ossa Wormii suturae occ.-mast.	-	-
23.	Foramen mastoideum extrasut.	-	1
24.	Canalis condylaris	-	-
25.	Tuberculum praecondylare	+	-
26.	Foramen pterygospinosum	-	-
27.	Sut. palat. transversa concavus	-	
28.	Sut. palatina transversa fractus	+	
29.	Torus palatinus (балл)	2	
30.	Torus mandibularis (балл)	0	1
31.	Foramen mentale access.	-	-

Обозначения: «+» - наличие признака, «-» - отсутствие, цифрами обозначено количество идентифицируемых элементов, либо балльная оценка признака (балл)

стей – 30–39 лет, приближаясь, вероятнее к 35летнему рубежу.

Мелкие анатомические варианты черепа, определяемые по схеме «наличие – отсутствие» (непостоянные швы, отверстия, валики, бугорки, вдавления), принято обозначать «дискретно-варьирующими» краниоскопическими признаками, дискретно-варьирующими признаками (ДВП), краниофенетическими признаками, подчёркивая их изменчивость и описательный характер их фиксации (Козинцев, 1980). Как было неодно-

кратно показано отечественными и зарубежными исследователями, изучение ДВП не только дополняет краниометрический анализ, но и служит самостоятельным источником информации о древних популяциях (Мовсеян, 2005). ДВП используются в антропологии главным образом для классификации человеческих групп, для уточнения места человека среди приматов, для оценки популяционно-генетических параметров, для выделения групп близких родственников внутри древних популяций и для ин-

Таблица 4

Данные измерений длинных костей и результаты реконструкции длины тела индивида из погребения 11

Кость	Длина кости (мм)	Автор	Длина тела (см)
Правая плечевая	306		
Левая плечевая	300	Ролле	154-160
Правая бедренная	435	Мануврие	155-162
Левая бедренная	430	Тельккя	159-163
Правая большая берцовая	350	Троттер Алексеев	165-166
Левая большая берцовая	350	Пирсон	156-162
Правая малая берцовая	345	Дюпер-тюи	162-165
Левая малая берцовая	345	Найнис	158-163

дивидуальной диагностики, так как изменчивость этих признаков установлена на самых различных уровнях организации (от уровня рас до уровня отдельных малых популяций) (Козинцев, 1980; Мовсесян, 2005).

Процедура исследования индивида включала фиксацию 31 ДВП краниофенетической программы московской школы (Мовсесян, 2005). Отмечались черепные аномалии: дополнительные кости, шовные кости (*ossa wormiana*), родничковые кости (*ossa fonticulorum*), дополнительные отверстия, непостоянные отростки и отверстия, валики и бугорки (табл. 3). Довольно слабая внутригрупповая корреляция между признаками даёт возможность применения простых математических приёмов для индивидуальной диагностики и определения принадлежности индивида к определённой группе (Козинцев, 1973). Авторы нашли возможным привести индивидуальные данные по ДВП (табл. 3).

Для установления длины тела неизвестного мужчины были использованы плечевые, бедренные, большеберцовые и малоберцовые кости. На остеометрической доске измерялась максимальная длина указанных костей, при этом полученные результаты объединялись в сводной таблице. По методикам разных авторов с использованием табличных данных и математических расчетов были получены следующие данные, которые от-

ражены в таблице 4. Таким образом, средний рост составляет 158–163 см.

Палеопатологическое исследование и медико-криминалистическая реконструкция заболеваний, повреждений, изменений у индивида из погребения 11.

В области позвоночного столба обнаружены признаки прижизненного заболевания. Позвоночный столб представлен: отдельно расположенными 1, 2 шейными позвонками; 4–7 шейными и 1, 2 грудными позвонками, спаянными за счет костных разрастаний в единый конгломерат; 3–12 грудными позвонками, спаянными за счет костных разрастаний в единый конгломерат; пятью отдельно расположенными поясничными позвонками. Полностью отсутствует третий шейный позвонок. Для комплексного исследования данных изменений была произведена анатомическая реконструкция позвоночного столба и таза (рис. 3: 1). Отдельные кости, костные фрагменты и костные конгломераты сопоставлялись между собой по суставным поверхностям с последующим склеиванием. Полученный препарат исследовался визуально и рентгенографически (рис. 3: 2). Установлено наличие окостенения реберно-позвоночных суставов 3–9 грудных позвонков справа, межпозвоночных хрящей с развитием костных мостиков (синдесмофитов) между позвонками в указанных костных

Рис. 3. Исследование позвоночника индивида из погребения 11. 1 – анатомическая реконструкция позвоночного столба и таза в разных проекциях; 2 – рентгенограмма позвоночного столба.

Fig. 3. Research of the spine of the individual from burial no. 11. 1 – anatomical reconstruction of the spinal column and pelvis in different projections; 2 – radiograph of the spinal column.

конгломератах шейного и грудного отделов позвоночного столба, преимущественно на передней и правой боковой поверхности тел позвонков. Тела позвонков на рентгенограмме с атрофией балок, имеют квадратную форму, замыкательные пластинки уплотнены на фоне остеопороза (симптом «бамбуковой палки»). В передне-задней проекции на рентгенограмме определяются две вертикальные линии, образованные кальцифицированной межостной связкой, правым дугоотросчатый суставом (симптом «трамвайных рельсов»). Между костными конгломератами на уровне межпозвонкового диска 2–3 грудных позвонков сращение отсутствует, краевые валики тел позвонков уплощены, сглажены, поверхность их блестящая, зашлифованная, как бы полированная. Кроме того, при изучении других костей скелета установлено наличие искривления верхнего края тела грудины и нижнего края

рукоятки грудины с формированием деформации линии их соединения в косопоперечном направлении сверху вниз, справа налево под углом около 45° по отношению к продольной оси тела. За счет вышеописанных изменений позвоночный столб резко деформирован: дугообразно искривлен вперед и влево на уровне грудного отдела с выпрямлением естественных изгибов позвоночного столба.

Таким образом, при исследовании костных останков обнаружены признаки прижизненного заболевания, характерные для III-й стадии центральной формы анкилозирующего спондилоартрита (болезни Штрюмпелля-Бехтерева-Мари).

Анкилозирующий спондилоартрит – системное воспалительное заболевание соединительной ткани с преимущественным поражением суставно-связочного аппарата позвоночника, а также периферических суставов с вовлечением в процесс

внутренних органов (сердце, аорта, почки), имеющее склонность к хроническому течению с развитием анкилозов. Впервые клиническое описание заболевания под названием «одеревенелость позвоночника с искривлением» дал В.М. Бехтерев в 1892 г. (Бунчук, 2001). В 1897 г. Штрюмпелль (A. Strumpell) описал это заболевание, пользуясь термином «хроническое анкилозирующее воспаление позвоночника и крестцово-подвздошного сочленения», а в 1898 г. Мари (P. Marie) описал одну из форм заболевания – поражение позвоночника с обязательным вовлечением в процесс тазобедренных и плечевых суставов, назвав ее ризомелическим спондилезом. Заболевание поражает преимущественно мужчин (90%) в возрасте 20–40 лет, встречается часто (примерно 1 случай на 1000 населения). Этиология и патогенез болезни Бехтерева полностью не выяснены. Особо важное значение в развитии заболевания придается инфекционно-аллергическому фактору, наследственности, травме позвоночника. Способствует развитию болезни переохлаждение. Часто заболеванию предшествует хроническая инфекция мочеполовых органов (например, хронический неспецифический уретрит, простатит). Патологическая анатомия заболевания подробно изучена на секционном материале. В финале заболевания позвоночный столб приобретает вид изогнутой неэластичной бамбуковой палки (Спиридонов, 2015, с. 267). Позвоночник становится хрупким и легко травмируется. В поздней стадии болезни резко снижается трудоспособность больных, они страдают одышкой, особенно после еды, поскольку дыхательная экскурсия грудной клетки уменьшается вследствие анкилоза реберно-позвоноковых суставов. Обращает на себя внимание изменение осанки: больной передвигается наклонившись вперед, широко расставляя ноги, совершая

качательные движения головой, шея фиксирована в положении наклона вперед, голова опущена вниз, подбородок касается грудины (поза просящего). Часто отмечается поражение вегетативной нервной системы: бледность кожных покровов, повышенная потливость, стойкий дермографизм, гипертрихоз, ломкость ногтей. Со стороны психики констатируется повышенная раздражительность, плаксивость, нарушение сна, депрессия.

На втором и четвертом шейных позвонках, являющихся анатомическими образованиями, ограничивающими костный дефект позвоночного столба (отсутствие третьего шейного позвонка) каких-либо повреждений, позволяющих установить механизм формирования данного дефекта, не имеется.

Подъязычная кость представлена не полностью, отсутствует концевая часть левого большого рожка (рис. 4: 1). Форма фрагмента подъязычной кости подковообразная. Большие рожки, тело, соединения между рожками и телом окостеневшие. Длина тела 23 мм, высота тела 12 мм, правый большой рожок длиной 30 мм, фрагмент левого большого рожка 18 мм. Передняя поверхность тела выпуклая с хорошо выраженным горизонтальным гребнем. Внутренняя поверхность тела подъязычной кости гладкая, вогнутая. Большие рожки неподвижно соединены с телом, уплощены. При расположении кости в анатомически правильном положении большие рожки направлены назад и вверх, при этом уплощенная их форма определяет наличие верхней (наружной) и нижней (внутренней) поверхностей, наружного дугообразно-выпуклого и внутреннего дугообразно-вогнутого края. Ширина рожков в месте соединения с телом разная: правого – 6,5 мм, левого – 8 мм. Концевая часть фрагмента левого большого рожка представлена краями повреждения

большого рожка повышено-

Рис. 4. Подъязычная кость индивида из погребения 11.

1 – фото подъязычной кости;
2 – рентгенограмма подъязычной кости.

Fig. 4. Hyoid bone of the individual from burial no. 11. 1 – photo of the hyoid bone;

2 – radiograph of the hyoid bone.

на наружной (верхней) и внутренней (нижней) компактных пластинках, которые расположены на одном уровне, имеют ступенеобразную форму. Со стороны наружного края на половину ширины рожка края перелома на обеих поверхностях ровные, отвесные, расположены по одной линии, ориентированной поперечно длиннику рожка. У внутреннего края линия повреждения на обеих поверхностях неровная с выступом полуовальной формы, наличием выкрашиваний компактного вещества. Таким образом, плоскость повреждения распространяется снаружи внутрь, то есть перелом сгибательный. Наиболее вероятный механизм его образования – это воздействие травмирующей силы на концевую часть рожка с отгибанием его внутрь и формированием зоны разрыва кости по наружному краю с последующим доломом со стороны внутреннего края при асимметричном сдавлении шеи петлей или руками.

Произведена рентгенография подъязычной кости в верхне-нижней проекции на рентгеноаппарате «МобиРен-МТ» при следующих режимах: напряжение тока – 40 киловольт, сила тока – 35 мАс. На обзорной рентгенограмме подъязычной кости обнаружен дефект концевой части левого большого рожка (рис. 4: 2). Большие рожки полностью сращены с телом. Подъязычная кость для определения наличия металлов в краях повреждения направлялась в спектральную лабораторию. При рентгеноспектральном анализе в краях перелома левого

го, в сравнении с контролем, содержания металлов не отмечено.

Череп неизвестного мужчины из погребения 11 был использован для графической и пластической реконструкции по методу М.М. Герасимова.

Согласно принятой антропологической методике (Балуева, Веселовская, 2004), определен словесный портрет. У неизвестного мужчины имелись следующие особые приметы (особенности внешнего облика, заметные окружающим): крупный наружный нос, деформация спинки носа (искривление влево). Для выполнения графической реконструкции череп был закреплен на штативе и сфотографирован с расстояния двух метров с соблюдением всех рекомендаций (рассеянный свет, масштаб и т. д.). Полученное изображение распечатано в натуральном масштабе. Далее по фотографии произведена графическая реконструкция внешнего облика: а) сформированы жевательные мышцы (m. Masseter и m. Temporalis) с обеих сторон; б) выполнен обвод контура головы; в) воспроизведены веки глаз с учетом формы орбит, характера краев глазниц, локализации реперных точек углов глаз; г) воспроизведен нос с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижних носовых раковин, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа, формы и размеров носового отростка лобной кости; д)

воспроизведен рот с учетом размеров и направления альвеолярных отростков, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса; е) произведено построение подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра; ж) воспроизведены ушные раковины с учетом формы, размеров и направления сосцевидных отростков, с учетом направления чешуи височных костей, выраженности надсосцевидного рельефа, направления ветвей нижней челюсти, учтены также размеры восстановленного носа. Результат графической реконструкции представлен на рисунке 5.

После графической реконструкции произведена скульптурная реконструкция головы, для чего использована гипсовая отливка черепа (рис. 6). Материалом для работы послужил скульптурный пластилин, который нанесен непосредственно на гипсовую форму черепа. В первую очередь были восстановлены жевательные

мышцы (рис. 6: 1), затем реконструированы мягкие покровы головы, начиная с реконструкции мозгового отдела черепа (рис. 6: 2). Далее реконструирована одна половина лица в соответствии с деталями строения черепа и имеющимися (выполненными ранее) контурными реконструкциями в профиль и в анфас, с сохраненным обводом черепа (рис. 5). После этого этапа работы произведена реконструкция другой половины лица с сохранением свойственной асимметрии лица (рис. 6: 3).

После выполнения скульптурной реконструкции из пластилина (рис. 6: 1–3) изготовлена форма из силиконового компаунда марки СДС, нанесенного в несколько слоев непосредственно на пластилиновую реконструкцию с использованием разделителя. Поверх компаунда после окончательной вулканизации выполнен кожух из армированной ткани из двух половин, закрепленных саморезами. Изготов-

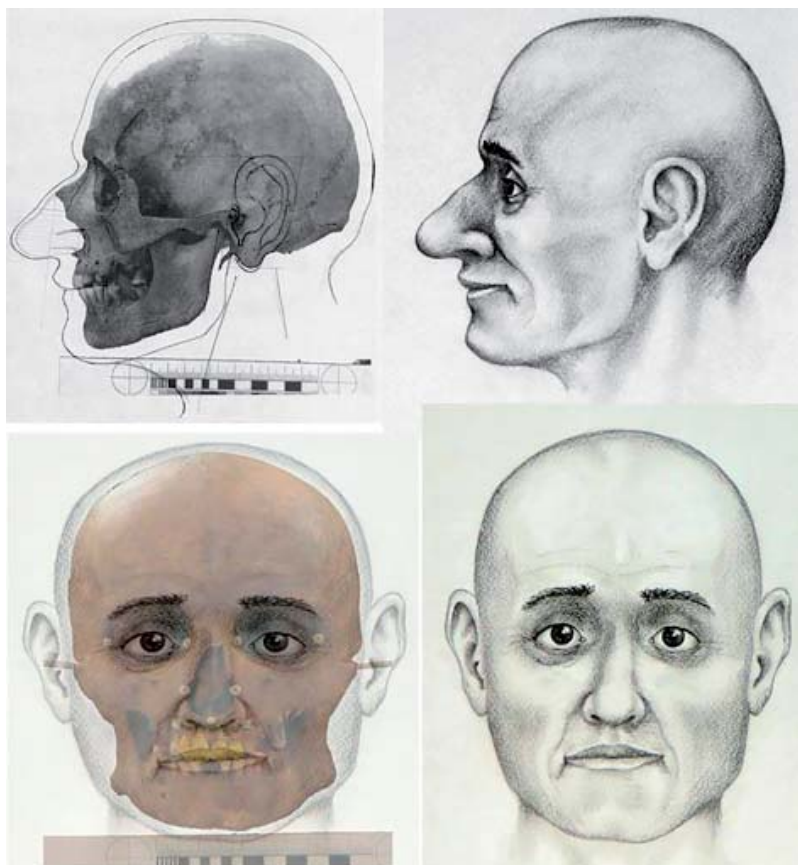

Рис. 5. Графическая реконструкция облика индивида из погребения 11.

Fig. 5. Graphic reconstruction of the appearance of the individual from burial no. 11.

Рис. 6. Пластическая реконструкция индивида из погребения 11, показана поэтапно: 1–3 – скульптурная реконструкция с применением пластилина; 4–5 – отливка в гипсе.

Fig. 6. Plastic reconstruction of the individual from burial no. 11, shown in stages:

1–3 – sculptural reconstruction using plasticine; 4–5 – casting in plaster.

ленная таким образом форма после фиксации залита и обкатана гипсом. После сушки готовая гипсовая скульптурная реконструкция освобождена из формы (рис. 8).

Заключение:

Погребение 11, выявленное на раскопе СХLIX Болгарского городища в 2010 году, является уникальным явлением для эпохи Средневековья в нашем регионе. Эта уникальность определяется необычным обрядом захоронения (умерший располагался в могиле в сидячем положении); расположением головы в ногах усопшего, сопутствующим погребальным инвентарем (процессионный крест).

По морфологическим и краниометрическим данным костяк из погребения 11 определяется как мужской зрелого возраста (35–45 лет). Рост умершего в пределах 158–163 см. Антропологический тип – европеоидный. Череп морфологически описывается признаками, характерными в целом для представителей южноевропеоидных популяций средиземноморского типа: относительно узкое и средневысокое лицо сопровождается

резкой его горизонтальной профилировкой и большим углом выступания носа (по определению И.Р. Газимзянова).

Судебно-медицинское исследование скелета из погребения 11 выявило наличие прижизненного заболевания – болезни Бехтерева (Штрюмпелля – Бехтерева – Мари), которое (по литературным данным) затрудняет физическую активность и нередко приводит к изменению психики, проявляющемуся пониженным настроением (депрессией).

Установлено наличие повреждения – полного поперечного перелома левого большого рожка подъязычной кости сгибательного характера. Наиболее вероятный механизм образования – воздействие травмирующей силы на концевую часть рожка с отгибанием его внутрь и формированием зоны разрыва кости по наружному краю с последующим доломом со стороны внутреннего края, не исключено – при асимметричном сдавлении шеи петлей или руками.

Необычное положение головы между ног в настоящий момент опре-

деляется как связанное с посмертным отделением ее от туловища в процессе рекультивации участка и заброски гробницы земель. Вопрос декапитации ввиду отсутствия следов повреждений на первом и втором позвонках и в основании черепа, где наиболее вероятно могут отмечаться антропологические признаки этой травмы (Бужилова, 2005, с. 203), скорее рассматриваться не должен. Ранее авторами рассматривались разные признаки повреждений на черепах, в том числе и на материалах средневекового Болгара (Волкова и др., 2016; Волкова и др., 2018; Газимзянов, Кирягин, 2018).

Таким образом, комплексный анализ археолого-антропологических материалов из погребения 11 (Болгарское городище, раскоп СXLIX) позволил прежде всего определить особенности физического состояния индивидуума на момент смерти. Совокупность заболеваний, сопровождающих этого человека при жизни, должна была существенно ограничивать возможность его передвижения между населенными пунктами и территориями без посторонней помощи, что, особенно в условиях Средневековья, должно было влиять на род его занятий, исключая те из них, которые связаны с физическим трудом и зна-

чительной активностью. Выявленный факт повреждения – полного поперечного перелома подъязычной кости (оставляя за скобками способ и причину получения этой травмы) – мог стать причиной смерти.

Редкий в условиях Болгара облик самого захоронения, трактуемого в рамках христианской погребальной традиции, судя по имеющимся аналогиям (несмотря на их довольно поздний характер), вероятно, следует связывать не с проявлениями симптомов болезни погребенного индивидуума, а с его узкоконфессиональной принадлежностью и статусом внутри одной из христианских городских общин. Полиэтничный и поликонфессиональный характер населения Болгара в золотоордынское время, несомненно, мог подразумевать наличие здесь разных христианских сообществ, имеющих самые различные истоки и взгляды на сложившийся к тому времени и достаточно унифицированный погребальный обряд. Захоронение «по обычаю восточных патриархов» должно, вероятно, предполагать бытование в Болгаре группы христиан, исповедовавших традиции греко-византийского христианства восточных патриархий, распространенного на территории Малой Азии, Балканского полуострова, юга Средиземноморья.

Благодарности:

Индивидуальные краниологические данные по исследуемому индивиду из погребения 11 из раскопа СXLIX Болгарского городища и сравнительный краниологический анализ с различными антропологическими (европеиды, монголоиды и смешанного типа) и этнокультурными (армяне, грузины, молдаване, русские, украинцы, болгары, ногайцы и т.д.) группами находятся на стадии разработки и публикации. Выражаем благодарность И.Р. Газимзянову, любезно предоставившему возможность познакомиться с результатами его работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балуева Т.С., Веселовская Е.В.* Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 143–150.
2. *Баранов В.С., Газимзянов И.Р., Жолобов А.И., Рахматуллин Н.Р.* Детектив эпохи Средневековья: комплексный историко-антропологический анализ материалов погребения 11 раскопа СXLIX на Болгарском городище // Донские древности. Вып. 12 /

Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», 2019. С. 240–245.

3. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.

4. *Бунчук Н.В.* В.М. Бехтерев и история описания анкилозирующего спондилита // Научно-практическая ревматология. 2001. № 4. С. 94–103.

5. *Волкова Е.В., Кириягин К.В., Газимзянов И.Р.* Мавзолеи средневекового Болгара: палеопатологический аспект // Актуальные вопросы судебной медицины и права / Сост. М.И. Тимерзянов и др. Казань: Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ, 2018. С. 138–148.

6. *Волкова Е.В., Кириягин К.В., Ситдииков А.Г., Харламова Н.В.* Палеопатологическая характеристика средневекового населения Болгара (по материалам раскопа СХСИ) // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 226–248.

7. *Газимзянов И.Р., Кириягин К.В.* Антропологическая и патолого-посттравматическая характеристика древних человеческих останков из захоронений Измерского XVI могильника по данным краниологии и медико-криминалистического исследования // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 275–293.

8. *Звягин В.Н.* Методические рекомендации об определении возраста взрослого человека по швам свода черепа. М.: Минздрав СССР, 1975. 19 с.

9. *Звягин В.Н.* Методика краниоскопической диагностики пола человека // Судебно-медицинская экспертиза: научно-практический журнал. 1983. № 3. С. 15–17.

10. *Козинцев А.Г.* Использование дискретно-варьирующих краниологических признаков в индивидуальной диагностике // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 44. С. 136–141.

11. *Козинцев А.Г.* Дискретные признаки на черепах эпохи бронзы из Южной Сибири (в связи с проблемами изучения краниологического полиморфизма) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 36 / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 75–99.

12. *Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М.: Старый сад, 1998. 125 с.

13. *Мовсесян А.А.* Фенетический анализ в палеоантропологии в связи с проблемами расо- и этногенеза. Автореф. дисс... док. биол. наук. М., 2005. 50 с.

14. *Пащикова В.И., Резников Б.Д.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 320 с.

15. *Спирidonov В.А., Жолобов А.И., Ситдииков А.Г., Газимзянов И.Р.* Интересный опыт сотрудничества судебно-медицинских экспертов и археологов // Актуальные вопросы судебной медицины и проблемы токсикологии / Ред. О.Б. Долгова, С.Л. Соколова. Екатеринбург: Полиграфист, Типография Для Вас, 2015. С. 263–268.

16. *Тонков В.Н.* Учебник нормальной анатомии человека. Т. 1. М.: Медгиз. Ленингр. отд-е, 1953. 328 с., ил.

17. Azbyka.ru: Церковный календарь: Краткое житие святителя Игнатия Мариупольского. URL:<https://azbyka.ru/days/sv-ignatij-mariupolskij>. Дата обращения 28.08.2023

18. Drevo-info.ru: Афанасий III (Пателларий). URL:<https://drevo-info.ru/articles/4422.html>. Дата обращения 27.08.2023.

19. Dzen.ru: Архиепископ Хризостом и икона Иверской Божией Матери. URL:https://dzen.ru/a/Y9uFup6Z4D_VjfXB. Дата обращения 27.08.2023.

Информация об авторах:

Волкова Елизавета Валерьевна, научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); erminea.wolf@gmail.com

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Кириягин Константин Валерьевич, судебно-медицинский эксперт, руководитель отделения судебно-медицинских исследований экспертного отдела Приволжского филиала Судебно-экспертного центра Следственного Комитета Российской Федерации (г. Казань, Россия); kiiryagin@mail.ru

Жолобов Альберт Иванович, заслуженный врач РТ, судебно-медицинский эксперт, заместитель начальника по организационно-методической работе ГАУЗ «Респу-

бликанское бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства Здравоохранения Республики Татарстан» (г. Казань, Россия); Albert.Zholobov@tatar.ru

Ситдииков Айрат Габитович, академик АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Рахматуллин Наиль Равильевич, судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РТ, Альметьевское межрайонное судебно-медицинское отделение (г. Альметьевск, Россия); dr.rakhmatullin@yandex.ru

Калянов Виктор Александрович, судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, ассистент кафедры. Казанский государственный медицинский университет (г. Казань, Россия); black-dayver@mail.ru

PRELIMINARY ANTHROPOLOGICAL AND FORENSIC STUDY OF AN INDIVIDUAL FROM GRAVE NO 11 OF EXCAVATION CXLIX OF BOLGAR SETTLEMENT

E.V. Volkova, V.S. Baranov, K.V. Kiryagin, A.I. Zholobov, A.G. Sitdikov, N.R.
Rakhmatullin, V.A. Kalyanov

In this article the authors present preliminary data of the skeletal remains from the 11th burial of the CXLIX excavation in Bolgar fortified settlement. Unusual for medieval Bolgar burial rite attracted attention to this burial during the excavations in 2010. The authors provide the characteristics of the individual features of human remains according to the results of cranial- and osteoscopy, their description in accordance with the lifetime changes and postmortem preservation. In the course of research, it was found that the individual was male, age from 35 to 45 years old, the reconstructed body length was 158–163 cm in various methods. Paleopathological research and medical and forensic reconstruction revealed signs of ankylosing spondylitis and the fracture of the sub-lingual bone. Graphic and plastic reconstructions of the appearance by the M.M. Gerasimov's method were performed, the non-metric traits of the skull of the studied individual were recorded.

Keywords: archaeology, physical anthropology, non-metric traits, trauma, pathology, ankylosing spondylitis, medical-forensic reconstruction, plastic reconstruction, Middle Ages, Bolgar.

REFERENCES

1. Balueva, T. S. 2004. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 1, 143–150 (in Russian).
2. Baranov, V. S., Gazimzyanov, I. R., Zholobov, A. I., Rakhmatullin, N. R. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Donskie drevnosti (Antiquities of the Don)* 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 240–245 (in Russian).
3. Buzhilova, A. P. 2005. *Homo Sapiens: Istoriia bolezni (Homo Sapiens: a Medical History)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
4. Bunchuk, N. V. 2001. In *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya (Rheumatology Science and Practice)* 4, 94–103 (in Russian).
5. Volkova, E. V., Kiryagin, K. V., Gazimzyanov, I. R. 2018. In Timerzyanov, M. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy sudebnoy meditsiny i prava (Current issues of forensic medicine and law)*. Kazan: "Respublikanskoe byuro sudebno-meditsinskoy ekspertizy MZ RT" Publ., 138–148 (in Russian).
6. Volkova, E. V., Kiryagin, K. V., Sitdikov, A. G., Kharlamova, N. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 226–248 (in Russian).
7. Gazimzyanov, I. R., Kiryagin, K. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 275–293 (in Russian).
8. Zvyagin, V. N. 1975. *Metodicheskie rekomendatsii ob opredelenii vozrasta vzroslogo cheloveka po shvam svoda cherepa (Methodological recommendations on determining the age of an adult at the seams of the cranial vault)*. Moscow: The Ministry of Health of the USSR Publ. (in Russian).
9. Zvyagin, V. N. 1983. In *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza (Forensic Medical Expertise)* 3, 15–17 (in Russian).

The work was carried out within the framework of the program of Republican Found of revival of Historical and Cultural sites of the Republic of Tatarstan (2013–2014)

10. Kozintsev, A. G. 1973. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 44, 136–141 (in Russian).
11. Kozintsev, A. G. 1980. In Gokhman, I. I. *Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR (Research on Paleoanthropology and Craniology of the USSR)*. Series: Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii (Anthropology and Ethnography Museum Collection) 36. Leningrad: “Nauka” Publ., 75–99 (in Russian).
12. Lebedinskaya, G. V. 1998. *Rekonstruktsiya litsa po cherepu. Metodicheskoe rukovodstvo (Reconstruction of the face from the skull. Methodological guidance)*. Moscow: “Staryy sad” Publ. (in Russian).
13. Movsesyan, A. A. 2005. *Feneticheskiy analiz v paleoantropologii v svyazi s problemami raso- i etnogeneza (Phenetic analysis in paleoanthropology in connection with the problems of race and ethnogenesis)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
14. Pashkova, V. I., Reznikov, B. D. 1978. *Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam (Forensic Identification by Bones)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
15. Spiridonov, V. A., Zholobov, A. I., Sitdikov, A. G., Gazimzyanov, I. R. 2015. In Dolgova, O. B., Sokolova, S. L. (eds.). *Aktual'nye voprosy sudebnoy meditsiny i problemy toksikologii (Topical issues of forensic medicine and problems of toxicology)*. Ekaterinburg: “Poligrafist”, “Tipografiya Dlya Vas” Publ., 263–268 (in Russian).
16. Tonkov, V. N. 1953. *Uchebnyy normal'noy anatomii cheloveka. T. 1 (Textbook of normal human anatomy. Vol. 1)*. Moscow: Medgiz. Leningrad department (in Russian).
17. Azbyka.ru: Tserkovnyy kalendar': Kratkoe zhitie svyatitelya Ignatiya Mariupol'skogo. URL: <https://azbyka.ru/days/sv-ignatij-mariupolskij>. Data obrashcheniya 28.08.2023
18. Drevo-info.ru: Afanasiy III (Patellariy). URL: <https://drevo-info.ru/articles/4422.html>. Data obrashcheniya 27.08.2023.
19. Dzen.ru: Arkhiepiskop Khrizostom i ikona Iverskoy Bozhiey Materi. URL: https://dzen.ru/a/Y9uFup6Z4D_BjfXB. Data obrashcheniya 27.08.2023.

About the Authors:

Volkova Elizaveta V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; erminea.wolf@gmail.com

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Kiryagin Konstantin V. Forensic Pathologis, the Volga region subsidiary of the Center of forensic expert, Investigating Committee of Russian Federation (Kazan, Russian Federation); kiryagin@mail.ru

Zholobov Albert I. Forensic Pathologist, State Autonomous Health-Care Agency «Republican Bureau for Forensic Medical Examination, Ministry of Health, Republic of Tatarstan» (Kazan, Russian Federation); Albert.Zholobov@tatar.ru.

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Rakhmatullin Nail R. Forensic Pathologist. Tatarstan Republic Bureau of Medical Jurisprudence expert examination. Shevchenko St., 112a, Almetyevsk, 423461, Republic of Tatarstan, Russian Federation; dr.rakhmatullin@yandex.ru

Kalyanov Victor A. Forensic Pathologist. Kazan State Medical University. Butlerov Str., 49, Kazan, 420012, Russian Federation; black-dayver@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

О ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ И ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЯХ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

© 2023 г. А.С. Сагдуллаев, А.Ш. Шайдуллаев, Ж.Э. Тогаев

В статье рассматриваются некоторые вопросы изучения миграций в Центральную Азию, происходивших в эпохи неолита, энеолита и бронзы. Важное место в разработке темы принадлежит археологическим данным, полученным в результате исследований ученых разных поколений. Цель – общая характеристика проблемы, а также отдельных взглядов и подходов. Осуществлена попытка систематизации миграций по их объему, степени расселения пришлого населения в различных районах Центральной Азии и пространственным (географическим) признакам, на картах показаны направления миграций, путей транзитного передвижения, торговых и культурных связей. Дальнейшая перспектива темы видится в совершенствовании типологии миграций и их картографирования на основе археологических материалов.

Ключевые слова: археология, этнокультурные процессы, Джейтунская культура, неолит, хозяйственно-культурный тип, плато Устюрт, Саразм, культурная трансформация, Индская цивилизация, Бактрия, Маргиана, культура Аркаим, андроновские племена.

Среди активно разрабатываемых проблем археологии и истории Центральной Азии одно из важных мест занимают вопросы внешних миграций, оказывавших существенное влияние на характер этнокультурных процессов, протекавших здесь в древности. Еще в 70–80-е гг. прошлого века успехи археологии региона положили начало научному сотрудничеству ученых разных стран мира в изучении этнической истории, культурных взаимодействий и дальних миграций в Центральную Азию, соответствующих эпохам энеолита и бронзы¹. Миграции предшествующего периода – неолита – обсуждались в меньшей степени и в качестве специальной темы не рассматривались.

В VI–V тыс. до н. э. на севере и востоке Центральной Азии широко распространились стоянки охотников, собирателей и рыболовов неолитических культур (кельтеминарской, гиссарской, ферганской). На юго-западе региона в это время сформировались оседлые поселения земледельческо-скотоводов джейтунской культуры, которые занимали узкую подгорную равнину между отрогами Копетдага и пустыней Каракум (рис. 1.).

Как считали исследователи, в сло-

жении указанных культур важную роль сыграли мезолитические племена бродячих охотников и собирателей, которые освоили значительные территории Центральной Азии. Это положение сохраняет свое значение и в настоящее время (Холматов, 2018).

В результате перемещения племен эпохи мезолита из одних областей в другие происходили региональные миграции, формировались пути внутренних и внешних культурных связей различных родоплеменных общин. Все это оказывало определенное влияние на генезис культур эпохи неолита. В этом плане происхождение джейтунской культуры рассматривалось с точки зрения перехода племен эпохи мезолита к земледелию и придомному скотоводству в конце VII тыс. до н. э. в условиях тесных связей с центрами производящей экономики Ближнего Востока (Массон, 1971, с. 76–77). Однако собственно в подгорной равнине, где расположены поселения джейтунской культуры, а также в горах Копетдага (Туркменистан) памятники эпохи мезолита не выявлены. Стоянки этого времени известны в районах Южного и Восточного Прикаспия (Окладников, 1966), что позволило высказать предположе-

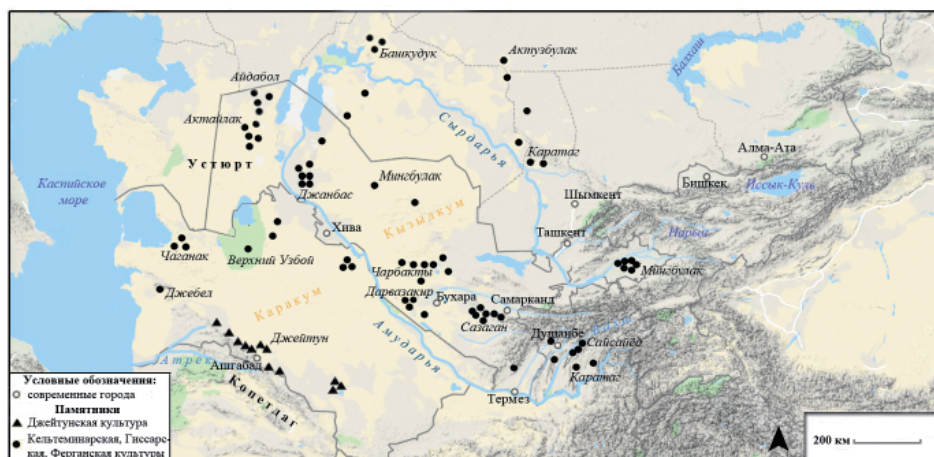

Рис. 1.
Археологические памятники эпохи энеолита.

Fig. 1.
Eneolithic archaeological sites.

ние о возможности инфильтрации отдельных групп мобильных охотников с территории Прикаспия в северные предгорья Копетдага. В этой связи было обращено внимание на сходство кремневого инвентаря, бус из раковин и каменных подвесок Джейтуна с аналогичными изделиями мезолитических пещерных стоянок Гари-Камарбанд и Дамдам-Чашма (соответственно Южный и Восточный Прикаспий), а также отмечались находки на этих стоянках костей одомашненной овцы и козы, которые датировались VII тыс. до н. э., что свидетельствовало о ранних этапах domestikации животных в этих областях (Массон, 1971, с. 62–64, 122).

Джейтунская культура содержит сложившиеся компоненты достижений «неолитической революции», которые получили отражение в развитии экономики нового типа – сельском хозяйстве, основанном на земледелии и скотоводстве, в домашних производствах – изготовлении глиняной посуды, прядении и ткачестве, в значительном совершенствовании орудий труда и строительном деле – возведении глинобитных жилищ (Массон, 1976, с. 61).

На основе сравнительного анализа предметов материальной культуры Джейтуна (орудия труда, керамическая посуда и мотивы расписного орнамента на ней, украшения, террако-

та), имеющих сходство в однотипных древнеземледельческих комплексах Ближнего Востока, был поставлен вопрос о тесных культурных связях между племенами разных регионов эпохи неолита (Массон, 1971, с. 64–73). Это позволяет также говорить о культурном влиянии первоначальных центров производящей экономики на периферию раннеземледельческой ойкумены.

Поскольку использование разного рода новшеств в сфере производящего хозяйства и материальной культуры в эпоху неолита требовало соответствующих знаний и навыков, внедрение инноваций в тех или иных областях Древнего Востока, видимо, могло происходить как на основе культурных связей, так и влияний вследствие миграций отдельных групп населения из более развитых культурно-хозяйственных районов Передней Азии. Распространение в северных предгорьях Копетдага комплекса джейтунской культуры как бы в «готовом» виде, скорее всего, указывает на взаимосвязь автохтонности, внешних культурных связей и миграционности в происхождении этой культуры. В различные периоды истории такая связь приводила к прогрессу общества в широких масштабах (Ртвеладзе, 2005).

Раннеземледельческие племена могли проникать на территорию юго-

запада Туркменистана через смежную область Северо-Восточного Ирана, где также выявлены оседлые земледельческие поселения эпохи неолита, расположенные в долине р. Горган, впадающей в Каспийское море (Deshayes, 1963; Kohl, 1984).

Необходимо отметить, что неолитические культуры Юго-Западного Туркменистана и Северо-Восточного Ирана были объединены в единый Прикаспийский центр становления оседлого земледелия (Лисицына, 1978, с. 9–10). В географическом плане Северо-Восточный Иран мог выступать в качестве транзитной территории, через которую проходили пути хозяйственно-культурных связей с областями Ближнего Востока, где в конце VIII–VII тыс. до н. э. возникли поселения оседлых скотоводов и земледельцев и происходило пространственное расширение районов производящих форм хозяйства (Мелларт, 1982, с. 21–22). Перемещение населения из одних территорий в другие, вызванное демографическими и экономическими причинами, способствовало миграциям не только на ближние, но и дальние расстояния. В результате этого происходило становление новых очагов земледелия и скотоводства, удаленных от первоначальных центров производящего хозяйства. Однако в археологических материалах джейтунской культуры крайне трудно определить признаки миграций, что стало достаточным основанием для разработки вопроса о ее автохтонном происхождении, не исключая внешние культурные связи. По антропологическим данным, в VI–IV тыс. до н. э. население предгорий Копетдага относилось к европеоидной расе восточно-средиземноморского типа, связанного с населением Передней Азии (Кияткина, 1982; Алексеев и др., 1990). Это свидетельствует о размещении в различных регионах Древнего Востока, в том числе

и на юге Центральной Азии, племен, относящихся к общей расе.

Джейтунские племена расселялись вдоль предгорий Копетдага в западном и юго-восточном направлениях, не пытаясь выйти за пределы подгорной равнины (рис. 1). Это было обусловлено наличием здесь практически неосвоенных человеком территорий, достаточных для выпаса скота и развития земледелия в низовьях подгорных ручьев. Определенное значение имела незначительная плотность размещения населения и общая его численность, которая, по подсчетам исследователей, в эпоху неолита вряд ли превышала 6 тыс. человек (Лисицына, 1978, с. 69).

Хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев эпохи неолита и их достижения в материальной сфере не получили развития в других областях Центральной Азии. Хозяйство родоплеменных общин кельтеминарской культуры в низовьях Амударьи, Сырдарьи и Зарафшана было основано на преобладающей экономической роли охоты, собирательства и рыболовства (Виноградов, 1981; Холматов, 2007).

Становление этой устойчивой традиции присваивающего хозяйства начиналось в эпоху мезолита и сопровождалось значительным расширением ареала обитания родовых коллективов охотников и собирателей.

В свое время рассматривался вопрос о роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в культурном взаимодействии с племенами Волжско-Уральского междуречья и Зауралья (Чернецов, 1968; Формозов, 1972). В этом аспекте подчеркивалось, что прежде всего речь может идти о передаче культурной и технической традиции, в отдельных случаях – о движении групп неолитического населения через Восточный Устюрт и Северо-Восточное Приаралье (Виноградов, 1979).

На плато Устюрт известно свыше 200 стоянок и местонахождений эпохи мезолита и неолита (Бижанов, 1996; Авизова, 2003). Это стоянки открытого типа, без каких-либо следов жилищ. По археологическим материалам они разделяются на сезонные стойбища для разделки охотничьей добычи и промежуточные стоянки, связанные с временным пребыванием человека на Устюрте (Кдырнязов и др., 2017). Изучение каменного инвентаря на основе методов трасологии показало количественное преобладание орудий, предназначенных для охоты и разделки туш животных, а также для обработки шкур, кости и рога (Авизова, 2003).

Это позволило сделать вывод, что подвижные охотничьи группы приходили на Устюрт из соседних территорий для охоты на степных животных – кулана, сайгака, джейрана, отмечалось также взаимовлияние культур Устюрта и Южного Приуралья (Бижанов, 1996). Приведенные данные свидетельствуют о том, что перемещение общин охотников на Устюрт не было связано с переменой места проживания и имело сезонный характер, обусловленный возвращением охотников в места их первоначального обитания (предположительно, Волжско-Уральское междуречье, Приаралье, Восточный Прикаспий). Все это способствовало в дальнейшем формированию важного направления евразийского пути культурных связей и миграций, проходившего через Устюрт. Это обширное плато сыграло роль транзитной территории для передвижения, связей и обмена ранних степных скотоводов, так же как и Северо-Восточный Иран имел аналогичное значение для земледельцев юга Центральной Азии.

Процессы переселения населения значительно усилились в энеолите. В это время в оседлоземледельческих областях Древнего Востока более

производительные методы ирригационного земледелия, приводившие к количественному увеличению участков обрабатываемых полей, наряду с ростом населения и достаточно полным освоением имевшейся в его распоряжении территории, являлись причиной выхода части оседлой общины за пределы обжитого района. Таким образом происходило расширение границ расселения. Археологические признаки миграций эпохи энеолита, в отличие от предшествующего периода, получили более четкое отражение в комплексах материальной культуры различных областей Среднего Востока.

На основе изучения археологических материалов был поставлен вопрос о шумерской колонизации в конце IV – первой половине III тыс. до н. э. Юго-Западного Ирана (район Сузы) и вследствие этого зарождения здесь протоэламской культуры, а также о распространении в начале III тыс. до н. э. ее основных компонентов – протоэламских глиняных табличек, цилиндрических печатей и керамики на поселениях Тепе Яхья и Шахри Сохта в Юго-Восточном Иране (Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973; Lamberg-Karlovsky, 1978). Эти положения, наряду с выводом, что в этот период более отдаленная «Средняя Азия знакомится с экспансией протоэламитян», нашли место в материалах международного симпозиума (Ламберг-Карловски, 1986), однако без ссылок на результаты раскопок энеолитических памятников Южного Туркменистана.

Между тем исследователи отмечали значительный рост общего количества южнотуркменистанских поселений и численности населения, а также увеличение освоенных территорий и появление в конце IV – первой половине III тыс. до н. э. крупных населенных пунктов – центров земледельческих оазисов типа Геоксюр, Намазга,

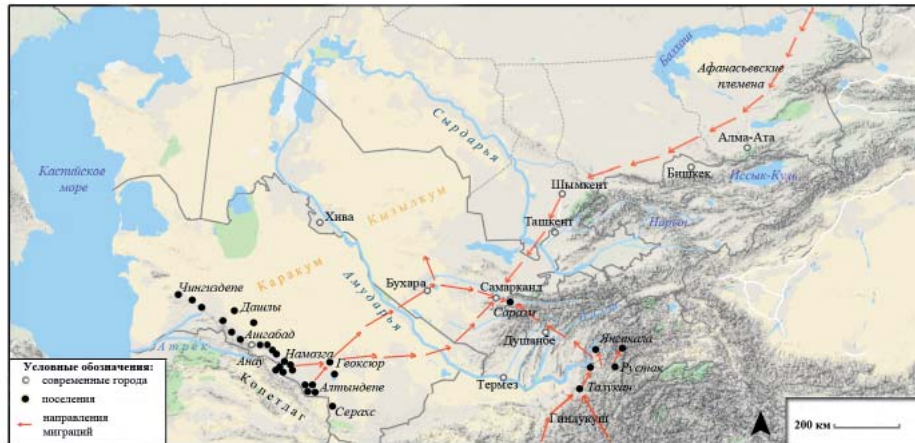

Рис. 2. Направления миграций в эпоху энеолита.

Fig. 2. Migration directions in the Eneolithic.

Алтындепе (Массон, 1981). Не отрицая возможную инфильтрацию древневосточных племен протоэламитян на территорию предгорий Копетдага, наряду с этим был рассмотрен вопрос о миграции отдельных групп местного населения в Юго-Восточный Иран, Южный Афганистан и Северный Белуджистан, что было основано на находках в указанных областях терракотовых статуэток и расписной керамики так называемого геоксурского типа (Массон, 1981). Миграции позднего энеолита, видимо, были связаны с причинами демографического и экономического порядка, о чем было сказано выше. Перемещение населения имело мирный характер, так как следы военной экспансии, насильственного захвата территорий и каких-либо массовых драматических событий археологически не выявлены.

Учитывая пересекаемые рубежи и расстояние пути, миграции эпохи энеолита можно рассматривать как региональные и межрегиональные. В конце IV тыс. до н. э. происходила также инфильтрация населения с юга Туркменистана в верховья р. Зарафшан (рис. 2), где было основано поселение Саразм (Исаков, 1986). Сюда же продвинулись энеолитические племена Белуджистана (Пакистан) и, видимо, Южного Афганистана, которые вначале освоили предгорные долины рек Талукан, Кокча и земли левобережья

р. Пяндж в Северо-Восточном Афганистане (Gardin, Lyonnet 1978–1979; Gardin, 1985) (рис. 2).

По археологическим данным, в IV и первой половине III тыс. до н. э. происходило увеличение числа мелких селений в долине Качи, расположенной у ущелья р. Болан в Северном Белуджистане (Жарриж, 1987). Надо отметить заключение о сезонных перемещениях древних скотоводов долины Качи, связанных с выпасом коз и овец на летних пастбищах в горах, а также началом сбора земледельцами урожая зерновых культур – ячменя и пшеницы в предгорьях (Жарриж, 1987). Интенсивное использование горных районов в хозяйственных целях способствовало перемещению определенной части населения Белуджистана через перевал Болан в горах Гиндукуша в менее обжитые районы Северо-Восточного Афганистана. Отсюда отдельные группы мигрантов проникли в верховья р. Зарафшан (рис. 2). Миграции на дальние расстояния в период позднего энеолита были обусловлены как целью производства более устойчивого объема продуктов питания в условиях интенсивного развития обмена, перерастающего в регулярную торговлю (Массон, 1981), так и необходимостью освоения месторождений меди (а затем и олова), золота, серебра, лазурита и др. Такие месторождения находились в горах Гиндукуша, Памира, Зарафшанского

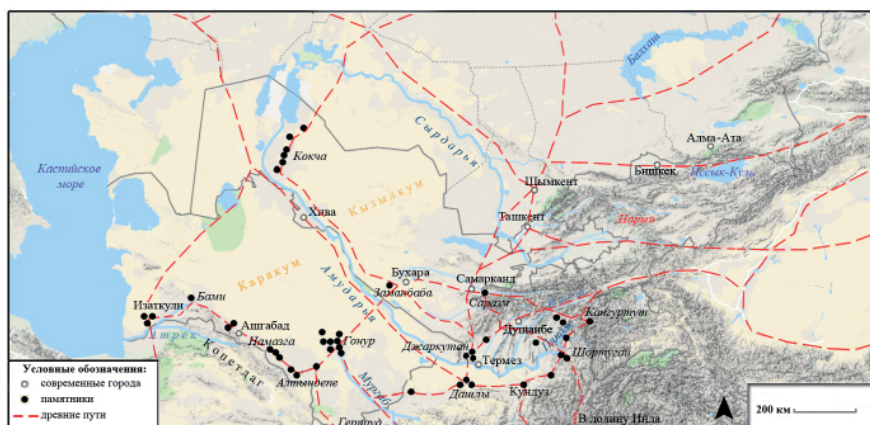

Рис. 3.
Памятники
бронзового века.
Fig. 3. Sites of the
Bronze Age.

хребта и в пустыне Кызылкум.

Как подчеркивалось, поселение Саразм было основано разными этническими группами из различных областей, отдаленных друг от друга значительным расстоянием. Поэтому, в зависимости от времени переселения в Саразм, пришельцы должны были строить жилые дома на земельных участках, не занятых другими общинами мигрантов. Так возникали отдельные кварталы разных родовых общин, в материальной культуре которых в течение определенного периода сохранялись традиции их метрополий. В результате совместного проживания на территории одного поселения и длительных контактов происходила ассимиляция населения и культурная трансформация, что проявилось в эпоху ранней бронзы (Isakov, 1996).

Необходимо отметить, что в Саразмский оазис приходили охотники и скотоводы, стоянки которых находились в передгорьях к юго-западу от современного Самарканда в местности Сазаган (рис. 1). Это этническое многообразие дополняется наличием памятников афанасьевской культуры, обнаруженных в долине Зарафшана (Джуракулов, Аванесова, 1999; Бобомуллаев и др., 2021). Могильники афанасьевского типа выявлены и в Восточном Казахстане (Степанова, Мерц, 2021). Расположение восточно-казахстанских памятников показыва-

ет направление миграции афанасьевских племен из евразийских степей Сибири и их продвижение через юг Казахстана и Ташкентский оазис в долину Зарафшана (рис. 2).

Все это еще раз свидетельствует о наличии различных транзитных путей, которые проходили через степи, долины рек и горные перевалы. Эти пути интенсивно использовались в эпоху бронзы в связи с новыми процессами миграций, освоением природных ресурсов и развитием дальней торговли.

Примером таких торговых связей Хараппской или Индской цивилизации с древнеземледельческим населением Южного Туркменистана могут служить изделия из слоновой кости и хараппские печати, выявленные на поселении бронзового века Алтындепе (Массон, 2000). Керамика, печати и фрагменты сосудов с хараппской надписью обнаружены и на поселении Шортугай, которое было основано представителями Индской цивилизации на левобережье р. Пяндж (Francfort, Pottier, 1978). Это поселение имело значение торговой фактории в районах горнодобывающих промыслов в Северо-Восточном Афганистане (рис. 3). Данная территория составляла восточную часть Бактрии, в её горных областях (Бадахшан) были известны месторождения некоторых металлов и лазурита. Находки древних изделий из лазурита

Рис. 4.
Торговые
пути эпохи
бронзы.
Fig. 4. Trade
routes of the
Bronze Age.

на поселении Шортугай (Francfort, Pottier, 1978) значительно уточняют направления древнего лазуритового пути. Этот путь шел из Бадахшана не только на запад – в Иран, страны Ближнего Востока, Египет и на юг – в Индию (Francfort, 2021), но, видимо, также и в евразийские степи через Центральную Азию (рис. 3, 4). Следует отметить, что в эпоху бронзы сформировалась широкая сеть торговых путей (рис. 4).

Например, хараппская торговая фактория Шортугай располагалась более чем в 1100 км от Мохенджо-Даро – центра Индской цивилизации. Вьючный путь на юг из северо-восточного Афганистана шел по горным тропам Гиндукуша через Боланский проход в Северный Белуджистан (рис. 4), а затем далее, вдоль реки Инд в торговые поселения, расположенные на берегу Аравийского моря (Сагдуллаев, 2000). Важное значение для торговых связей и перевозки грузов имел также перевал Саланг, который связывал северо-восточные и южные районы Афганистана.

Следующий период значительного переселения древневосточного населения, как полагают, вызванного аридизацией климата в Передней Азии, начинался в конце III тыс. до н. э. в Северной Месопотамии, а за-

тем миграции охватили широкий ареал от Элама до Индии и Центральной Азии. Проблема культурной общности и связей древнего населения этой обширной территории многократно обсуждалась (Amiet, 1989; Сарияниди, 1990; Ламберг-Карловски, 1990; Niebert – Lamberg-Karlovsky, 1992; и др.). По направлениям движения эти миграции напоминают распространение протоэламитян в пору энеолита, но в более широких пространственных масштабах, поэтому по степени освоения территорий и расселения пришлого населения они относятся к разряду крупных миграций эпохи бронзы.

В это время были освоены низовья р. Мургаб в Южном Туркменистане (будущая Маргиана), территория севера и востока Афганистана, а также юга Узбекистана – Бактрия (Сарияниди, 1977; Аскарлов, 1977). Ко времени переселения древних колонистов земельные и водные ресурсы в низовьях Мургаба и предгорных долинах Бактрии не использовались в целях земледелия, десятки поселений возводились на свободных, незаселенных пространствах (рис. 3). В этих условиях пришельцы, казалось бы, не имели соперников, тем не менее в чужой, новой среде колонисты возводили крепости и обнесенные

оборонительными стенами дворцы и храмы (Гонур, Дашлы, Сапалли, Джаркутан), продолжая известные в их метрополиях традиции строительства и архитектуры. В данном случае миграции содействовали распространению сложившихся культурных традиций в широком масштабе, которые выступали также в роли инноваций на освоенных территориях.

Новое население пришло в Маргиану и Бактрию с имуществом и скотом. Это были земледельцы-скотоводы, ремесленники и торговцы, представлявшие высокоразвитое, организованное общество с системой управления, о чем свидетельствуют изученные в Маргиане – Бактрии аналогичные древневосточным дворцовые и храмовые хозяйства, а также царский некрополь в Гонуре, где обнаружены ремесленные изделия и украшения из драгоценного металла (Sarianidi, 1999, 2005).

Выделяются три столичных центра городского типа, основанных мигрантами. Это Гонур в Маргиане, Дашлы и Джаркутан в Бактрии. Подавляющее большинство памятников составляют небольшие поселения и земледельческие дома-усады, что свидетельствует о значительной роли сельского хозяйства – ирригационного земледелия и придомного скотоводства (Масимов, 1986; Сарияниди, 1990, с. 7–14).

Носители культуры Гонур, Дашлы не ограничивались ареалами первоначального расселения. Они активно осваивали предгорные оазисы Кугитанга, Гиссарского хребта и речные долины Южного Таджикистана (Сагдуллаев, Тогаев, 2018). На поселении Шортугай хараппская культурная традиция сменяется бактрийской инновацией, происходит культурная трансформация (Francfort, 1985). Отсюда, перейдя через Гиндукуш, колонисты достигают Белуджистана (Сарияниди, 1990, с. 90–101). Комплексы Маргиа-

ны – Бактрии эпохи бронзы выявлены также в долинах Зарафшана и Ферганы (Аманбаева и др., 2006).

Продолжая тему распространения культурных инноваций отметим, что широкое внимание в свое время привлекло изучение могильника эпохи бронзы на р. Синташта в Южном Зауралье, находки в могилах двухколесных боевых колесниц и погребения лошадей (Генинг, Ашимихина, 1975), а затем исследования укрепленных поселений округлой и квадратной планировки культуры металлургов и скотоводов Аркаим, датируемой концом III – началом II тыс. до н. э. (Зданович, 2003). Инновации в этой культуре проявляются прежде всего именно в строительстве неизвестных ранее в местной среде долговременных жилищ и оборонительных сооружений с использованием глинобитных блоков, дерева и реже камня и сырцового кирпича, а также отмечаются в сложных погребальных обрядах, которые сопровождалось многочисленными жертвоприношениями домашних животных (Зданович, 2003).

Сооружения эпохи бронзы квадратной и округлой планировки – крепости и храмы – известны в Маргиане и Бактрии. Здесь, как и в Южном Зауралье, в это время практиковались жертвоприношения и ритуальные захоронения домашних животных – овец, быков, телят, молодых особей лошадей, а также сторожевых собак (Сарияниди, 2010). В Маргиане и Бактрии выявлены монументальные храмы огня, культ которого был сильно развит и в Южном Зауралье. Все это указывает на определенное сходство в сфере материальной и духовной культуры. Формирование в восточных предгорьях Уральского хребта в эпоху бронзы культуры высокого уровня могло быть связано с продвижением сюда представителей тех же древневосточных общин, которые использовали традиционный путь в Маргиану

и Бактрию через территорию Северо-Восточного Ирана, а также юго-запада Туркменистана. Путь переселения в Южное Зауралье в пределах Центральной Азии был возможным по территории Восточного Прикаспия и Устюрта, а также по левобережью Амударьи через плато Устюрт и Восточное Приаралье (рис. 3). Необходимость такой миграции могла быть связана с освоением источников сырья (меди) для металлургии. В процессе распространения культурных новшеств в Южном Зауралье пришельцы, видимо, были ассимилированы местным населением. В специфических природных условиях здесь широко развивалось пастушеское скотоводство и в меньшей степени – земледелие. Особо выделяются литейное дело, специализированное металлопроизводство и торговля бронзовыми изделиями (Корочкова, 2021).

Известно, что расширение производства в бронзовом веке было одной существенных перемен в сфере внешнего обмена. В этом плане обмен необходимым для ремесленного производства сырьем и готовыми изделиями, а также сельскохозяйственной продукцией способствовал развитию дальней торговли, об этом свидетельствуют клады изделий из бронзы, серебра и золота, а также случайные находки импортной ремесленной продукции в некоторых районах Центральной Азии². Тема торговых связей эпохи бронзы рассмотрена в различных публикациях.

Многочисленность древнеземледельческих поселений и находки археологического комплекса цивилизации Маргианы – Бактрии в разных областях Центральной Азии служат основанием предполагать, что ее представители занимались торговлей и транзитной транспортировкой сырья и товаров на путях, ведущих в евразийские степи и к границам Китая (рис. 4). Они не стремились возводить

на этих путях крепости или города, подобные Гонуру, Дашлы и Джаркутану. В этом не было особой необходимости, так как обмен сырьем, ремесленной и сельскохозяйственной продукцией, скорее всего, происходил в условиях мирного взаимодействия с пастушескими племенами. В конце первой трети II тыс. до н. э. отмечается упадок некоторых крупных центров (Гонур, Джаркутан), что, видимо, было связано с переходом определенной части населения Маргианы и Бактрии, а также несколько ранее долины Зарафшана (Саразм) к отгонно-пастбищному скотоводству. Необходимость значительного расширения пастбищных территорий и иной способ ведения хозяйства – перекочевки части населения вместе со стадами на пастбища – привели к сокращению населения в древних земледельческих оазисах Маргианы и Бактрии. Показательным в этом плане является дальнейшее расселение земледельческих племен на восток (Южный Таджикистан) и их переход к пастушескому образу жизни (Литвинский, 1981). Эти события предшествовали началу миграций срубных и андроновских племен в Центральную Азию из степей Поволжья, Приуралья, Западного и Центрального Казахстана. На путях продвижения степных скотоводов отмечаются их стоянки и могильники (рис. 5).

Проблема взаимодействия степных племен с земледельческим населением Центральной Азии в эпоху бронзы широко обсуждалась в недавнем прошлом и получила характеристику в работах многих исследователей. Эта обширная проблема и особенно ее историография является темой специальных исследований, которая выходит за рамки задач нашей статьи.

Начиная с периода середины II тыс. до н. э. миграции степных племен Евразии носили массовый характер. Поэтому был поставлен вопрос о дви-

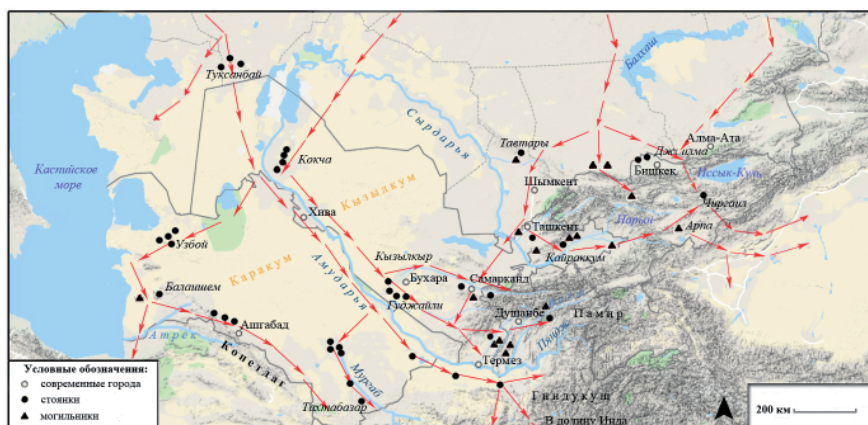

Рис. 5. Направления миграций срубно-андроновских племен.

Fig. 5. Migration directions of the Srubnaya-Andronovo tribes.

жении с севера на юг и восток Центральной Азии нескольких волн степных скотоводов: срубных племен – в Южное Приаралье, Восточный Прикаспий и юго-запад Туркменистана, андроновских племен – в Семиречье, отсюда они расселялись в Ташкентском оазисе и Ферганской долине, в горах Тянь-Шаня, Памира и в долине Зарафшана, а также через Южное Приаралье – на территории Маргианы и Бактрии (Литвинский, 1981; Виноградова, Кузьмина, 1986). Археологические данные позволяют определить направление миграций и маршруты движения степных племен в указанные выше области (рис. 5).

Первоначально стоянки пришлых скотоводов находились на границах земледельческих оазисов (Сарианиди, 1975). Но затем степные племена проникали в оазисы и устраивали землянки между стенами заброшенных домов земледельцев (Гонур в Маргиане, Джаркутан в Бактрии и др.).

В археологических комплексах эпохи поздней бронзы в разной степени отмечаются компоненты пастушеских и земледельческих традиций, которые отражают интеграционные процессы (Аванесова, 2016). Учитывая большое число стоянок, могильников и отдельных местонахождений предметов материальной культуры степных скотоводов, обнаруженных в различных географических районах Центральной Азии, переселение

срубно-андроновских племен по объему миграций и степени территориального расселения относится к типу крупных евразийских миграций.

Таким образом, рассмотренные выше данные свидетельствуют о разных формах подвижности, как в эпоху присваивающего хозяйства, так и в периоды развития в Центральной Азии земледелия и скотоводства. Это прежде всего сезонные перемещения родовых общин поры мезолита и неолита в хозяйственных целях в пределах одной области, а также из одного региона в другой. Такие миграции были обусловлены ростом населения, сокращением охотничьей территории, необходимостью обеспечения родоплеменного коллектива достаточным количеством продуктов питания и факторами природного характера.

Территориальные перемещения населения содействовали развитию системы внутренних (региональных) и внешних (межрегиональных) путей, которые последовательно использовались в целях миграций.

Как было сказано, миграции охотников позднего мезолита из восточных и южных районов Прикаспия на неосвоенную человеком подгорную равнину Копетдага (Туркменистан) и в долину р. Горган (Иран) могли способствовать становлению Прикаспийского центра производящего хозяйства.

Наряду с этим, в генезисе джей-

тунской культуры важное значение придавалось тесным связям с раннеземледельческими памятниками Ближнего Востока. И хотя вопрос о практическом осуществлении таких связей (прямые контакты, тесное общение между разными племенами) остался открытым, наличие культурных связей, на наш взгляд, не исключает влияния путем миграции, проникновения отдельных племен из более ранних центров земледелия и скотоводства в долину р. Горган и предгорья Копетдага. В определенной степени это объясняет создание здесь однотипных предметов материальной культуры, находящихся аналогии в археологических комплексах Древнего Востока эпохи неолита. Для подтверждения данного предположения необходимы новые исследования.

Древневосточные миграции позднего энеолита (конец IV – первая половина III тыс. до н. э.) способствовали распространению культурных инноваций на территории Северо-Восточного Афганистана и в верхней части долины Зарафшана. Археологически установлено переселение в это время афанасьевских племен в Восточный Казахстан и продвижение части из них на юг, в район Саразма. Это свидетельствует о евразийских миграциях на дальние расстояния, однако их причины остаются неясными.

Примечания

¹ Эти вопросы получили отражение в материалах и тезисах докладов следующих международных симпозиумов: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981; L'archéologie de la Bactriane Ancienne. Actes du Colloque franco-sovietique. Paris, 1985; Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука, 1987; Древние цивилизации Востока. Материалы II советско-американского симпозиума. Ташкент: Фан, 1986.

² Таким является клад бронзовых изделий, который был обнаружен еще в 1894 г. в местности Хак, в Северной Фергане (ныне хранится в Государственном Эрмитаже). В свое время отмечалось, что изделия этого клада имеют близкие аналогии в комплексах эпохи бронзы Северного Ирана. См.: Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 205–206. Рис. 47. Техника изготовления и особенности орнаментации серебряных и золотых чаш Фуллолского клада, найденного в Афганистане, сравнивались с аналогичной ремесленной продукцией Месопотамии: Tosi M., Wardak P., The Fullol hoard: a new find from Bronze Age Afghanistan // East and West. Vol. 22. 1972. P. 9–17. Следует отметить также случайные находки, происходящие

Вследствие широкомасштабных древневосточных миграций в конце III – начале II тыс. до н. э. сформировались разнотипные поселения и города, а также постоянное земледельческое население в низовьях р. Мургаб (Южный Туркменистан), в Северном Афганистане и Южном Узбекистане; было положено начало развитию цивилизации Маргианы – Бактрии.

В результате крупных евразийских миграций степных скотоводов в эпоху поздней бронзы более широко были заселены низовья Амударьи и Сырдарьи, бассейн р. Зарафшан, Ташкентский оазис, Ферганская долина и горные районы региона. На основе культурных взаимодействий пришлых скотоводческих племен и автохтонного земледельческого населения, а также процессов ассимиляции в конце II – начале I тыс. до н. э. происходило формирование таких народностей, как парфяне, маргианцы, арии, бактрийцы, согдийцы и сакко-массагетских племен, известных по ранним письменным источникам (Авеста, древнеперсидские надписи, труды древнегреческих авторов). Эти процессы определили в основных чертах древнюю этническую карту Центральной Азии и границы территорий расселения оседлых народностей и кочевых племен.

с территории Бактрии (коллекция музея Михо, Япония). Это серебряная чаша с изображением сельскохозяйственных работ и связанного с ними ритуала, серебряный кубок, на внешней поверхности которого отражена сцена охоты леопарда на горных козлов, и кубок из электрума и серебра с фигурками стервятника и двух лежащих быков, прикрепленных на венчике сосуда. Изделия датируются концом III – началом II тыс. до нашей эры, тематика изображений находит аналогии в искусстве Элама и Двуречья. См.: Культурное наследие Центральной Азии в музеях Японии. Ташкент: East star media – Zamon press info, 2019. С. 211–213, 216–217, 222–223.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесова Н.А.* Зарафшанский вариант Андроновской историко-культурной общности // Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы / Отв. ред. М.М. Саидов. Самарканд: Институт археологии АН Узбекистана, 2016. С. 34–37.
2. *Авизова А.К.* Трасологический анализ орудий труда стоянок юго-восточного Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 6 / Ред. Г.Х. Хожаниязов, С. Жаксон, А. Беттс. Нукус: Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН Узбекистана, 2003. С. 17–20.
3. *Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К.* Историческая антропология Средней Азии (палеолит – эпоха античности). Ташкент: Фан, 1990. С. 100–101.
4. *Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.Е., Мэрфи Д.* Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // Археологические исследования в Узбекистане. 2004–2005 гг. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Ташкент: Фан, 2006. С. 256–265.
5. *Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.
6. *Бижанов Е.Б.* Каменный век Устюрта. Нукус: Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН Узбекистана, 1996. 42 с.
7. *Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобмуллоев Б., Худжагелдиев Т.У.* Исследования курганов на массиве Саразм-2 в долине р. Зарафшан (раскопки 2020 года) // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. Н.А. Аванесова. Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2021. С. 78–84.
8. *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья // Тр. ХАЭЭ. Т. XIII. М.: Наука, 1981. 172 с.
9. *Виноградов А.В.* О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 3–10.
10. *Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.* Контакты земледельческих и степных племен в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1986. С. 126–132.
11. *Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта // Археологические открытия 1974 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 144–147.
12. *Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А.* Доурбанистический Афрасиаб // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Самарканд: Институт археологии АН Узбекистана, 1999. С. 37–38.
13. *Зданович Г.Б.* Аркаим и “Страна городов”: диалог культур // Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Кириллов А.К. Аркаим и Страна городов, археологические очерки. Челябинск: Крокус, 2003. С. 4–20.
14. *Жарриж Ж.Ф.* Древняя оседлость и полуномадизм в долине Качи, Белуджистан // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 166–171.
15. *Исаков А.И.* Саразм – новый древнеземледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986. № 1. С. 152–167.
16. *Кияткина Т.П.* Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы // Культура первобытной эпохи Таджикистана / Отв. ред. Н.Н. Негматов, В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1982. С. 65–72.
17. *Корочкова О.Н.* Символические практики литейщиков Урала и Западной Сибири эпохи бронзы // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. Н.А. Аванесова. Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2021. С. 246–247.
18. *Кдырнязов М.-Ш., Ягодин В.Н., Мамбетуллаев М.М., Сагдуллаев А.С., Кдырни-*

- язов О.-Ш. История цивилизации Хорезма. Нукус: Qaraqalpaqstan, 2017. 284 с.
19. Ламберг-Карловски К.К. Контуры древнейшей истории Иранского плато // Древние цивилизации Востока / Отв. ред. В.М. Массон. Ташкент: Фан, 1986. С. 166–171.
20. Ламберг-Карловски К.К. Модели взаимодействия в III тысячелетии до н.э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ. 1990. № 1. С. 3–21.
21. Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978. 239 с.
22. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / Отв. ред. М.С. Асимов, Б.А. Литвинский, Л.И. Мирошников, Д.С. Раевский. М.: Наука, 1981. С. 154–166.
23. Масимов И.С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока / Отв. ред. В.М. Массон. Ташкент: Фан, 1986. С. 171–181.
24. Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики) // МИА. № 180. Л.: Наука, 1971. С. 207 с.
25. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 191 с.
26. Массон В.М. Алтын-Депе // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 176 с.
27. Массон В.М. Средняя Азия и Индия: 5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент: Изд-во Посольства Индии в Республике Узбекистан, 2000. С. 113–114.
28. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. Е.В. Антоновой. М.: Наука, 1982. 149 с.
29. Окладников А.П. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. В.М. Массон. М.-Л.: Наука, 1966. С. 50–75.
30. Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2005. 288 с.
31. Сагдуллаев А.С. Средняя Азия и Индия: формирование и развитие ранних путей историко-культурных связей // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент: Изд-во Посольства Индии в Республике Узбекистан, 2000. С. 119–120.
32. Сагдуллаев А.С., Тогаев Ж.Э. Миграции эпохи бронзы в Центральной Азии // Проблемы истории, археологии и этнологии Центральной Азии / Отв. ред. А.С. Сагдуллаев. Ташкент: Национальный университет Узбекистана, 2018. С. 88–94.
33. Сарияниди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20–28.
34. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 170 с.
35. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. – Ашхабад: Ёлым, 1990. 316 с.
36. Сарияниди В.И. Задолго до Заратустры. М.: Старый сад, 2010. 200 с.
37. Степанова Н.Ф., Мерц И.В. Новое о локальных вариантах афанасьевской культурно-исторической общности // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. Н.А. Аванесова. Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2021. С. 259–263.
38. Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.
39. Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. Ташкент: Фан, 2007. 203 с.
40. Холматов Н.У. Происхождение и судьба неолитических культур Средней Азии // Проблемы истории, археологии и этнологии Центральной Азии / Отв. ред. А.С. Сагдуллаев. Ташкент: Национальный университет Узбекистана, 2018. С. 138–142.
41. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 1968. С. 41–53.
42. Amiet P. Elam and Bactria. Bactria. An Ancient Oasis Ciivlizations. Roma-Venezia, 1989. P. 125–140.
43. Deshayes J. Rapport préliminaire sur les deux premiers campagnes de fouille á Tureng Tepe // Surria. 1963. XL. P. 85–99.
44. Francfort H.-P. Tradition harapéenne et innovation bactrienne á Shortughai // L' Archéologique de la Bactrienne. Paris, 1985. P. 95–110.
45. Francfort H.-P. Zeravshan and Oxus valleys: when civilizations met in Protohistory

// Cultures of the Asian part of Eurasia in ancient and middle Ages. Samarkand State University, 2021. P. 47–54.

46. Gardin J.-C. Pour une géographie archéologique de la Bactriane // L'archéologie de la Bactriane ancienne. Paris, 1985. P. 39–45.

47. Gardin J.-C., Lyonnet B. La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974-1978): premiers résultats // Mesopotamia. 1978-1979. Vol. XIII – XIV. P. 99–154.

48. Frankfort H.-P., Pottier M.-H. Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et post – harappéen de Shortughai (Afghanistan du N. E.) // Arts Asiatiques. 1978. Vol. XXXIV. P. 29–86.

49. Hiebert F.T., Lamberg-Karlovsky C.C. Central Asia and the Indo – Iranian Borderlands // Iran. 1992. Vol. 30. P. 1–15.

50. Isakov A.I. Sarazm: an Agricultural Center of Ancient Sogdiana // Bulletin of the Asia Institute. 1996. Vol. 8. P. 1–12.

51. Kohl P.L. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris, 1984. P. 46–47. Map 6.

52. Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M. Shahr-I Sokhta and Tepe Yahya: tracks on the earliest history of the Iranian plateau // East and West. 1973. Vol. 23. P. 21–57.

53. Sarianidi W. Near Eastern Aryans in Central Asia // Journal of Indo – European studies, 1999. Vol. 27. P. 295–326.

54. Sarianidi W. Turkmenistan: Les tombes royales de Gonur – Dépe // Archeologia, 2005. Vol. 42. P. 52–59.

Информация об авторах:

Сагдуллаев Анатолий Сагдуллаевич, доктор исторических наук, профессор, академик АН Узбекистана. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); anatoliy.sagdullaev@inbox.ru

Шайдуллаев Алишер Шапулатович, доктор философии (PhD) по историческим наукам. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); alisher@myself.com

Тогаев Жасур Эркинович, доктор философии (PhD) по историческим наукам. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); jasur.togaev@nuu.uz

ABOUT ANCIENT EASTERN AND EURASIAN MIGRATIONS TO CENTRAL ASIA

A.S. Sagdullaev, A.Sh. Shaydullaev, J.E. Togaev

The article considers some questions of studying the migrations to Central Asia that proceeded in the Neolithic, Eneolithic and Bronze ages. An important place in the study of the theme belongs to the archaeological data obtained as a result of researches of scientists of different generations. The purpose – the general characteristic of a condition of a problem, the analysis of separate sights and approaches. The attempt of systematization of migrations according to their volume, a degree of settlement of the come population in various areas of Central Asia and spatial (geographical) attributes is carried out, on maps the directions of transit movement, trade and cultural communications are shown. The further perspective of the theme is seen in improving the typology of migrations and their mapping on the basis of archaeological materials.

Keywords: archaeology, ethnic-cultural processes, Neolithic, economic-cultural type, Ustyurt plateau, Sarazm, cultural transformation, Indus civilization, Bactria, Margiana, Arkaim culture, Andronovo tribes.

REFERENCES

1. Avanesova, N. A. 2016. In Saidov, M. M. (ed.). *Arkheologiya Uzbekistana v gody nezavisimosti: dostizheniya i perspektivy (Archaeology of Uzbekistan During the Years of the Independence: progress and perspectives)*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 34–37 (in Russian).

2. Avizova, A. K. 2003. In Khozhaniyazov, G. Kh., Zhakson, S., Betts, A. (eds.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archaeology of the Aral Sea region)* 6. Nukus: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 17–20 (in Russian).

3. Alekseev, V. P., Askarov, A. A., Khodzhayov, T. K. 1990. *Istoricheskaya antropologiya Sredney*

Azii (paleolit – epokha antichnosti). (Historical anthropology of Central Asia (Paleolithic – the era of Antiquity). Tashkent: “Fan” Publ., 100–101 (in Russian).

4. Amanbaeva, B. E., Rogozhinskiy, A. E., Merfi, D. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane. 2004–2005 gg. (Archeological researches in Uzbekistan. 2004–2005)* 5. Tashkent: “Fan” Publ., 256–265 (in Russian).

5. Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the South of Uzbekistan).* Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

6. Bizhanov, E. B. 1996. *Kamennyy vek Ustyurta (Stone Age of Ustyurt).* Nukus: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan (in Russian).

7. Bobomulloev, S., Vinogradova, N. M., Bobmulloev, B., Khudzhageldiev, T. U. 2021. In Avanesova, N. A. (ed.). *Kul'tury aziatskoy chasti Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Cultures of the Asian Part of Eurasia in Ancient and Middle Ages).* Samarkand: Samarkand State University, 78–84 (in Russian).

8. Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo Mezhdurech'ya (Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluvium).* Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 13. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

9. Vinogradov, A. V. 1979. In *Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii (Ethnography and archaeology of Central Asia).* Moscow: “Nauka” Publ., 3–10 (in Russian).

10. Vinogradova, N. M., Kuz'mina, E. E. 1986. In Litvinskii, B. A. (ed.). *Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya v sisteme kul'tur drevnego i srednevekovogo Vostoka (East Turkestan and Central Asia in the System of Cultures of the Ancient and Medieval East).* Moscow: “Nauka” Publ., 126–132 (in Russian).

11. Gening, V. F., Ashikhmina, L. I. 1975. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 goda (Archaeological Discoveries of 1974).* Moscow: “Nauka” Publ., 144–147 (in Russian).

12. Dzhurakulov, M. D., Avanesova, N. A. 1999. In *Sogd v sisteme kul'turnykh svyazey Tsentral'noy Azii (Sogd in the system of cultural relations of Central Asia).* Samarkand: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 37–38 (in Russian).

13. Zdanovich, G. B. 2003. In Zdanovich, G. B., Zdanovich, D. G., Kupriyanova, E. V., Kirillov, A. K. *Arkaim i Strana gorodov, arkheologicheskie ocherki (Arkaim and the “Land of cities”, archaeological essays).* Chelyabinsk: “Krokus” Publ., 4–20 (in Russian).

14. Zharrizh, Zh. F. 1989. In Masson, V. M. (ed.). *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii (Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations).* Alma-Ata: “Nauka” Publ., 166–171 (in Russian).

15. Isakov, A. I. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 152–167 (in Russian).

16. Kiyatkina, T. P. 1982. In Negmatov, N. N., Ranov, V. A. (eds.). *Kul'tura pervobytnoy epokhi Tadzhikistana (Prehistory culture of Tajikistan).* Dushanbe: “Donish” Publ., 65–72 (in Russian).

17. Korochkova, O. N. 2021. In Avanesova, N. A. (ed.). *Kul'tury aziatskoy chasti Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Cultures of the Asian Part of Eurasia in Ancient and Middle Ages).* Samarkand: Samarkand State University, 246–247 (in Russian).

18. Kdyrniyazov, M.-Sh., Yagodin, V. N., Mambetullaev, M. M., Sagdullaev, A. S., Kdyrniyazov, O.-Sh. 2017. *Istoriya tsivilizatsii Khorezma (History of the Khwarazm civilization).* Nukus: “Qaraqalpaqstan” Publ. (in Russian).

19. Lamberg-Karlovski, K. K. 1986. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Vostoka (Ancient civilizations of the East).* Tashkent: “Fan” Publ., 166–171 (in Russian).

20. Lamberg-Karlovski, K. K. 1990. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 3–21 (in Russian).

21. Lisitsyna, G. N. 1978. *Stanovlenie i razvitie oroshaemogo zemledeliya v Yuzhnoy Turkmenii (Formation and development of irrigated agriculture in South Turkmenistan).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

22. Litvinskiy, B. A. 1981. In Asimov, M. S., Litvinskiy, B. A., Miroshnikov, L. I., Raevskiy, D. S. (eds.). *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti (Ethnic Issues of the History of Central Asia in the Early Period (Second Millennium B.C.)).* Moscow: “Nauka” Publ., 154–166 (in Russian).

23. Masimov, I. S. 1986. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Vostoka (Ancient civilizations of the East).* Tashkent: “Fan” Publ., 171–181 (in Russian).

24. Masson, V. M. 1971. *Poselenie Dzheyton (problema stanovleniya proizvodnyashchey ekonomiki) (Dzheyton settlement (issue of the producing economy formation)).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 180. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

25. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv (Economy and social structure of ancient societies).* Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

26. Masson, V. M. 1981. *Altyn-Depe (Altyn-Depe).* Series Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) 18. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

27. Masson, V. M. 2000. In *Indiya i Tsentral'naya Aziya (doislamskiy period) (India and Central*

Asia (pre-Islamic period)). Tashkent: Embassies of India in the Republic of Uzbekistan, 113–114 (in Russian).

28. Mellart, Dzh. 1982. *Drevneyshie tsivilizatsii Blizhnego Vostoka (The oldest civilizations of the Middle East)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

29. Okladnikov, A. P. 1966. In Masson, V. M. (ed.). *Srednyaya Aziya v epokhu kamnya i bronzy (Central Asia in the Stone and Bronze ages)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ., 50–75 (in Russian).

30. Rtveladze, E. 2005. *Tsivilizatsii, gosudarstva, kul'tury Tsentral'noy Azii. (Civilizations, States, Cultures of Central Asia)*. Tashkent: University of World Economy and Diplomacy (in Russian).

31. Sagdullaev, A. S. 2000. In *Indiya i Tsentral'naya Aziya (doislamskiy period) (India and Central Asia (pre-Islamic period))*. Tashkent: Embassies of India in the Republic of Uzbekistan, 119–120 (in Russian).

32. Sagdullaev, A. S., Togaev, Zh. E. 2018. In Sagdullaev, A. S. (ed.). *Problemy istorii, arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (The Issues of History, Archaeology and Ethnology of Central Asia)* Tashkent: National University of Uzbekistan, 88–94 (in Russian).

33. Sarianidi, V. I. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 20–28 (in Russian).

34. Sarianidi, V. I. 1977. *Drevnie zemledel'tsy Afganistana (Ancient farmers of Afghanistan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

35. Sarianidi, V. I. 1990. *Drevnosti strany Margush (Antiquities of ancient state of Margush)*. Ashkhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).

36. Sarianidi, V. I. 2010. *Zadolgo do Zaratushtry (Long before Zaratushtra)*. Moscow: “Staryy sad” Publ. (in Russian).

37. Stepanova, N. F., Merts, I. V. 2021. In Avanesova, N. A. (ed.). *Kul'tury aziatskoy chasti Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Cultures of the Asian Part of Eurasia in Ancient and Middle Ages)*. Samarkand: Samarkand State University, 259–263 (in Russian).

38. Formozov, A. A. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 22–35 (in Russian).

39. Kholmatov, N. U. 2007. *Mezolit i neolit Nizhnego Zarafshana (Mesolithic and Neolithic of the Lower Zarafshan)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

40. Kholmatov, N. U. 2018. In Sagdullaev, A. S. (ed.). *Problemy istorii, arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (The Issues of History, Archaeology and Ethnology of Central Asia)*. Tashkent: National University of Uzbekistan, 138–142 (in Russian).

41. Chernetsov, V. N. 1968. In Vinogradov, A. V. (ed.). *Istoriia, arkheologiya i etnografiya Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 41–53 (in Russian).

42. Amiet, P. 1989. *Elam and Bactria. Bactria. An Ancient Oasis Civilizations*. Roma–Venezia, 125–140.

43. Deshayes, J. 1963. In *Surria XL*, 85–99.

44. Francfort, H.-P. 1985. In *L'Archéologique de la Bactrienne*. Paris, 95–110.

45. Francfort, H.-P. 2021. In *Cultures of the Asian part of Eurasia in ancient and middle Ages*. Samarkand State University, 47–54.

46. Gardin, J.-C. 1985. In *L'archéologie de la Bactrienne ancienne*. Paris, 39–45.

47. Gardin, J.-C., Lyonnet, B. 1978–1979. In *Mesopotamia*. Vol. XIII–XIV, 99–154.

48. Frankfort, H.-P., Pottier, M.-H. 1978. In *Arts Asiatiques XXXIV*, 29–86.

49. Hiebert, F. T., Lamberg-Karlovsky, C. C. 1992. In *Iran* 30, 1–15.

50. Isakov, A. I. 1996. In *Bulletin of the Asia Institute* 8, 1–12.

51. Kohl, P. L. 1984. *Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris, 46–47, Map 6.

52. Lamberg-Karlovsky, C. C., Tosi, M. 1973. In *East and West* 23, 21–57.

53. Sarianidi, W. 1999. In *Journal of Indo-European studies* 27, 295–326.

54. Sarianidi, W. 2005. In *Archeologia* 42, 52–59.

About the Authors:

Sagdullaev Anatoliy S. Doctor of Historical Sciences, Professor. Academician of the Academy of Sciences of Uzbekistan. National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University St., 4, Tashkent, 100174, the Republic of Uzbekistan; anatoliy.sagdullayev@inbox.ru

Shaydullaev Alisher Sh. Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University St., 4, Tashkent, 100174, the Republic of Uzbekistan; alisher@myself.com

Togaev Jasur E. Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University St., 4, Tashkent, 100174, the Republic of Uzbekistan; jasur.togaev@nuu.uz

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕМЕНОВСКОГО ОСТРОВА В ТАТАРСТАНЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2023 г. К.А. Руденко, Е.П. Казаков

Статья посвящена средневековым памятникам X – начала XV в. Семеновского острова в Спасском районе Татарстана. Это 5 могильников и 4 селища. I Семеновское селище было одним из ранних поселений волжских булгар в Казанском Поволжье и возникло во второй половине X в. В настоящее время культурный слой селищ Семеновского острова полностью размыт водами Куйбышевского водохранилища, как и некрополи, относившиеся к ним. Значительная часть материалов этих памятников была опубликована, за исключением керамики. Особое внимание исследователями было уделено монетам и изделиям из цветного металла. Анализ находок позволил предположить, что поселенческая структура на Семеновском острове развивалась без значительных перерывов со второй половины X в. и до начала XV в., пережив несколько кризисных трансформаций в конце XI – первой половине XII и первой трети XIII в., связанных в первом случае с вторжениями половцев и во втором – с монгольским завоеванием.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Булгарская область Золотой Орды, Семеновский остров, селища, торговля, арабские дирхемы, средневековые стеклянные бусы.

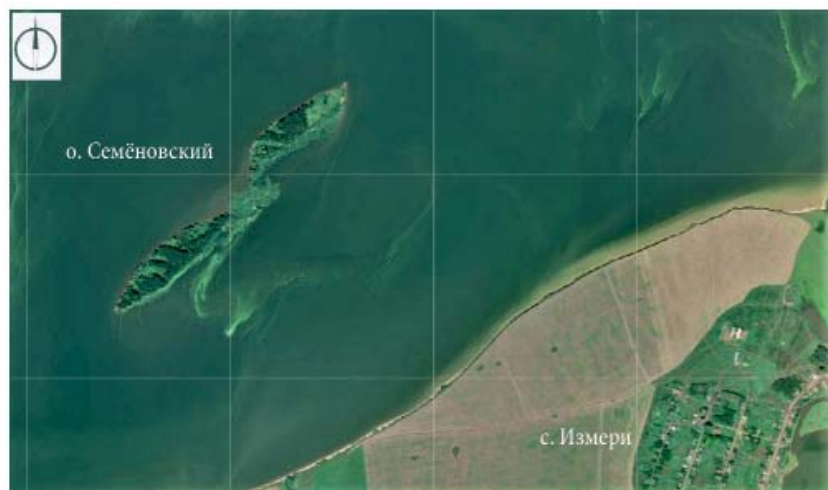
Введение

Семеновский остров, расположенный к северо-востоку от с. Измери в Спасском районе Республики Татарстан, является останцом надлуговой пойменной террасы реки Красной, впадавшей в Каму (рис. 1: 1; 2). До создания водохранилища останец имел естественные границы: с юга – довольно большое старичное озеро, а с севера – низкая долина с заболоченной старицей речки Красной, впадавшей в протоку «Старая Кама».

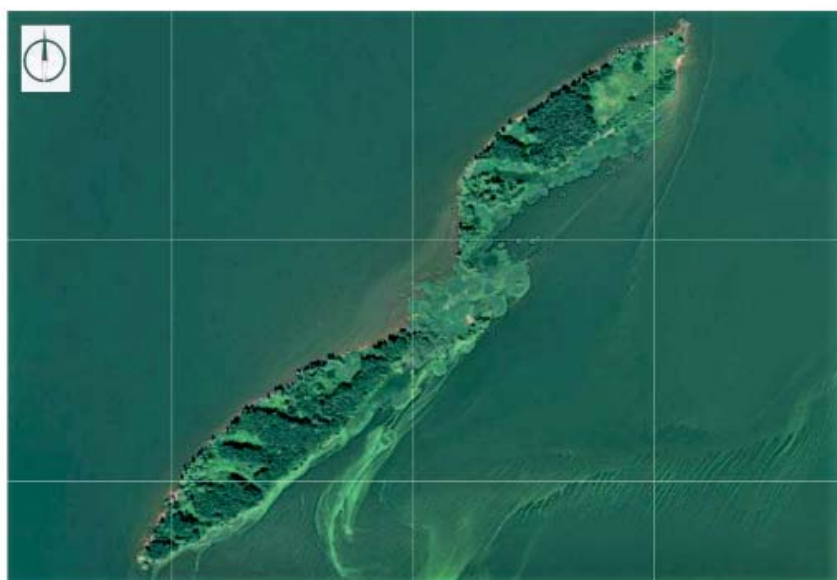
Остров образовался после затопления камской поймы водами Куйбышевской ГЭС в 1955–1956 гг. До этого здесь находилась малодворная деревня Семеново, или Семёновка (рис. 2), на месте которой и близ нее на выгонах и огородах располагались остатки древних поселений и могильников. Самые ранние из них относились к эпохе мезолита – неолита, а поздние – к Средневековию (Габяшев и др., 1976, с. 6, 10, рис. 1, № 55; 2, № 127–129; 3, № 90; 10: 1, 10–13; Археологическая..., 1986, с. 65, 66, № 395–410; Галимова, 1996, с. 48).

Изучались эти памятники с начала

1960-х гг. и до 2010-х гг., сначала Татарской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова, а затем Раннеболгарской экспедицией под руководством Е.П. Казакова. Наиболее интенсивные обследования проходили в 1961–1975 гг. (Габяшев и др., 1976, с. 3, 4). В 1980–2000-х гг. обследование острова проводили Е.А. Беговатов и М.М. Кавеев. В 1972–1973 гг. М.Г. Косменко, Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиным были выявлены IV, V Семеновские стоянки каменного века: переходного периода от палеолита к мезолиту. По М.Г. Косменко, это второй этап (косяковский) усть-камской археологической культуры. Стоянки датируются VI тыс. до н. э. На них обнаружено 733 кремниевых артефактов этого периода (Косменко, 1972; Косменко, 1977, с. 96, 97; Кольцов, 1989, с. 87; Галимова, 2001, с. 93–96, 140, 141). По мнению М.Ш. Галимовой, это были стоянки-мастерские, располагавшиеся поблизости от выходов сырья¹, где расщепляли кремневые конкреции для получения пластинчатых сколов – заготовок для орудий (Галимова, 2022,

1

2

Рис. 1. Семеновские острова. Общий вид. Фото из открытого источника. 1 – Семеновские острова и с. Измери. Ситуационный план; 2 – Семеновский остров. Современное состояние. Изображение из открытых источников.

Fig. 1. Semenovskiy islands. General view. Open source photo. 1 – Semenovskiy islands and village of Izmeri. General layout; 2 – Semenovskiy Island. Current state. Open source illustration.

с. 112). Семёновские стоянки нужно рассматривать в контексте палеолитических и мезолитических памятников этого региона (Казаков, 2011, с. 6–17; Казаков, 2022, с. 164–168).

Также на Семеновском острове зафиксированы: разрушенная стоянка эпохи бронзы, два размывших могильника раннего железного века, а также поселение эпохи Великого переселения народов – VI селище именковской культуры (МА РТ, инв. № VI

С.с.-90; I С.с.-89/П-43).

Что касается эпохи Средневековья, то на острове выявлено четыре селища (I–III, V) и пять могильников X–XIV вв. (рис. 3). Подъемный материал в большей степени концентрировался у двух естественных возвышений в северо-восточной и юго-западной частях острова, разделенных широкой ложбиной (рис. 1: 2). К этим возвышениям прибоем приносило артефакты небольшого веса из разных мест

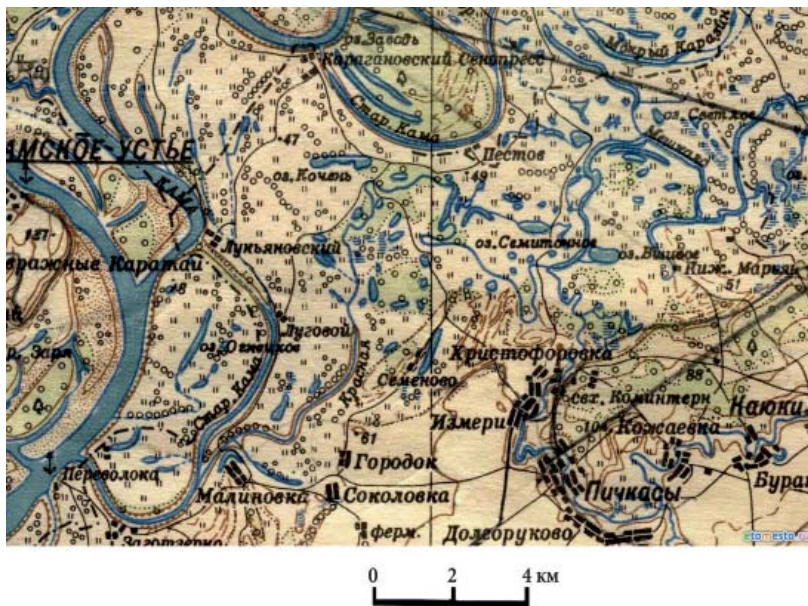

Рис. 2. Затопленный участок поймы нижнего течения Камы с селами Измери и Семеновка. По топографической основе 1948 г.

Fig. 2. Flooded zone of the lower Kama river floodplain with Izmeri and Semyonovka villages. Based on the topographical base of 1948.

острова, поскольку при высоком уровне воды он полностью затопливался.

Площадь семеновских поселений, зафиксированная в конце 1960-х – начале 1970-х гг. (рис. 3), составляла для I селища – 16000 кв. м; II селища – 11400 кв. м; III селища – 12000 кв. м; V селища – 180000 кв. м (Казаков, 1973, с. 12, 13, рис. 25; Казаков, 1988, с. 75; Фахрутдинов, 1975, с. 132, № 839, 841, 845). В сущности, границы этих селищ во многом являются условными, и, по сути, речь идет об одном средневековом поселении, существовавшем в конце X – начале XV в., располагавшемся на возвышенностях на останце надлуговой террасы.

На острове выявлено пять средневековых могильников: I могильник на юго-западной окраине I селища с захоронениями в гробах с железными гвоздями был датирован Е.П. Казаковым XII в.; II некрополь между селищами II и III – домонгольского времени, III некрополь в 300 м к западу от I могильника; V могильник в южной части V селища, причем два захоронения были коллективными; VII могильник – одиночное захоронение с вещами конца X – 1-й пол. XI в. (Казаков, 1991, с. 18, 32, рис. 6; 11: A; Казаков, 1985, рис. 1: 8; Археологическая..., 1986, с. 65–66, № 397, 402, 403, 405, 408). На каждом из некрополей удалось исследовать по два-три частично размытых захоронения.

К сожалению, памятники Семеновского острова из-за высокого уровня воды в водохранилище (нормальный подпорный уровень (НПУ) составляет 53 м)² при относительно малой высоте надлуговой террасы (48–53 м над уровнем моря) стационарным раскопкам не подвергались. Был заложен небольшой раскоп площадью 12 кв. м и несколько шурфов (Казаков, 1991, с. 32, рис. 11: Б). Зафиксированная стратиграфия на средневековых селищах Семеновского острова проста: дерн до 10 см; рыхлая серая супесь, отложившаяся при сезонном затоплении острова водами водохранилища: в среднем около 20 см; чернозем (культурный слой и погребенная почва): до 100 см, ниже – материковый суглинок (Казаков, 1991, с. 28, 30). Слой чернозема на острове неравномерен: в северной и юго-западной его частях он наименьший – 50–60 см.

Объекты были выявлены в материке в виде заполненных черноземом ям. Они отмечены в большей степени на V селище: прямоугольные котлованы построек (4×3 м) и расположенные вокруг них хозяйственные сооружения

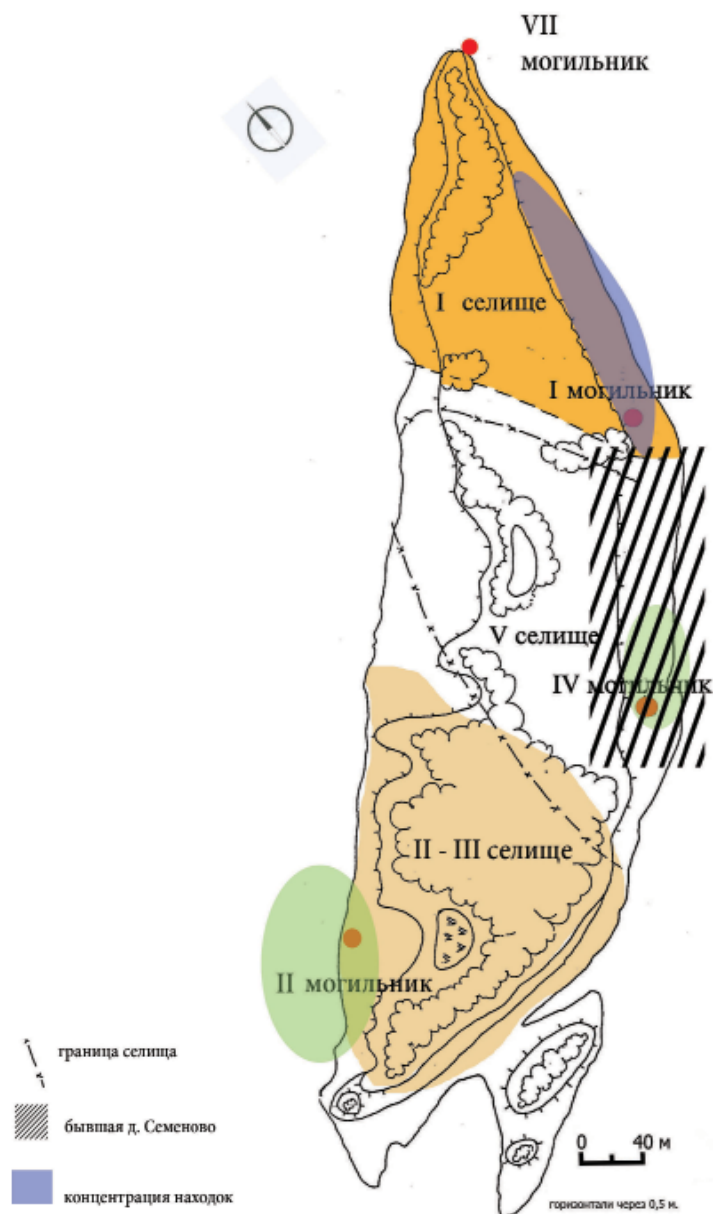

Рис. 3. Археологические средневековые памятники Семеновского острова по Е.П. Казакову (1991, рис. 6) и Е.А. Беговатову (Руденко, Беговатов, 2016, рис. 1).

Fig. 3. Archaeological medieval sites of Semenovsky Island according to Ye.P. Kazakov (1991, fig. 6) and Ye.A. Begovatov (Rudenko, Begovatov, 2016, fig. 1).

ния круглые в плане, диаметром 1,5–2 м.; небольшое количество размытых ям отмечено на I Семеновском селище (Казаков, 1988, с. 75; Габяшев и др., 1976, с. 27). Культурный слой практически для всех селищ на острове, учитывая погребенную почву и предметик, имел мощность вне объектов 30–40 см. В 1990-х гг. он был практически полностью уничтожен размывом. Интенсивность размыва в 1960–1970-х гг. расположенного напротив Семеновского острова побережья, где расположен Измерский комплекс археологических памятников, состав-

вила не менее 5 м/год (Гайнуллин и др., 2012, с. 117). Аналогичные процессы привели к значительным разрушениям культурного слоя памятников, располагавшихся даже на склоне надлуговых террас и на краю коренного берега, как, например, у с. Речное (Остолопово) (Гайнуллин, Демина, Усманов, 2012, с. 61, 62, рис. 2; 3).

Сборы подъемного материала на острове проводились, как правило, на северо-восточной мысовой его оконечности, интенсивно размывавшейся, а также на береговой полосе с южной стороны. За исключени-

ем больших фрагментов керамики и крупных изделий из камня и железа, остальной материал, вымытый из культурного слоя, перемещался водой с места своего первоначального залегания, особенно во время штормов, по приплёску в разных направлениях. Кроме того, на восточном берегу встречалось большое количество находок XIX – первой половины XX вв. – периода функционирования деревни Семеновка.

Источники и материалы

Археологические коллекции, полученные в результате многолетних сборов подъемного материала, хранятся в МА РТ, МИТК, НМ РТ, БГИАМЗ³. Наиболее представительным является собрание МА РТ, в основном состоящее из артефактов, полученных в результате разведочных работ Е.П. Казакова и Е.А. Беговатова в 1970–1990-х гг.

Значительная часть находок с I Семеновского селища, включая изделия из металла, стекла и кости X–XIII вв., была систематизирована и опубликована Е.П. Казаковым. Нумизматические материалы исследовались Е.А. Беговатым при участии Р.Х. Храменковой, В.П. Лебедева и др. Другими исследователями изучались отдельные категории изделий с этого памятника, предоставленные им Е.П. Казаковым и Е.А. Беговатым. Так, железные гири были исследованы Р.М. Валеевым (Валеев, 1995, с. 141, 144, табл. 4, 7); химический состав стекла домонгольских бус с острова был определен С.И. Валиулиной, она же сделала атрибуцию некоторых типов этих изделий (Казаков, 1986, с. 82, 83, рис. 4: 1, 3, 5; Казаков, 1991; Валиулина, 2005, с. 140, 141; Валиулина, 2005; Valiulina, 2016, s. 116–121). Состав сплава металлов 21 изделия, преимущественно украшений, был сделан И.Е. Зайцевой. Ей было установлено, что преобладающими в этой выборке, за несколько-

ми исключениями, были многокомпонентные бронзы (Зайцева, 2010, с. 117, 120–122, табл. 1, приложение, № 94–114). Основываясь на морфологических признаках накладок из цветного металла с Семеновского острова, В.В. Мурашева привлекла их в качестве аналогий при анализе украшений поясного гарнитура Древней Руси. Она же выделила волжско-болгарский центр производства поясной гарнитуры, предположив, что второй этап его развития связан с производственными центрами, в том числе и в низовьях Камы, то есть на Измерском и Семеновском селищах (Мурашева, 2000, с. 39, 41, 42, 44, 54, 58, 62, 63, 93).

Изучались железные кузнечные изделия, включавшие предметы конского снаряжения, сельскохозяйственные орудия и предметы быта, преимущественно домонгольского времени (Руденко, 2001, с. 22: 2, 8, 12, 20; 23: 5; 24: 3, 15; 29: 1–6; 31: 2–4, 6; 33: 3, 5; 36: 23–27; 39: 5; 47: 10; Руденко, 2006, рис. 6: 5; 8: 6; 9: 3; 10: 1–3; 14: 1; 18: 13–16; 21: 6–9, 11; Руденко, 2022б, с. 222, 225, рис. 2: 2; 5: 2, 4, 6; Руденко, 2022в, рис. 2; Руденко, 2023, с. 43, 44, рис. 1; 2: 2; 3: 1). Ю.А. Семькин исследовал технологические схемы изготовления 18 железных поделок с Семеновского острова, в числе которых были инструменты, бытовые изделия, весовая гиричка, деталь навесного замка и др. (Семькин, 2015, с. 66–68, табл. VII: № 216–233). Исследователями были отмечены и достаточно редкие поделки тюркских кочевников, а также древнерусские изделия, найденные на острове (Полубояринова, 1993, с. 75–77, рис. 29: 1, 3; Беговатов, Казаков, 1983, с. 104–106, рис. 1: 3, 5, 9, 12; Руденко, 2022а, с. 176, 177, рис. 1: 1).

Артефакты золотоордынского времени с Семеновского острова введены в научный оборот в меньшей степени. Это обзорная статья Е.П. Казакова, где рассмотрены изделия из железа, цветных металлов, стекла и керамика с

V Семеновского селища, а также публикация фрагментов металлических зеркал и нескольких ювелирных изделий с этого памятника, найденных Е.А. Беговатым (Казаков, 1988, с. 75, 76, рис. 2–4; Руденко, Беговатов, 2016, с. 190–199). Авторы последней статьи предположили, что в северной части этого поселения находилась мастерская ювелира, функционировавшая в XIV в. (Руденко, Беговатов, 2016, с. 200). Чугунные котлы с этого памятника были отнесены К.А. Руденко к типам Ч-1, Ч-2 (Руденко, 2000, с. 39, 40, рис. 3).

С острова происходит пять кладов, два из которых вещевые – домонгольского и золотоордынского времени (Беговатов, Казанцева, 2016; Халиков, 1981; Казаков, 1991, с. 50, 51, 53, рис. 16; Казаков, 2001). В составе вещевого клада была восточноиранская чаша X в. из белой бронзы (Руденко, 1990; Казаков, 1991, с. 55, рис. 19: 31). Отдельные находки серебряных перстней с чернью XI–XIII вв. также, возможно, происходят из размытого клада. Они отнесены к типам 2.6, 3.10 и 4.3 по К.А. Руденко (Руденко, 2007, с. 134, 136, 137, 138, рис. 1: 3, 22, 41, 43, табл. 1, № 3, 22, 41–43).

Остальные три клада – монетные. Первый, состоявший из 2358 монет XV в.⁴, был найден в 1962 г., второй клад, в котором были монеты эпохи Золотой Орды, – в 1982 г.; третий клад – 2-й половины X в., обнаружен в 1966 г. (Ефимова, 1980, с. 139, № 728, 729; Археологическая..., 1986, с. 67, № 414; Мухамадиев, 1983, с. 120–124; Руденко, Беговатов, 2016, с. 188). В последнем было 35 монет, в основном дирхемов Мансура бен Нуха (350–365 г. х.) (Федоров-Давыдов, 1985, с. 46; Мухамадиев, 1990, с. 108, табл. XIX–XXXI; Валеев, 1995, с. 145, табл. 8).

На острове известны отдельные находки серебряных куфических саманидских дирхемов X в. от Исмаила б. Ахмада (892–907) и до Нух. б.

Мансура (976–997), а также их фрагменты⁵ (Казаков, 1991, с. 29, табл. II; Беговатов, Казаков, Мухаметшин, Сингатуллина, 2013; Беговатов, Лебедев, Храмченкова, 2013, с. 170; Беговатов, Лебедев, 2013). Кроме того, здесь зафиксировано значительное число испорченных монет – обломки, обрезки, а также стертые монеты. Все они характерны для кладов 50–90-х гг. X в. и становятся преобладающими в кладах первых десятилетий XI в. (Фомин, 1984, с. 133, 134). На острове известны находки серебряных и медных джучидских монет. Часть этих находок была использована в диссертации А.В. Пачкалова, защищенной в 2006 г., и монографии, опубликованной на основе диссертации в 2017 г. (Пачкалов, 2006; Пачкалов, 2017). Около 200 таких артефактов, датированных XIII – первой четвертью XIV в., были опубликованы А.И. Бугарчевым (Бугарчев, 2017, с. 44–46, сводная табл.)

Саманидские дирхемы с Семеновского острова из сборов Е.А. Беговатова изучались различными методами: химическим, оптической и электронной микроскопии, рентгеновской компьютерной томографии и др. (Шайхутдинова, Храмченкова, Ситдилов, 2016). Было выяснено, что часть исследованных монет была выполнена из сплавов серебра с медью и серебра со свинцом, причем чаще применялся бинарный сплав Ag–Cu (Храмченкова и др., 2015, с. 180; Беговатов, Лебедев, Храмченкова, 2013, с. 171).

Обсуждение

По монетам (дирхемы 942–955; 944–946; 960–970; 970/971; 972/973; 975/976; 976/977) возникновение поселения было отнесено ко 2-й половине X – началу XI в. (I селище) (Казаков, 1982, с. 33; Казаков, 1991, с. 31, табл. II). Подтверждалось это и аналогиями с рядом категорий артефактов из погребального инвентаря некрополей Марийского Поволжья (Дубовский, Веселовский, Черемисское кладби-

ще), встречавшихся с монетами этого хронологического интервала⁶ (Казаков, 1982, с. 33). Также с использованием данных нумизматики – монет эпохи Золотой Орды – было датировано Семеновское V селище (Руденко, Беговатов, 2016, с. 189).

Морфологическое сходство накладок поясного гарнитура из цветного металла на I–II Семеновских селищах и в захоронениях в могильниках Поветлужья и Приочья второй половины X – начала XI в. было интерпретировано Е.П. Казаковым как свидетельство активного экспорта болгарской продукции с этого торгово-ремесленного поселения в указанные регионы (Казаков, 1985, с. 27, 29, 30; Казаков, 1992, с. 45). Эту точку зрения поддержала В.В. Мурашева, утверждая, что значительная масса поясных накладок во второй половине X в. привозилась на территорию Древней Руси из Волжской Булгарии, в первую очередь с поселений типа Семеновка – Измери (Мурашева, 2000, с. 93). Также, по мнению Е.П. Казакова, на Семеновском острове находились и стеклоделательные мастерские (Казаков, 1991, с. 146, 148).

Т.А. Хлебникова в начале 1970-х гг. по находкам керамики «салтовского типа» утверждала, что Семеновское I селище могло возникнуть на рубеже IX–X вв. или в конце IX – первой половине X в. (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 119, № 24, 25; Габяшев и др., 1976, с. 31). Однако, с учетом накопленного в последующее время материала, это предположение не подтвердилось. В XII–XIII вв. функционировали Семеновские II и III поселения (Археологическая..., 1986, с. 64, 65, № 395, 398). Было высказано предположение, что I, II селища прекратили существование в конце домонгольского времени (Габяшев и др., 1976, с. 31). После монгольского нашествия, как утверждает Е.П. Казаков, жизнь в этих местах возобновилась, хотя, по мнению

ученого, опиравшегося на топографию селищ на острове, застраивались только участки поблизости от пустошей (Казаков, 1991, с. 30; Казаков, 1988, с. 76).

Изучение коллекций с Семеновского острова показало, что в 1960-х гг. в первую очередь разрушались водами водохранилища усадьбы XI–XII вв. (селище I), располагавшиеся на низких участках останца, ближе к старичным озерам и протокам, с характерным керамическим материалом, каменными и стеклянными бусами этого времени (рис. 4: 2, 3, 5–6, 8–14), а также сфероконическими сосудами серо-коричневого и светло-коричневого цвета с шаровидным туловом (рис. 5), во фрагментированном состоянии (например, сборы в сентябре 1964 г.: НМ РТ, инв. № ГМТР 14885/88-95). Находки сфероконусов этого типа в достаточно больших количествах продолжались вплоть до второй половины 1970-х гг. (МА РТ, инв. № Сем-71/1; I С.с.-75/52) и во вторичном отложении уже в 1980-х гг. (МА РТ, инв. № I С.с.-81/38, 43, 48).

В 1960-х гг. на Семеновском острове частными лицами были обнаружены клады золотоордынских монет и саманидских дирхемов. В 1970-х гг. водохранилищем были размыты участки культурного слоя середины X в. и второй половины X – первой половины XI в. с бронзовыми поясными накладками, стеклянными бусами и предметами быта этого времени. Одновременно происходило разрушение культурного слоя второй половины домонгольского периода и отложений эпохи Золотой Орды (селище V). Так, в 1971 г. был зафиксирован Семеновский клад железных орудий труда, конского снаряжения и бытовых предметов золотоордынского времени.

В 1980-е гг. завершилось разрушение культурного слоя археологических памятников на Семеновском острове. С этого времени практически

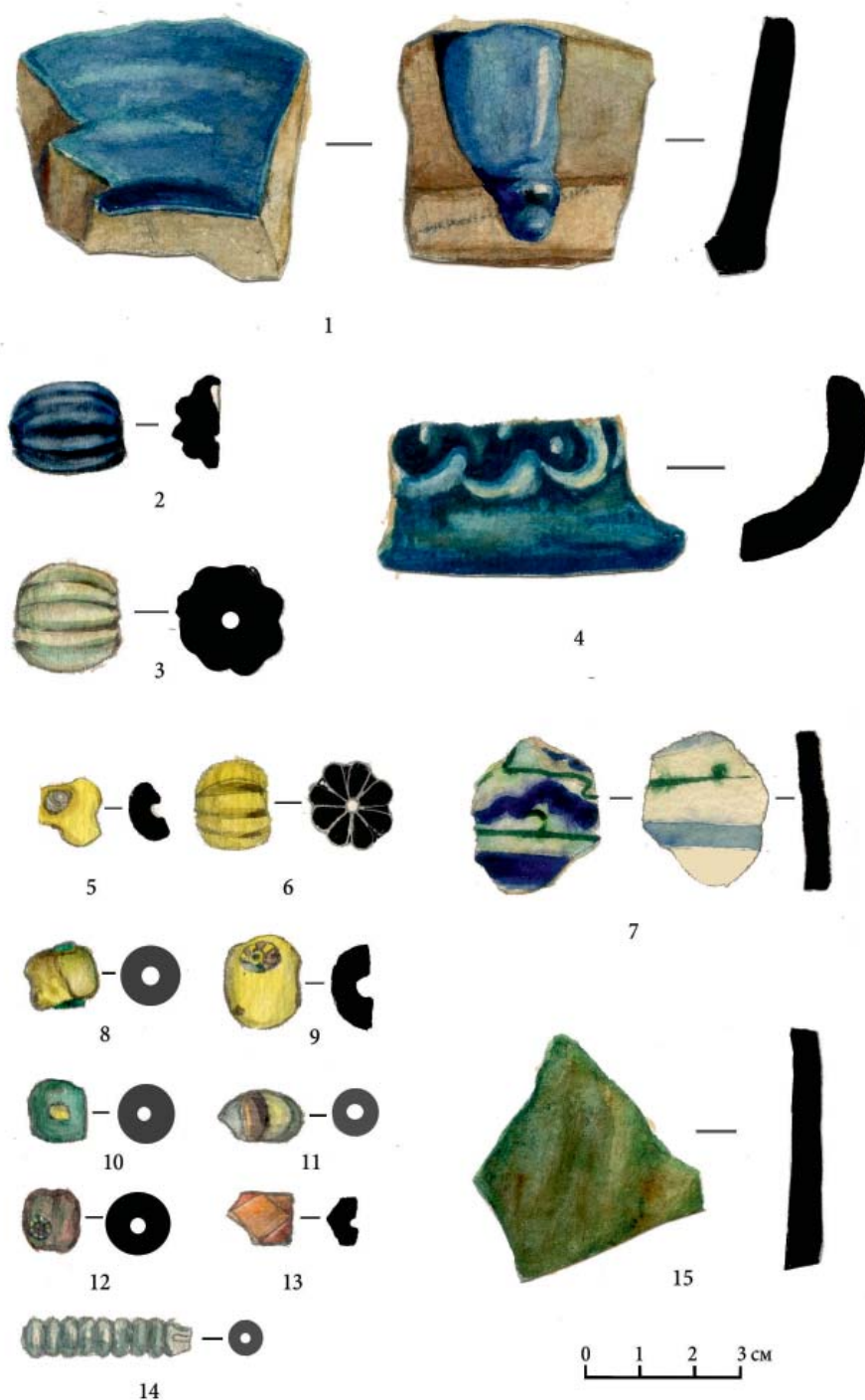

Рис. 4. Поливная керамика (1, 4, 7, 15), стеклянные (2, 3, 5, 6, 8–11, 12, 14) и каменные (13) бусы с Семеновского острова. Подъемный материал. Рисунок К.А. Руденко; бумага, акварель. 1991 год. 1 – V Сем-86; 2 – I С.с.-75/158; 3 – I С.с.-82/94; 4 – V Сем-81; 5 – I С.с.-82; 6 – I С.с.-82/62; 7 – V С.с.-89/8; 8 – I С.с.-82/25; 9 – I С.с.-82/61; 10 – I С.с.-82/26; 11 – I С.с.-82/27; 12 – I С.с.-82/27; 13 – I С.с.-82/28; 14 – I С.с.-82/54; V Сем-86. 1, 4, 7, 15 – глина, стекло; 13 – сердолик; 14 – стекло, серебряная фольга.

Fig. 4. Glazed ware (1, 4, 7, 15), glass (2, 3, 5, 6, 8–11, 12, 14) and stone (13) beads from Semenovskiy Island. Surface finds. Drawing by K.A. Rudenko; paper, water-colour. 1991. 1 – V Sem-86; 2 – I C.s.-75/158; 3 – I C.s.-82/94; 4 – V Sem-81; 5 – I C.s.-82; 6 – I C.s.-82/62; 7 – V C.s.-89/8; 8 – I C.s.-82/25; 9 – I C.s.-82/61; 10 – I C.s.-82/26; 11 – I C.s.-82/27; 12 – I C.s.-82/27; 13 – I C.s.-82/28; 14 – I C.s.-82/54; V Sem-86. 1, 4, 7, 15 – clay, glass; 13 – carnelian; 14 – glass, silver foil.

весь подъемный материал находился в переотложенном виде. Отметим, что в эти и последующие годы все чаще стали попадаться вещи из поздних отложений XVIII – первой половины XX в. Также с 1980-х гг. стали фиксироваться фрагменты чугунных котлов XIV в., как и другие находки золотоордынского периода из центральной части острова, в предшествующее время только лишь затапливаемую водой.

Материалы Семеновского поселенческого комплекса представлены различными категориями изделий. В коллекции имеется небольшое количество фрагментов лепной и подправленной на круге шамотной керамики горшковидной формы с невысоким отогнутым наружу венчиком с пальцевыми защипами, датирующейся концом X – XI вв. Для XI – XII вв. характерны сосуды типа «джукетау» (2 экз.; МАРТ, инв. № V С.с.-82/459) и постпетрогром (9 экз.).

Фрагменты круговой посуды датируются преимущественно XI–XII вв. Особенностью семеновских селищ домонгольского времени являются находки сфероконических сосудов с шаровидным туловом (18 экз.), сосредоточенные в основном на северо-западном побережье острова (II–III селища), где, вероятно, и была их первоначальная локация. Близкие по форме и цвету сфероконусы были найдены на Билярском II селище (Шакиров, 2002, с. 173, 174). Большая часть семеновских сфероконусов не орнаментирована, за исключением одного изделия (рис. 5: 1) серо-коричневого цвета со штампованным рисунком в виде чешуек (МАРТ, инв. № КЕП-21). Имеется один бракованный экземпляр (МАРТ, инв. № III Сем-68/546) (рис. 5: 4). Практически все сфероконусы расколоты или у них отбиты донные части или головки (рис. 5: 2, 3), кроме одного целого артефакта с незначительными повреждениями (МАРТ,

инв. № I С.с.-75/22). Достаточно много фрагментов от туваков (4 экз.) и корчаг средних размеров (8 экз.).

В ордынское время на поселении встречаются круговые и подправленные на круге сосуды, в том числе и привозные, например, котлы с трехпальными ручками (3 экз.: МАРТ, инв. № III Сем-68/92; III Сем-71/12; V С.с.-82/456), а также более ранние котлы верхнекамского происхождения с вертикальными ручками с примесью толченой раковины (МАРТ, инв. № V Сем.с.-90/1) и производные от них с преобладающей примесью крупнозернистого песка (V С.с.-81/29; V С.с.-82/285, 286, 459; V С.-86). К XIV в. относится единственный в коллекции фрагмент каменного котла (МАРТ, инв. № V С.с.-82/279), аналогичного тем, что найдены на Булгарском городище.

Известны также корчаги, большие по объему кувшины, миски, но при этом ни одного сфероконуса. Около 5% от находок керамики ордынского времени составляют фрагменты «славяноидной» керамики (V с.с.-82/327; V С. 83/8). К ордынскому времени относятся находки глазурованной керамики, преимущественно от чашек и блюд с голубой глухой поливой (МАРТ, инв. № V С.с.-86; 89/8) (рис. 4: 1, 4, 7). Домонгольской глазурованной керамики в коллекции нет.

Отметим, что в ордынское время существенно возрастает процент лепной и подправленной на круге посуды с обильной примесью песка, органики и толченой раковины, в том числе и «славяноидной». Аналогии последней встречаются на селище Чакма, а также некоторые редкие типы круговых сосудов этого времени.

Металлическая посуда в домонгольское и ордынское время представлена медными бытовыми изделиями, как целыми формами, так и в фрагментах (42 экз.). Это котлы (2 экз.: IV Сем.с-82; II Сем-71/2; Каза-

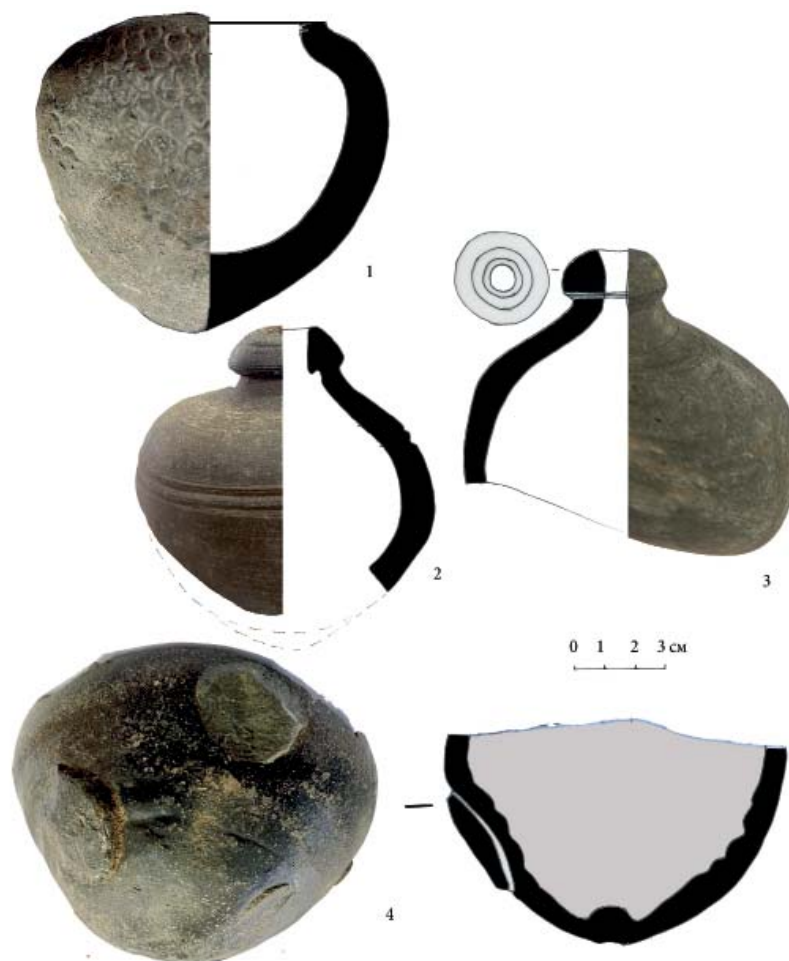

Рис. 5. Сфероконические сосуды с Семеновского острова. Подъемный материал. 1 – Сем-II; 2 – III Сем-68/54б; 3 – III Сем-68/54а; 4 – III Сем-68/54. Собрание МА РТ.

Fig. 5. Sphericoconical vessels from Semenovskiy Island. Surface finds. 1 – Sem-II; 2 – III Sem-68/54b; 3 – III Sem-68/54a; 4 – III Sem-68/54. Collection of MA RT.

ков, 1991, с. 112, рис. 39: 2), ковши (2 экз.; МАРТ, Инв. № КЕП-7/19; V С.с.-91/124), чаша (1 экз.: МАРТ, инв. № V Сем-05), светильник (1 экз.: МАРТ, инв. № I С.с.-86/П-09), ушки от котлов и их фрагменты (15 экз.), а также 22 определимых фрагмента от посуды: обрезками венчиков и стенок (V С.с.-82/54, 60, 255, 253, 529, 257, 251; V Сем-91/41–44; КЕП-7/8) (Руденко, 2022г, рис. 3). Последние собирались как лом и шли на переплавку, что характерно для болгарского ремесла (Руденко, 2022г, с. 292–295). К золотоордынскому времени относятся чугунные котлы (5 экз.) двух основных типов: 1) с прямым венчиком со ско- сом и полочковидной ручкой и 2) с

изогнутым венчиком (V С.с.-82; V С.-83/32, 109, 113; V С.с.-86). Эти типы имели широкое хождение на территории Золотой Орды и встречаются от Поволжья и до Днестра (Постикэ, Бакуменко-Пырнэу, 2020).

Одной из самых многочисленных категорий находок начального периода существования селища являются стеклянные бусы (рис. 4: 2, 3, 5, 6, 8–14). Их на I Семеновском селище на конец 1980-х гг. в подъемном материале из сборов Е.П. Казакова было зафиксировано 320 экз., а к началу XXI в. вместе с материалами Е.А. Беговатова – 1338 экз. (Казаков, 1991, с. 146, рис.47; Валиулина, 2005, с. 140, рис. 47: I–IV). Среди них преобладали

бусы-«лимонки» желтые и продольно-полосатые, которые концентрировались в юго-восточной части селища, причем значительная их часть была расколота. По данным С.И. Валиулиной, бусы-лимонки с Семеновского острова составляют 54% (728 экз.); остальные – рубленый бисер 8% (107 экз.), многочастные лимоновидные 2,5% (34 экз.), золотостеклянные 0,07% (1 экз.), двухчастные, желтые глухие 3,6% (48 экз.), глазчатые 7,5% (100 экз.), мозаичные 0,07% (1 экз.) и прочие (Валиулина, 2005, с. 140, 141). Датируются они последней третью X – началом XI в.

Учитывая сообщение Ахмеда ибн Фадлана, что бусы в начале X в. использовались на Средней Волге как платежное средство в торговле (Ковалевский, 1956, с. 141), можно предположить, что семеновские бусы, как и монетное серебро, выступали в этом же качестве, что отмечалось в литературе (Валеев, 1995, с. 110). Помимо бус на поселении встречаются стеклянные подвески, вставки для перстней. Известны сердоликовые граненые бусины (9 экз.; МАРТ, инв. № КЕП-4/196,198–205) (рис. 4: 13). Практически все они относятся к типам битрапециоидных и плитчатых (14-гранных, тип IV, по М.Д. Полубояриновой); известны они в Болгаре и в Биляре. Плитчатые бусы встречаются в Волго-Камье с IX в., битрапециоидные чаще встречаются в XII в. (Полубояринова, 1991, с. 26, 29, рис. 1: 17, 20). В XII – начале XIII в. стеклянных, как и каменных, бус становится в разы меньше, они другие по типам. В ордынское время бусы на Семеновском острове и вовсе единичны (8 экз.) и характерны для ордынских древностей.

Бронзовые ременные накладки, как и пряжки (46 экз.), встречаются на протяжении всего периода существования поселения на данной территории, однако наиболее выразительный

комплекс относится ко второй половине X – первой половине XI в. (Казаков, 1982, рис. 3: 12, 14–39; Казаков, 1991, рис. 44) и аналогичен находкам с Измерского I селища. Накладки XII–XIV вв. (4 экз.) малочисленны и относятся к иным типам (Казаков, 1988, рис. 4: 16, 17).

На острове собрана интересная коллекция обломков металлических зеркал – 38 экз., из которых 28 были найдены Е.А. Беговатовым в 1983–1987 гг. в северной части V селища (рис. 3) (Руденко, Беговатов, 2016, с. 190; Казаков, 1988, с. 80, рис. 4: 22, 23). Незначительная часть их с геометрическим орнаментом, вероятно, появилась в конце домонгольского периода, однако подавляющее большинство относится к ордынскому времени.

Железные изделия с Семеновских селищ аналогичны таковым с других болгарских поселений средневекового времени. Отметим некоторые из них. Железные наконечники стрел (45 экз.) в основном относятся к XII–XIII в. (Казаков, 1988, рис. 3: 1–10; Казаков, 1991, рис. 34: 1, 2, 12, 34); среди них отметим два арбалетных наконечника (МАРТ, инв. № V Сем.с-84/97; V С.с.-89/58) и один трехлопастной (МАРТ, инв. № КЕП-04/93). При этом наконечники стрел X–XI вв. единичны (МАРТ, инв. № V С.с.-89/II-74). Аналогичная ситуация с наконечниками ордынского времени.

Немногочисленна коллекция изделий аскизского типа (17 экз.), представленная в основном деталями и украшениями пояса (Руденко, 2022в., с. 166, рис. 2), хотя на других болгарских селищах низовий Камы, например, Мурзихинском, Остолоповском, Лайшевском, найдены десятки таких поделок. Из железных стремян (4 экз.), обнаруженных на острове, выделяются два артефакта – один ранний экземпляр (тип 1, по К.А. Руденко), а второй – с инкрустацией медью

(Руденко, 2022б, рис. 2: 2; Руденко, 2023, с. 43, рис. 1).

Также любопытна серия железных игл с кольцом, датированных XI–XII вв. (3 экз.), – пожалуй, наиболее представительная из зафиксированных на сегодняшний день на селищах низовий Камы (Руденко, 2022б, рис. 5: 2, 4, 6). Отметим железную накладку от поясного гарнитура, имевшего хождение в Пермском Прикамье в конце XIII – начале XIV в. (Руденко, 2021, с. 136, рис. 1: 8).

На Семеновском острове, за единственным исключением (МАРТ, инв. № V С.с.-89/42), не обнаружены железные навесные одноцилиндровые замки «болгарского типа», наиболее распространенные в Волжской Булгарии в XI в., как и кубические типа «А», по Б.А. Колчину, хотя известно несколько экземпляров ключей от последних. Кубические замки датируются X в. (Семькин, 2015, с. 87). Из двухцилиндровых замков типа «В», по Б.А. Колчину, отметим крупные экземпляры с усиленной защитой (тип 5, по К.А. Руденко), датированные по билярским находкам XII – началом XIII в. (Руденко, 2006, с. 54, 55, 117, рис. 6: 1, 5). Они редки на селищах.

Е.П. Казаков отмечает находки на Семеновском острове серебряных дирхемов X – начала XI в. (19 экз.), а также кусочков весового серебра (Казаков, 1991, с. 29, 151, табл. II), но при этом находок весов для мелких взвешиваний (1 экз.) и гирек (21 экз.) относительно немного⁷ (Валеев, 1995, табл.4, 7). Из них пять гирек имеют оболочки из бронзы и бочонковидную форму (Казаков, 1991, рис. 48: 5, 24–29). Они характерны для X – начала XI в., хотя бытовали до середины XI в. (Жуковский, 2022, рис. 56: А). Одна из таких гирек имеет на одной из торцовых площадок стилизованную арабскую надпись (Казаков, 1991, рис. 48: 28). М.О. Жуковский писал, что стилистический шаблон

таких надписей восходит к изображению легенды аббасидских дирхемов; они имели хождение с третьей четверти IX по начало XI в. (Жуковский, 2018, с. 122, 126). Полностью из бронзы отлиты две гирьки призматической и усеченно-конической формы. Как гирьки использовались свернутые в два раза и затем прокованные полоски меди (1 экз.), а также призматические кусочки свинца или свинцово-оловянистого сплава, имевшие вес от 1,5 до 5 г (4 экз.: МАРТ, инв. № КЕП-4/97, 193, 194, 188). Железные гирьки (7 экз.) все призматической формы, в таком же весовом диапазоне, как и свинцовые. Аналогичный комплекс измерительных инструментов характерен для Измерского и Остолоповского селищ конца X–XI в.

Заключение

Таким образом, Семеновское поселение возникло во второй-третьей четверти X в. и занимало площадь чуть больше 10 000 кв. м на северо-восточной оконечности надлуговой террасы (I селище) в пойме Камы. В конце X в. это было торговое поселение, важный транзитный пункт для товаров международного класса. Кроме того, на протяжении домонгольского периода оно было связано с близлежащими населенными пунктами – Девичьим городком, Измери, от которых сухопутные пути шли к болгарским городам Западного и Центрального Закамья, в первую очередь городищам Алексеевскому и Джуке-тау, а также к Булгарскому и Старо-Куйбышевскому⁸ (рис. 2). Однако это поселение угасло к середине XI в. (Руденко, 2022, с. 88) и в дальнейшем выполняло роль пристани для II–III Семеновских селищ и, возможно, для Измерского I селища. Вероятно, это связано с заиливанием и обмелением протоков и возникшими проблемами с судоходством в этот период.

На рубеже X–XI вв. начинают функционировать II–III селища на

юго-западной оконечности надлуговой террасы, с которыми соотносятся I и III могильники, которые, вероятно, были в XI–XIII вв. единым некрополем как для этих двух селищ, так и для I селища. Скорее всего, в XI в. Семеновские II–III селища являлись одним поселением с усадебной застройкой, занимавшим северо-западную оконечность останца. Во многом они сохранили торговые функции, о чем говорят находки сфероконических сосудов, некоторые типы железных и бронзовых накладок, весовые гири, торговый инвентарь и т. п., а также захоронение торговца (?) (могильник VII) на территории I селища (Казаков, 1991, с. 32, рис. 11: А), которое на тот момент должно было представлять собой пустошь.

В конце XI – начале/первой половине XII в. Семеновское поселение подверглось набегам кочевников, как и многие другие пойменные селища нижнего течения Камы (Руденко, 2022, с. 90, 91; Руденко, 2022а, с. 176). На Семёновском острове об этом свидетельствуют коллективные захоронения V могильника и вещевой клад серебряных украшений на территории I селища, как и предметы вооружения и конского снаряжения. Тем не менее поселение продолжило свое существование в XII в. и функционировало до начала XIII столетия.

Монгольское нашествие не привело к полной гибели поселения, а, судя по находкам монет Насир-лид

Дина, в начале – второй трети XIII в. оно функционировало довольно активно (Казаков, 1988, с. 74). В конце XIII в. здесь обосновались мигранты из Пермского Прикамья и их потомки в первом поколении (V селище), к которым присоединились местные жители с III селища. Селище V относится к типу поселений песчаноостровного типа, возникших в пойме нижнего течения Камы в конце XIII – начале XIV в. (Руденко, 2022а, с. 177). Наивысшего развития оно достигло в середине – третьей четверти XIV в., но в начале последней трети этого столетия жизнь здесь пошла на спад. Об этом свидетельствует Семеновский клад сельскохозяйственных и бытовых орудий. Судя по типам изделий, как и по месту находки (западная часть I селища), он не может относиться к домонгольскому времени, как предполагал А.Х. Халиков (Халиков, 1981; Казаков, 1991, с. 50, 53, рис. 16).

В начале – первой половине XV в. поселение медленно угасало и, скорее всего, к середине этого столетия людей здесь не осталось. Крупный клад серебряных монет, накопленный в первой четверти XV в. (Мухамадиев, 1983, с. 120) и зарытый не позднее середины этого столетия, подтверждает данное предположение. При этом на пойменных поселениях и на песчаных останцах близ старичных рукавов и озер для этого времени зафиксировано несколько денежных кладов этого же периода, например, Христофоров-

ский, Кузькинский (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 168, 169, № 196, 200).

Примечания

¹ От Семеновского острова до выходов кремния на правом берегу Камы от 10 до 25 км.

² Очень редко уровень воды в Куйбышевском водохранилище был настолько низким, чтобы остров можно было обследовать полностью. Так, в апреле-мае 2019 г. произошло снижение уровня воды до отметки 49,86 м над уровнем моря, при этом в Татарстане вода отошла на 3 км от берега.

³ В последнее десятилетие Семеновский остров активно посещается «черными копателями», а также любителями «поиска», и находки с памятников, расположенных на нем, оседают в частных собраниях.

⁴ В литературе его чаще называют Измерским.

⁵ Не исключено, что это остатки еще одного или двух денежных или денежно-вещевых кладов.

⁶ Исследователи отмечали, что имел место существенный разрыв между временем чеканки монет и датировками предметов из погребальных комплексов, например, Дубовского могильника (Никитина, 2009, с. 244), что делает необходимым корректировку ряда высказанных ранее положений о датировке I Семеновского и I Измерского селищ.

⁷ На Измерском I селище до середины 1990-х гг. было найдено 93 железных гирьки (Валеев, 1995, табл. 3, 6).

⁸ В весенний паводок по затопленной пойме и наполненным водой протокам от него можно было быстро добираться до правого берега Камы, к селищам в приустьевой части и нижнем течении ее притоков – Брыссы, Мешы, и далее, поднимаясь вверх по течению, продвигаясь в лесные районы Предкамья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 112 с.

2. *Беговатов Е.А., Казаков Е.П.* Находки средневековых славяно-русских изделий в Низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1983. С. 103–111.

3. *Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З.* Нумизматические комплексы X века Семеновского острова (Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. № 4(6). С. 47–64.

4. *Беговатов Е.А., Казанцева Л.И.* Средневековые ювелирные изделия Семеновского комплекса // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 37–53.

5. *Беговатов Е.А., Лебедев В.П.* Монетный комплекс X века I Семёновского селища (Республика Татарстан) // Академическая наука – проблемы и достижения. Доклады II науч. конференции. М., 2013. С.40–45.

6. *Беговатов Е.А., Лебедев В.П., Храмченкова Р.Х.* Химический состав серебряных монет X века I Семеновского селища (Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. №3(5). С. 169–174.

7. *Бугарчев А.И.* Находки джучидских монет XIII – первой четверти XIV в. с острова Семёновский (Спасский район РТ) // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 43–51.

8. *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. Казань: Фест, 1995. 157 с.

9. *Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 3–34.

10. *Гайнуллин И.И., Дёмина Ю.В., Усманов Б.М.* Опыт применения ГИСТехнологий для оценки интенсивности разрушения археологических памятников в зоне влияния Куйбышевского водохранилища // КСИА. 2012. № 226. С. 54–63.

11. *Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдинов А.Г., Усманов Б.М.* Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского Водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 107–122.

12. *Галимова М.Ш.* Тетюшская III стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья / науч. ред. П.Н. Старостин. Казань: Фест, 1996. С. 23–77.

13. *Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.; Казань: Янус-К, 2001. 272 с.

14. *Галимова, М.Ш.* Палеолит Казанского Поволжья: история изучения и новые данные // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 106–120 DOI: 10.24852/2587-6112.2022.1.106.120.

15. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа. Волжская Болгария. Золотоордынские города. Казанское ханство. Коллекции XVI–XVII вв. / Сост. А.М. Ефимова. Казань, 1980. 228 с.

16. *Жуковский М.О.* Средневековые весовые гирьки с подражаниями арабским надписям // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 117–136 DOI: 10.24852/2018.4.26.117.136.

17. *Жуковский М.О.* Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 381 с.

18. *Зайцева И.Е.* Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) //

Русь и Восток в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 116–138.

19. Казаков Е.П. Отчет об охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в 1973 году / Архив ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 9-Н. Д. 225. Ед. хр. 402. 16 л.

20. Казаков Е.П. Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1982. С. 29–37.

21. Казаков Е.П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1985. С. 24–37.

22. Казаков Е.П. О ранних контактах волжских болгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 76–88.

23. Казаков Е.П. Булгарские памятники Приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 71–82.

24. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

25. Казаков Е.П. Этапы взаимодействия Волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 42–50.

26. Казаков Е.П. Клады Семёновского острова // Клады: хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 120–123.

27. Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.

28. Казаков Е.П. Взгляд в прошлое // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 160–171, DOI: 10.24852/2587-6112.2022.1.160.171.

29. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.

30. Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 87–92.

31. Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. С. 3–17.

32. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. С. 94–100.

33. Мурашева В.В. Древнерусские ремешковые украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.

34. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.

35. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 157 с.

36. Никитина Т.Б. Погребения с поясами Дубовского могильника, датированные монетами // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора ист. наук Е.П. Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 234–250.

37. Пачкалов А.В. Монетное обращение на территории Волжско-Камской Болгарии в XIII–XV вв.: В пределах современной Республики Татарстан. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2006. 23 с.

38. Пачкалов А.В. Монетное обращение на территории Волжско-Камской Болгарии в XIII–XV вв.: М.: Русайнс, 2017. 208 с.

39. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 112 с.

40. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

41. Постикэ Г.И., Бакуменко-Пырнэу Л.В. Чугунные котлы Шехр ал-Джедида (Орхейул Веке – Старый Орхей, Республика Молдова) // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 181–199. DOI: 10.24852/ра2020.2.32.181.199.

42. Руденко К.А. Бронзовая чаша из I Семеновского селища // Памятники истории

и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов I региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Горький: Изд-во ун-та, Горьк. Обком ВЛКСМ, 1990. С. 211–217.

43. *Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

44. *Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 242 с.

45. *Руденко К.А.* Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2006а. № 3–4 (18–19). С. 28–137.

46. *Руденко К.А.* Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007. № 2. С. 130–140.

47. *Руденко К.А.* О связях Волжской Булгарии и Пермского Предуралья в XIII – начале XV в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIX / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2021. С. 131–138. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-131-138.

48. *Руденко К.А.* Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники // Археология Евразийских степей. 2022а. № 3. С. 175–180. DOI: 10.24852/2587-6112.3.175.180.

49. *Руденко К.А.* Кризисные трансформации в Волжской Булгарии в X–XIII вв. (по данным археологии) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XXI / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2022. С. 86–94. DOI: 10.24412/2658-7637-2022-21-86-94.

50. *Руденко К.А.* Железные изделия с инкрустацией из Волжской Булгарии XI–XII вв. // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2022б. С. 203–225.

51. *Руденко К.А.* Об особенностях материальной культуры народов Среднего Поволжья и Предуралья в XI–XII вв. (аскизский круг древностей) // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2022в. С. 163–190.

52. *Руденко К.А.* Медная посуда Волжской Булгарии X–XIV веков: датировка и использование // Мир Средневековья. Проблемы вещевода. Материалы научной конференции к 70-летию отдела средневековой археологии / Отв. ред. В.Ю. Коваль; сост. И.Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2022г. С. 284–298 DOI: 10.25681/IAR AS.2022.978-5-94375-399-2.284-298.

53. *Руденко К.А.* Находки стремян на болгарских селищах X–XIV вв. в низовьях Камы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XXII / под общ. ред. А.М. Белавина, Н.С. Батуевой. Пермь: ПГПУ, 2023. С. 41–56. DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-41-56.

54. *Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулиана, 2016. С. 186–201.

55. *Семькин Ю.А.* Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

56. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

57. *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

58. *Федоров-Давыдов Г.А.* Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока. 1985. Т. XXIII. С. 44–47.

59. *Фомин А.В.* Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X – начале XI в. // Нумизматика и эпиграфика. № XIV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Наука, 1984. С. 133–138.

60. *Халиков А.Х.* Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 102–107.

61. *Хлебникова Т.А., Казаков Е.П.* К археологической карте Ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 109–136.

62. *Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Беговатов Е.А., Ситдииков А.Г.* Архе-

ометрические исследования серебряных монет Волжской Булгарии X века (предварительные результаты) // Поволжская археология. 2015. № 3(13). С. 176–188.

63. Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г. Реконструкция технологии изготовления серебрянодержавных монет с помощью рентгеновской компьютерной томографии // Ползуновский альманах. 2016. № 4. С. 41–46.

64. Шакиров З.Г. Склад сфероконусов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы II Халиковских чтений / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АНТ, 2002. С. 172–174.

65. Valiulina S. International trade relations of the Middle Volga region in the medieval period through the glass evidence // Archeologia Polski. 2016. No. LXI. S. 113–169.

Информация об авторах:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL SITES OF SEMENOVSKY ISLAND IN TATARSTAN: HISTORY OF STUDY AND SOME RESULTS OF RESEARCH

K.A. Rudenko, E.P. Kazakov

The article is dedicated to the medieval sites of the 10th – beginning of the 15th centuries, located on Semenovskiy Island in the Spassk district of Tatarstan. These are 5 burial grounds and 4 ancient settlements. Semyonovka I settlement was one of the early settlements of the Volga Bulgars in the Kazan Volga region and founded in the second half of the 10th century. At present, the cultural layer of the ancient settlements on Semenovskiy Island is completely eroded by the waters of the Kuibyshev reservoir, as well as the necropolises belonging to them. A significant part of the materials from these sites has been published, except for ceramics. The researchers paid special attention to coins and items, made of non-ferrous metal. The analysis of the finds allowed us to assume that the settlement structure on Semenovskiy Island developed without significant interruptions from the second half of the 10th century to the beginning of the 15th century, having undergone several crisis transformations at the end of the 11th – the first half of the 12th and the first third of the 13th centuries, connected in the first case with the invasions of the Kipchaks and in the second case with the Mongol conquest

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bolgar region of the Golden Horde, Semenovskiy Island, settlements, trade, Arab dirhams, medieval glass beads

ЛИТЕРАТУРА

1. In Starostin, P. N. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Begovatov, E. A., Kazakov, E. P. 1983. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archaeological Monuments of Tataria)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 103–111 (in Russian).

3. Begovatov, E. A., Kazakov, E. P., Mukhametshin, D. G., Singatullina, A. Z. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 4(6), 47–64 (in Russian).

4. Begovatov, E. A., Kazantseva, L. I. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 4(18), 37–53 (in Russian).

5. Begovatov, E. A., Lebedev, V. P. 2013. In *Akademicheskaya nauka – problemy i dostizheniya. Doklady II nauch. konferentsii (Academic science – issues and achievements)*. Moscow, 40–45 (in Russian).

6. Begovatov, E. A., Lebedev, V. P., Khrumchenkova, R. Kh. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 3(15), 169–174 (in Russian).

7. Bugarchev, A. I. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 43–51 (in Russian).

8. Valeev, R. M. 1995. *Volzhskaya Bulgariia: Torgovlia i denezhno-vesovyye sistemy IX – nachala XIII vv. (Volga Bulgaria: Trade, Monetary and Weight Systems of 9th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Fest" Publ. (in Russian).

9. Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan:

Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).

10. Gainullin, I. I., Demina, Yu. V., Usmanov B. M. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 54–63 (in Russian).

11. Gainullin, I. I., Ermolaev, O. P., Sitdikov, A. G., Usmanov B. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 107–122 (in Russian).

12. Galimova, M. Sh. 1996. In Starostin, P. N. (ed.). *Novye materialy po mezolitu Volgo-Ural'ya (New materials on the Volga-Ural Mesolithic)* Kazan: “Fest” Publ., 23–77 (in Russian).

13. Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites in the Mouth of the Kama River)*. Moscow; Kazan: “Ianus-K” Publ. (in Russian).

14. Galimova, M. Sh. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 106–120 (in Russian).

15. Efimova, A. M. (comp.). 1980. *Katalog arkheologicheskikh kollektzii Gosudarstvennogo muzeia TASSR. Vyp. II. Epokha zheleza. Volzhskaiia Bulgariia. Zolotoordynskie goroda. Kazanskoe khanstvo. Kollektzii XVI–XVII vv. (Catalogue of Archaeological Collections of the State Museum of the Tatar SSR. Issue 2. The Iron Age. Volga Bulgaria. Cities of the Golden Horde. Kazan Khanate. Collections of the 16th–17th cc.)*. Kazan (in Russian).

16. Zhukovskiy, M. O. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 117–136 (in Russian).

17. Zhukovskiy, M. O. 2022. *Instrumenty i praktika malykh vzveshivaniy v Drevney Rusi (IX–XIII vv.) (Tools and practice of small weighing in Ancient Russia (9th–13th centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

18. Zaytseva, I. E. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th–16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Nauka” Publ., 116–138 (in Russian).

19. Kazakov, E. P. 1973. *Otchet ob okhrannykh rabotakh v zone Kuybyshevskogo vodokhranilishcha v 1973 godu (Report on rescue works in the area of the Kuibyshev reservoir in 1973)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. F. 5, inv. 9-H, dossier 225, f. 402 (in Russian).

20. Kazakov, E. P. 1982. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii i etnografii Tatarii (Recent in archaeology and ethnography of Tataria)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 29–37 (in Russian).

21. Kazakov, E. P. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola, 24–37 (in Russian).

22. Kazakov, E. P. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaiia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu rusko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgar Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 76–88 (in Russian).

23. Kazakov, E. P. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol invasion)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 71–82 (in Russian).

24. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th–13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

25. Kazakov, E. P. 1992. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Srednevekove drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 42–50 (in Russian).

26. Kazakov, E. P. 2001. In Savinov, D. G. (ed.). *Klady: khronologiya, interpretatsiya (Treasures: chronology, interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 120–123 (in Russian).

27. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series: Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 1. Kazan: “Foliant” Publ. (in Russian).

28. Kazakov, E. P. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 160–171 (in Russian).

29. Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

30. Koltsov, L. V. 1989. In Koltsov, L. V. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Mezolit SSSR (USSR Archaeology. USSR Mesolithic)*. Moscow: “Nauka” Publ., 87–92 (in Russian).

31. Kosmenko, M. G. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 3–17 (in Russian).

32. Kosmenko, M. G. 1977. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 149. Moscow: “Nauka” Publ., 94–100 (in Russian).

33. Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X—XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th—13th Centuries))*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).
34. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII—XV vv. (The Bulgar-Tatar monetary system of the 12th—15th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
35. Mukhamadiev, A. G. 1990. *Drevnie monety Povolzh'ia (Ancient Coins of the Volga Area)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
36. Nikitina, T. B. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: “Fen” Publ., 234–250 (in Russian).
37. Pachkalov, A. V. 2006. *Monetnoe obrashchenie na territorii Volzhsko-Kamskoy Bolgarii v XIII—XV vv.: V predelakh sovremennoy Respubliki Tatarstan (Coin circulation on the territory of Volga-Kama Bulgaria in the XIII—XV centuries: Within the modern Republic of Tatarstan)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
38. Pachkalov, A. V. 2017. *Monetnoe obrashchenie na territorii Volzhsko-Kamskoy Bolgarii v XIII—XV vv. (Coin circulation on the territory of Volga-Kama Bulgaria in the XIII—XV centuries)*. Moscow: “Rusains” Publ. (in Russian).
39. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
40. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaya Bulgariya X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in the X—XV centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
41. Postike, G. I., Bacumenco-Pîrnău L. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 181–199 (in Russian).
42. Rudenko, K. A. 1990. In Vasil'ev, F. V. (ed.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia (Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region)*. Gorky: Gorky State University, AULYCL Regional Committee, 211–217 (in Russian).
43. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII—XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th—14th Centuries)*. Kazan: “Reper” Publ. (in Russian).
44. Rudenko, K. A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI—XIV vv. (Material culture of the Bulgars settlements in the Lower Kama during the 11th—14th cc.)* Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
45. Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 3–4 (18–19). 28–137 (in Russian).
46. Rudenko, K. A. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 130–140 (in Russian).
47. Rudenko, K. A. 2021. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 19. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. 131–138 (in Russian).
48. Rudenko, K. A. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 175–180 (in Russian).
49. Rudenko, K. A. 2022. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 21. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 86–94 (in Russian).
50. Rudenko, K. A. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: “PIRO” Publ., 203–225 (in Russian).
51. Rudenko, K. A. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: “PIRO” Publ., 163–190 (in Russian).
52. Rudenko, K. A. 2022. In Koval', V. Yu. (ed.). *Mir Srednevekov'ya. Problemy veshchevedeniya (The World of the Middle Ages. The Issues of Material Culture Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 284–298 (in Russian).
53. Rudenko, K. A. 2023. In Belavin, A. M., Batueva, N. S. (eds.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 22. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 41–56 (in Russian).
54. Rudenko, K. A., Begovatov, E. A. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 186–201 (in Russian).
55. Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bolgarii v VIII—nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bulgaria in the 8th—early 13th centuries)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 21. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
56. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bolgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
57. Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

58. Fedorov-Davydov, G. A. 1985. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXIII, 44–47 (in Russian).
59. Fomin, A. V. 1984. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 14. Moscow: “Nauka” Publ., 94–192 (in Russian).
60. Khalikov, A. Kh. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of the Early Bulgars)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 102–107 (in Russian).
61. Khlebnikova, T. A., Kazakov, E. P. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–136 (in Russian).
62. Khramchenkova, R. Kh., Shaykhutdinova, E. F., Begovatov, E. A., Sitdikov, A. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 176–188 (in Russian).
63. Shaykhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Sitdikov A.G. 2016. In *Polzunovskii al'manakh (Polzunov Almanac)* 4, 41–46 (in Russian).
64. Shakirov, Z. G. 2002. In Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevney i srednevekovoy istorii Srednego Povolzh'ya. Materialy II Khalikovskikh chteniy (Issues of the Antique and Medieval Archaeology of the Middle Volga Area. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 172–174 (in Russian).
65. Valiulina, S. 2016. In *Archeologia Polski LXI*, 113–169.

About the author(s)

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation; ncai@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА МАЛАЯ РЯЗАНЬ I В 2020 Г.

© 2023 г. Н.А. Лифанов

В статье рассматриваются археологические материалы, полученные при проведении в 2020 г. раскопок могильника Малая Рязань I, расположенного в юго-западной части Самарской Луки. В раскопе были зафиксированы четыре погребальных комплекса, которые находят чёткие аналогии среди материалов новинковского культурного типа салтово-маяцкой культурной общности. Типичными являются надмогильные конструкции в виде каменных выкладок и поминальные площадки, маркируемые скоплениями костей домашнего скота, а также следы ритуальной деструкции захоронений, направленной на обезвреживание покойных. Анализ погребальной обрядности и инвентаря захоронений Малорязанского I некрополя показывает, что его функционирование в целом укладывается в период середины – второй половины VIII в.

Ключевые слова: археология, Самарская Лука, VIII в. н.э., новинковский культурный тип, могильник, погребение.

В сезоне 2020 г. отрядом Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета были проведены полевые исследования могильника Малая Рязань I, расположенного в юго-западной части Самарской Луки на высоком правом берегу р. Волги (рис. 1) на обращённом к реке пологом мысу между двумя сходящимися оврагами. Могильник принадлежит к числу погребально-поминальных памятников новинковского культурного типа (Васильев, Матвеева, 1986, с. 153) в составе раннесалтовской культурной общности (Лифанов, 2009, с. 141), оставленных скотоводческим населением Хазарского каганата.

Памятник был открыт в 1990 г. А.В. Богачевым и С.Э. Зубовым и зафиксирован как курганный могильник с десятью насыпями, из которых девять расположены компактной группой, а № 10 – в 350 м к северу от неё¹. В том же году А.В. Богачёвым были проведены первые стационарные исследования: раскопаны курганы № 1–5 с 20 захоронениями. В 1996 г. С.Э. Зубовым исследовались насыпи № 6, 7 и 10 с девятью захоронениями (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 205–209). Часть выявленных при этих работах погребальных комплексов, выходивших за пределы ви-

зуально фиксирувавшихся курганных насыпей, несмотря на формальную привязку к ним, фактически являлись грунтовыми. Раскопки 2009–2010 гг., проводившиеся под руководством Н.А. Лифанова, окончательно подтвердили курганно-грунтовый характер памятника: в ходе их, помимо двух захоронений, располагавшихся под курганом № 8, были также обнаружены еще пять, некогда окружавших курган № 6, и одно пропущенное при раскопках последнего в 1996 г. (Лифанов, Зубов, 2011). В 2017 и 2019 гг. работы на могильнике проводились под руководством О.В. Букиной. Тогда в южной его части, на расстоянии около 140 м к югу от основной группы курганов, были выявлены два грунтовых погребения, одно из которых было окружено замкнутой прямоугольной каменной оградой (Букина, Лифанов, Зубов, 2019), а на месте исследованного в 1996 г. кургана № 10 был предпринят поиск грунтовых захоронений в околокурганном пространстве (таковые обнаружены не были).

В 1990 г. А.В. Набоковым был составлен глазомерный план Малорязанского I могильника (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 5), по сей день, несмотря на сомнительную точность, остающийся единственным документом такого рода. Определение

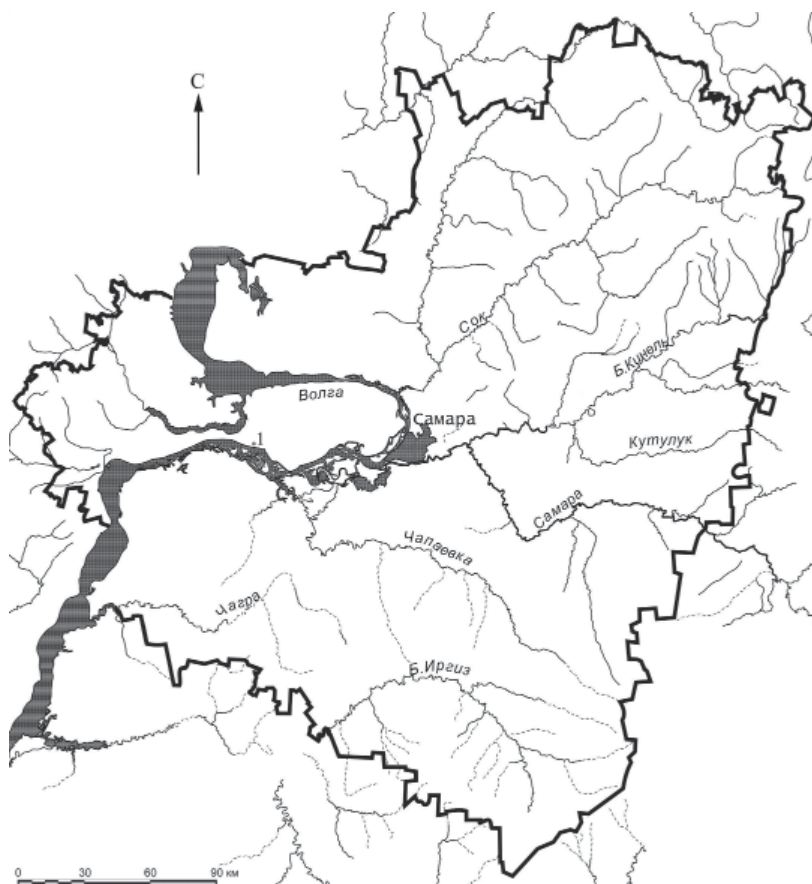

Рис. 1. Могильник
Малая Рязань I.
Местоположение на
карте.

Fig. 1. Malaya Ryazan
I cemetery. Location on
the map.

по нему в настоящее время местоположения как раскопанных насыпей, так и последнего оставшегося неисследованным кургана № 9 невозможно: если в 1990-х гг. они чётко выделялись на пашне, то сейчас площадка могильника густо заросла травой, деревьями и кустарником.

Все раскопанные на Малой Рязани I курганы невелики по размеру: не более 15 м в поперечнике, высотой 0,2–0,5 м; размеры грунтовой части могильника остаются неясны. Раскоп 2020 г. был заложен на берегу оврага у южного края занятой курганами № 1–9 площадки, предположительно рядом с местом расположения раскопанного в 1990 г. кургана № 2.

Стратиграфия раскопа (рис. 2):

1. Отвал (предположительно, от исследований кургана № 2 в 1990 г.) – задернованная плотная прослойка мелкой песчаниковой крошки. Образовывал заметный бугор на поверхности почвы в восточной части раскопа.

2. Задернованная в верхней части сыпучая гумусированная супесь пылевидной структуры серо-коричневого цвета. Слой фиксировался по всей площади раскопа.

3. Естественная прослойка песчаникового плитняка на границе слоя 2 и материковой супеси.

4. Материк – плотная серо-жёлтая супесь пылевидной структуры, насыщенная песчаниковой крошкой.

Планиграфически в слое 2 в пределах раскопа были зафиксированы четыре погребальных комплекса, перекрытых выкладками из уложенных в один-два слоя рваных известняковых камней до 50 см в поперечнике.

Погребение № 1 располагалось в юго-западной части раскопа. Захоронение было перекрыто плотным каменным панцирем, вытянутым в меридиональном направлении, было совершено в слое 2 на уровне материка, его могильная яма не фиксировалась (рис. 3).

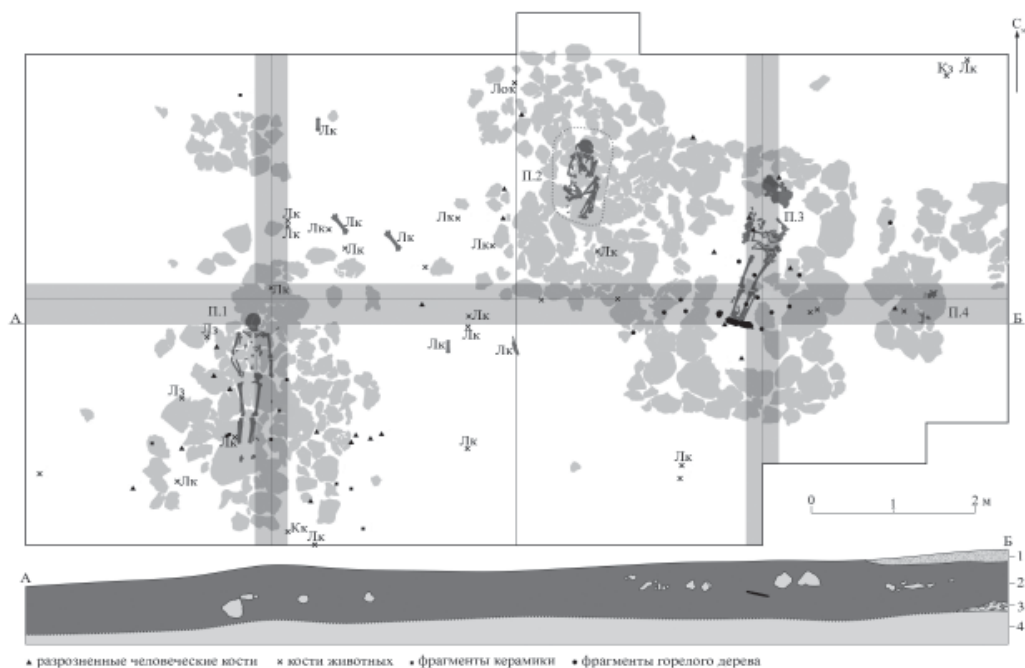

Рис. 2. Могильник Малая Рязань I. Раскоп 2020 г.: план и профиль по линии А–Б (южная сторона). Условные обозначения для фрагментов костей животных: Лк – лошадь, конечности; Лз – лошадь, зуб; Кк – крупный рогатый скот, конечности; Кз – крупный рогатый скот, зуб; Лок – лось, конечность.

Fig. 2. Malaya Ryazan I cemetery. Excavation of 2020: plan and profile along the line А–В (the southern side). Symbols for animal bone fragments: Лк – horse, limbs; Лз – horse, tooth; Кк – cattle, limb; Кз – cattle, tooth; Лок – moose, limb.

Костяк молодой женщины² был уложен вытянуто на спине головой на север с незначительным ($A = 4^\circ$) отклонением к востоку. На останках определённно наблюдались следы искусственного вмешательства: при сохранении общего положения скелета (черепа и костей конечностей) были разрушены или изъяты большая часть рёбер, позвонков, костей таза, а также кости стоп и кистей рук.

Инвентарь захоронения, сосредоточенный в районе груди и пояса покойной, составляли сильно корродированные предметы из железа.

1 – нож под правой плечевой костью. Представлен пятью мелкими фрагментами и железным тленом. Общая длина ножа не реконструируется, сечение лезвия клиновидное, переход спинки лезвия к черену оформлен уступом (рис. 3: 1).

2 – остриё линзовидного сечения, располагавшееся под правой плече-

вой костью вместе с ножом. Представлено двумя фрагментами, внешняя поверхность которых полностью покрыта древесным тленом (рис. 3: 2).

3 – неясной формы и назначения предмет, зафиксированный в районе грудной клетки покойной (рис. 3: 3).

4 – представленная четырьмя фрагментами в районе таза пряжка. Рамка пряжки была прямоугольной, размерами приблизительно $30\text{--}35 \times 50\text{--}55$ мм, прогнутый в центральной части язычок крепился к торцевой стороне рамки подвижной петлёй. Сечение рамки и язычка из-за сильной коррозии остаётся неясным (рис. 3: 4).

К погребению № 1 также относились рассеянные в южной части надмогильной каменной выкладки фрагменты лепного сосуда серо-коричневого цвета с плавно отогнутым высоким венчиком, украшенным по срезу пальцевыми защипами, и дном с намеченной закраиной (рис. 3: 5).

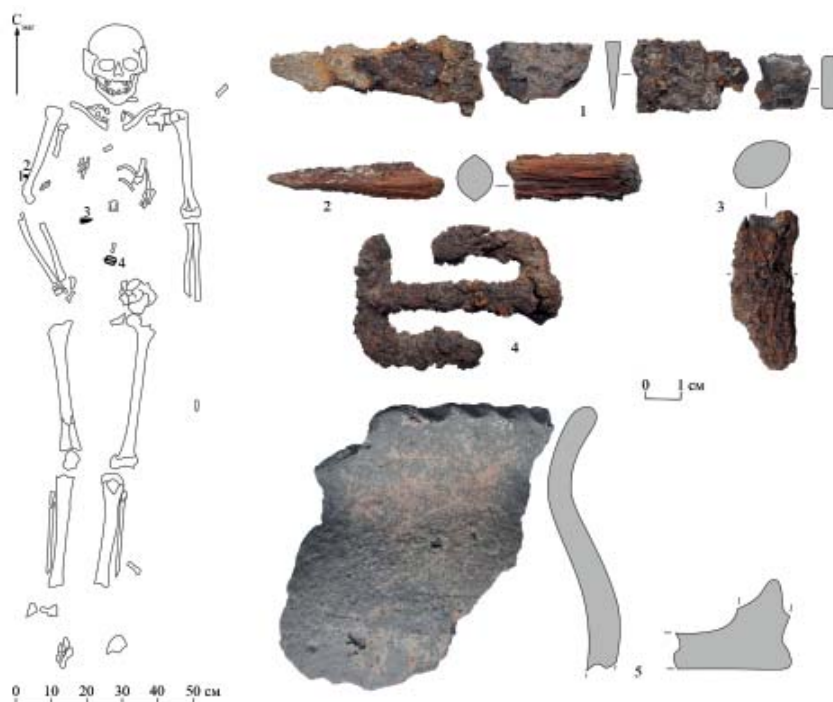

Рис.3. Могильник
Малая Рязань I.
Раскоп 2020 г.
Погребение № 1:
план и инвентарь.
Fig. 3. Malaya
Ryazan I cemetery.
Excavation of 2020.
Burial 1: plan and
inventory.

Всего зафиксировано 12 фрагментов, к сожалению, не стыкующихся друг с другом.

Надмогильные конструкции погребений № 2 и 3 вплотную примыкали друг к другу, частично сливаясь.

Выкладка, перекрывавшая **погребение № 2**, имела, по всей видимости, форму, близкую к овалу, ориентированному длинной осью с юга на север. Западная часть каменной конструкции выглядит разрезанной, что, по всей видимости, отражает процесс её разрушения. Могильная яма подпрямоугольная с закруглёнными углами, незначительно углублённая в материк (рис. 4).

Останки женщины 17–25 лет монголоидно-европеоидного облика были уложены в скорченной позе на левом боку головой на север – северо-восток ($A = 20^\circ$)³. На костяке определённо наблюдались следы искусственного вмешательства: при сохранении его общего положения разрушены или изъяты часть рёбер, позвонков и костей стоп, полностью отсутствовали кисти рук.

Инвентарь захоронения составляли:

1 – обнаруженная у рёбер в грудной части бусина из поделочного камня чёрного цвета усеченно-биконической формы. Максимальный диаметр бусины 14–14,5 мм, диаметр оснований 9 мм, высота 11 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 4: 1).

2 – зуб (молочный премоляр) из правой верхней челюсти молодой лошади⁴, обнаруженный среди рёбер (рис. 4: 2).

3 – фрагмент древесного угля у левого колена (рис. 4: 3).

4 – бронзовая серьга в форме несомкнутого овала, располагавшаяся под черепом в районе левого виска. В нижней части серьги – валик-утолщение с обломком стерженька для подвески. Размеры серьги 23×17 мм, сечение её круглое диаметром 1,9–2 мм. Размер валика – 3,5–4 мм, толщина его и обломка подвески 1 мм (рис. 4: 4).

5 – обнаруженная среди рёбер в районе спины бусина из красноватого непрозрачного стекла приплюснутой шаровидной формы. Максимальный диаметр бусины 7–7,1 мм, высота 6,6 мм, диаметр отверстия с одной стороны 2 мм (на краях этого отвер-

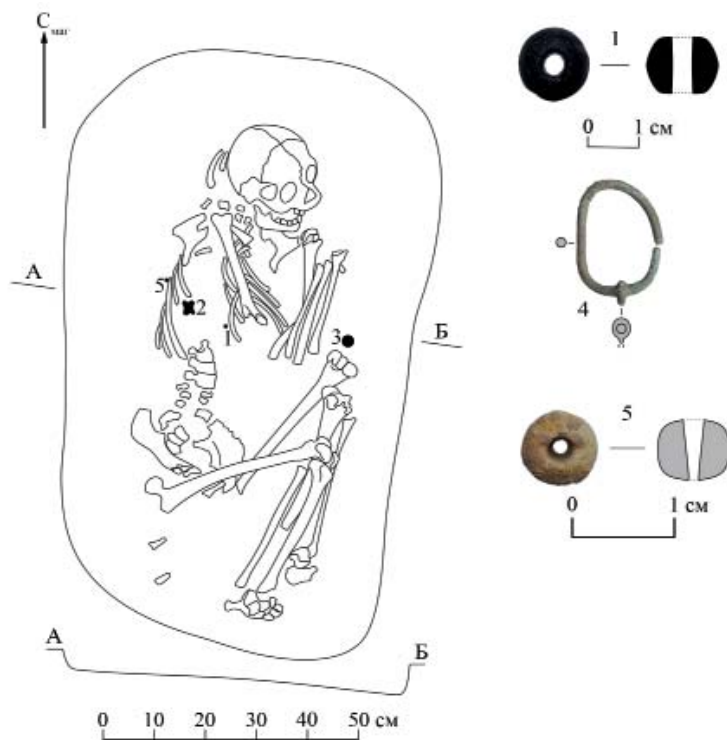

Рис. 4. Могильник Малая Рязань I. Раскоп 2020 г. Погребение № 2: план, профиль и инвентарь.

Fig. 4. Malaya Ryazan I cemetery. Excavation of 2020. Burial 2: plan, profile and inventory.

ствия наличествуют симметричные потёртости), с другой 1 мм (рис. 4: 5).

Каменный панцирь погребения № 3 имел прямоугольную, вытянутую с юга на север форму. В центральной части панциря над могилой камни отсутствуют, по всей видимости были разобраны⁵. Захоронение было совершено в слое 2 на уровне материка, его могильная яма не фиксировалась (рис. 5).

Костяк погребённого мужчины 35–45 лет монголоидно-европеоидного облика был практически полностью разрушен в результате искусственного вмешательства. *In situ* сохранились лишь бедренные и берцовые кости. Все кости верхней части тела лежали в беспорядке. Череп, возможно, сохранил местоположение, близкое к изначальному, однако был уложен набок, теменем к ногам, в одном скоплении с тазовыми и плечевыми костями. Позвонки, рёбра, лопатки, ключицы, кости предплечий и нижняя челюсть были собраны в единое скопление на месте живота погребённого. Кости ступней также были потревожены и

частично изъяты. Судя по положению костей ног, покойный изначально был уложен вытянуто на спине головой к северо-северо-востоку ($A = 20^\circ$). В районе ног погребённого среди камней встречались многочисленные угли и фрагменты обгорелого дерева. Инвентарь захоронения составлял железный нож: фрагмент его сильно корродированного и обломанного лезвия (рис. 5: 1) был зафиксирован в скоплении костей в районе живота погребённого.

Небольшая ориентированная с юга на север прямоугольная каменная выкладка в восточной части раскопа перекрывала погребение № 4. Захоронение совершено в слое 2 на уровне материка, его могильная яма не фиксировалась (рис. 6). От останков ребёнка 1–3 лет фрагментарно сохранились лишь немногие кости черепа⁶, конечностей, таза и позвонков. Судя по положению костей, покойный был уложен вытянуто на спине головой на север. Инвентарь погребения представлен набором костей животных, в том числе носящих следы об-

Рис. 5. Могильник Малая Рязань I. Раскоп 2020 г. Погребение № 3: план и инвентарь.

Fig. 5. Malaya Ryazan I cemetery. Excavation of 2020. Burial 3: plan and inventory.

работки. Так, рядом с черепом погребённого находились два фрагмента нижней челюсти одной особи барсука (рис. 6: 1), фрагмент нижней челюсти лисицы (рис. 6: 2), а также два правых астрагала от двух особей бобра (рис. 6: 3), в которых были просверлены отверстия: вероятно, они составляли некое подобие ожерелья. В районе ступней был зафиксирован предмет детской гигиены – сунак (рис. 6: 4), представляющий собой просверленный фрагмент правой плечевой кости крупной птицы длиной 14 см (предположительно лебедя-шипуна).

Идентичная по размерам выкладке погребения № 4, но ориентированная с запада на восток конструкция, располагавшаяся в северо-западной

части раскопа, возможно, являлась перекрытием несохранившегося младенческого захоронения либо выполняла меморативную функцию. Разрозненные мелкие фрагменты человеческих костей, обнаруживаемые вокруг захоронений, являются, очевидно, результатом как ритуального разрушения останков, так и деятельности грызунов-землероев.

Обнаруженные в раскопе **индивидуальные находки**, планиграфически привязанные к надмогильным конструкциям, представляют собой в первую очередь фрагменты костей животных (рис. 2). Большинство из них, определённых до вида, составляли кости лошади (конечности ниже локтевого и коленного суставов) с фиксирующимися на некоторых из них следами разрубов. Они концентрировались главным образом в пространстве между погребениями № 1 и 2, где, по всей вероятности, располагалась поминальная площадка. Два зуба лошади (коренной и резец) были обнаружены к западу от погребения № 1. Тем же набором (конечность и зуб) в единичных экземплярах представлен и крупный рогатый скот. К останкам диких животных, помимо обнаруженных в погребении № 4, относится лишь одиночная кость конечности лося.

Судя по многочисленным фактам обнаружения на территории могильника рядом с курганными насыпями грунтовых захоронений (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, таб. LX: 1; Лифанов, Зубов, 2011, рис. 3: 1), последние, по всей вероятности, плотно занимали всё пространство маркированной курганами № 1–9 площадки. Исследования 2020 г. лишней раз подтверждают это заключение. Подкурганые погребения ничем не отличаются от грунтовых, что демонстрирует условность их разделения.

Погребально-поминальные комплексы, выявленные на могильни-

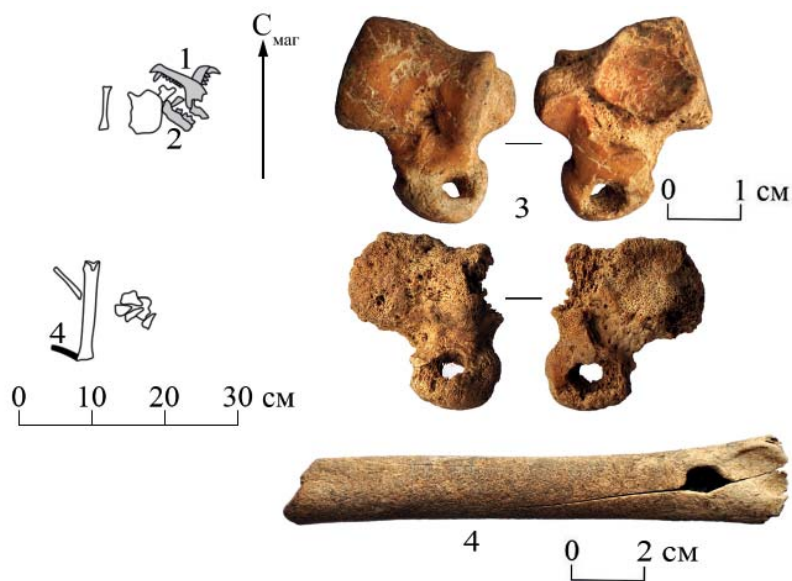

Рис. 6. Могильник
Малая Рязань I.
Раскоп 2020 г.
Погребение № 4:
план и инвентарь.
Fig. 6. Malaya Ryazan
I cemetery. Excavation
of 2020. Burial 4: plan
and inventory.

ке Малая Рязань I в 2020 г., находят чёткие аналогии среди ранее изученных материалов новинковского типа. Типичными являются надмогильные конструкции в виде каменных выкладок и поминальные площадки, маркируемые скоплениями костей домашнего скота, а также следы ритуальной деструкции захоронений, направленной на обезвреживание покойных (Сташенков, 1995, с. 35, 37–38; Матвеева, 1997, с. 52–56; Лифанов, 2005а, с. 304–305). Также обычны и обнаруженные в могилах предметы инвентаря: ножи, бусы из стекла и поделочно-го камня, серьга, сунак (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 18, 20, 31, 35) Амулеты из астрагалов бобра, идентичные обнаруженным в п. 4, были встречены в детских погребениях Новинковского I могильника (Сташенков, 1995, с. 36–38, рис. 11: 11).

Вытянутое на спине положение костяков в сочетании с ориентировкой в северном секторе позволяет уверенно отнести три из четырёх открытых на площади раскопа 2020 г. захоронений обрядовой группе Б погребений но-

винковского типа (Лифанов, 2005а, с. 303). Захоронения в скорченной на боку позе, подобные погребению № 2, в новинковских могильниках единичны: до настоящего времени их было известно всего два (Сташенков, 1995, с. 38, рис. 7: в; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 204, табл. XXXIII: 3).

Анализ погребальной обрядности и инвентаря захоронений Малорязанского I некрополя показывает, что его функционирование в целом укладывается в период середины – второй половины VIII в. (Лифанов, 2005б, с. 34–36; Лифанов, Зубов, 2011, с. 54–55; Букина, Лифанов, Зубов, 2018, с. 213–214). Этим же временем датируется и серьга из погребения № 2 в раскопе 2020 г.⁷: отсутствие на её дужке верхнего шпенька сближает её с экземплярами из датированных комплексов – погребения № 2 кургана № 34 могильника Брусяны II и погребения № 2 кургана № 1 могильника Брусяны V⁸ (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, табл. LI: 6, LXXIV: 4; Лифанов, 2005б, табл. 1, с. 36).

Благодарность

Автор выразил глубокую признательность коллегам, принимавшим участие в полевых исследованиях и обработке полученных материалов: С.Э. Зубову, О.В. Букиной, А.С. Постновой, А.Н. Пульному.

Примечания

¹ Включение кургана № 10 в состав могильника Малая Рязань I вообще представляется условным.

² Палеоантропологические определения выполнены заведующим Волго-Уральским центром палеоантропологических исследований, профессором кафедры биологии, экологии и методики обучения естественно-географического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета д.и.н. А.А. Хохловым.

³ Азимут для погребения № 2 измерялся по линии позвоночного столба.

⁴ Археозоологические определения выполнены с.н.с. Археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета, к.и.н. Н.В. Росляковой.

⁵ Возможно, что расположенное к востоку от погребения № 3 и к северу от погребения № 4 разрежённое скопление камней, залежавших на меньшей, нежели остальные каменные конструкции глубине, сформировалось в результате разрушения каменного панциря над погребением № 3.

⁶ На костях черепа отмечена множественная пористость – поротический гиперостоз, заболевание, связанное с нарушением кровоснабжения.

⁷ Остальной погребальный инвентарь выявленных в 2020 г. захоронений не является узкодатирующим.

⁸ Могильник Брусяны V был выявлен в 1988 г. (Пестрикова, Фадеев, 1988). Курган № 1, самый массивный в могильнике, впоследствии по неведению был ошибочно атрибутирован А.В. Богачёвым и С.Э. Зубовым как отдельный памятник – «одинокый курган Брусяны II»; в 1996 г. он был раскопан и под этим названием вошёл в научный дискурс (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 45, 210–211).

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
2. Букина О.В., Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2017 г. // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7. Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ, 2018. С. 209–214.
3. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 232 с.
4. Лифанов Н.А. Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005а. С. 299–306.
5. Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005б. С. 25–40.
6. Лифанов Н.А. О культурной принадлежности населения Средневожской лесостепи раннехазарского времени // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7–11 декабря 2009 г. Тезисы докладов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 140–142.
7. Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009-2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской Луке // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячений проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції "П'ятнадцяті слобожанські читання". Вип. 1 / Упорядник Г.Є. Свистун. Харків: ХНМЦОКС, 2011. С. 50–56.
8. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.
9. Пестрикова В.И., Фадеев В.Г. Отчет о разведках и рекогносцировочных раскопках на территории ГПНП «Самарская Лука» в Ставропольском районе Куйбышевской области. Куйбышев, 1988 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 13226.
10. Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 34–54.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия)

THE EXCAVATIONS OF THE CEMETERY MALAYA RYAZAN I IN 2020

N.A. Lifanov

The paper represents the archaeological materials found in 2020 during the excavations of the cemetery Malaya Ryazan I, located in the south-western part of Samara Bend. Four burial complexes were recorded in the excavation, which find clear analogies among the materials of the Novinki cultural type of the Saltovo-Mayaki cultural community. Typical are gravestone structures in the form of stone slabs and memorial sites marked with clusters of livestock bones, as well as traces of ritual destruction of graves aimed at neutralizing the deceased. Analysis of the burial rites and the burial inventory of the Malaya Ryazan I necropolis shows that its functioning generally fits into the period of the middle – second half of the 8th century.

Keywords: archaeology, Samara Bend, Malaya Ryazan I necropolis, 8th century AD, Novinki cultural type, burial.

REFERENCES

1. Bagautdinov, R. S., Bogachev A.V., et al. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (The Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar History)*. Samara: "SamVen" Publ. (in Russian).
2. Bukina, O. V., Liphanov, N. A., Zubov S. E., 2018. In: Turetskii, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues on Archaeology of the Volga Region) 7*. Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 209–214 (in Russian).
3. Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1986. *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya (At the Origins of the History of the Samara Volga Region)*. Kuybyshev: "Kuybyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
4. Liphanov, N. A. 2005. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu deiatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. April' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the National History Museum. April 2003)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 145. Moscow: State Historical Museum, 299–306 (in Russian).
5. Lifanov, N. A. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 25–40 (in Russian).
6. Lifanov, N. A. 2009. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Kazan, 140–142 (in Russian).
7. Liphanov, N. A., Zubov, S. E. 2011. In Svistun, G. E. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Issues and Achievements) 1*. Kharkiv: "KhNMTsOKS" Publ., 50–56 (in Russian).
8. Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'nik rannikh bolgar na Samarskoy Luke (Burial Ground of the Early Bolgars on Samara Bend)*. Samara: "Samarskiy universitet" Publ. (in Russian).
9. Pestrikova, V. I., Fadeev, V. G. 1988. *Otchet o razvedkakh i rekognostsirovochnykh raskopkakh na territorii GPNP «Samarskaya Luka» v Stavropol'skom rayone Kuybyshevskoy oblasti. (Report on exploration and reconnaissance excavations on the territory of the National park "Samarskaya Luka" in Stavropol region of Kuybyshev region)*. Kuybyshev. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 13226 (in Russian).
10. Stashenkov, D. A. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Samara: Samara State university Publ., 34–54 (in Russian).

About the Author:

Liphanov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh.Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

УДК 902.2

<https://doi.org/10.24852/pa2023.4.46.158.172>

МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

© 2023 г. В.Г. Зубарев, С.Л. Смекалов, В.В. Майко

В статье впервые публикуются результаты магнитометрических исследований на территории объекта археологического наследия (ОКН) Белинское, расположенного на Керченском полуострове. Этот памятник, включавший городище и некрополь, с перерывами существовал с рубежа I–II и до начала X в. Раскопками 1996–2023 гг. изучено около 5,5 тыс. м², что составляет не более 3% примерной его площади. Магниторазведка, проводившаяся на объекте в течение 2007–2015 гг., позволила изучить практически 90% территории городища и не менее 1/3 некрополя. Таким образом, среди всех археологических объектов Таврики ОКН Белинское является самым изученным. Несмотря на гипотетический характер полученной информации, можно сделать вывод о том, что в ранневизантийское время объект представлял собой укрепленное поселение с городскими кварталами, разделенными сеткой улиц. В хазарское же время усадебной застройкой была занята восточная часть городища с использованием в хозяйственных целях северной и центральной его частей.

Ключевые слова: археологические разведки, магнитометрия, Керченский полуостров, городище Белинское, ранневизантийское время, хазарское время, характер застройки.

Использование магнитометрии при проведении археологических разведок самых разнообразных археологических памятников стало одним из традиционных и старейших примеров междисциплинарности в современной археологии. В настоящее время они успешно применяются и для изучения структуры памятника, определения его функционального назначения в качестве городского или сельского поселения, выяснения вопросов наличия усадебной или квартальной планировки. Незаменима магнитометрия и для выделения более дробных инфраструктурных элементов объекта, а именно жилых, ремесленных, общественных и культовых кварталов, что во многом определяет выбор конкретного места раскопа. В данной работе нам хотелось бы остановиться на подведении итогов многолетних магнитометрических исследований, проводившихся в Крыму на Керченском полуострове на территории объекта археологического наследия Белинское.

Городище Белинское расположено в северной части Керченского полуострова на расстоянии 30 км от г. Керчи и 4 км от побережья Азовского моря. По своей структуре памятник состоит из собственно городища и находящегося в 200 метрах к северо-востоку грунтового некрополя. Объект занимает естественно выделяющееся плато, окруженное с трех сторон долиной речки Аджиэльская. Площадь городища в пределах сглаженного периметра внешних оборонительных сооружений, угловые точки которых были определены при помощи GPS, составляет 9,2 га, ооконтуренная часть некрополя занимает 7,8 га (рис. 1). Наиболее ранние культурные напластования датируются XVII–XV вв. до н. э. и связаны с Каменской археологической культурой восточного Крыма эпохи поздней бронзы. Основной позднеантичный и ранневизантийский период истории памятника датируется рубежом I–II – серединой V вв. н. э. Отдельно выделяется салтово-маяцкий период, датируемый сере-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 22-28-00056 «Салтово-маяцкая культура западного и восточного Крыма. Общее и особенное».

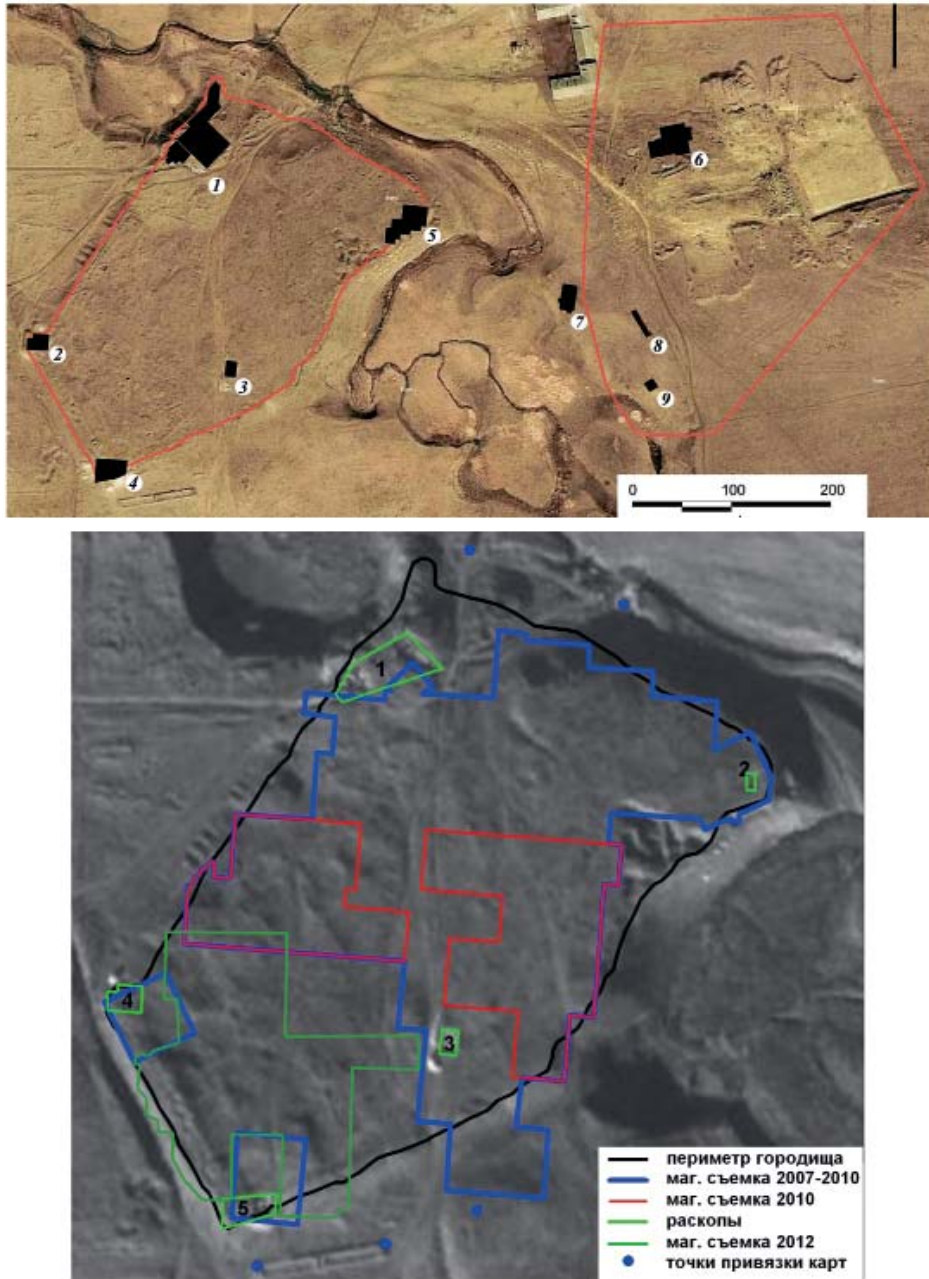

Рис. 1. Границы городища и некрополя объекта археологического наследия Белинское и участки магнитной съемки на территории городища.

Fig. 1. Boundaries of the fortified settlement and the necropolis of the Belinskoye archaeological heritage site and magnetic survey sites on the territory of the settlement.

диной IX – рубежом IX–X вв.

Раскопки на городище ежегодно ведутся с 1996 г. экспедицией Тульского государственного педагогического университета под руководством В.Г. Зубарева. За это время на девяти самостоятельных раскопах исследовано около 5,5 тыс. м².

Работы по магнитной съемке на территории Белинского городища

были начаты в 2007 г. В 2008 г. работы были сосредоточены на небольших участках в западной, центральной и восточной части городища. Их целью было выявление структур, примыкающих к западному и восточному углам предполагаемых внешних оборонительных стен, а также характера построек в центральной части памятника. В западной части памятника

ка правильность направления и общая конфигурация зафиксированных магниторазведкой кладок была подтверждена заложенным тут раскопом. Работы 2007–2008 года показали перспективность использования магнитной разведки для изучения структуры городища и высокую степень достоверности получаемых результатов. Это подтвердили и заложенные контрольные раскопы. Чрезвычайно важным явилось то, что по степени «выраженности» аномалий удалось аргументировано предполагать наличие более ранней и более поздней застройки.

В 2009 г. магнитная съемка была проведена на территории уже более 2,5 га, а за три года исследований съемкой была охвачена уже приблизительно половина площади городища, в том числе полностью его центральная и восточная части. Впервые была отработана и небольшая территория на площади некрополя. Большое значение в ходе работ имел 2010 г., когда при помощи GPS было выполнено уточнение периметра городища по визуально локализуемым границам, выраженным в рельефе местности (резкое понижение рельефа за пределами предполагаемой оборонительной стены). В этом году площадь магнитной съемки на западном и восточном участках составила 1,9 га. В 2012 г. работы по магнитной съемке городища были завершены. Удалось практически полностью «отработать» юго-западную и южную части. Общая площадь исследований составила 1,6 га. Таким образом, общая площадь магнитометрических исследований на городище составила около 7,5 га и ей оказалось охвачено около 85% всей его территории. Оставшиеся 15% – это главным образом небольшие участки с крутыми склонами, прилегающие к периметру городища, где проведение съемки затруднительно и малоцелесообразно, либо участки, раскопанные

ранее 2007 г., до начала выполнения работ по магнитной съемке.

В 2012 г. были продолжены работы по магнитометрической съемке территории некрополя. Площадь, выбранная в южной части объекта, была невелика и составила всего 0,16 га, а работы, как и в 2009 г., носили разведочный характер. На следующий 2013 г. продолжилась выработка методики работы на погребальных объектах. Два участка съемки 2012 г. были соединены, а размеры отработанной площади составили 1200 м². Путем тщательного сопоставления данных магниторазведки и результатов раскопок удалось сделать выводы о характере аномалий, которые могут быть связаны с погребениями. Благодаря положительным результатам, проверенным заложенными раскопами, в 2015 г. масштаб работ на некрополе был несравнимо большим. Съемка проводилась на «Южном», «Западном» и «Центральном» участках, а общая площадь исследований составила 1,74 га. После 2015 г. магнитометрические работы на этом объекте культурного наследия не проводились.

Коротко остановимся на методике публикуемых магнитометрических работ. Как хорошо известно, магниторазведка является эффективным, неразрушающим и скоростным методом для поиска, картирования и выявления свойств подземных объектов и структур, получившим широкое распространение для решения археологических задач (Фассбиндер, 2019, с. 75–91; Восс, Мельников, Смекалова, 2007). В течение всех лет магнитометрические работы выполнялись двумя квантовыми магнитометрами ПКМ-1 производства ФГУ НПП «Геологоразведка» (Санкт-Петербург, Россия). Одним из магнитометров проводились измерения по регулярной сети вдоль профилей длиной 40 м с шагом 0,5 метра вдоль профиля. Расстояние между соседними профилями состав-

ляло 0,75 м. Второй магнитометр работал в режиме магнитовариационной станции для учета дневных вариаций² магнитного поля. При построении карт в качестве нулевого уровня поля принималось его медианное значение для каждого из участков, снимаемых в течение рабочего дня с учетом дневных вариаций магнитного поля. Для «сшивки» участков, снятых в разные дни, проводилась корректировка значений поля по граничным линиям участков. Привязка участка съемки к картам и космическим снимкам проводилась на основании Глонасс/GPS-измерений навигатором Garmin Etrex 30. Атрибуция карты теневых изображений магнитного поля проводилась исходя из того, что темные области соответствуют положительным аномалиям, которые могут создаваться ямами, рвами, слоями пожара, зольниками. Светлые области соответствуют отрицательным аномалиям, которые могут быть связаны со стенами из немагнитного материала (известняк), вымостками, участками с песчаной или ракушечной подсыпкой.

Эта методика была успешно опробована при изучении некрополей античного времени в разных частях Крымского полуострова с проверкой полученных данных путем проведения археологических раскопок (Смекалов, Кузина, 2016, с. 71–85). Перспективность подобных работ была подтверждена и при проведении магниторазведки на памятниках Аджиэль 1, Аджиэль 2 и «Веселов 432» в округе городища Белинское (Зубарев, Смекалов, Ярцев, 2018, с. 34–45).

Вместе с тем следует отметить и сложности, возникающие при интерпретации результатов. Во-первых, это многослойный характер памятника, дающий во многих случаях весьма сложную картину магнитного поля, во-вторых, влияние следов Великой Отечественной войны – наличие на территории памятника ям и траншей

военного времени, а также большого количества железа – осколков, снарядов. Кроме того, часть территории занимала татарская деревня, и погребенные остатки строений этого времени, содержащие большое количество железа, делают невозможным обнаружение более древних структур. Хотя перед проведением магнитной съемки осуществлялся поиск современного железа при помощи металлодетектора, однако полностью очистить территорию от заглубленных железных предметов для некоторых участков оказалось невозможным. Помимо всего указанного выше, сильный развал камней стен, подчас находящихся достаточно далеко от самой кладки, часто делал конфигурацию стен аморфной.

Исходя из этого, совершенно очевидно, что интерпретационный план аномалий магнитного поля нельзя воспринимать как «окончательный» план городища, а лишь как возможную модель, правильность которой необходимо проверять археологическими раскопками.

Несмотря на такие беспрецедентные масштабы магнитометрической съемки, охватившей практически все городище Белинское, в настоящий момент кратко опубликованы только начальные результаты работ 2008 г. (Зубарев, Смекалов, 2008, с. 241–246). Материалы, полученные благодаря исследованиям 2009–2015 гг., публикуются впервые.

Относительно территории городища уже в ходе работ 2009 г. было выделено четыре зоны, границы которых были скорректированы по результатам съемки следующего 2010 г. (рис. 2). Эти зоны различались по предполагаемому характеру застройки и функциональному назначению. Среди них только четвертая зона не дала никаких результатов, поскольку именно здесь располагалась не существующая ныне деревня Держави-

Рис. 2. Интерпретационный план городища Белинское.

Fig. 2. Interpretation plan of the hill fort Belinskoye.

но. Выявление каких-либо аномалий, связанных с древними строительными остатками, в этой зоне оказалось невозможным из-за большого количества железного «мусора».

Зона I (рис. 3) отличается присутствием аномалий магнитного поля пространственно-однородного характера. Четко выделяются несколько блоков отрицательных аномалий, соответствующих, вероятно, остаткам строений, разделенных линейными положительными аномалиями, которые можно связать с улицами, покрытыми слоем золистого грунта. Отмеченные цифрами 1 и 2 области свободны от регулярной застройки и, возможно, являются «площадями», хотя на площади 1 может присутствовать какое-то здание общественного назначения. Возможно также, что в северо-восточной части площади 1 находилось производство, связанное с огнем. В пользу этого говорит наличие здесь значительной по площади и по величине положительной ано-

малии. Положение оборонительной стены обозначено предположительно по незначительным отрицательным аномалиям. Вероятно, стена сильно разрушена или выбрана. Предполагаемые тут постройки образуют четкие городские кварталы, разделенные достаточно ровной сеткой улиц. Совершенно очевидно, что, исходя из размеров, перед нами очертания кварталов, внутреннее деление которых на отдельные усадьбы не отражено на интерпретационном плане. Совершенно не случайно, что именно эта часть позднеантичного и ранневизантийского городища, исходя из степени сохранности и регулярности застройки, была выбрана салтово-маяцким населением в качестве поселения. На месте кварталов III–V вв. были организованы отдельно стоящие крупные усадьбы со всей необходимой хозяйственной инфраструктурой. Наличие, пускай и разобранной, крепостной стены также привлекало и придавало поселению иллюзию защищенности.

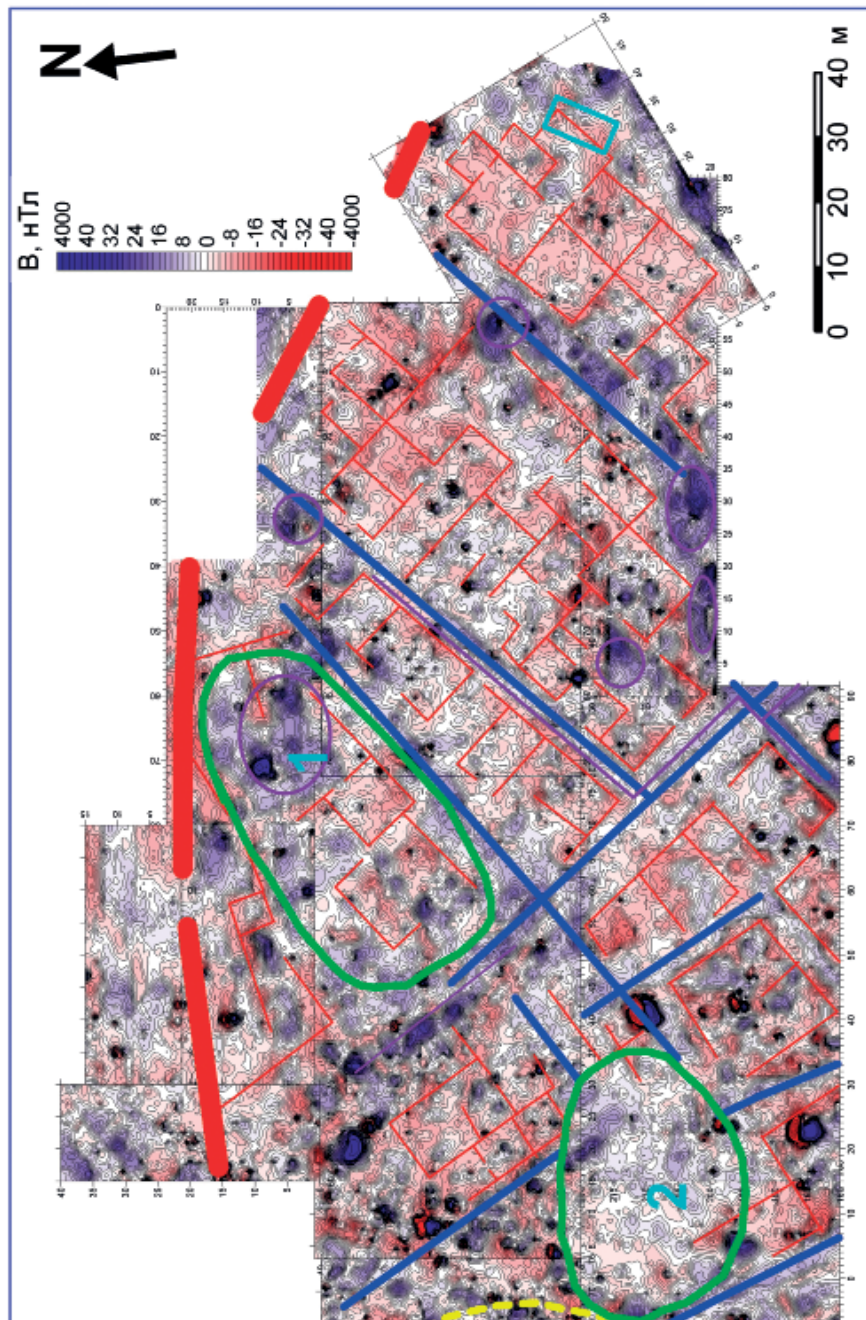

Рис. 3. Карта аномалий магнитного поля и интерпретационный план восточного участка городища. Шаг изолиний 2 нТл.

Fig. 3. Map of magnetic field anomalies and interpretation plan of the eastern section of the hill fort. Isoflux curve step 2 nT.

Именно в этой зоне и следует локализовать основные усадьбы поселения Белинское салтовского времени.

Характер аномалий в зоне II (рис. 4) более неоднородный, и они имеют более мелкую внутреннюю структуру, чем в зоне I. В северо-восточном секторе этой зоны застройка достаточно плотная, но становится

более хаотичной. Не исключено, что это окончание квартальной застройки, характерной для зоны I. Средняя область участка застроена в меньшей степени. Не исключено, что в данном случае речь идет не о городском квартале, а об отдельно стоящих зданиях, имеющих сложную конфигурацию. В отличие от зоны I улицы здесь вы-

деляются с большим трудом и не образуют какой-либо системы. Объяснений этому может быть несколько. Только гипотетически можно предположить, что в этой части находились постройки общественного характера. Однако более вероятно, что хаотичность и меньшая плотность застройки связана с присутствием не только перекрывающих друг друга строительных остатков различных периодов в истории городища II–V вв., но и значительно хуже сохранившихся. В зоне II выделяется наличие трех незастроенных участков (рис. 4: 3–5). Причины их появления до конца не ясны. Вероятнее всего, именно эта зона в наибольшей степени была подвергнута разрушению в период Великой Отечественной войны, поэтому интерпретации магнитных аномалий здесь наиболее предположительны. Зона положительных аномалий здесь может быть связана с наличием не столько улицы, сколько следов пожара 1941–1944 гг. Не исключена связь положительных аномалий и с траншеями, воронками и окопами времен войны. На космическом снимке в пределах данного участка видны структуры, которые явно имеют антропогенный характер, расположение этих структур совпадает с линейными магнитными аномалиями, однако определить их характер без проведения раскопок затруднительно.

Весьма интересными представляются возможные структуры, расположенные в зоне III (рис. 5). Судя по магнитным аномалиям, имеющиеся здесь строительные остатки вновь приобретают более четкую структуру, характерную для зоны I. Здесь на раскопе «Центральный» зафиксирован участок улицы (рис. 5), вероятно главной на городище, которая прослеживается до некоторой степени в зоне II и даже в зоне IV. Данная улица, огибая под прямым углом отрицательную аномалию, которая сопоставлена

со структурой 7, подходит к значительным отрицательным аномалиям 8 и 9. Последние логично сопоставить с крепостными стенами.

Характеризуя интерпретационный план этого участка в целом, следует отметить, что значительная часть выявленных остатков стен имеют направления, близкие к параллельному либо перпендикулярному предполагаемой «главной» улице, что может свидетельствовать о едином плане проектирования и строительства первоначального городища.

Помимо этого, и здесь присутствуют структуры, выделенные фиолетовым цветом, которые могут быть связаны с ямами и траншеями, заполненными поверхностным грунтом, либо золистым грунтом, либо продуктами горения. Эти структуры могут быть связаны как с древними объектами, так и со следами Великой Отечественной войны.

Отдельно следует остановиться на южном и юго-западном участках городища. В целом количество аномалий на единицу площади, которые можно соотнести с остатками строительных структур, здесь примерно такое же, как и в зоне II. По сравнению с восточной частью застройка здесь менее плотная и достаточно хаотичная, направления улиц, кроме центральной, угадываются и реконструируются с большим трудом. Как и в случае с зоной II, причина эта кроется прежде всего в худшей сохранности объектов. Помимо этого, данный участок является наиболее высокой частью городища, и, возможно, имеющиеся здесь строения подвергались наиболее сильным разрушениям как во время Великой Отечественной войны, так и в более ранний период. Об этом свидетельствуют значительные по площади зоны положительных («синих») аномалий (рис. 5: 1), представляющих, вероятно, участки золистого грунта либо зоны, подверг-

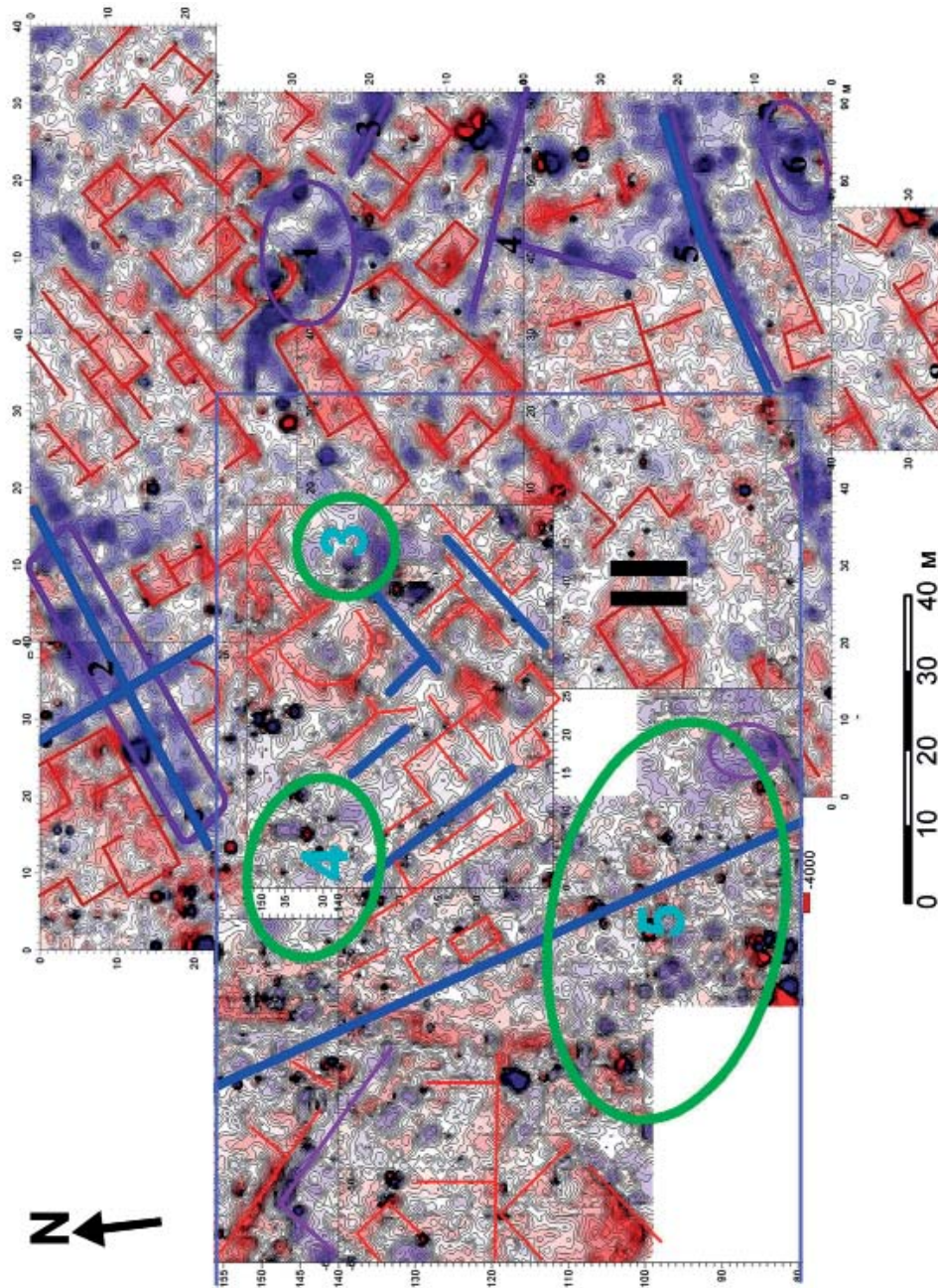

Рис. 4. Карта аномалий магнитного поля и интерпретационный план центрального участка городища. Шаг изолиний 2 нТл.

Fig. 4. Map of magnetic field anomalies and interpretation plan of the central section of the hill fort. Isoflux curve step 2 nT.

шиеся интенсивному воздействию огня или перекопам, а также зоны отрицательных («красных») аномалий (рис. 5: 2), отображающие, вероятно, зоны каменных завалов, образованных полностью разрушенными зданиями. Хотя предполагаемая конфигурация остатков зданий не позволяет сделать сколь-либо определенных вы-

водов об их назначении и формировании комплексов построек, однако общая ориентация предполагаемых стен и улиц в целом соответствует ориентации строений на других участках городища.

На этом участке выделяются кольцевые аномалии 3 (рис. 5: 3), атрибуция которых возможна в качестве ци-

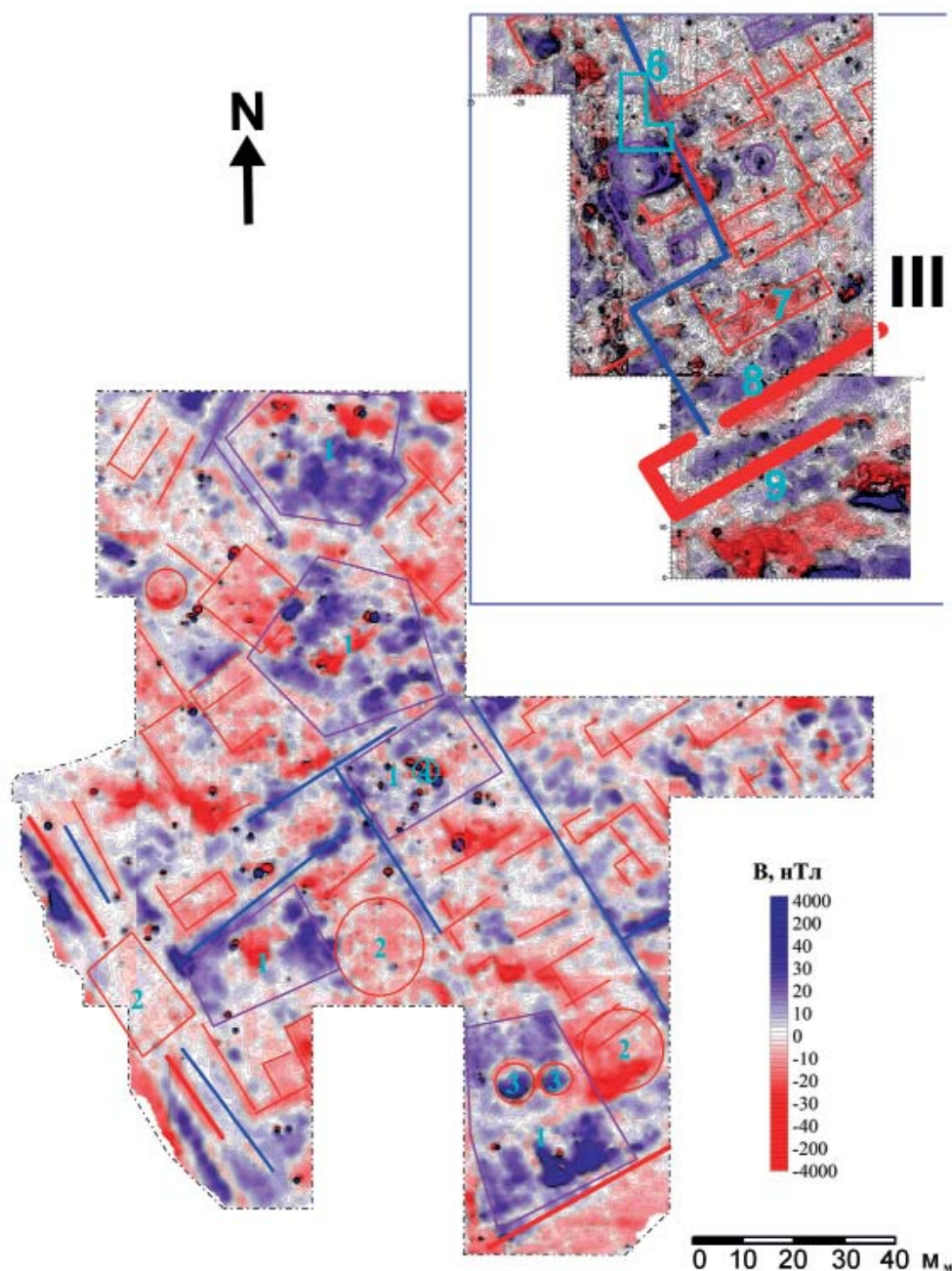

Рис. 5. Карта аномалий магнитного поля и интерпретационный план южного и западного участков городища. Шаг изолиний 2 нТл.

Fig. 5. Map of magnetic field anomalies and interpretation plan of the southern and western sections of the settlement. Isoflux curve step 2 nT.

стерн. Подобная цистерна, находится в центре участка съемки (рис. 3 и 4). Она была вычищена до начала стационарных раскопок, отчетливо видна на космическом снимке и дает аномалию сложной формы, связанную, вероятно, с современным железным «мусором», сброшенным в нее.

Магнитометрические работы на

территории некрополя были связаны прежде всего с поиском критериев для выбора аномалий, которые можно сопоставить с могильными ямами и дромосами склепов.

Благодаря работам 2009, 2012, 2013 и 2015 гг. стало ясно, что имеющиеся зоны незначительных отрицательных (имеющих оттенки красного) маг-

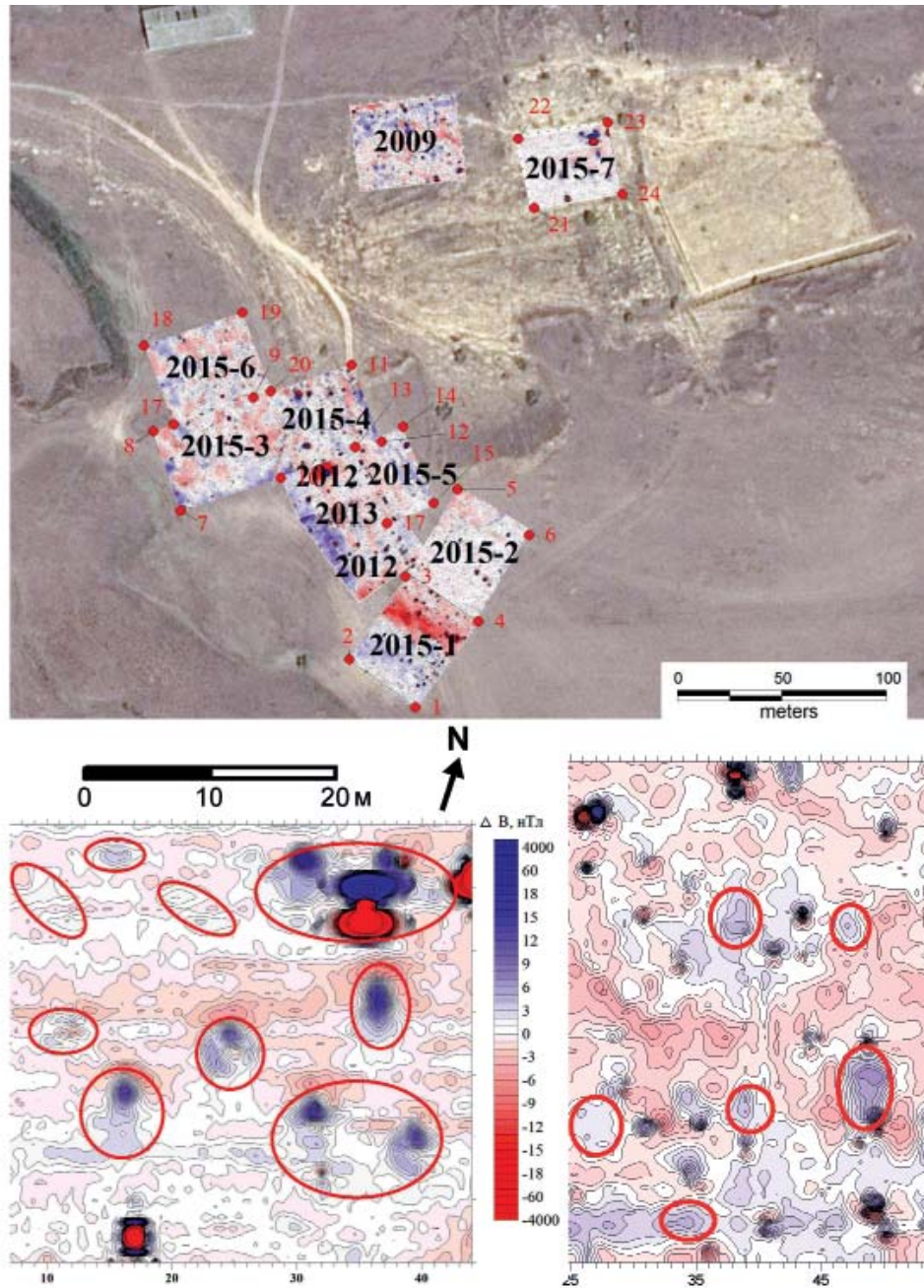

Рис. 6. Участки магнитной съемки на территории некрополя, карты аномалий магнитного поля и интерпретационные планы участка 7 2015 г. и участка 2009 г. Шаг изолиний 2 нТл.

Fig. 6. Magnetic survey sites on the territory of the necropolis, maps of magnetic field anomalies and interpretation plans of the 2015-7 area and the 2009 area. Isoflux curve step 2 nT.

нитных аномалий, которые могли бы быть связаны с остатками построек из известняка, не связанных с погребальными сооружениями, в действительности обусловлены естественными выходами скал, отдельными камнями либо современным антропогенным воздействием (грунтовые дороги).

Каменные конструкции склепов практически не различимы на фоне скал, т. к. построены из того же скального материала. Единственным видом аномалий, которые могут быть связаны с погребальными структурами, являются положительные (синие) аномалии, вызванные засыпанными дромосами

склепов либо могильными ямами.

В 2009 г. на участке съемок таких аномалий было отмечено 12. Правда, все они были незначительными и наличие здесь погребальных сооружений могут подтвердить только раскопки. В 2012 г. на северном из двух отработанных небольших участков была отмечена только одна аномалия, которую можно связать с дромосом склепа. Присутствующая здесь сильная аномалия, амплитудой около 600 нТл, вряд ли связана с погребальным сооружением. На южном участке 2012 г. были отмечены три положительные аномалии, отстоящие друг от друга на расстоянии около 7 м в направлении запад – восток.

На участке, отработанном в 2013 г., было отмечено три области положительных аномалий, которые можно связывать с резким понижением рельефа. В 2015 г. на участке 1, северо-западная часть которого не подвержена современному антропогенному воздействию, подобных областей удалось выделить четыре. Магнитное поле на участке 2015-2 имеет более однородный характер, чем на участке 1. С захоронениями либо другими антропогенными структурами могут быть связаны две аномалии, не проявляющиеся на космическом снимке. Это позволяет предполагать, что они не связаны с работами (выборка карьера, расположенного в пределах предполагаемых границ некрополя), выполнявшимися здесь в недавнее время.

На участке 2015-3, расположенном уже вне скального массива, отчетливо выделяются два участка отрицательных аномалий почти квадратной формы, которые могут быть связаны с разрушенными строительными конструкциями. Также представляют интерес области положительных аномалий. С одной стороны, их размеры больше, чем те аномалии, которые могут быть сопоставлены с отдельными

дромосами склепов или могилами. Не исключено, правда, что они не связаны с погребениями и являются ямами, заполненными золистым грунтом. Четыре аномалии, связанные с возможным наличием захоронений, зафиксированы на участке 2015-4. Важным выводом, позволяющим судить о примерных границах некрополя, является участок 2015-5, где результаты магнитной съемки не позволяют сделать выводы о наличии каких-либо структур, связанных с захоронениями. Не столь ярко выражены аномалии на участке 2015-6, расположенном вне скального массива на ровной территории, непосредственно примыкающей с востока к руслу балки Аджиэль. Не исключено, что часть из них связана с наличием ям или зон золистого грунта. Отметим, что на участке 2015-7, расположенном на скальном массиве, области предполагаемого расположения захоронений совпадают со следами грабительских раскопок.

Таким образом, проведенные магнитометрические исследования на археологическом объекте Белинское, позволили представить структуру застройки всей площади городища в течение всех периодов его существования.

Как показали исследования на разных участках, площадь плато, на котором расположено городище, осваивалась одновременно и по единому плану. Археологический материал, накопленный за 27 лет систематических раскопок, в сочетании с данными магнитной съемки позволяет достаточно уверенно реконструировать общую планировку первоначальной застройки и определить направление эволюции поселения. Предварительные результаты этой работы уже публиковались (Зубарев, Седых, 2013, с. 251), однако на сегодняшний день их можно существенно дополнить и в некоторых случаях скорректировать.

Действительно, первоначально в

начале II в. н. э. была возведена крепостная стена, усиленная по угловым стыкам башнями, которая и определяла границы поселения, отделяя его от прилегающей сельскохозяйственной территории и некрополя. Завершенные магнитометрические исследования полностью подтвердили предположение о том, что с восточной стороны, наиболее защищенной высотой холма, стены не было. Важным выводом стало отсутствие в центральной части городища цитадели, обнесенной крепостной стеной. Однако наиболее интересные выводы связаны, безусловно, с четким определением семи городских кварталов в северо-восточной части памятника. Достаточно уверенно можно говорить о регулярном характере первоначальной застройки поселения. Все кварталы разделены улицами, расположенными почти под прямым углом одна к другой или с небольшим отклонением. Они имели разную ширину (от 2,5 до 5 м.), но сходное покрытие: светлая известковая крошка, мелкий бут, фрагменты битой керамики с примесью золы толщиной от 0,05 до 0,2 м. Покрытие центральной улицы представляло собой крошку жёлтого ракушечника (толщиной до 0,26 м) на слое бута. Дома, образующие кварталы, представляли собой прямоугольные сооружения, разделенные на два помещения с очагом для отопления. Большая площадь помещений, сочетание жилой и хозяйственной функций, а также близость к крепостной стене позволяют предположить, что эти помещения являлись казармами для солдат военного формирования, располагавшегося в Белинском городище на начальной стадии его существования. С течением времени, в связи с пристройкой новых помещений, образовывавших внутренний дворик, конфигурация домов усложнялась. Зафиксированы дома, состоявшие из пяти или шести помещений, связан-

ных хозяйственным двором (Зубарев, Седых, 2013, с. 274, рис. 11, 1,3). Можно достаточно уверенно говорить о том, что, возникнув как военное поселение, городище Белинское достаточно быстро стало изменяться в сторону поселения городского типа. Этому способствовал целый ряд благоприятных факторов: удобное расположение на перекрестке дорог, относительная близость моря, наличие надёжного источника воды и, что немаловажно, успешная экспансия Боспора в западном направлении. Согласно археологическому материалу, такая ситуация фиксируется до рубежа первой и второй четвертей IV в. н. э. Именно ее и отражает магнитометрия северо-восточной части городища.

Раскопками и магнитометрическими исследованиями четко установлено, что по крайней мере в середине IV – первой половине V в. н. э. все прежние оборонительные стены и башни были заброшены и по большей части разобраны до уровня фундамента. Поверх него местами было сооружено некое подобие небольшого вала из многочисленных камней, земли, глины, золы и бытового мусора. Забрасывается и большинство зданий в центральной, южной и западной частях городища. Археологические исследования показали, что, например, на раскопе «Северный» из прежних построек продолжало функционировать лишь одно здание. Однако здесь появляется большое количество небольших по площади помещений, в основном имевших хозяйственное назначение. Новым на этом этапе стало появление больших грушевидных в плане ям, вырубленных в скальном грунте и имеющих каменную обкладку горловины. Все это позволило сделать аргументированный вывод об эволюции этого городища в сторону обычного селища, жители которого занимались преимущественно сельским хозяйством.

Такая ситуация на городище продолжается примерно до рубежа первой и второй четвертей VI в., после чего жизнь здесь замирает. В отличие от Боспора следов разрушений, связанных с захватом города тюрками в третьей четверти VII в., на Белинском пока не выявлено.

Жизнь возобновляется только с середины – второй половины IX в. в восточной части античного городища и поселения (Зубарев и др., 2022, с. 264–270), где возникает небольшой поселок, основанный, вероятно, жителями Боспора или городища Артезиен. Именно здесь стратиграфически отмечен слой серого суглинка мощностью до 0,4 м, содержащий находки салтово-маяцкого времени. Магнитометрическими разведками были получены чрезвычайно важные данные для реконструкции планировки этого поселения салтово-маяцкого периода второй половины IX – первой половины X в. Можно уверенно утверждать, что квартальная планировка на салтовском поселении отсутствовала, а застройка представляла собой отдельные крупные усадьбы, являвшиеся самостоятельными хозяйственными единицами. Как показывают раскопки и магнитометрические данные, каждая усадьба состояла из жилого дома, разделенного стеной на два помещения, различных хозяйственных построек, включая пифосарий, и хозяйственного двора с многочисленными ямами различного функционального назначения (Зубарев, Майко, Могучева, 2022а, с. 202–219). При этом очень часто использовались кладки помещений предшествующего хронологического периода. Иногда они надстраивались, иногда просто использовались без каких-либо функциональных изменений. При этом такая постройка на магнитометрической карте фиксируется наиболее ярко. Именно такие хозяйственные комплексы исследованы на раскопе «Восточный» и при

раскопках на территории античного некрополя (Зубарев, Майко, Могучева, 2022, с. 91–97). По крайней мере еще три таких комплекса четко выявлены магнитометрическими исследованиями на восточном участке городища.

Материалы, полученные до сего дня, позволяют предполагать, что регулярный некрополь городища Белинское возникает не ранее середины – второй половины II в. н. э. С момента открытия памятника в 2003 г. и начала его систематического изучения в 2005 г. были выявлены и исследованы 23 склепа и такое же количество грунтовых могил. В большинстве случаев они являются семейными и коллективными усыпальницами. В целом большинство погребений некрополя относится к античному периоду, однако здесь имеются и следы использования в хазарское время в качестве хозяйственных и, возможно, культовых построек (Зубарев и др., 2022а, с. 108–112), а также средневековые впущенные захоронения половцев. Конструктивно выявленные погребальные сооружения традиционно относятся к вырубным склепам и грунтовым могилам, в том числе вырубленным в скале. Исследованные склепы, относящиеся к трем конструктивным типам и ориентированные по продольной оси север – юг, состоят из дромоса, расположенного в северной части, и камеры подпрямоугольной формы, находившейся с юга (Зубарев, Ланцов, 2006, с. 316–339; Зубарев, 2018, с. 98–113). Помимо всех отмеченных грабительских ям, соответствующих конкретному погребальному сооружению, магнитометрическими исследованиями было выявлено не менее 15 перспективных мест нахождения дромосов склепов.

Несмотря на аргументированность предложенных выводов, только дальнейшие раскопки памятника позволят подтвердить их и скорректировать.

Примечания

2 Дневными вариациями называют естественные изменения значения магнитного поля в течение суток, связанные главным образом с солнечной активностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восс О., Мельников А.В., Смекалова Т.Н. Магнитная разведка в археологии. 12 лет применения Оверхаузеровского градиентометра GSM-19WG. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 74 с.
2. Зубарев В.Г. Южный участок некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму (по результатам полевых исследований в 2013–2015 гг.) // ДБ. 2018. Вып. 23. С. 98–113.
3. Зубарев В.Г., Ланцов С.Б. Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 316–339.
4. Зубарев В.Г., Майко В.В., Маркова К.О., Могучева М.Р. История изучения салтовского поселения Белинское в Восточном Крыму // История и археология Крыма. 2022. Т. XVI. С. 264–270.
5. Зубарев В.Г., Майко В.В., Маркова К.О., Могучева М.Р. Некоторые итоги и перспективы изучения культовых комплексов салтово-маяцкого поселения Белинское // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. Боспорские чтения. Вып. XXIII / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь: Солорич, 2022а. С. 108–112.
6. Зубарев В.Г., Майко В.В., Могучева М.Р. Виноделие салтовцев восточного Крыма. Пути расширения источниковой базы // РА. 2022. № 4. С. 91–97.
7. Зубарев В.Г., Майко В.В., Могучева М.Р. Ямы в структуре сельских поселений Европейского Боспора античного и раннесредневекового времени (на примере раскопа «Восточный» городища Белинское в Восточном Крыму) // Боспорские исследования. 2022а. Вып. XLIV. С. 202–219.
8. Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н.э. // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 250–274.
9. Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. Археологические и геофизические исследования античного городища Белинское в 2008 г. // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, издательство Омского Государственного Университета, 2008. С. 241–246.
10. Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Магниторазведка на археологических памятниках в округе античного городища «Белинское» (восточный Крым) в 2018 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2018. № 12–3. С. 34–45.
11. Смекалов С.Л., Кузина Н.В. Возможности магниторазведки при исследовании грунтовых некрополей (на примере античных некрополей Крыма) // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 71–85.
12. Фассбиндер Й.В.Е. Магнитометрия в археологии – от теории к практике // РА. 2019. № 3. С. 75–91.

Информация об авторах:

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой. Тульский Государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (г. Тула, Россия); parosta@mail.ru

Смекалов Сергей Львович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Тульский Государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (г. Тула, Россия); slsmek@mail.ru

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); vadimmaiko1966@mail.ru

MAGNETOMETRY STUDIES OF BELINSKOYE SETTLEMENT

ON THE KERCH PENINSULA

V.G. Zubarev, S.L. Smekalov, V.V. Maiko

For the first time, the results of magnetometry studies on the territory of the Belinskoye archaeological heritage site (AHS) located on the Kerch Peninsula are published in the article. This monument, which included a hill fort and necropolis, intermittently existed from the turn of I–II to the beginning of the X century. Excavations 1996–2023 studied about 5.5

The work was carried out within the framework of the RNF 22-28-00056 project "Saltovo-Mayaki culture of western and eastern Crimea. General and special."

thousand m², which is no more than 3% of its approximate area. Magnetic exploration carried out at the facility during 2007–2015 made it possible to study almost 90% of the territory of the settlement and at least 1/3 of the necropolis. Thus, among all the archaeological sites of Taurika, AHS Belinskoye is the most studied. Despite the hypothetical nature of the information received, it can be concluded that in early Byzantine times the object was a fortified settlement with urban neighborhoods divided by a grid of streets. At the Khazar time, the eastern part of the settlement was occupied by manor development with the use of its northern and central parts for economic purposes.

Keywords: archaeological exploration, magnetometry, Kerch Peninsula, Belinskoye settlement, early Byzantine time, Khazar time, nature of development.

REFERENCES

1. Voss, O., Mel'nikov, A. V., Smekalova, T. N. 2007. *Magnitnaya razvedka v arxeologii. 12 let primeneniya Overkuzerovskogo gradientometra GSM-19WG (Magnetic exploration in archaeology. 12 years of use of the Overhauser gradient meter GSM-19WG)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. (in Russian).
2. Zubarev, V. G. 2018. In *Drevnosti Bospora (Bospor Antiquities)* 23, 98–113.
3. Zubarev, V. G., Lantsov, S. B. 2006. In *Drevnosti Bospora (Bospor Antiquities)* 10, 316–339.
4. Zubarev, V. G., Maiko, V. V., Markova, K. O., Mogucheva, M. R. 2022. In *Istoriya i arheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* XVI, 264–270.
5. Zubarev, V. G., Maiko, V. V., Markova, K. O., Mogucheva, M. R. 2022. In *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noe i material'noe/ Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of the Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Sacred and material/ Bosporan Readings)* 23, Simferopol'-Kerch': "Solo-Rich" Publ., 108–112 (in Russian).
6. Zubarev, V. G., Maiko, V. V., Mogucheva, M. R. 2022. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 91–97.
7. Zubarev, V. G., Maiko, V. V., Mogucheva, M. R. 2022a. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XLIV, 202–219.
8. Zubarev, V. G., Sedykh, E. E. 2013. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* XXVIII, 250–274 (in Russian).
9. Zubarev, V. G., Smekalov, S. L. 2008. In Tataurov, M. P. (ed.). *VII istoricheskie chteniya pamyati Mixaila Petrovicha Gryaznova (7th Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: Omsk state university Publ., 241–246 (in Russian).
10. Zubarev, V. G., Smekalov, S. L., Yartsev, S. V. 2018. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki. (Contemporary Science: actual issues of theory and practice. Series of «Humanities»)* 12–3, 34–45 (in Russian).
11. Smekalov, S. L., Kuzina, N. V. 2016. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 3, 71–85 (in Russian).
12. Fassbinder, J. V. E. 2019. In *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 75–91 (in Russian).

About the Authors:

Zubarev Viktor G. Doctor of Historical Sciences, Professor. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. Lenin Avenue, 125, Tula, 300026, Tula Region, Russian Federation; parosta@mail.ru

Smekalov Sergey L. Candidate of Historical Sciences, Researcher. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. Lenin Avenue, 125, Tula, 300026, Tula Region, Russian Federation; slsmek@mail.ru

Maiko Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; vadimmaiko1966@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

МОНЕТЫ С ГОРОДИЩА КЕН-БУЛУН В КЫРГЫЗСТАНЕ (ИЗ РАСКОПОК 2022–2023 ГГ. И СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК ПРЕЖНИХ ЛЕТ)

© 2023 г. А.М. Камышев, В.А. Кольченко

В рамках проекта Института археологии им. А. Халикова АН РТ РФ и Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР¹ с 2021 г. проводятся исследования на городище Кен-Булун. Работы 2022 и 2023 гг. на двух раскопах – Р-1 и Р-2 – дали стратифицированные коллекции артефактов, в том числе монет (34 ед.), являющихся предметом изучения настоящей статьи. В статье также рассматриваются монеты из случайных находок предыдущих лет, переданных авторам местными жителями, одна ранее опубликованная монета, сборы авторов с поверхности городища во время проведения полевых исследований. Всего анализируется 50 монет разных типов, из которых 49 хранятся в ИИАЭ НАН КР. Большинство найденных монет – медно-свинцовые дирхамы династии Караханидов сер. XI в. Незначительное количество более ранних выпусков и отсутствие монгольских монет ограничивают хронологические рамки существования городища X – нач. XIII вв.

Ключевые слова: археология, Чуйская долина, городище Кен-Булун, монета, медно-свинцовый дирхам, подражание, Тюркешский каганат, Карлукский каганат, династия Караханидов, династия Тан, государство каракиданей (Си Ляо).

В 2022–2023 гг. на городище Кен-Булун проводились раскопочные исследования совместной кыргызстанско-российской экспедиции Института археологии им. А. Халикова АН РТ РФ и Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР. В предыдущих публикациях приведены данные о городище и краткая историография его изучения (Кольченко и др., 2022а, с. 41–43; Кольченко и др., 2022б, с. 167–168), что избавляет нас от повторов.

Так как статьи о раскопках на городище Кен-Булун в 2022 и 2023 гг. ещё в работе, то настоящим сообщением краткие сведения о проведенных полевых работах. На памятнике с 2022 г. ведутся раскопки на двух раскопах (рис. 1). Раскоп-1 (Р-1) был поставлен в середине центральных развалин городища (шахристана), перерезав одно из всхолмлений (стену и прилегающие помещения) крупного квадратного строения. К концу сезона

2023 г. его площадь составляла более 130 м² (~11×12 м). Раскоп был остановлен на глубине 1,5 м от верхней точки периметра раскопа. На площади раскопа был исследован верхний строительный горизонт и начато вскрытие второго: было частично вскрыто 3 помещения с общими стенами и полами и отдельные отрезки стен нижележащих конструкций. Исследования будут продолжены в 2024 г.

Раскоп-2 (Р-2), также заложенный в 2022 г., находится на горизонтальной площадке к юго-востоку от центральных развалин (шахристана), на месте выявления аномалий в грунте по итогам геофизических исследований 2021 г. (Кольченко и др., 2022а, с. 51–52; Кольченко и др., 2022б, с. 177–178). К концу сезона 2023 г. его площадь составляла 115 м². По 1-му строительному горизонту была выявлена система помещений с суфами в которых зафиксировано несколько ям, а также, вероятно, остатки двух печей для обжига (горны), т. е. жилья

¹ Проект реализуется в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 гг.)» и гранта Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ) №22/2022 на 2022–2023 гг.

Рис. 1. Городище Кен-Булун.

Fig. 1. Ken-Bulun fortified.

и производственная части. Во втором строительном горизонте вскрыто пока только хранилище вина (?) с 4 хумами. На Раскопе-2 также предполагается продолжение исследований.

За два года на Р-1 было найдено 5 чеканенных монет (табл. 1: 14–18). Все типологически определяются как монеты (дирхамы) династии Караханидов. Их сохранность не позволяет выполнить полную атрибуцию, но типологически они определяются как выпущенные в сер. XI в. Стратиграфически все они относятся к верхнему строительному горизонту, к предпольным его слоям. По одной монете было найдено в пом. 1 и 2, а также с наружной стороны от стен постройки, вероятно – на улице. Ещё две монеты обнаружены уже в отвале из пом. 2 или 3.

На Р-2 было найдено 28 монет. Пять из них литые, имеют квадратное отверстие в центре (табл. 1: 5, 10–13): тюркешская малая ($d=20$ мм), местное подражание китайской монете династии Тан и три анэпиграфические. Две первые из них найдены в дерновом слое и сл.1 (т.е. в слоях без сохранившихся строительных конструкций), две монеты без легенд – в предпольных слоях пом. 3 и 7, и одна – в яме Я-22-4 в пом.4. Остальные 23 монеты

– чеканные, типологически определяются как монеты (фельс, дирхамы) династии Караханидов (табл. 1: 19–41). Сохранность большинства из них также позволяет выполнить только типологическое определение как выпущенных в сер. XI в. (см. ниже). Три монеты на Р-2 найдены в слое 2 (заполнение помещений) в пом. 3 (?), 8 и северной прирезке у печи 2 (табл. 1: 19–21), 12 монет – в слое 3 (предпольный и пол) в пом. 2 (табл. 1: 22–32), 6 – в хуме 1 в хранилище хумов с вином (?), находящимся под пом. 2, т.е в слое 4 (табл. 1: 33–38) и три фрагмента – в отвале у раскопа (табл. 1: 39–41).

Собранные в 2022–2023 гг. на городище Кен-Булун монеты типичны для средневековых городов Чуйской долины. По времени изготовления находки можно разбить на три периода: (1) раннесредневековые монеты, отлитые по китайскому образцу и не имеющие в своих легендах дат, отлитые, вероятно, в первой половине VIII–IX вв., (2) дирхамы Караханидской династии, отчеканенные по мусульманским канонам в X–XI вв., (3) каракиданские монеты середины XII в.

Легенда на самой ранней из найденных монет состоит из четырех, расположенных по краям центрального квадратного отверстия, иероглифов

Монеты с городища Кен-Булун

№	Реверс/аверс	Размер, мм	Вес, г	Металл	Место находки	Определение	Дата
Литые монеты							
1		24	3,15	Cu, Sn	КБу-2019 Подъемный материал	Цянь династии Тан <i>Кайюань тунбао</i> (ранний тип)	Типологически - 2-я пол. VII в.
2		23	4,13	Cu	КБу-2019 Подъемный материал	Цянь династии Тан <i>Кайюань тунбао</i>	Типологически - 2-я пол. VIII- IX вв.
3		21	1,92	Cu, Sn	КБу-2019 Подъемный материал	Местное подражание цяню династии Тан <i>Кайюань тунбао</i>	Типологически - IX в.
4		22	2,64	Vг	КБу-2023 Подъемный материал	Местное подражание цяню династии Тан <i>Кайюань тунбао</i>	Типологически - IX - нач. X вв.
5		22	2,68	Vг	КБу-2022 Р-2, сл.1, Кв. 1, над Пом. 8	Местное подражание цяню династии Тан <i>Кайюань тунбао</i>	Типологически - IX - нач. X вв.
6		25	4,70	Vг	КБу-2019 Подъемный материал	Цянь династии Северная Сун: <i>Сяньфу юаньбао</i> ,	1008-1016 гг.
7		28	8,18	Vг	КБу-2008 Подъемный материал	Цянь династии Запад- ное Ляо (кара-китаев): <i>Сюйсин юаньбао</i> (續興元寶)	Типологически - 2-я пол. XII в.
8		24	4,95	Vг	КБу-2019 Подъемный материал	Деньга Тюргешского кагана. Л.с.: согд. Легенда <i>βуу twrkys γ'γ'n pny.</i> О.с. Тамга тюргешей	Типологически - 1-я пол. VIII в.
9		20	2,08	Vг	КБу-2019 Подъемный материал	Деньга Тюргешского кагана. Л.с.: согд. легенда <i>βуу twrkys γ'γ'n pny.</i> О.с.: Тамга тюргешей	Типологически - 2-я пол. VIII в.

10		18	0,66	Вг	КБу-2022 Р-2, дерн.сл.	Деньга Тюргешского кагана. Л.с.: согд. легенда <i>βуу twrkus̄ y'yn rny</i> . О.с. Тамга тюргешей	<i>Типологически</i> - 2-я пол. VIII в.
11		12	0,50	Вг	КБу-2022 Р-2, Кв.2, Я-22-4	Монета без легенды	<i>Типологически</i> - Карлукский каганат
12		11	0,51	Вг	КБу-2023 Р-2, сл. 3, пом.3, пол (под жжен. сл.)	Монета без легенды	<i>Типологически</i> - Карлукский каганат
13		8	0,23	Вг	КБу-2023 Р-2, сл. 3, пом.7	Монета без легенды	<i>Типологически</i> - Карлукский каганат
Чеканные монеты							
14		20-22	4,42	Сu, Pb	КБу-2022 Р-1, сл. 2, за внешней юж- ной стеной (улица ?)	Дирхам династии Караханидов	<i>Типологически</i> - Сер. XI в.
15		23-25	5,80	Сu, Pb	КБу-2023 Р-1, сл. 2, пом. 2	Дирхам династии Караханидов	<i>Типологически</i> - Сер. XI в.
16		23-26	6,77	Сu, Pb	КБу-2023 Р-1, сл. 3, пом. 1, у Я-23-2	Дирхам династии Караханидов. Л.с.: ... <i>ал-амир</i> .	<i>Типологически</i> - Сер. XI в.
17		22-24	6,87	Сu, Pb	КБу-2022 Р-1, Отвал	Дирхам династии Караханидов	<i>Типологически</i> - Сер. XI в.
18		18-20	6,86	Сu, Pb	КБу-2022 Р-1, Отвал	Дирхам династии Караханидов	<i>Типологически</i> - Сер. XI в.
19		24	1,94	Вг	КБу-2022 Р-2, сл.2, пом.8	Фельс династии Кара- ханидов Л.с.: В центре – калима. Выпускные данные не сохранились	<i>Типологически</i> -Кон. X – нач. XI в.

20		18-21	5,59	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 2, пом. 3 (?) в 1 от С. бровки	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
21		22-23		Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 2, северная прирезка	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
22		21-24	4,21	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов. Типологически - чекан Барсхана	Типологически - 448 г.х.
23		25-26	6,78	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов. Типологически - чекан Барсхана	Типологически - Сер. XI в.
24		23-25	10,7	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов	Типологически - Сер. XI в.
25		25	6,31	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - 44х г.х.
26		27-28	6,61	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
27		22-26	6,10	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
28		18-26	4,09	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов	Типологически - Сер. XI в.
29		23-25	5,7	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Кара- ханидов Л.с.: Джалал [ал давла Тонга тегин]. О.с.: Ал-Малик ал Муза- фар Багра кара хакан. Типологически - чекан Ахсикета	Типологически - 444-449 г.х. = 1066-1071 гг.

30		21-23	3,87	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов. О.с.: <i>Ал-малик ал Музафар</i> <i>Багра кара [хакан]</i> Типологически - чекан Ахсикета	Типологически - 444-449 г.х. = 1066-1071 гг.
31		26-16	2,57	Cu, Ag	КБу-2023 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов	Типологически - 1-я четв. XI в.
32		23×12	2,73	Cu, Ag	КБу-2023 Р-2, сл. 3, Пом. 2	Дирхам династии Караханидов	Типологически -Первая чет- верть XI в.
33		21-22	7,45	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 4, хум-хона, Хум 1	Дирхам династии Караханидов. Л.с.: ... <i>[44]6 г.х. ...</i>	Типологически - [44]6, Сер. XI в.
34		26	6,49	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 4, хум-хона, Хум 1	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
35		20-23	6,93	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 4, хум-хона, Хум 1	Дирхам династии Караханидов. Чекан Барсхана	Типологически - Сер. XI в.
36		23-26	5,81	Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 4, хум-хона, Хум 1	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
37		20-22		Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 4, хум-хона, Хум 1	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
38		20-23		Cu, Pb	КБу-2023 Р-2, сл. 4, хум-хона, Хум 1	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
39		10-21	1,43	Cu, Ag	КБу-2022 Р-2, (отвал)	Дирхам династии Караханидов	Типологиче- ски - 2-я четв. XI в.

40		11-16	1,22	Cu, Ag	КБу-2022 Р-2, (отвал)	Дирхам династии Караханидов	Типологически – 2-я четв. XI в.
41		14-16	2,29	Cu, Pb	КБу-2022 Р-2, (отвал)	Дирхам династии Караханидов	Типологически - Сер. XI в.
42		20-22	5,60	Cu, Pb	КБу-2023 Подъемный материал	Дирхам династии Караханидов. Типологически - Богра кара-хакан, Ахсикет,	Типологически - (447-9 г.х.)
43		21-24	6,70	Cu, Pb	КБу-2023 Подъемный материал	Дирхам династии Караханидов.	Типологически - Сер. XI в.
44		22-23	3,99	Cu, Pb	КБу-2023 Подъемный материал	Дирхам династии Караханидов	Типологически - Сер. XI в.
45		25	7,11	Cu, Pb	КБу-2023 Подъемный материал	Дирхам династии Караханидов	Типологически - Сер. XI в.
46		22-24	5,87	Cu, Pb	КБу-2023 Подъемный материал	Дирхам династии Караханидов	Типологически - Сер. XI в.
47		20-21	4,33	Cu	КБу-2019 Подъемный материал	Дирхам времен За- падное Ляо (кара-китаев) с именем халифа Типологически – Баласагун - ?	Типологически -548 г.х. - ? = 1153 г.
48		19-20	2,83	Cu	КБу-2019 Подъемный материал	Дирхам времен За- падное Ляо (кара-китаев) с именем халифа Типологически – Баласагун - ?	Типологически -548 г.х. - ? = 1153 г.
49		22-24	6,48	Cu, Pb	КБу-2023 Подъемный материал	Дирхам династии Караханидов. Типологически - Кашгар, Юсуф II Тамгач -хан	Типологически -575-601 г.х.

Кайюань тунбао, переводимых как «ходячая драгоценность начала правления», – свидетельство денежной реформы пришедшей к власти династии Тан (618–907 гг.). Произведённые в колоссальном количестве на протяжении трехсот лет, эти монеты имели необычайно широкий ареал распространения (табл. 1: 1). Длительный период их выпуска внес значительные изменения в написание иероглифов (табл. 1: 2). Выпуск монет не всегда был централизованным – отливали их на периферии китайских владений, и существовала незаконная отливка, приводившая к инфляциям и девальвациям (Воробьев, 1963, с. 130). Помимо «валютного обеспечения» Великого шёлкового пути, этими монетами платили жалованье личному составу китайских гарнизонов, которые стояли в ряде городов Западного края, в том числе и в столице Западно-Тюркского каганата – Суябе, по крайней мере, с 648 по 719 гг. (Горячева, Перегудова, 1996, с. 186). Поэтому вполне логично, что местное население Чуйской долины использовало их для внутренних расчетов и было экономически подготовлено к введению собственного денежного обращения.

В начале VIII века запущено производство местных литых бронзовых монет с легендой «*Господин Тюргешский каган*», получивших широкое распространение до Сибири и Восточного Туркестана на севере и востоке, до Согда и Приуралья на юге и западе. Время появления монет Тюргешского каганата, вероятно, определено годами правления кагана Сулука (716–738 гг.) (Бернштам, 1940, с. 108). Это был относительно спокойный период в истории каганата, что позволило наладить выпуск монет с согдийской легендой и тамгой тюргешей на реверсе в форме рунической буквы «ат». Первые монеты Тюргешского каганата по форме, весу и размерам соответствовали китайским монетам

Кайюань тунбао. Их выпуск был массовым и долгосрочным – это одна из наиболее часто встречаемых монет на раннесредневековых городищах Чуйской долины. Отмечены они и в культурных слоях караханидского периода, по прошествии 300 лет с начала выпуска. Достоверные данные о времени прекращения их выпуска отсутствуют. Монет Тюргешского каганата на Кен-Булунском городище найдено три экземпляра (две – подъемный материал и одна с Р-2) (табл. 1: 8–10). Закат Тюргешского каганата и сопутствующая инфляция в середине VIII в. привели к снижению веса и размера монет при сохранении легенды и родового знака-тамги на реверсе.

Выстраивая ряд разновидностей тюргешских монет от крупных к мелким, можно проследить закономерность в постепенной деградации монет этого типа. В данном случае хронологическая последовательность очевидна, но не было надёжных данных о том, когда именно производился выпуск, замыкающий этот ряд трех монет без легенд, найденных в Р-2 на городище Кен-Булун (табл. 1: 11–13).

Примерную их датировку позволил определить клад, собранный в октябре 2006 г. на восточном склоне крепостной стены городища Ак-Бешим. На небольшой площадке порядка 2 м² и глубиной до 30 см были подняты 62 бронзовые литые монеты. Подборка оказалась необычной по своему составу: это первое совместное нахождение тюргешских монет среднего и мелкого размера, а также тюргешских монет с дополнительной тамгой Карлуков, уанантмахских монет, мелких монет без легенд, и, в единственном экземпляре, танской монеты *Цзяньчжун тун бао* (780–783 гг.) (Камышев, 2007, с. 50). На основании хорошо датированной танской монеты клад, а, соответственно, и находящиеся в обращении монеты без легенд, отнесен к самому концу VIII – началу

IX вв. Здесь следует отметить, что в кладе, среди так называемых «монет тюргешского круга», не отмечено ни одного подражания местным монетам династии Тан.

Во второй половине VIII в. тюрки-карлуки, переселившиеся с Алтая, окончательно установили свою власть в Семиречье и почти 200 лет оставались основными хранителями степной культуры в Средней Азии. Правление карлуков не привело к заметным изменениям ни в жизненном укладе, ни в денежном хозяйстве области. Местный рынок наполняли монеты, выпускаемые в крупных городах Притяньшанья. Так, на городище Ак-Бешим (средневековый Суяб) продолжался выпуск тюргешских монет среднего размера (19–22 мм), как правило, невысокого качества изготовления, полностью повторявших основной монетный тип с согдийской надписью «деньга господина тюргешского кагана». Но были и новации – в Ак-Бешимском кладе присутствовало несколько тюргешских монет с дополнительной тамгой карлуков, которые выделены в особый тип (Камышев, 2007, с. 51).

Следующим этапом в местном денежном обращении стал выпуск местных подражаний монет династии Тан (табл. 1: 9–11). Анализ нумизматических находок в Чуйской долине показал, что более половины монет китайских типов изготовлены с множеством отклонений от китайских стандартов того времени. Поэтому они выделены в отдельную группу – «местные подражания». Все подражания типологически восходят к китайским эмиссиям династии Тан (618–904 гг.) Собранные вместе, они составляют своеобразную коллекцию, исследуя которую, можно проследить, как изменялся, а точнее, деградировал облик китайских монет, выпускаемых на местном монетном рынке (Камышев, 2000, с. 135). Впрочем, вполне

вероятно, что некоторые выпуски танских монет попадали в Чуйскую долину из соседнего Восточного Туркестана, где еще оставались китайские гарнизоны и основу денежного обращения составляли монеты китайского типа. Замечено, что многие танские монеты второй половины VIII в., собранные в Восточном Туркестане, изготовлены не в центральном Китае, а на месте, из характерной для этого региона красной меди (Ивочкина, 1975, с. 31). Одна такая медная монета поднята и на городище Кен-Булун (табл. 1: 2).

Расцвет эмиссии «местных подражаний» китайским монетам династии Тан на основании ряда фактов отнесен ко времени карлукского правления (вторая половина IX – начало X вв.). Наличие разнообразных типов местных подражаний китайским монетам в Чуйской долине можно объяснить несколькими городскими центрами по их изготовлению.

Бурный расцвет товарно-денежных отношений в первые десятилетия правления династии Караханидов (991–1211 гг.) насытил рынок золотыми динарами, высокопробными серебряными дирхамами и медными фельсами традиционного «куфического» вида, давно устоявшегося в мусульманском мире. Многочисленные монетные дворы – от Яркенда и Кашгара до Саганиана и Бухары – наполняли рынок своей продукцией, которая распространялась на обширных территориях династии Караханидов.

На лицевой стороне мусульманских монет того времени обычно помещался мусульманский символ веры (*калма*): «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет сотоварища ему» или «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха», по кругу – выпускные сведения по формуле: «Во имя Аллаха бит этот фельс (дирхем, динар) ...» с наименованием монетного двора и датой выпуска. В круговой

легенде на реверсе часто помещались фрагменты разных сур Корана, а в центре – вторая часть калимы: «Мухаммад – посланник Аллаха», имя халифа – наместника Бога, объединявшего духовную и светскую власть на земле, имя верховного хакана – правителя области, где чеканилась монета, иногда еще имена и титулы вассалов и других лиц, причастных к монетному производству (Кочнев, 2006, с. 15). Вместе с тем стоит отметить интересный факт: примерно у 10% чуйских находок ранних караханидских медных фельсов в центре или ближе к краю пробито отверстие – похоже, что местное население переделывало их под привычный тип китайских монет (табл. 1: 19).

Поднятая на городище монета династии Северная Сун *Сяньфу юаньбао*, 1008–1016 гг. (табл. 1: 6), также могла находиться в местном обращении.

Начавшийся в первой четверти XI в. «серебряный кризис», вызванный истощением рудников и массовым вывозом драгоценного металла в Восточную Европу, быстро приводит к падению процентного содержания серебра в монетах. Уже к середине столетия они хотя и продолжают называться дирхамами, но чеканятся из малоценного медно-свинцового сплава и ходят по принудительному курсу. Другой причиной кризиса некоторые исследователи считают бурный рост городского населения и вследствие этого интенсификацию торговли, потребовавшие огромного количества средств обращения. Чтобы удовлетворить потребности рынка в серебряной монете, правительство пошло на эмиссию низкопробных дирхамов, что позволяло выпускать их в значительном количестве. «Порча монеты» выразилась в снижении пробы серебра, а затем и в выпуске субэратных денежных знаков, когда медное ядро покрывалось лишь тонкой серебряной оболочкой (табл. 1: 31–32). К середи-

не XI в. серебра в этих монетах уже совсем не было, но они продолжали называться дирхамами и ходили по принудительному курсу. Чрезмерный выпуск обесцененных дирхамов вел к инфляции.

Почти все караханидские медно-свинцовые дирхамы из раскопок Кен-Булуна найдены на Р-2 в пом. 2, в слое 3 на полах (табл. 1: 22–32). Однозначно атрибутированы лишь три монеты, отчеканенные в Ахсикете (Фергана), и три монеты из Барсхана (Иссык-Куль). Шесть монет обнаружены в одном из четырех хумов во втором строительном горизонте на том же раскопе (рис. 2; табл. 1: 33–38). Примечательно, что он находился под полом пом. 2, в котором найдено больше всего монет (12 шт.). Вероятно, монеты провалились в хум при проседании грунта. Из них два медно-свинцовых дирхама, практически полностью распавшихся на обломки, залежали у дна, три в середине и один у поверхности сосуда. По всей видимости, хум-хона (кладовая) ко второй половине XI в. по назначению не использовалась и была перекрыта новым строением.

В 1041 г. единое Караханидское государство распадается на два отдельных каганата: Восточный, со столицей в Баласагуне (позднее в Кашгаре), и Западный, со столицей в Узгенде (позднее в Самарканде). Все последующее время его существования характеризуется непрекращающейся чередой междоусобных столкновений, а Баласагун и Узгенд оказываются в руках то одних, то других представителей правящей династии Караханидов. С конца XI в. Западно-Караханидский каганат попадает в зависимость от Великих Сельджуков, в денежном обращении участвуют посеребрённые дирхамы, отчеканенные на тонких медных пластинах диаметром до 40–42 мм, как правило, с изящно исполненными легендами. В Восточно-Караханидском каганате, в основном в

Рис. 2. Кладовая.
Fig. 2. The pantry.

Барсхане и Кашгаре (табл. 1: 22–23, 49), эпизодически продолжался выпуск медно-свинцовых дирхамов небрежного исполнения, часто без указаний монетного двора или даты.

В 1129 г. власть в Чуйской долине и всём государстве Восточных Караханидов захватили кидани, основавшие своё государство Западное/Си Ляо, и выпуск медно-свинцовых монет временно прекращается. Основными в обеспечении торговли становятся золотые динары и их обломки. Глава правящего киданьского рода Елюй Даши, объявивший себя *гурханом* и избравший Баласагун столицей Западного Ляо, проводил постоянные грабительские набеги на своих соседей, что ослабило среднеазиатские государства и способствовало общему упадку торговли, ремесла и городской культуры. Зависимость Восточных Караханидов от киданей выражалась в выплате дани и военной помощи, которую Караханиды должны были оказывать киданям по их требованию. Дань собиралась золотыми динарами, поступающими

от попавших в вассальную зависимость правителей Западно-Караханидского каганата, а для внутренней торговли выпускались медные посеребренные дирхамы по мусульманскому образцу, с именем халифа и датой, но, как правило, без указания места чекана и правителя. Впервые информация об этих монетах озвучена на Девятой Всероссийской нумизматической конференции в 2001 г. (Кочнев, 2001, с. 50). В настоящее время опубликованы несколько кладов и единичные находки киданьских монет, собранные на городищах Чуйской долины (Fedorov, 2004, p. 325; Fedorov, 2006, p. 410; Кошевар, 2016, с. 368). На городище Кен-Булун найдены две монеты этого выпуска (табл. 1: 47–48). Все известные монеты Западного Ляо датированы 548 г. х., что соответствует 1153 г., году прихода к власти нового правителя – *гурхана* Елюй Йилье.

Наибольший интерес представляет монета *Сюйсин юаньбао* (табл. 1: 7), найденная на городище Кун-Булун в ноябре 2008 г. Позже по одной такой монете было поднято на городищах Кара-Джигач (юго-восточная граница Бишкека), Красная Речка и Бурана. Это позволило синологам сделать заключение о достоверности письменных источников, которые ранее подвергались сомнениям: по сведениям сунского ученого Хун Цюаня (1149 г.), вдова киданьского *гурхана* Елюй Даши якобы выпускала монету по китайскому образцу с указанием периода правления китайскими иероглифами, но в нумизматической литературе не отмечались сведения о монетах этого типа – не было известий о них ни в музейных, ни в частных собраниях (Беляев, Сидорович, 2016, с. 267). Монеты с легендой *Сюйсин юаньбао* являются на сегодняшний день первыми обнаруженными экземплярами монет китайского типа, которые отнесены к выпускам династии Западное

Ляо. Выпуск монет *сюйсин юаньбао* в связи с крайней их редкостью, скорее всего, носил декларативный характер подтверждения государством Западного Ляо китайских традиций (Кольченко. 2022, с. 117–119).

Самой «молодой» монетой, поднятой на городище Кен-Булун, стал дирхам предпоследнего караханидского правителя Кашгара Юсуфа II Тамгачи-хана 575–601 г. х. (1180–1205 гг.) (табл. 1: 49).

Анализ монетных находок позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Поселение на месте городища Кен-Булун, расположенного между раннесредневековой столицей тюркских каганатов Суябом (Ак-Бешимское городище) и крупным городом Навекат (городище Красная Речка), основано примерно в X в., а его процветание обрывается с монгольским нашествием в начале XIII в.

Единичные находки раннесредне-

вековых монет «тюргешского круга» и местные подражания монетам династии Тан не могут быть надежным источником для датировки и, тем более, времени основания города. Все собранные здесь монеты относятся к сложным периодам, когда инфляционные процессы вели к порче денежных знаков и их массовому производству. Медно-свинцовые дирхамы середины XI в, поднятые в раскопах, также дают лишь приблизительную хронологию. Массовое их изготовление и относительно низкая ценность вели к тому, что излишки денег изымались из обращения, накапливались и припрятывались населением до лучших времен. Потому слои с находками этих монет датируются в широких пределах от середины XI до начала XIII вв. Отсутствие монет Великой Монголии и ранних чагатайских монет может служить основанием для предположения, что монгольское нашествие город не пережил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев В.А., Сидорович С.В. Обнаружение монет Западного Ляо и уточнение названия девиза правления императора Елюй Или // Общество и государство в Китае. XLII Научная конференция. Ч. I / Ред. А.И. Кобзев. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 267–278.
2. Бернштам А.Н. Тюргешские монеты // Труды отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. 2 / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: АН СССР, 1940. С. 105–111.
3. Воробьев М.В. К вопросу об определении китайских монет «кайюань тунбао» // ЭВ. 1963. № XV. С. 123–146
4. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // Вестник древней истории. 1996. № 2. С. 167–189.
5. Ивочкина Н.В. Монеты первой Восточно-Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока / Ред. Е.И. Лубо-Лесниченко. Л.: Аврора, 1975. С. 27–38.
6. Камышев А.М. Клад китайских монет с Краснореченского городища // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общ. наук. 1999. № 1 (219) С. 128–132.
7. Камышев А.М. Местные подражания китайским монетам. // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общ. наук. 2000. № 1 (224). С. 131–137.
8. Камышев А.М. Нумизматические находки с городища Ак-Бешим // XIV Всероссийская нумизматическая конференция / Отв. ред. В.А. Калинин. СПб.: ГЭ, 2007. С. 50–52.
9. Камышев А.М. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III Торевтика / Науч. ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент, 2012. С. 97–118.
10. Камышев А.М. Литейные и ювелирные ремёсла на средневековом городище Кен-Булун // International workshop “Status of Contemporary Research on Islamic history, art and culture in Kyrgyzstan” Бишкек, 13 февраля 2020 IRCICA и БГУ. С. 77–83.
11. Кожмяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. 188 с.
12. Кольченко В.А. Археология Си Ляо (историографическое обобщение) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V междуна-

родного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 4 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2022. С. 110–126.

13. *Кольченко В.А., Бездудный В.Г., Тулуш Д.К., Ситдииков А.Г.* Геофизические исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021 г. // Археология Евразийских степей. 2022а. № 6. С. 37–58.

14. *Кольченко В.А., Тулуш Д.К., Ситдииков А.Г., Бездудный В.Г.* Предварительные результаты исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021–2022 гг. // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 5 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2022. С. 164–183.

15. *Кочнев В.Г., Алай А.В.* Монеты из Чуйской долины периода правления Карахитаев // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 356–371.

16. *Кочнев Б.Д.* Нумизматические памятники, связанные с карахытским завоеванием Средней Азии // IX Всероссийская нумизматическая конференция, Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. / Отв. ред. Н.В. Ивочкина. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 50–52.

17. *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209). М.: София, 2006. 312 с.

18. *Тереножкин А.И.* Дневник Археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012. С. 28–63.

19. *Fedorov M.N.* Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Krasnaia Rechka Hillfort // The Numismatic Chronicle № 164. London, 2004. P. 322–327.

20. *Fedorov M.N.* Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Burana Hillfort // The Numismatic Chronicle № 166. London, 2006. P. 409–414.

Информация об авторах:

Камышев Александр Михайлович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Бишкек, Кыргызстан); sakamih@mail.ru

Кольченко Валерий Анатольевич, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (г. Бишкек, Кыргызстан); archak@gmail.com

COINS FROM THE CITY OF KEN-BULUN IN KYRGYZSTAN (FROM EXCAVATIONS IN 2022–2023 AND RANDOM FINDS FROM PREVIOUS YEARS)

A.M. Kamyshev, V.A. Kolchenko

As part of the project of the institute of archaeology named after. A.Kh. Khalikov of the Academy of sciences of the Republic of Tatarstan of the Russian Federation and the Institute of history, archaeology and ethnology named after. B. Dzhangerchinova NAS KR, since 2021, research has been carried out at the Ken-Bulun site. Works 2022 and 2023 two excavations -Ex-1 and Ex-2 - yielded stratified collections of artifacts, including coins (34 units), which are the subject of study in this article. The article also examines coins from random finds of previous years, given to the authors by local residents, one previously published coin, and the authors' collections from the surface of the site during field research. A total of 50 coins of different types are analyzed, of which 49 are stored at the institute of atomic energy of the national academy of sciences of the kyrgyz republic. Most of the coins found are copper-lead dirhams of the karakhanid dynasty. 11th century a small number of earlier issues and the absence of mongolian coins limit the chronological scope of the existence of the settlement 10th – early 13th centuries

Keywords: archaeology, Chui Valley, Ken-Bulun fortified, coin, copper-lead dirham, imitation, Turgesh kaganate, Karluk kaganate, Karakhanid dynasty, Tang dynasty, Karakidan state (Ci Liao).

The project is being implemented within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020-2024)" and grant No. 22/2022 from the International Institute of Central Asian Studies (MICAI) for 2022-2023.

REFERENCES

1. Belyaev, V. A., Sidorovich, S. V. 2012. In Kobzev, A. I. (ed.). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. XLII Nauchnaya konferentsiya (Society and the state in China. XLII Scientific conference)* I. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 267–278 (in Russian).
2. Bernshtam, A. N. 1940. In Yakubovskiy, A. Yu. (ed.). *Trudy otdela kul'tury i iskusstva Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the Department of Oriental Culture and Art of the State Hermitage)* 2. Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 105–111 (in Russian).
3. Vorob'ev, M. V. 1963. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XV, 123–146 (in Russian).
4. Goryacheva, V. D., Peregudova, S. Ya. 1996. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* (2), 167–189 (in Russian).
5. Ivochkina, N. V. 1975. In Lubo-Lesnichenko, E. I. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo Indii i stran Dal'nego Vostoka (Culture and art of India and the Far East)*. Leningrad: "Aurora" Publ., 27–38 (in Russian).
6. Kamyshev, A. M. 1999. In *Izvestiia MON RK, NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 219 (1), 128–132 (in Russian).
7. Kamyshev, A. M. 2000. In *Izvestiia MON RK, NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 224 (1), 131–137 (in Russian).
8. Kamyshev, A. M. 2007. In Kalinin, V. A. (ed.). *XIV Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (14th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 50–52 (in Russian).
9. Kamyshev, A. M. 2012. In Baypakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. III. Torevtika (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th –15th cc. Vol. III. Toreutics)*. Samarkand-Tashkent: "MITsAI" Publ., 97–118 (in Russian).
10. Kamyshev, A. M. 2020. In *International workshop "Status of Contemporary Research on Islamic history, art and culture in Kyrgyzstan"* Bishkek: IRCICA and BGU, 77–83 (in Russian).
11. Kozhemyako, P. N. 1959. *Rannesrednevekovye goroda i poseleniya Chuyskoy doliny (Early medieval cities and settlements of the Chuy Valley)*. Frunze (in Russian).
12. Kolchenko, V. A. 2022. In Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evrasiyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 4 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 4)*. Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 110–126 (in Russian).
13. Kolchenko, V. A., Bezdudnyi, V. G., Tulush, D. K., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 37–58 (in Russian).
14. Kolchenko, V. A., Tulush, D. K., Sitdikov, A. G., Bezdudnyi, V. G. 2022. In Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evrasiyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 5 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 5)*. Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 164–183 (in Russian).
15. Koshevar, V. G., Alay, A. V. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 356–371 (in Russian).
16. Kochnev, B. D. 2001. In Ivochkina, N. V. (ed.). *IX Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (9th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 50–52 (in Russian).
17. Kochnev, B. D. 2006. *Numizmaticheskaya istoriya Karakhanidskogo kaganata (991–1209) (Numismatic history of the Karakhanid Khanate (991–1209))*. Moscow: "Sofiya" Publ. (in Russian).
18. Terenozhkin, A. I. 2012. In Kolchenko, V. A., Amanbaeva, B. E. *Arkhivnye materialy po arkheologii Kyrgyzstana (Archival materials on the archaeology of Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Ilim" Publ., 28–63 (in Russian).
19. Fedorov, M. N. 2004. In *The Numismatic Chronicle* 164. London, 322–327.
20. Fedorov, M. N. 2006. In *The Numismatic Chronicle* 166. London, 409–414.

About the Authors:

Kamyshev Alexander M. Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Bishkek, Kyrgyzstan. sakamih@mail.ru

Kolchenko Valerii A. Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.J. Jamgerchinov, National Academy of Sciences of Republic of Kyrgyzstan. Chui Avenue, 265a, Bishkek, the Republic of Kyrgyzstan; archak@gmail.com

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

ТИПОЛОГИЯ БУЛАВОК КУЛЬТУРЫ САПАЛЛИ

© 2023 г. О.А. Хамидов, Г.Ч. Каттаева

Сапаллинская культура эпохи бронзы (2200–1300 гг. до н. э.), сформировавшаяся на территории Северной Бактрии, в 70-х годах XX века была введена в научный оборот на основе изученных в историческом и археологическом отношении источников. Кроме занятий земледелием и скотоводством, жители культуры Сапалли, считались чрезвычайно искусными и в ремесленном деле. Среди всех видов ремёсел своими уникальными видами и формами особо выделяется ювелирное дело. Булавки, составляющие основу ювелирных украшений, обнаруженных в памятниках сапаллинской культуры, являются важным источником для освещения материальной культуры бронзового века народов Центральной Азии, воплощая в себе быт, культуру, искусство и традиции людей бронзового века. На памятниках Сапаллитепа, Джаркутан, Мулалитепа, Бустон VI, VII, Тиллабулак изучаемой культуры, наряду с другими видами украшений (серьги, диадемы, бусы, ожерелья, подвески, амулеты, перстни и браслеты), были найдены и булавки, типологический анализ которых способствует более глубокому изучению их сущности и разработке их аналогов. В этой статье приводится типология более 140 булавок, которые были обнаружены на памятниках культуры Сапалли и относятся к классу украшений для головы. По форме изготовления навершия булавки были разделены на типы, группы и классы. Среди типов булавок по форме изготовления и назначению особенно выделяются булавки с зооморфными и антропоморфными фигурками в навершии, розетковидные булавки и булавки с навершием в форме звёздочки, которые относятся к редким артефактам, получившим широкое распространение среди культур цивилизации Окса.

Ключевые слова: археология, культура Сапалли, Сапаллитепа, Джаркутан, Мулалитепа, Тиллабулак, Бустон VI-VII, типология булавок, украшения для головы, булавки с розетковидным навершием.

Введение. Культура, созданная в разные периоды развития Центральной Азии (Miroshnikov, 1992, с. 477–480)¹, занимает важное место в истории народов мира. Различия в условиях жизни людей, проживавших в плодородных долинах, пустынях и степях, горах региона, зарождение различного рода ранних хозяйств привели к формированию своеобразных культур. К эпохе бронзы этот процесс, происходивший на основе близких соседских отношений, благодаря экономическим и культурным связям племен и народов поднялся на следующую стадию развития. В этот период мургабская культура на юге Туркменистана, культура Дашли, располагавшаяся на севере Афганистана, и культура Сапалли, получившая развитие на юге Узбекистана, находились в единой историко-культурной общности.

Эта культура является новым оча-

гом цивилизации Древнего Востока и образует самое восточное крыло культуры Намазгах, а также северовосточную границу древневосточного мира (Kaniuth, 2013, p. 151).

В последних исследованиях А.А. Аскарлова и Ш.Б. Шайдуллаева в результате сопоставления периода строительства памятников сапаллинской культуры, результатов радиоуглеродного анализа, образцов материальной культуры (сосуды из хлоритового камня, фаянсовые находки, предметы из слоновой кости) с материальной культурой развитых культурных центров Древнего Востока предлагается следующая периодизация: Сапалли (2150–1900 гг. до н. э.), Джаркутан (1900–1600 гг. до н. э.), Кузали (1600–1500 гг. до н. э.), Мулали (1500–1400 гг. до н. э.), Бустон (1400–1300 гг. до н. э.) (Аскарлов и др., 2005, с. 45). Исходя из параллельного развития предметов материальной культуры,

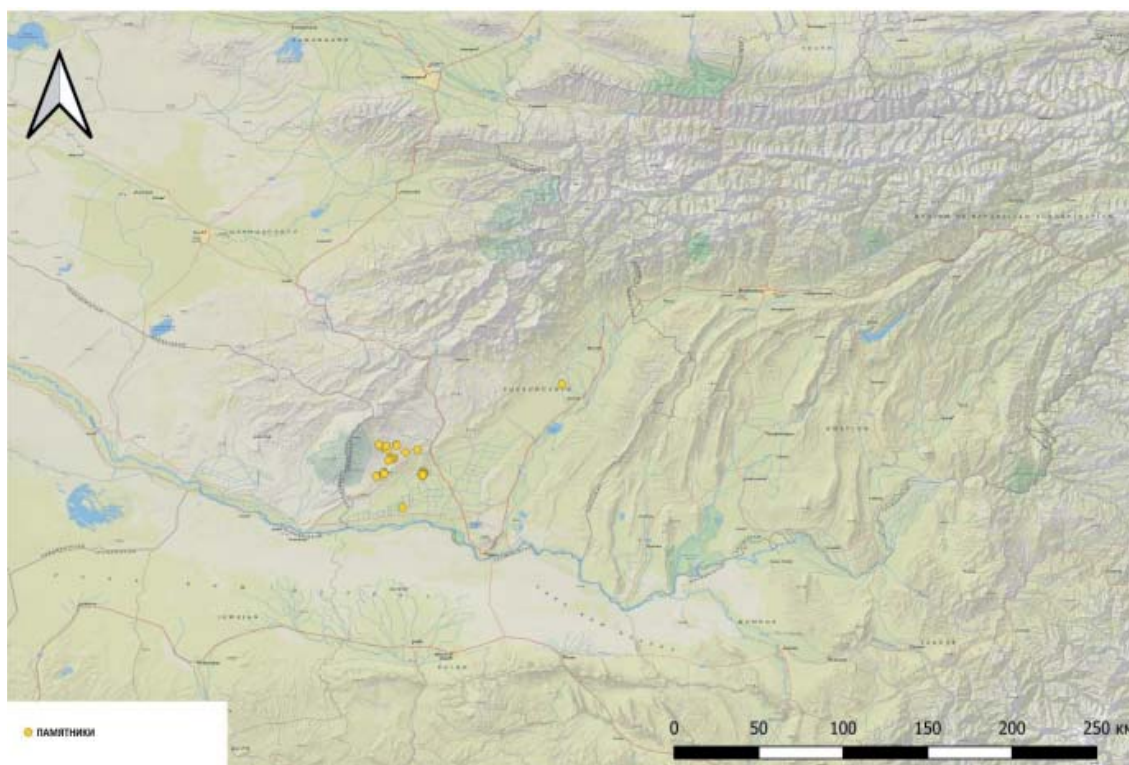

Рис. 1. Расположение памятников Сапаллинской культуры в Сурханском оазисе.

Fig. 1. Location of the sites of the Sapalli culture in the Surkhan oasis.

можно полагать, что этот период совпадает во времени с периодом Намзгах VI Туркменистана.

Согласно данным за 2020 год, общее количество памятников, относящихся к этой культуре, в оазисе Сурхана достигло 45 (Хамидов 2020, с. 14–17; Kaniuth, 2020, p. 460–469). В 12 из них проведены широкомасштабные археологические раскопки, основная часть которых расположена на древних орошаемых территориях – Уланбулаксай, Шерабад, Бандихан, Миршоди и Пашхурт-Зарабагская котловина (Хамидов, 2020, с. 12–20) (рис. 1).

Украшения, составляющие основу ювелирных изделий, обнаруженных на памятниках сапаллинской культуры, являются важным материальным источником для освещения культуры народов Центральной Азии эпохи бронзы, воплощая в себе образ жизни, культуру, искусство и традиции жителей бронзового века. Украшения этой культуры были обнаружены на памят-

никах Сапаллитепа, Джаркутан, Мулалитепа, Бустон VI, VII, Тиллабулак (рис. 2).

Материалы и методы исследования

Методы исследования. В данной статье используется метод междисциплинарного подхода, который развивается в русле тенденций развития современной науки. Наряду с этим используются методы типологического анализа, анализа, синтеза, сопоставления и обобщения.

Характеристика материала.

Булавка – изделие, предназначенное для крепления, прикалывания, закалывания чего-либо (например, игла с тупой головкой на одном конце, инструмент, острый конец которого попадает в паз и фиксируется, декоративный элемент причёски), которая используется людьми с древнейших времён. Существуют два вида булавок, которые различаются между собой по своим функциям.

Булавки для волос – это тонкие,

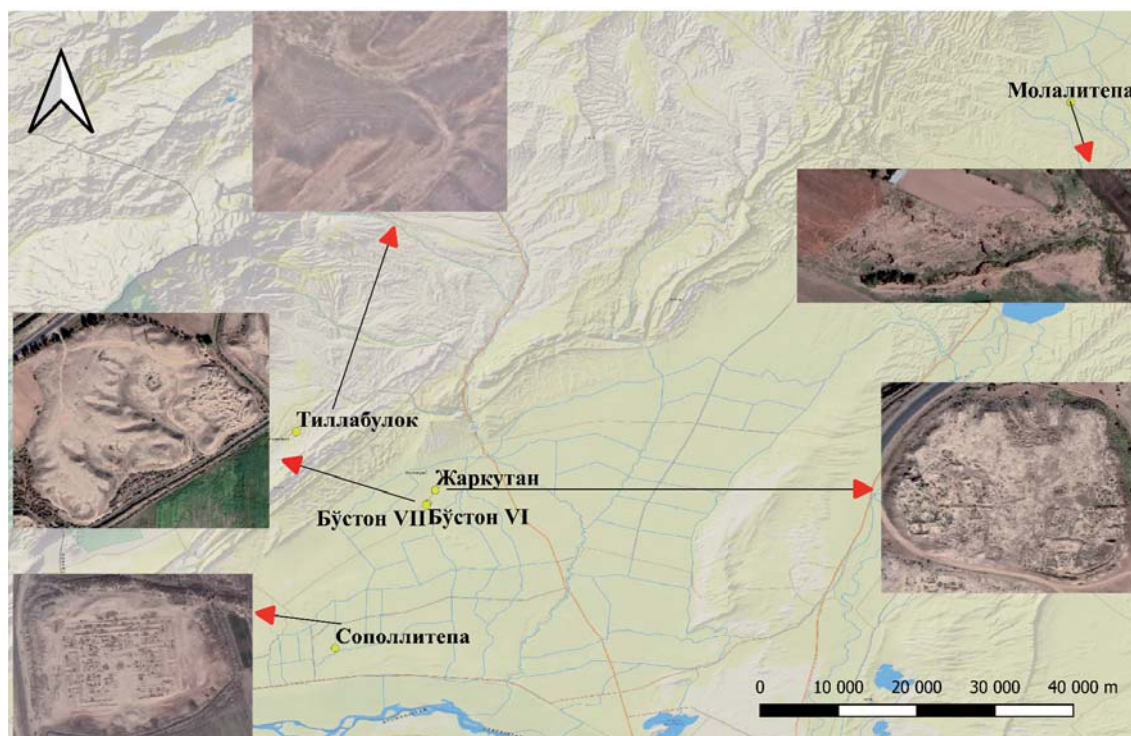

Рис. 2. Основные памятники Сапаллинской культуры, в которых идентифицируются ювелирные изделия.

Fig. 2. The main sites of the Sapalli culture, in which jewelry is identified.

круглые, плоские или U-образные украшения для волос, используемые для фиксации причёски, аксессуара для волос, шляпы или головного убора. Булавки для волос с древних времен использовались для закрепления или украшения причёски. Первые виды этого вида украшений были в виде простой круглой палочки или трехконечной круглой палочки с определенной формой на навершии. Такие булавки для волос были обнаружены при археологических исследованиях в Африке, Азии, Европе и некоторых частях Ближнего Востока. Они в основном изготавливались из дерева, кости или камня. Деревянные булавки, найденные в Древнем Риме, были украшены драгоценными камнями и другими украшениями (Sherrow, 2006, p. 178). Игольчатые булавки использовались для закрепления компонентов одежды и головных уборов на месте.

Разработка типологии предметов в исторической науке и археологии помогает глубже понять их сущность и

создать аналог. Украшения культуры Сапалли можно разделить на группы украшений для ношения на голове и головных уборах, на шее или на запястье. Однако они различаются по форме и исходному материалу. Среди украшений по форме изготовления особо выделяются булавки с зооморфными фигурками в навершии, розетковидные булавки, амулеты с зооморфными изображениями и свастикой, серьги с камнями.

Население сапаллинской культуры Северной Бактрии носило различные головные уборы. Для причёсок женщины использовали булавки. Всего на памятниках культуры Сапалли было найдено 140 булавок (Аскарлов, 1973, с. 98; Аскарлов и др., 1975, с. 73–80; Аскарлов, 1977, с. 77, 83, 87; Аскарлов и др., 1983, с. 24; Kaniuth, 2006, p. 107; Avanesova, 2016; Avanesova et al., 2015, p. 43; Каттаева, 2022, с. 43–44), причем по форме изготовления навершия эти булавки делятся на несколько типов.

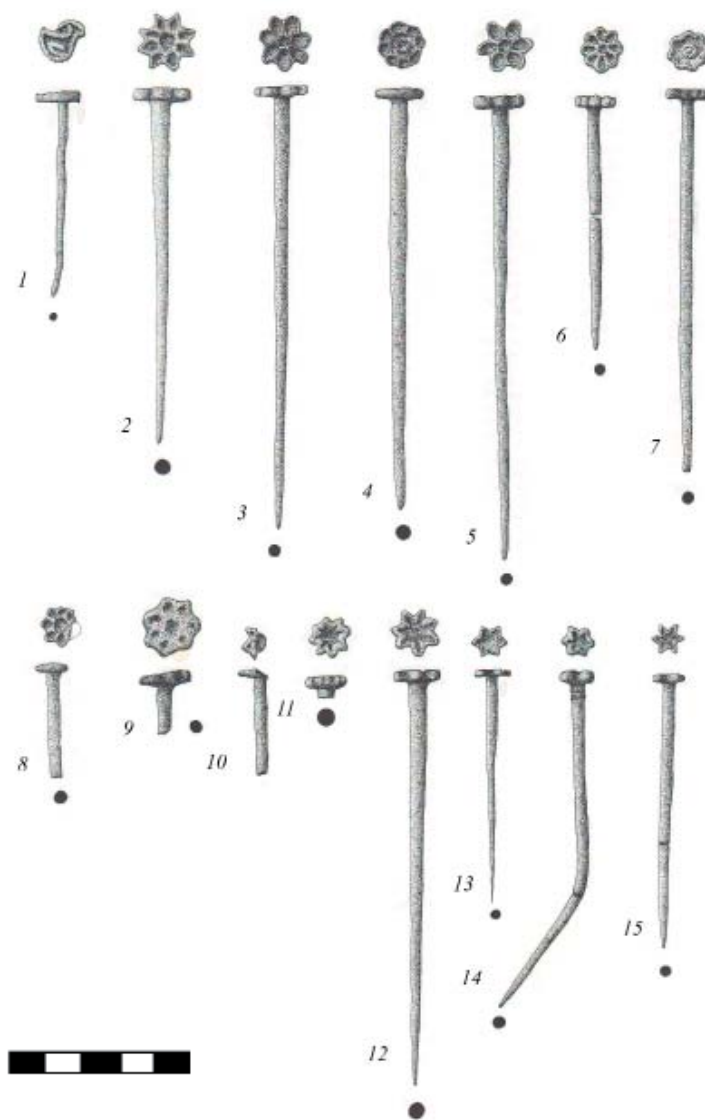

Рис. 3. Булавки, состоящие из палочек и отдельных частей поммеля. 1 – булавка-печать плоская, с овальной поверхностью, с изображением горного козла, выполненного резьбой на лицевой поверхности; 2–9 – булавка-печать в виде розеток; 1–15 – булавки-печати с навершием в форме звезды (Kaniuth, 2006, 107–109. Ab. 143, 144, 145, 147–152, 153, 154, 156, 158, 159).

Fig. 3. Pins consisting of sticks and individual parts of a pommel. 1 – flat signet-pin, with an oval surface, with the image of a mountain goat, carved on the front surface; 2–9 – rosette-shaped signet-pin; 1–15 – signet-pin with a star-shaped head part (Kaniuth, 2006, 107–109. Ab. 143, 144, 145, 147–152, 153, 154, 156, 158, 159).

Обсуждение

На памятниках сапаллинской культуры найдено и изучено несколько видов булавок. При их углубленном изучении важное значение имеет проведение типологического анализа. Типологический анализ булавок, обнаруженных на памятниках эпохи бронзы Сапалли и смежных культур, проводится в научно-исследователь-

ских работах А.А. Аскарова (Аскаров, 1973, с. 98; Аскаров, 1977, с. 77–78; Аскаров и др., 1983, с. 19–20, 24), В.В. Лунева (Лунева, 2009, с. 15–19), В.Д. Рузанова (Рузанов, 2013, с. 140–150), К. Каниут (Kaniuth, 2006, p. 106–121), Н.А. Аванесовой (Avanesova, 2016), Э. Люно (Luneau, 2013, p. 227–228).

Типологический анализ булавок, представленный вышеупомянутыми

исследователями, не может охватить всей типологии булавок, обнаруженных на памятниках сапаллинской культуры, потому что в них проводится анализ булавок, найденных на памятниках эпохи бронзы на юге Центральной Азии или в одном отдельно взятом памятнике культуры Сапалли. В результате булавки, зафиксированные на некоторых памятниках сапаллинской культуры, оказались за пределами внимания. Поэтому мы поставили перед собой цель представить общую типологию булавок, обнаруженных на памятниках сапаллинской культуры.

Результаты

Украшения, найденные на памятниках культуры Сапалли, в зависимости от того, на какой части тела человека их носят, делятся на следующие классы: украшения, предназначенные для головы; украшения для шеи; украшения, которые носят на руке.

К классу украшений, предназначенных для головы, относятся такие украшения, как булавки, диадема, серьги. Этот класс, в свою очередь, делится на два: украшения для волос (булавки и диадемы), украшения для ушей (серьги).

Типология булавок. Всего было изучено 140 булавок, которые были найдены на памятниках сапаллинской культуры, и по форме изготовления наверший их можно разделить на девять типов²:

I тип – булавки, состоящие из палочек и отдельных частей поммеля³;

II тип – булавки, навершия которых украшены мифологическими или аллегорическими фигурами;

III тип – булавки с конусовидным навершием;

IV тип – булавки с навершием в форме биконуса;

V тип – булавки с круглым навершием вертикального разреза;

VI тип – булавки с навершием крестовидной формы;

VII тип – булавки сложного композиционного состава;

VIII тип – булавки с навершием в форме рулона;

IX тип – булавки с навершием неопределённой формы.

I тип. Булавки, состоящие из палочек и отдельных частей поммеля (рис. 3). Эти булавки по форме подразделяются на пять вариантов: 1. Булавка-печать плоская, с овальной поверхностью, с изображением горного козла, выполненного резьбой на лицевой поверхности; 2. Булавка-печать в виде розеток; 3. Булавки-печати с навершием в форме звёздочки; 4. Булавки-печати с плоским навершием, круглой поверхностью и рельефным изображением; 5. Булавки-печати с плоским навершием квадратной формы.

I.1. Булавки-печати плоские, с овальной поверхностью, с изображением горного козла, выполненного резьбой на лицевой поверхности. Один экземпляр булавки этого типа на месте памятников культуры Сапалли обнаружен в захоронении № 545 на кладбище Джаркутан 4А (Аскарров и др., 1983, с. 120, табл. 32, 5; Kaniuth, 2006, p. 107, ab. 143). Длина этой бронзовой булавки 94 мм; ширина поммеля 22 мм; диаметр 3 мм. На территории Средней Азии самый ранний образец булавки с изображением горного козла был обнаружен в Алтынтепа (Намазгах V), аналогичные образцы встречаются на памятниках Келлели IV и Шахр-и Сухта (III период) (Kaniuth, 2006, p. 107).

I.2. Булавки-печати в виде розеток. На памятниках сапаллинской культуры изучено 11 экземпляров булавок-печатей (Аскарров, 1973, с. 98, 170, табл. 26: 23, табл. 32: 7; Аскарров и др., 1975, с. 80. рис. 3: 15; Аскарров, 1977, с. 77. табл. 40: 8, 9; Аскарров и др., 1983, с. 20, табл. 32: 1, 9; табл. 34: 1, 2; табл. 35: 4; Kaniuth, 2006, p. 107–108, ab. 144, 145, 147–152; Avanesova, 2016, p. 173, plate. 77: 9), которые по коли-

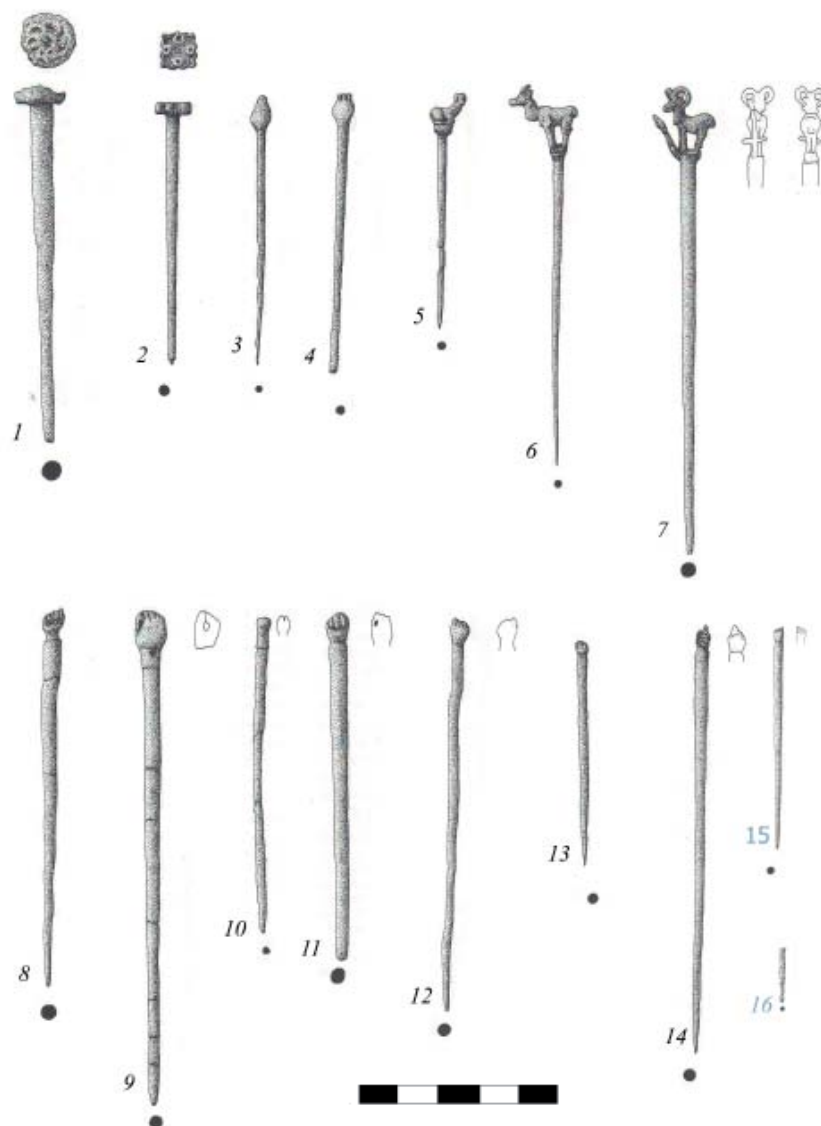

Рис. 4. 1 – булавки-печати с плоским навершием, круглой поверхностью и рельефным изображением; 2 – булавки-печати с плоским навершием квадратной формы; 3–4 – булавки с навершием в форме бутона, зёрнышка или плода; 5–7 – булавки зооморфной формы; 8–16 – булавки с навершием в виде кулака (Kaniuth, 2006, 108–109, 111–113, 129. Ab. 146, 148; 160–162; 163–173; 275, 278).

Fig. 4. 1 – signet-pin with a flat head part, a round surface and a relief image; 2 – signet-pin with a flat head part of a square shape; 3–4 – pins with a head part in the shape of a bud, seed or fruit; 5–7 – pins of zoomorphic shape; 8–16 – pins with a fist-shaped head part (Kaniuth, 2006, 108–109, 111–113, 129. Ab. 146, 148; 160–162; 163–173; 275, 278).

честву розетковидных лепестков, изготовленных на поммеле, делятся на шести-, семи- и восьмилепестковые⁴. Подобные образцы булавок-печатей встречаются на памятниках бронзового века Месопотамии (Ур III) (Емельянов, 2001, с. 112), Южного Туркменистана (Ашхабад (Намазгах VI), Тахирбай III (Намазгах VI) и Ирана (Гиссар III, Шахтепа II) (Кузьмина,

1966, с. 83, табл. 16: 9, 10, 11). Булавки такого типа впервые были найдены на территории Месопотамии, и это указывает на то, что такая форма булавок была характерна для этой местности. Позже, в результате торговых и культурных контактов, миграции, их стали изготавливать ювелиры Ирана, Южной Туркмении и Южного Узбекистана.

I.3. Булавки-печати с навершием в форме звезды. На памятниках культуры Сапалли было найдено всего семь образцов булавок-печатей, изготовленных с навершием в форме звёздочки с шестью, семью и восемью лучами⁵. Шестиконечная звезда называется гексаграммой, а восьмиконечная звезда – октаграммой. В геральдике октаграмма представляет собой двойной или двусторонний крест с равными концами, а у финно-угорских народов она считалась символом возрождения, славы и света. Булавки-печати с навершием в форме звёздочки считаются типичными для бактрийской культуры, а форма восьмиконечной звезды встречается на булавках для волос и печатях, найденных в Сополлитепа, Джаркутане и Дашли III (Северный Афганистан) (Аскарлов, 1973, с. 98, 170, табл. 24: 35; 32: 9; Сарияниди, 1977, с. 80, табл. 1, 2; Kaniuth, 2006, p. 109, ab. 155; Шайдуллаев, 2017, б. 81, расм. 27).

I.4. Булавки-печати с плоским навершием, круглой поверхностью и рельефным изображением (рис. 4: 1). Один из образцов булавок-печатей этого типа был найден на памятнике Джаркутан (Аскарлов и др., 1983, с. 20, табл. 34: 8; Kaniuth, 2006, p. 108–109, ab. 148). Длина этой бронзовой булавки составляет 15 см., ширина навершия – 22 мм, диаметр – 8 мм. По технологии изготовления булавка такой формы считается одной из булавок, присущих местной бактрийской культуре.

I.5. Булавки с навершием в форме бутона, зёрнышка или плода (рис. 4: 3, 4). Известны три вида таких булавок, два из которых были найдены в Сапаллитепа, а один – в Джаркутане. Одна из булавок, найденных в Сапаллитепа, имеет округлую головку, напоминающую по форме хлопковое семя (Аскарлов, 1977, с. 77, табл. 36: 3). На наш взгляд, люди, занимавшиеся искусственным орошаемым земле-

делием, пытались отобразить форму известных им растений и в украшениях. Навершие второй булавки, найденной в Сапаллитепа, имеет форму бутона опийного мака (Аскарлов и др., 1975, с. 73. рис. 1, 9; Аскарлов, 1977, с. 205, табл. 41:16), точно такая булавка встречается и на памятнике Джаркутан (Аскарлов и др., 1983, с. 20, табл. 35: 13). По нашему мнению, эта форма больше похожа на форму раскрывающейся хлопковой коробочки, чем на изображение опийного мака. Согласно исследованиям, проведенным в последние годы, хлопчатник был одной из основных сельскохозяйственных культур жителей Сапаллитепа (Аскарлов и др., 2020, с. 6), а мастера-ювелиры пытались отразить это в ремесленных изделиях, особенно в украшениях.

I.6. Булавки-печати с плоским навершием квадратной формы (рис. 4: 2). Единственный образец булавки-печати такой формы был найден в захоронении № 49 на кладбище Джаркутан 4А (Аскарлов, 1977, с. 87, табл. 67: 1; Аскарлов и др., 1983, с. 24, табл. 45: 1; Kaniuth, 2006, p. 108–109, ab. 146). Длина этой бронзовой булавки равна 11 см, ширина – 16 мм, диаметр – 4 мм. Четыре круга внутри квадрата образуют крест. Квадрат часто выражается как «четырёхугольник» (греч. тетрагон) и является знаком, показывающим четыре стороны света (Бидерманн, 1996, с. 112). Множество образцов такой формы встречаются среди печатей и амулетов, обнаруженных на памятниках эпохи бронзы Средней Азии. Печати-талисманы плоской квадратной формы встречаются на памятниках Маргианы и Тоголока 21 (Сарияниди, 1990, с. 236, 253, табл. 31: 3; 48: 3), что указывает на их принадлежность к культуре БМАК.

II тип – булавки, навершия которых украшены мифологическими или аллегорическими фигурами. Этот тип, в

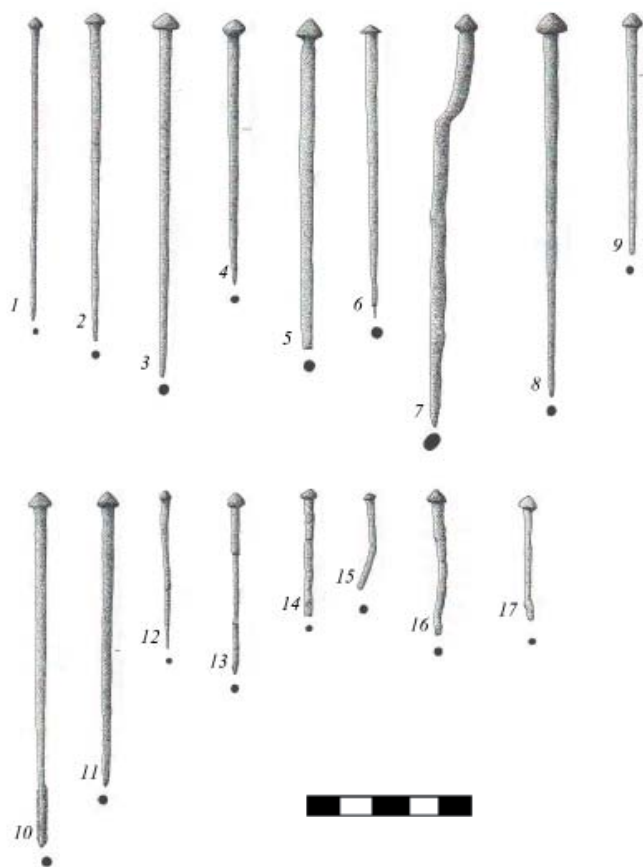

Рис. 5. Булавки с конусовидным навершием (Kaniuth, 2006, 117–118. Ab. 195–211).

Fig. 5. Pins with a cone-shaped part (Kaniuth, 2006, 117–118. Ab. 195–211).

свою очередь, делится на два подтипа: первый тип – булавки зооморфной формы; второй тип – булавки с навершием в виде кулака.

II.1. Булавки зооморфной формы (рис. 4: 5, 7). Всего исследовано три образца такой формы булавки, которые состоят из двух частей: статуэтка животного и палочка круглой формы. Первая булавка обнаружена на памятнике Сапаллитепа, в навершии палочки установлена маленькая фигурка горного козла в вертикальном положении (Аскарлов, 1977, с. 77, табл. 41: 1; Kaniuth, 2006, p. 111, ab. 162). Два других были найдены на памятнике Джаркутан (Аскарлов, 1977, с. 83, табл. 56: 5, 6; Аскарлов и др., 1983, с. 19, табл. 21: 1; Kaniuth, 2006, p. 111, ab. 160, 161), в навершии первой булавки установлена статуэтка отдыхающего барана, а на навершии второй булавки – статуэтка стоящей козы. Булавки с головками в форме статуэток горного козла и барана были очень известны

в Бактрии, Маргиане, которые были обнаружены в погребениях Гонуртепе (пять образцов) (Sarianidi, 2007, p. 118, fig. 100, 103, 105; Дубова, 2008, с. 104, рис. 39; Sarianidi et al., 2020, p. 150, 157) и Бактрии (5 экз.) (Сарианиди, 1977, с. 84, рис. 43, 5, 6, 10, 11, 12). Самый ранний образец булавки, изготовленной в такой форме, относится к периоду позднего энеолита и был найден на памятнике Сузы II на Иранском плато (Javier, 2020, p. 137, plate. 25, e). Образец булавки для волос со статуэткой стоящего барана (с длинными загнутыми рогами) также был обнаружен и изучен на могильнике Сазагон, памятнике бронзового века Зарафшанской долины (Аванесова, 2010, с. 344, рис. 2, 1). То, что булавки с навершиями в форме горного козла и барана встречаются в основном в Средней Азии, связано с мифологией жителей этого региона эпохи бронзы и свидетельствует о том, что горный козел и баран были для них тотемны-

ми животными.

II.2. Булавки с навершием в форме кулака (рис. 4: 8, 16). Всего изучено 11 образцов этой формы булавок (Аскаров, 1973, с. 98, табл. 26: 24, 25; табл. 32: 8; Аскаров, 1977, с. 77, 83, табл. 34: 6; 35: 5; 40: 5, 6; 41: 2,3,4; 56: 4; Аскаров и др., 1983, с. 19–20, табл. 34: 6; табл. 35: 5; Kaniuth, 2006, p. 111–113, ab. 163–173; Kaniuth, 2007, fig. 5), если у некоторых из них четыре пальца сомкнуты в виде кулака, то у других – пять пальцев. С древних времен рука являлась одной из основных составляющих, связанных с производительностью труда, урожайностью полей, благосостоянием людей (Лунева, 2002, с. 284–299). Сомкнутые пять пальцев считались символом силы, победы, плодородия, исцеления (Лунева, 2009, с. 210). Булавки с навершием в виде кулака характерны в основном для бактрийской и маргианской культур и, кроме Сапаллитепа и Джаркутана, обнаружены также на памятнике Гонур 1 (Рузанов, 2013, с. 147).

III тип – булавки с конусовидным навершием (рис. 5). Всего изучено 29 образцов булавок такой формы, 25 из которых были обнаружены на памятнике Джаркутан (Аскаров, 1977, с. 83, табл. 57: 4, 5, 6; 67: 3; Аскаров и др., 1983, с. 19, табл. 34: 3, 4, 5; 35: 7, 8, 12; 45: 4; Kaniuth, 2006, p. 117, ab. 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211), три булавки – на памятнике Бустон VI (Avanesova, 2016, p. 53, 56, 523, plate. 31: 5; 38: 8; 4:3), одна булавка – на памятнике Бустон VII (Avanesova et al., 2015, p. 43, Fig. 2). Булавки с конусообразным навершием – один из самых распространенных типов булавок в Средней Азии, а самый ранний образец был обнаружен на памятнике Геоксур (Южный Туркменистан) (Luneau, 2010, vol. 2, p. 225; Luneau, 2010, vol. 3, p. 200, fig. 398). Аналогичные образцы встречаются на па-

мятниках Алтынтепа (Массон, 1981; Кирчо, 2001, с. 67), Келлели III, Гонур I, Тохирбай III, Тоголок V, Изат-Кули (Рузанов, 2013, с. 144–145, рис. 120), Гонуртепа (Sarianidi, 2007, p. 90–91, fig. 107, 109), Дашли I–III (Сарианиди, 1977, с. 84, рис. 42, 6; 44, 10), Шахдод (Накеми, 1997, p. 651, 653), Каратепа, Анау, Тепа Гиссар, Тепа Сиалк (Кузьмина, 1966, с. 76–77). В культуре Сапалли булавки такой формы встречаются в захоронениях на этапах Кузали, Мулали, Бустон.

IV тип. Булавки с навершием в форме биконуса (рис. 6). Всего было изучено 15 образцов этой формы булавок (Аскаров, 1973, с. 98, табл. 26: 13; Аскаров, 1977, с. 77, табл. 41: 7; Kaniuth, 2006, p. 116, ab. 187–194; Avanesova, 2016, p. 98, 130, 261, 266, plate. 2: 6; 34: 16; 18: 1; 23: 10; НА «Самаркандский институт археологии АН РУз», ф. 5, д. 161, л. 49; НА «Самаркандский институт археологии АН РУз», ф. 5, д. 226, л. 180)⁶, и если исследователь Н.А. Аванесова булавки такой формы назвала «булавки с грибовидными шляпками» (Avanesova, 2016, p. 54), то такие исследователи, как А.А. Аскаров и В.Д. Рузанов, называли их «булавки с биконическими шляпками» (Аскаров, 1977, с. 77–78; Рузанов, 2013, с. 145–146). Поскольку эта форма частично напоминает форму конуса, мы предпочитаем называть этот тип «булавками с навершием биконической формы». Булавки такого типа считаются широко распространенными на территории Бактрии (Дашли III) (Сарианиди, 1977, с. 84, рис. 42: 2; 44: 11) и Маргианы (Келлели III, Гонур I, Одам Боскан III–IV, Тохирбай III, Тоголок 21) (Рузанов, 2013, с. 145–146, рис. 120, 14–18).

V тип – булавки с круглым навершием вертикального разреза (рис. 8). Всего было изучено 14 образцов этой формы булавок (Аскаров, 1973, с. 98, табл. 26: 26; 32: 17; Аскаров и др., 1975, с. 74, рис. 2: 1, 22; Аскаров,

Рис. 6. Булавки с навершием в форме биконуса (Kaniuth, 2006, 116. Ab. 187–194).

Fig. 6. Pins with a biconical head part (Kaniuth, 2006, 116. Ab. 187–194).

1977, с. 77, табл. 40: 1, 2, 3, 4; 41: 5; Аскарлов и др., 1983, с. 24, табл. 35: 1, 2; 45: 3; Kaniuth, 2006, p. 114–115, ab. 174–186; Avanesova, 2016, p. 255, plate. 12. 8). Булавки именно такой формы считались широко распространённым типом булавок на территории Бактрии (Дашли III) (Сарианиди, 1977, с. 84, рис. 44: 7–9, 12) и Маргианы (Тохирбай III, Сумбар I, Гонуртепа) (Рузанов, 2013, с. 146–147, рис. 121, 1–16; Sarianidi et al., 2020, p. 77). Навершие булавки, найденной в Гонуртепа, был изготовлен из лазурита.

VI тип – булавки с навершием крестовидной формы. Всего два образца булавок такого типа были найдены на памятнике Джаркутан (рис. 7: 9, 10) (Аскарлов А. и др., 1983, с. 102, табл. 32: 7; Хуфф и др., 1999, с. 19–26, рис. 3; Kaniuth, 2006, p. 119, ab. 212, 213). Навершие булавок такой формы состоит из двух вертикальных металлических стержней, соединённых под прямым углом друг к другу, а в центральной части был размещён круглый шарик из металла. Такая форма придает навершию булавок, если

смотреть сверху, форму креста. Изображение креста является одним из наиболее распространенных изображений на печатях и амулетах Ирана и Средней Азии. Подобные образцы крестообразных булавок встречаются на памятниках Гонуртепа (Сарианиди, 2007, с. 88, рис. 98), Ашхабада и Таиптепа X (Рузанов, 2013, с. 147, рис. 121, 19, 22).

VII тип – булавки сложного композиционного состава. Всего изучено три образца этой формы булавок (рис. 7: 11–13), из которых один был найден на памятнике Сапаллитепа (Аскарлов и др., 1975, с. 73, рис. 1. 10; Аскарлов, 1977, с. 77, табл. 40, 6; Kaniuth, 2006, p. 120, ab. 217), два из них – из памятника Джаркутан (Аскарлов и др., 1983, с. 20, 24, табл. 34: 7; 45: 2; Аскарлов, 1977, с. 87, табл. 67: 4; Kaniuth, 2006, p. 120, ab. 216, 218; Kattayeva, 2021, p. 539–555). Булавки такого типа состоят из трёх частей: круглой длинной палочки, поммеля круглой формы и бусин различной формы из агата, бронзы и ляпис-лазурита. Эти три части вместе образуют сложную

Рис. 7. 9–10 – булавки с навершием крестовидной формы; 11–13 – булавки сложного композиционного состава; 14–15 – булавки с навершием в форме рулона; 16–20 – булавки с навершием неопределённой формы (Kaniuth, 2006, 119–121. Ab. 212–213; 216–218; 214–215; 219–223).

Fig. 7. 9–10 – pins with a cross-shaped head part; 11–13 – pins of compound composite form; 14–15 – pins with a roll-shaped head part; 16–20 – pins with a pommel of indeterminate shape (Kaniuth, 2006, 119–121. Ab. 212–213; 216–218; 214–215; 219–223).

композиционную структуру. Длина булавки, найденной на памятнике Сапаллитепа, составляет 74 мм, ширина – 7 мм, диаметр – 5 мм, а к поммелю прикреплены агатовые, бронзовые и ляпис-лазуриновые бусинки. Длина первой булавки, найденной на памятнике Джаркутан, составляет 79 мм, ширина – 6 мм, диаметр – 3 мм, к поммелю прикреплена агатовая бусинка цилиндрической формы, а длина второй булавки 170 мм, диаметр 6 мм, к поммелю прикреплены пять бусин цилиндрической формы, изготовленных из различных драгоценных камней. Поэтому некоторые исследователи на-

зывают этот тип булавок «булавками, инкрустированными узорами» (Аскарров и др., 1983, с. 20; Рузанов, 2013, с. 147) или «булавками, колпачки которых украшены драгоценными или полудрагоценными камнями» (Лунева, 2009, с. 19).

На памятнике Гонуртепа в Южном Туркменистане также найдены несколько экземпляров такого типа булавок, которые в основном изготавливались из гипса, кости, лазурита, серебра, меди-бронзы. В частности, в захоронении № 1867 в Гонуртепа были найдены две булавки, три части которых имели четыре грани. Одна из

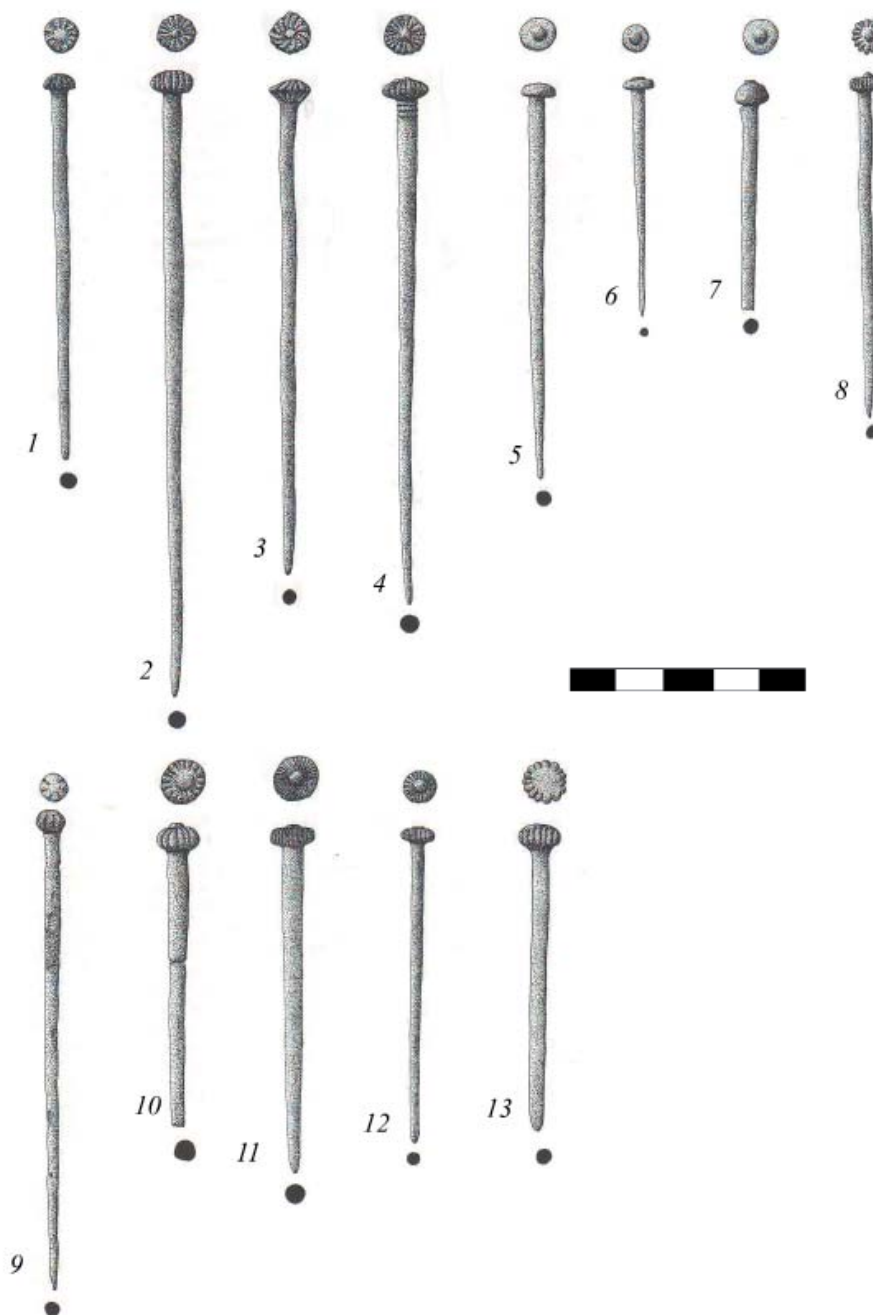

Рис. 8. Булавки с круглым навершием вертикального разреза (Kaniuth, 2006, 114–115. Abb. 174–186).

Fig. 8. Pins with a round head part of a vertical cut (Kaniuth, 2006, 114–115. Abb. 174–186).

них изготовлена из мрамора с каплевидной пуговицей из лазурита на её верхней части. А второй полностью сделан из лазурита (Sarianidi, 2007, p. 88, fig. 98, 99). Такой тип булавок очень известен на территории Маргианы, а география их распространения соответствует Северо-Западному Ирану – Шахдаду (Накеми, 1997, p. 653), Анатолии (Алача-Гуюк и Багазкой),

Сирии и территории Элама в Малой Азии (Sarianidi, 2007, p. 88).

VIII тип – булавки с навершием в форме рулона. Из памятников сапаллинской культуры три образца булавок с навершием в форме рулона были найдены на памятнике Джаркутан (рис. 7: 14, 15) (Kaniuth, 2006, p. 119, ab. 214–215; НА «Самаркандский институт археологии АН РУз», ф. 5, оп.

1, д. 224, л. 20). Длина булавки 107 мм, диаметр 8 мм. Наиболее ранние образцы булавок с навершием в форме рулона были обнаружены во II культурном слое памятника Анау (Южный Туркменистан, Намазгах I, II). То, что аналогичные образцы встречаются в Гелоте (Южный Таджикистан) (Vinogradova, 2020, p. 652, fig. 23: 15, 7), ещё больше на памятниках Тилькинтепа, Монджуклитепа, Тепа Сиалк, Шахтепа III, Гиссар III (Восточный Иран) (Кузьмина, 1966, с. 83, табл. 16: 33, 34, 51), свидетельствует о том, что булавки такой формы были привнесены на памятник Джаркутан в результате торговых и культурных отношений.

IX тип – булавки с навершием неопределённой формы. Всего было изучено 29 образцов булавок такой формы (рис. 7: 16, 17, 18, 19, 20), четыре из которых были найдены на памятнике Сапаллитепа (Аскаров, 1973, с. 98, табл. 26: 31; 32: 19, 20; Аскаров и др., 1975, с. 74, 80, рис. 2: 3, 24; 3: 14; Аскаров, 1977, с. 77, табл. 41: 10; 33: 13; Kaniuth, 2006, p. 121, ab. 222, 223), 24 булавки – на памятнике Джаркутан (Kaniuth, 2006, p. 120–121, ab. 219, 220, 221), одна булавка – на памятнике Мулалитепа (НА «Самаркандский институт археологии АН РУз»), две булавки – на памятнике Бустон VI (Avanesova, 2016, p. 62–63, 81, plate. 53: 7; 97: 8). Булавки такой формы изготавливались мастерами-ювелирами в виде простой круглой палки, и, возможно, по какой-то причине их навершия были сломаны.

X тип – булавки с навершием в форме спатулы (плоская, ровная). В исследуемых нами памятниках культуры всего было изучено восемь образцов булавок такой формы (Аскаров, 1973, с. 98, табл. 26, 27, 28, 32, 33, 35; Аскаров и др., 1983, с. 20, табл. 35: 6; НА «Самаркандский институт археологии АН РУз», ф. 5, оп. 1, д. 225, л. 23; Kaniuth et al., 2011, p. 275,

ab. 15), а самые первые их экземпляры были найдены на памятниках эпохи позднего энеолита (Намазгах II) и бронзового века (Намазгах V–VI) III–II тысячелетий до н. э. на территории Южного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана. Также похожие образцы встречаются на памятниках Каратепе, Алтынтепа, Гиссар III, Мундигак IV (Кузьмина, 1966, с. 77, табл. 16: 16–21), Ранний Тулхор, Дашли I–III, Шортугай, Заманбаба, Шагим (Luneau, 2010, vol. 2, p. 224; Luneau, 2010, vol. 3, p. 200, fig. 397).

Заключение. Представители культуры Сапалли эпохи поздней бронзы, которая является северобактрийским вариантом цивилизации Окса, считались весьма умелыми людьми, в равной степени развивавшими все виды ремёсел. В хронологическом отношении культура Сапалли датирована 2150–1300 годами до н. э. С 1969 по 2013 год на таких памятниках сапаллинской культуры, как Сапаллитепа, Джаркутан, Мулалитепа, Бустон VI и VII, Тиллабулак, было обнаружено в общей сложности более 140 булавок. Сведения о первоначальной типологии этих булавок приводятся в исследованиях А.А. Аскарова, В.В. Луневой, В.Д. Рузанова, К. Каниута, Н.А. Аванесовой, Э. Люно. В нашем исследовании по форме изготовления наверший мы указали на девять типов булавок: I тип – булавки, состоящие из палочек и отдельных частей поммеля; II тип – булавки, навершия которых украшены мифологическими или аллегорическими фигурами; III тип – булавки с конусовидным навершием; IV тип – булавки с навершием в форме биконуса; V тип – булавки с круглым навершием вертикального разреза; VI тип – булавки с навершием крестовидной формы; VII тип – булавки сложного композиционного состава; VIII тип – булавки с навершием в форме рулона; IX тип – булавки с навершием

неопределённой формы. Исследования показывают, что на сапаллинском и джаркутанском этапах культуры Сапалли в основном использовались булавки-печати с навершием в форме розетки и звёздочки, булавки в форме кулака, с круглым навершием, обозначенным вертикальными надрезами, и булавки с навершием зооморфной формы, и они в основном принадлежат к местной школе бактрийского и маргианского искусства, а начиная с этапа Кузали памятника Джаркутан стали больше использоваться булавки с коническим и биконическим навершием, и это продолжалось до этапа Бустон. Булавки отличались друг от друга и по своим функциям. В частности, булавки для волос в основном выполняли задачу расчесывания и украшения волос различными способами, а заколки выполняли такие задачи, как украшение для волос, для фиксации шапки или головного убора. Кроме этого, заколки с розетковид-

ным навершием, навершием в форме звёздочки, овальной и четырёхугольной формы, в свою очередь, служили также печатями, а булавки для волос с зооморфными фигурками в навершии связаны с мифологическими и религиозными верованиями жителей этой культуры. Булавки отражали не только мифологическое, но и религиозное мировоззрение жителей этой культуры. Например, если рука человека, изображённая на булавках в форме кулака, считалась символом производительности труда, урожайности, благосостояния, то прямоугольник – знаком, указывающим на четыре стороны света. А булавки, на навершии которых нашли отражение образцы зооморфной скульптуры (горный козёл, баран, олень), были связаны с религиозным мировоззрением жителей культуры Сапалли. Именно это стало причиной частого использования жителями этого вида украшений.

Примечания

¹ Центральная Азия считается природной областью в глубине Азиатского континента, её северная и западная окраина окружена Монголией, государственной границей между КНР и Российской Федерацией, на востоке Большим Хинганом, а южная граница проходит по реке Цангпо (Брахмапутра) в Тибете и верхней части реки Инд. В этот регион входят территории таких независимых государств, как Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, а также, по определению ЮНЕСКО, Афганистан, северо-восточный Иран, север Индии, запад Китая, Монголия и Пакистан.

² 33 из 140 булавок были найдены на памятнике Сапаллитепа, 94 – на памятнике Джаркутан, 11 – на памятнике Бустон VI, одна – на памятнике Бустон VII, и одна – на памятнике Мулалитепа.

³ Поммель – навершие булавки.

⁴ Три из 11 розетковидных булавок для волос были найдены на памятнике Сапаллитепа, семь – на памятнике Джаркутан, одна – на памятнике Бустон VI.

⁵ Четыре из этих булавок найдены на Сапаллитепа, три – на Джаркутане.

⁶ Одна из этих булавок обнаружена на памятнике Сапаллитепа, 10 – на Джаркутане, 4 – на Бустон VI.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесова Н.А.* Зерафшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сариниди / Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3 / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб.: Алетей, 2010. С. 334–364.
2. *Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.
3. *Аскарлов А.* Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
4. *Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. 122 с.
5. *Аскарлов А., Абдуразаков А., Богданова-Березовская И.В., Рузанов В.Д.* Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепа // История матери-

альной культуры Узбекистана. Вып. 12 / Отв. ред. В.А. Шишкин. Ташкент: Институт археологии АН РУз, 1975. С. 72–84.

6. *Аскарлов А., Жоу Синг, Хасанов М.* Ипак ва пахта 4 минг йиллик тарихга эга // Янги Ўзбекистон. 124-сон. Тошкент, 2020. Б. 6.

7. *Асқаров А.А., Шайдуллаев Ш.Б.* Бактриянинг бронза ва илк темир даври маданиялари хронологияси // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда / Масъул муҳаррир А.А. Анорбоев. Тошкент: Фан, 2005. Б. 36–47.

8. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.

9. *Дубова Н.А.* Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2 / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2008. С. 94–104.

10. *Емельянов В.В.* Древний Шумер: очерки культуры. С.Пб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 368 с.

11. *Каттаева Г.Ч.* Ювелирные изделия Сапаллинской культуры. Автореф. дисс.... докт. философии (PhD) по ист. наукам. Термиз, 2022. 60 с.

12. *Кирчо Л.Б.* Металлические изделия Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 5 / Отв. ред. Л.Б. Кирчо. СПб: Петербургскоекомстат, 2001. С. 60–84.

13. *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии / САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 152 с.

14. *Лунева В.В.* Истоки ювелирного искусства // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 33 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан, 2002. С. 284–299.

15. *Лунева В.В.* Формирование и развитие ювелирного искусства в среднеазиатском двуречье (III–II тыс. до н. э. – III–IV вв. н. э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 2009.

16. *Массон В.М.* Алтын-Депе // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 176 с.

17. *Мустафакулов С.И., Сармьенто Б.Х., Хасанов М., Люилье Ж., Сармьенто Д.* Отчёт о проведении полевых исследований на памятнике эпохи бронзы Джаркутане 2008 год. Самарканд, 2009 / Архив Института археологии им. Я.Г. Гулямова АН УзР. Ф. 5. Оп. 1. № 224.

18. *Мустафакулов С.И., Сармьенто Б.Х., Хасанов М., Рахмонов У., Люилье Ж., Люно Э., Суер Ж., Жан-Клод Лижер., Молез Д., Керван М.* Отчёт о проведении полевых исследований на памятнике эпохи бронзы Джаркутане 2009 год. Самарканд, 2010. / Архив Института археологии им. Я.Г. Гулямова АН УзР. Ф. 5. Д. 225. Оп. 1.

19. *Мустафакулов С.И., Сармьенто Х.Б., Рахмонов У., Искандерова А., Рахимов К., Люилье Ж., Керван М., Сармьенто Д.* Отчёт о проведении полевых исследований на памятнике эпохи бронзы Джаркутане 2012 году. Отчёт Узбекско-Французской международной археологической экспедиции (УзФМАЭ) за 2012 год. Самарканд, 2013 / Архив Института археологии им. Я.Г. Гулямова АН УзР. Ф. 5. Д. 226.

20. *Мустафоқулов С., Бендесу-Сармьенто Х., Рахмонов У., Люилье Ж., Рахимов К., Дюпон А.* Археологические исследования на Джаркутане в 2013 г. // Археологические исследования в Узбекистане 2013–2014 года. Вып. 10 / Отв. ред. А.Э. Бердимуродов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2016. С. 267–274.

21. *Мустафоқулов С., Бендесу-Сармьенто Х., Рахмонов У., Хасанов М., Люилье Ж., Люне Э.* Полевые работы Узбекско-Французской (MAFOUZ) экспедиции на Джаркутане в 2009–2011 гг. // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 8 / Отв. ред. А.Э. Бердимуродов. – Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2012. С. 203–213.

22. *Рузанов В.Д.* Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2013. 347 с.

23. *Садикова С.А.* История зарождения и совершенствования вязального дела таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2021.

24. *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.

25. *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ёлым, 1990. 316 с.

26. *Сверчков Л., Бороффа Н., Люне Э., Рахманов У.В.* Отчёт Байсунской археологической экспедиции о раскопках поселения Молали в Алтынсайском районе Сурхандарьинской области в 2012 году. Ташкент, 2013 / Архив Института археологии

им. Я.Г. Гулямова АН УзР.

27. *Хамидов О.А.* Шимолий Бактриянинг Кучук I даврига оид янги ёдгорликлари. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертация матни. Тошкент, 2020.

28. *Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б.* Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1999. С. 19–26.

29. *Шайдуллаев А.Ш.* Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагистикаси. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертация матни. Тошкент, 2017.

30. *Шайдуллаев Ш., Хуфф Д., Тойфер М.* Отчёт Шерабадского отряда за 1996 год (Узбекско-Германская Бактрийская экспедиция). Самарканд, 1996 / Архив Института археологии им. Я.Г. Гулямова АН УзР. Фонд. 5. Д. 161.

31. *Avanesova N.A.* Buston VI – the necropolis of fire-worshippers of preurban Bactria. Samarkand, 2016. 634 p.

32. *Avanesova N.A., Kasparov A.R.* The practice of Reinterment at the Buston VII Necropolis // Bulletin of IICAS, Volume 21. Samarkand, 2015. P. 27–54.

33. *Luneau E.* L'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1750-1500/1450 avant n.è.): la fin de la civilisation de l'Oxus. Volume 3: Illustration, Archéologie et Préhistoire. Université Panthéon-Sorbonne – Paris I-Français, 2010.

34. *Luneau E.* L'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1750-1500/1450 avant n.è.): la fin de la civilisation de l'Oxus. Volume 2: Annexes, Archéologie et Préhistoire. Université Panthéon-Sorbonne – Paris I-Français, 2010.

35. *Hakemi, Ali.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran // Reports and memoirs. Vol. XXVII. ISMEO-ROME, 1997. 721 p.

36. *Javier Álvarez-Mon.* The Art of Elamca. 4200-525 BC. Routledge-London, 2020. 688 p.

37. *Kaniuth K.* Life in the countryside. The rural archaeology of the Sapalli culture // Lyonnet B., Dubova, N.A. (Eds.). The World of the Oxus Civilization (1st ed.). Routledge-London, 2020. P. 457–487.

38. *Kaniuth K.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // AMIT. Band 6. Berlin, 2006. 259 p.

39. *Kaniuth K.* The metallurgy of the Late bronze age Sapalli Culture (Southern Uzbekistan) and its implications for the “Tin Question” // Iranica Antiqua, Vol. XLII, 2007. P. 23–40.

40. *Kaniuth K., Gruber M., Kurbangaliev A., Sollee A.* Tilla Bulak – 2010 Vorbericht über die vierte Grabungskampagne // AMIT. Band 43. Berlin, 2011. P. 261–282.

41. *Kaniuth K.* A New Late Bronze Age site in Southern Uzbekistan. South Asian Archaeology 2007. Proceedings of the 19th International Conference of the European Association of South Asian Archaeology Ravenna, Italy, 2–6 July 2007. Volume I: Prehistoric Periods. England, 2013. P. 151–155.

42. *Kattayeva G.Ch.* The Lapis Lazuli Beads In Sapalli Culture And Ancient Near East // The American Journal of Social Science and Education Innovations. Volume 3. Issue 1. USA, 2021. P. 539–555.

43. *Miroshnikov L.I.* Appendix: A note on the meaning of the term Central Asia as used in this book // Dani A.H., Masson V.M. (Eds.) History of Civilization of Central Asia. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. Paris, 1992. P. 477–480.

44. *Sarianidi V.I.* Necropolis of Gonur / English translation by Inna Sarianidi. Greece, 2007. 329 p.

45. *Sarianidi V.I., Dubova N.A., Samurskiy K.S.* Treasures of ancient Margiana. Photoalbum. Moscow, 2020. 180 p.

46. *Sherrow V.* Encyclopedia of hair: a cultural history. Greenwood publishing group. London, 2006. P. 1–11.

47. *Vinogradova N.M.* The formation of the Oxus civilization / ВМАС in Southwestern Tajikistan // Lyonnet, B., Dubova, N. A. (Eds.). The World of the Oxus Civilization (1st ed.). Routledge-London, 2020. P. 635–664.

Информация об авторах:

Хамидов Одилжон Абдувохидович, доктор философии (PhD) по историческим наукам, руководитель научного отдела, доцент. Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); odiljonkhamidov@tersu.uz

Каттаева Гулмира Чориевна, доктор философии (PhD) по историческим наукам, старший преподаватель. Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); kattayevag@tersu.uz

THE TYPOLOGY OF PINS OF SAPALLI CULTURE

O.A. Khamidov., G.Ch. Kattaeva

In the 70s of the twentieth century, the Sapalli culture of the Bronze Age (2200–1300 BC) that was formed on the territory of Northern Bactria was introduced into scientific discourse, based on studied sources in the direction of historical and archaeological research. The inhabitants of the Sapalli culture were considered extremely skilled in handicrafts in addition to farming and animal husbandry. Among the types of crafts (ceramics, construction, blacksmithing, etc.), jewelry making is especially distinguished by its unique types and forms. The pins that form the basis of jewelry found in the monuments of the Sapalli culture are an important material source for illuminating the culture of the Bronze Age of the people of Central Asia, and, they embody the lifestyle, culture, art, and traditions of the people of the Bronze Age. In addition to other types of jewelry (earrings, diadems, beads, necklaces, bracelets, amulets, rings, and bracelets), many examples of beads have been found in the monuments of Sapallitepe, Djarkutan, Mulalitepe, Bustan VI, VII, Tilla Bulak of Sapalli culture, their typological analysis helps to study their essence in-depth and, the development of their analogues. In this article, more than 140 pins that belong to the class of jewelry for a head identified from the monuments of the Sapalli culture are divided into types, groups, and classes according to the shape of the head part of the pins. Among the types of pins by the shape and purpose, pins with zoomorphic and anthropomorphic figures in the head part, rosette-shaped pins and pins with a star-shaped head part, which are rare artifacts, widespread among the cultures of the Oxus civilization, stand out.

Keywords: archaeology, Sapalli culture, Sapallitepe, Djarkutan, Mulalitepe, Tilla Bulak, Bustan VI-VII, typology of pins, jewelry for a head, zoomorphic figurines, pins with the rosette-shaped head part.

REFERENCES

1. Avanesova, N. A. 2010. In Kozhin, P. M., Kosarev, M. F., Dubova, N. A. (eds.). *Na puti otkrytiya tsivilizatsii. Sbornik statey k 80-letiyu V.I. Sarianidi (On the track of uncovering a civilization. A volume in honor of the 80th anniversary of Victor Sarianidi)*. Series: Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Transactions of Margiana archaeological expedition) 3. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ., 334–364 (in Russian).
2. Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
3. Askarov, A. 1973. *Sapallitepa*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
4. Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
5. Askarov, A., Abdurazakov, A., Bogdanova-Berezovskaya, I. V., Ruzanov, V. D. 1975. In Shishkin, V. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 12. Tashkent: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 72–84 (in Russian).
6. Askarov, A., Zhou, Sing, Xasanov, M. 2020. In *Yangi Yzbekiston (Yangi O'zbekiston)* 124. Toshkent, 6 (in Uzbek).
7. Askarov, A. A., Shaydullaev, Sh. B. 2005. In Anorbaev, A. A. (ed.). *Yzbekiston tarikhi moddiy madaniyat va ezma manbalarda (History of Uzbekistan in Archaeological and Written Sources)*. Toshkent: "Fon" Publ., 36–47 (in Uzbek).
8. Bidermann, G. 1996. *Entsiklopediya simvolov (Encyclopedia of Symbols)*. Moscow: "Republic" Publ. (in Russian).
9. Dubova, N. A. 2008. In Sarianidi, V. I. (ed.). *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Transactions of Margiana archaeological expedition)* 2. Moscow: "Staryi sad" Publ., 94–104 (in Russian).
10. Emel'yanov, V. V. 2001. *Drevniy Shumer: ocherki kul'tury (Ancient Sumer: essays of culture)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
11. Kattaeva, G. Ch. 2022. *Yuvelirnye izdeliya Sapallinskoy kul'tury (Jewelry Items of Sapalli culture)*. PhD Thesis. Termiz (in Russian).
12. Kircho, L. B. 2001. In Kircho, L. B. (ed.). *Osobennosti proizvodstva poseleniya Altyn-depe v epokhu paleometalla (Peculiarities of Manufacture at the Settlement of Altyn-Depe in the Palaeo-Metallic Epoch)*. Series: Materialy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Materials of the South-Turkmenistan Archaeological Interdisciplinary Expedition). Saint Peters-

burg: “Peterburgkoskomstat” Publ., 60–84 (in Russian).

13. Kuz'mina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Sredney Azii (Metal Articles of the Eneolithic and Bronze Age in Central Asia)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4-9. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

14. Luneva, V. V. 2002. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 33. Tashkent: “Fan” Publ., 284–299 (in Russian).

15. Luneva, V. V. 2009. *Formirovanie i razvitie yuvelirnogo iskusstva v sredneaziatskom dvurech'e (III–II tys. do n.e. – III–IV vv. n.e.) (Formation and development of jewelry art in the Central Asian interfluvium (III–II millennium BC – III–IV centuries AD))*. Doct. Diss. Thesis. Tashkent (in Russian).

16. Masson, V. M. 1981. *Altyn-Depe (Altyn-Depe)* Series Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoj arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) 18. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

17. Mustafakulov, S. I., Sarm'ento, B. Kh., Khasanov, M., Lyuil'e, Zh., Sarmiento, D. 2009. *Otchet o provedenii polevykh issledovaniy na pamyatnike epokhy bronzy Dzharkutane 2008 god (Report on the field research at the Bronze Age site Jarkutan in 2008)*. Samarkand. Archive of the Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences. F. 5. Inv. 1. D. 224 (in Russian).

18. Mustafakulov, S. I., Sarm'ento, B. Kh., Khasanov, M., Rakhmonov, U., Lyuil'e, Zh., Lyuno, E., Suer, Zh., Zhan-Klod, Lizher., Molez, D., Kervan, M. 2010. *Otchet o provedenii polevykh issledovaniy na pamyatnike epokhy bronzy Dzharkutane 2009 god (Report on the field research at the Bronze Age site Jarkutan in 2009)*. Samarkand. Archive of the Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences. F. 5. D. 225. Op. 1 (in Russian).

19. Mustafakulov, S. I., Sarm'ento, B. Kh., Rakhmonov, U., Iskanderova, A., Rakhimov, K., Lyuil'e, Zh., Kervan, M., Sarm'ento, D. 2013. *Otchet o provedenii polevykh issledovaniy na pamyatnike epokhy bronzy Dzharkutane 2012 godu. Oichet Uzbeksko-Frantsuzskoy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy ekspeditsii (UzFMAE) za 2012 god (Report on the field research at the Bronze Age site Jarkutan in 2012. Report of the Uzbek-French international archaeological expedition (UzFIAE) for 2012)*. Samarkand. Archive of the Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences. F. 5. D. 226 (in Russian).

20. Mustafokulov, S., Bendezu-Sarm'ento, Kh., Rakhmonov, U., Lyuil'e, Zh., Rakhimov, K., Dyupon, A. 2016. In Berdimurodov, A. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archaeological researches in Uzbekistan)* 10. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 267–274 (in Russian).

21. Mustafokulov S., Bendezu-Sarm'ento Kh., Rakhmonov U., Khasanov M., Lyuil'e Zh., Lyune E. 2012. In Berdimurodov, A. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archaeological researches in Uzbekistan)* 10. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 203–213 (in Russian).

22. Ruzanov, V. D. 2013. *Metalloobrabotka na yuge Sredney Azii v epokhu bronzy (Metal-working in the South of the Central Asia in the Bronze Age)*. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences (in Russian).

23. Sadikova, S. A. 2021. *Istoriya zarozhdeniya i sovershenstvovaniya vyazal'nogo dela tadjikov (IV tysyacheletie do n.e. – pervaya polovina XX v.) (History of the origin and development of the knitting craft of the Tajiks (IV millennium BC – the first half of the XX century))*. PhD Thesis. Dushanbe (in Russian).

24. Sarianidi, V. I. 1977. *Drevnie zemledel'tsy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoy ekspeditsii 1969–1974 gg. (Ancient agriculturalists of Afghanistan. Materials of the Soviet-Afghan expedition 1969–1974)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

25. Sarianidi, V. I. 1990. *Drevnosti strany Margush (Antiquity of Margush country)*. Ashkhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).

26. Sverchkov, L., Boroffka, N., Lyune, E., Rakhmanov, U. V. 2013. *Otchet Baysunskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh poseleniya Molali v Altynsayskom rayone Surkhandar'inskoy oblasti v 2012 godu (Report of the Baysun archaeological expedition on the excavations of the Molali settlement in Oltinsoy district of Surxondaryo region in 2012)*. Tashkent. Archive of the Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences. (in Russian).

27. Khamidov, O. A. 2020. *Shimoliy Baktriyaning Kuchuk I davriga oid yangi edgorliklari (Northern Bactria new monuments of Kuchuk I period)*. PhD Diss. Toshkent (in Uzbek).

28. Khuff, D., Shaydullaev, Sh. B. 1999. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 19–26 (in Russian).

29. Shaydullaev, A. Sh. 2017. *Sopolli madaniyati gliptikasi va sfragistikasi (Glyptics and sphragistics of the Sapalli culture)*. PhD Diss. Toshkent (in Uzbek).

30. Shaydullaev, Sh., Khuff, D., Toyfer, M. 1996. *Otchet Sherabadskego otryada za 1996 god (Uzbeko-Germanskaya Baktriyskaya ekspeditsiya) (Report of the Sherobod detachment for 1996 (Uzbek-German Bactrian expedition))*. Samarkand. Archive of the Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences. F. 5. D. 161 (in Russian).

31. Avanesova, N. A. 2016. *Buston VI – the necropolis of fire-worshippers of preurban Bactria*. Samarkand.

32. Avanesova, N. A., Kasparov, A. R. 2015. In *Bulletin of IICAS* vol. 21. Samarkand, 27–54.
33. Luneau, E. 2010. *L'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1750-1500/1450 avant n.è.): la fin de la civilisation de l'Oxus*. Vol. 3: Illustration, Archéologie et Préhistoire. Université Panthéon-Sorbonne – Paris I-Français, 2010.
34. Luneau, E. 2010. *L'âge du Bronze final en Asie centrale méridionale (1750-1500/1450 avant n.è.): la fin de la civilisation de l'Oxus*. Vol. 2: Annexes, Archéologie et Préhistoire. Université Panthéon-Sorbonne – Paris I-Français, 2010.
35. Hakemi, Ali. 1997. *Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran*. Reports and memoirs. Vol. XXVII. IsMEO-ROME.
36. Javier, Álvarez-Mon. 2020. *The Art of Elamca. 4200-525 BC*. Routledge-London.
37. Kaniuth, K. 2020. In Lyonnet, B., Dubova, N. A. (Eds.). *The World of the Oxus Civilization (1st ed.)*. Routledge-London, 457–487.
38. Kaniuth, K. 2006. Metalobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktien. In *Archäologischemitteilungen aus Iran und Turan*. Band 6. Berlin.
39. Kaniuth, K. 2007. In *Iranica Antiqua*, Vol. XLII, 23–40.
40. Kaniuth, K., Gruber, M., Kurbangaliev, A., Sollee, A. 2011. In *Archäologischemitteilungen aus Iran und Turan*. Band 43. Berlin, 261–282.
41. Kaniuth, K. A 2013. In *South Asian Archaeology 2007. Proceedings of the 19th International Conference of the European Association of South Asian Archaeology Ravenna, Italy, 2–6 July 2007*. Vol. I: Prehistoric Periods. England, 151–155.
42. Kattayeva, G. Ch. 2021. In *The American Journal of Social Science and Education Innovations*. Vol. 3. Iss. 1, 539–555.
43. Miroshnikov, L. I. 1992. In Dani, A. H., Masson, V. M. (Eds.). *History of Civilization of Central Asia. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C.* Paris, 477–480.
44. Sarianidi, V. I. 2007. *Necropolis of Gonur*: English translation by Inna Sarianidi. Greece.
45. Sarianidi, V. I., Dubova, N. A., Samurskiy, K. S. 2020. *Treasures of ancient Margiana*. Photoalbum. Moscow
46. Sherrow, V. 2006. *Encyclopedia of hair: a cultural history*. Greenwood publishing group. London, 1–11.
47. Vinogradova, N. M. 2020. In Lyonnet, B., Dubova, N. A. (Eds.). *The World of the Oxus Civilization (1st ed.)*. Routledge-London, 2020, 635–664.

About the Authors:

Khamidov Odiljon A. Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, Associated Professor. Termez State University, “Barkamol avlod” str., 43 Termez, 190111, Uzbekistan; odiljonkhamidov@tersu.uz

Kattayeva Gulmira Ch. Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences. Termez State University. “Barkamol avlod” str., 43 Termez, 190111, Uzbekistan; kattayevag@tersu.uz

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

**КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ КОЧЕВНИКОВ
АРКТИЧЕСКОЙ ТУНДРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СТОЯНКИ
ХАЛЦЫНЕЙСАЛЯ 1 НА ГЫДАНСКОМ П-ОВЕ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)¹**

© 2023 г. С.Н. Скочина, Ю.В. Костомарова

В работе рассматривается каменный инвентарь стоянки Халцынейсаля 1, расположенной на восточном побережье Обской губы на Гыданском п-ове. Керамический материал, обнаруженный на стоянке, отнесен к тиутейсалинскому типу нижнеобской культуры, бытовавшей у кочевников арктической тундры в период средневековья. Каменный инвентарь представлен скребковидными изделиями, плитками-«наковальнями». Наличие плит в материалах стоянки является довольно редким явлением, в отличие от стабильно встречающихся на памятниках раннего железного века и средневековья арктической зоны Западной Сибири скребковидных изделий. С целью установления функционального назначения обнаруженных плит, был проведен трасологический анализ с экспериментальной верификацией предполагаемых функций. Для установления назначения каменных орудий проведены экспериментальные работы по моделированию следов износа, что позволило получить важные аргументы для обоснования функции изучаемых инструментов.

Ключевые слова: археология, п-ов Гыдан, арктическая тундра, средневековье, каменный инвентарь, экспериментально-трасологический анализ.

Введение

Каменные орудия со средневековых памятников севера Западной Сибири из-за своей малочисленности и слабой репрезентативности довольно редко служили источником отдельного исследования. Однако накопленный к настоящему времени археологический материал с п-ова Ямал и п-ова Гыдан позволяет говорить о важной роли камня в производственной деятельности в период раннего железного века и Средневековья (Федорова и др., 1998, Плеханов, 2014, Карманов 2017, Чикунова и др., 2017). Показательным в этом отношении является комплекс каменных орудий со средневековой стоянки Халцынейсаля 1. Памятник расположен на восточном побережье Обской губы на Гыданском п-ове. В ходе археологических раскопок был изучен культурный слой в виде прокалов площадью около 30 кв. м, насыщенный органикой, углем, костями животных, керамикой, орудиями из камня, кости и рога. При-

знаков стационарных жилых сооружений выявлено не было. Керамический материал отнесен к тиутейсалинскому типу нижнеобской культуры, датируемой в широком диапазоне V–IX вв. (Плеханов, 2013, с. 160; 2017). Полученный каменный инвентарь оказался своеобразным. Типологически он представлен скребковидными изделиями и плитками-«наковальнями», особенностью которых было наличие углубления на рабочей площадке. Присутствие первой группы орудий на стоянке не вызывало вопросов, а плиты с углублением являются нехарактерными для средневековых стоянок, что поставило вопрос об их функциональном назначении, на решение которого был направлен трасологический анализ с экспериментальной верификацией предполагаемых функций.

Методика исследования

Исследование каменного инвентаря базируется на экспериментально-трасологическом методе,

¹ Работа выполнена в рамках госзадания: проект № 121041600045-8.

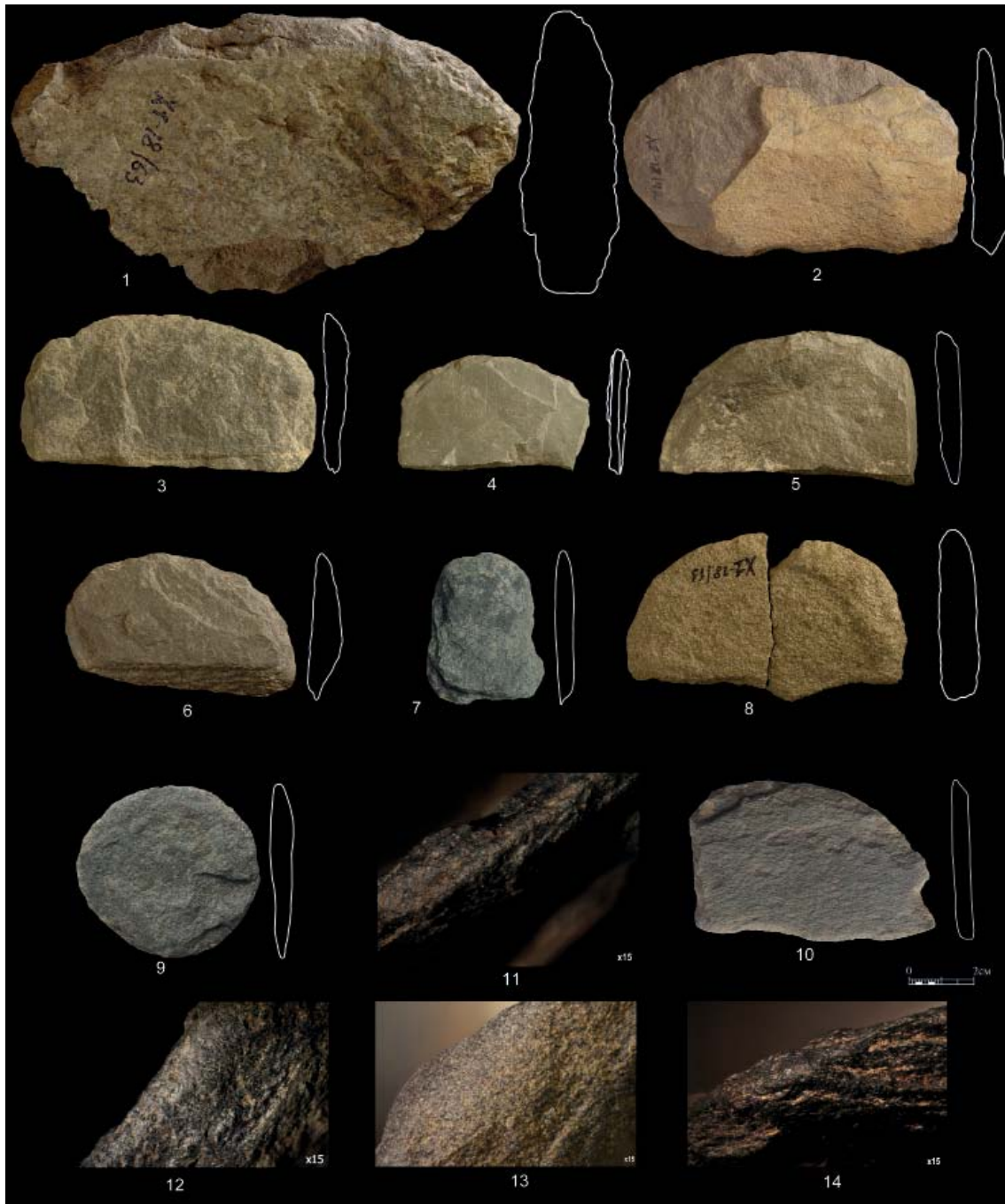

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Халцынейсалья 1.

3, 4, 6–10 – скребки-ножи; 1, 2, 5 – скребки. Увеличение $\times 15$.

11, 12 – сработанность от резания; 13, 14 – сработанность от мездрения.

Fig. 1. Stone tools from the Khaltsyneisalya site 1. 3, 4, 6–10 – scrapers-knives; 1, 2, 5 – scrapers. Magnification $\times 15$. 11, 12 – harmonization from cutting, 13, 14 – harmonization from skinning.

разработанном С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой (Семенов, 1957; Коробкова, 1987, 2001). Трасологический анализ проводился при помощи исследовательского микроскопа Olympus VX-51 с увеличением в 50 раз в темнопольном освещении с ис-

пользованием фотокамеры «ProgRes C10», а также стереоскопического микроскопа МСП-1 с увеличением от 15 до 30 раз с фотокамерой Canon EOS-1100.

Основываясь на результатах коллег, проводивших опыты по исполь-

зованию пестов, отбойников и плит, у которых на рабочей поверхности помимо общей пришлифовки и забитости образовывалось углубление в центре (Загородняя, Степанова, 2012; Степанова, 2015; Загородняя, 2019, с. 115; Dubreuil, 2004; Hamon, Plisson, 2008; Hamon, 2007; Cristiani, Zupancich, 2021; Zupancich, Cristiani, 2020; Gilabert et al., 2015), нами были выдвинуты гипотезы об их возможном функциональном назначении. Контекст стоянки и описанные признаки износа подобных орудий позволили предположить их применение в следующих операциях: расщепление камня с помощью контрудара, дробление кости, дресвы, шамота, руды иковка металлических изделий. Сходные следы утилизации на орудиях были получены в ходе экспериментальных работ, проведенных в разные годы Н.А. Кононенко, В.В. Килейниковым, Н.Ю. Кунгуровой, Е.В. Голубевой (Кононенко, 1987; Пряхин, 1997, с. 80–93; Древнее Устье..., 2013, с. 285–331; Голубева, 2016).

Нами были проведены эксперименты по дроблению дресвы, фрагментов керамики, медной руды, кости, раскалыванию галек, обработке металла. В результате удалось получить эталоны орудий, зафиксировать образовавшиеся следы сработанности и сравнить их со сработанностью на орудиях со стоянки. На экспериментальных орудиях в силу непродолжительного времени (1–3 часа) их использования изменение рельефа рабочей поверхности зафиксировано на начальной стадии.

Характеристика каменного инвентаря стоянки

В качестве исходного сырья для изготовления каменных орудий использовался местный галечник из кварцито-песчаников, песчаников и песчаниковых алевролитов, содержащийся в составе останца первой надпойменной террасы восточного берега Обской Губы, на котором нахо-

дилась стоянка.

Коллекция каменного инвентаря немногочисленна и представлена 20 экз. В ее состав входят скребковидные изделия (13 экз.), плитки (3 экз.) и несколько камней со следами эпизодического использования (4 экз.), это плитка с незначительной пришлифовкой и плитка с гальками, на которых имеются разрозненные следы оббивки и забитости.

Скребковидные изделия выполнены из алевролита и песчаника (рис. 1) и представлены сегментовидной (8 экз.), подпрямоугольной (2 экз.), округлой (2 экз.) и подтреугольной (1 экз.) формой. Орудия изготавливались в технике контрударного раскалывания крупного желвака на мелкие плитчатые заготовки. Основную заготовку раскалывали на тонкие плитки шириной от 6 до 12 см, длиной 5–7 см, толщиной около 2 см. На противоположной лезвию аккомодационной части фиксируется забитость, выкрошенность и сколы со ступенчатым окончанием, возникшие в результате нанесения ударов (рис. 1: 1, 3, 7). Затем с помощью двухсторонней краевой приостряющей или притупляющей ретуши создавали рабочий дугообразный край будущего инструмента.

В ходе трасологического изучения в группе скребковидных изделий функционально были выделены скребки-ножи с функциями мездрения и резания шкуры (10 экз.) и орудия, применявшиеся только для ее мездрения (3 экз.). Диагностирующим признаком скребков-ножей является двухсторонняя оббивка края лезвия ретушью, в результате которой образуется зигзагообразная в плане кромочная линия. Под микроскопом на рабочем лезвии видны комбинированные следы, характерные для резания и скобления шкуры, представленные скругленностью и незначительной рассеянной заполировкой (рис. 1: 3, 4,

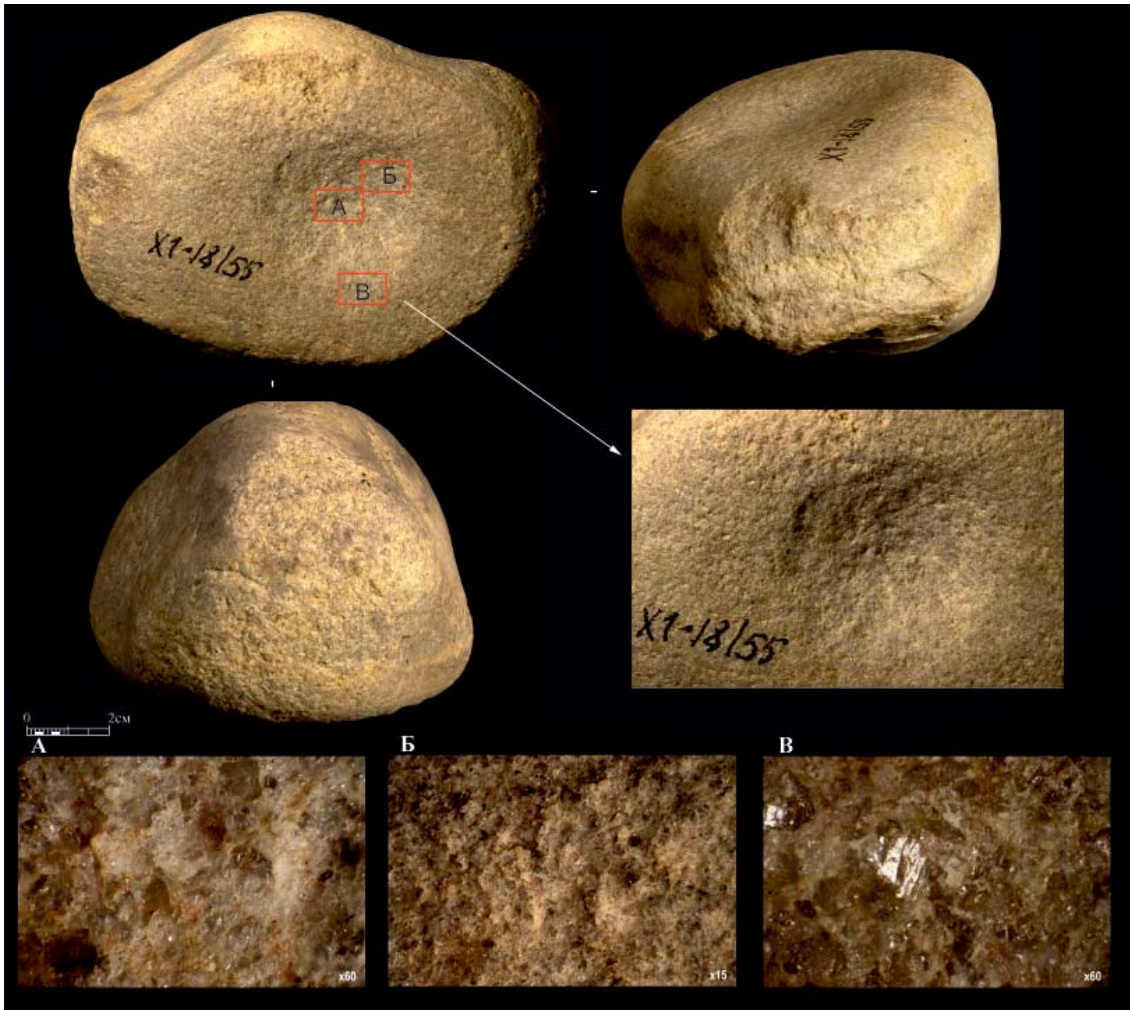

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Халцынейсаля 1.

1 – плита-отбойник; А, Б – выкрошенность в углублении; В – пятно металлического блеска. Увеличение $\times 15$, $\times 30$, $\times 60$.

Fig. 2. Stone tools from the Khaltsyneisalya site 1. 1 – slab-chip-breaker; А, Б – crumbling in the depression; В – a spot of metallic luster. Magnification $\times 15$, $\times 30$, $\times 60$.

6–9, 10, 11).

У скребков, которыми осуществлялось снятие мездрянного слоя, рабочим являлся выпуклый край, оформленный двухсторонней притупляющей ретушью. На кромочной линии лезвия присутствует сильная сглаженность и скругленность, заходящая на одну из поверхностей, линейные следы практически не фиксируются, видна только общая сглаженность рельефа и «жирная» заполировка (рис. 1: 1, 2, 5, 12–14).

Помимо скребков на стоянке Халцынейсаля I обнаружены плиты-«наковальни» (3 экз.) из галек кварца и песчаника (рис. 2, 3). Рабочей

являлась одна поверхность, на которой четко выражены и практически равномерно распределены различной формы и глубины лунки и выбоины. Кроме того, на одной плитке фиксируется небольшая зашлифованная грань (рис. 2). Общим признаком сработанности у плиток является округлое углубление диаметром 3–3,5 см, глубиной 0,2–0,3 см, локализованное в центре одной из рабочих поверхностей. У двух изделий по смежным краям фиксируются двухсторонние крупные сколы, сформировавшие зигзагообразную забитую кромку. На плитке из темно-серого песчаника (12,8×11,1×4,4см) с противоположной

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Халцынейсалья 1.
1, 2 – плитки с углублением; А, Б – выкрошенность в углублении;
В – пятно металлического блеска. Увеличение $\times 15$, $\times 30$, $\times 60$.

Fig. 3. Stone tools from the Khaltsyneysalya site 1. 1, 2 – slab; А, Б – chipping in the depression;
В – a spot of metallic luster. Magnification $\times 15$, $\times 30$, $\times 60$.

1

Дробление дресвы

2

3

Дробление шамота

4

5 Дробление медьсодержащей породы

6

Ковка металлического изделия

7

Биполярное расщепление камня

8

Рис. 4. Сработанность на экспериментальных плитах. 1, 2 – дробление дресвы; 3, 4 – дробление шамота; 5 – дробление медьсодержащей породы; 6 – ковка металлического изделия; 7, 8 – биполярное расщепление камня.

Fig. 4. Use on experimental slab. 1, 2 – crushing gruss; 3, 4 – crushing of chamotte; 5 – crushing of rocks containing copper; 6 – forging a metal product; 7, 8 – bipolar splitting of a stone.

от этих сколов стороны фиксируются следы забитости, сконцентрированные в центральной части (рис. 3: 1). Комплекс этих признаков (двухсторонняя оббивка края и противолежащие им следы забитости) может свидетельствовать о том, что это орудие пытались расколоть. На плитке из желтого песчаника (11,2×7,8×5,9 см) на противоположной стороне от двухсторонних сколов забитость отсутствует. Подобные следы могли образоваться либо в ходе использования плитки в качестве ударного инструмента, либо ее пытались расколоть, в результате чего откололась часть рабочей поверхности (рис. 3: 2). Одна из плиток, изготовленная из светло-серого кварца (10,7×9,5×7 см) дополнительно использовалась в качестве ударного инструмента, о чем свидетельствует забитость и выкрошенность на двух противоположных торцах гальки (рис. 2).

Исходя из описанных макроследов, сделан вывод о том, что на плитках в основном происходил процесс дробления твердого материала с незначительным истиранием (рис. 2: А, Б; 3: 1А, Б, 2А, Б). Под микроскопом при увеличении ×15, ×60 на рабочих поверхностях фиксируются небольшие углубления подовальной или округлой формы. Следует отметить, что у зернистых пород в ходе работы (дробления и раскалывания) происходит выкрашивание зерен кварца, что приводит к отсутствию полноценных участков с микроследами сработанности (заполировкой и линейными следами). Истирание от трения фиксируется эпизодично, например, на одной плитке имеется участок пришлифовки, на котором вершины зерен кварца чуть истерты. Кроме того, на рабочей поверхности одной из плиток наблюдается несколько пятен металлического блеска, расположенных на зернах кварца, что может свидетельствовать о эпизодичном контакте с

металлом (рис. 2: В; 3: 2В). Таким образом, три из обнаруженных плит использовались в качестве «наковален» для дробления/раскалывания твердых материалов, одна из которых дополнительно использовалась в качестве ударного инструмента.

Экспериментальные работы по моделированию следов сработанности

С целью установления функциональной принадлежности плит была проведена серия экспериментов (рис. 4): дробление гранито-гнейса (рис. 4: 1, 2) и фрагментов керамики (рис. 4: 3, 4); дробление и измельчение конкреций медьсодержащей породы до порошкообразного состояния с целью получения медной руды и ее дальнейшей плавки в металлургическом производстве (рис. 4: 5); уплощенные и вытянутые гальки применялись в качестве наковальни дляковки металлического изделия (рис. 4: 6); раскалывание каменных заготовок в контрударной технике расщепления (рис. 4: 7, 8) и дробление кости.

Работы позволили получить экспериментальную коллекцию орудий труда со следами сработанности, результаты которых показаны на иллюстрациях, где белым пунктиром указана зона локализации сработанной площадки на плитах.

Эксперименты 1, 2. Дробление гранито-гнейса для получения дресвы и дробление фрагментов керамики (рис. 4: 1, 2; 5: 1, 3). В качестве активного инструмента использована овальная галька с двумя выпуклыми концами (рис. 7: 1). Для придания сырью большей хрупкости оно предварительно подверглось обжигу и последующему резкому охлаждению водой (Цетлин, 2017, с. 74). Дробление каменной породы осуществлялось вертикальными ударами. Иногда для эффективности совершались круговращательные движения. Продолжительность работы составила

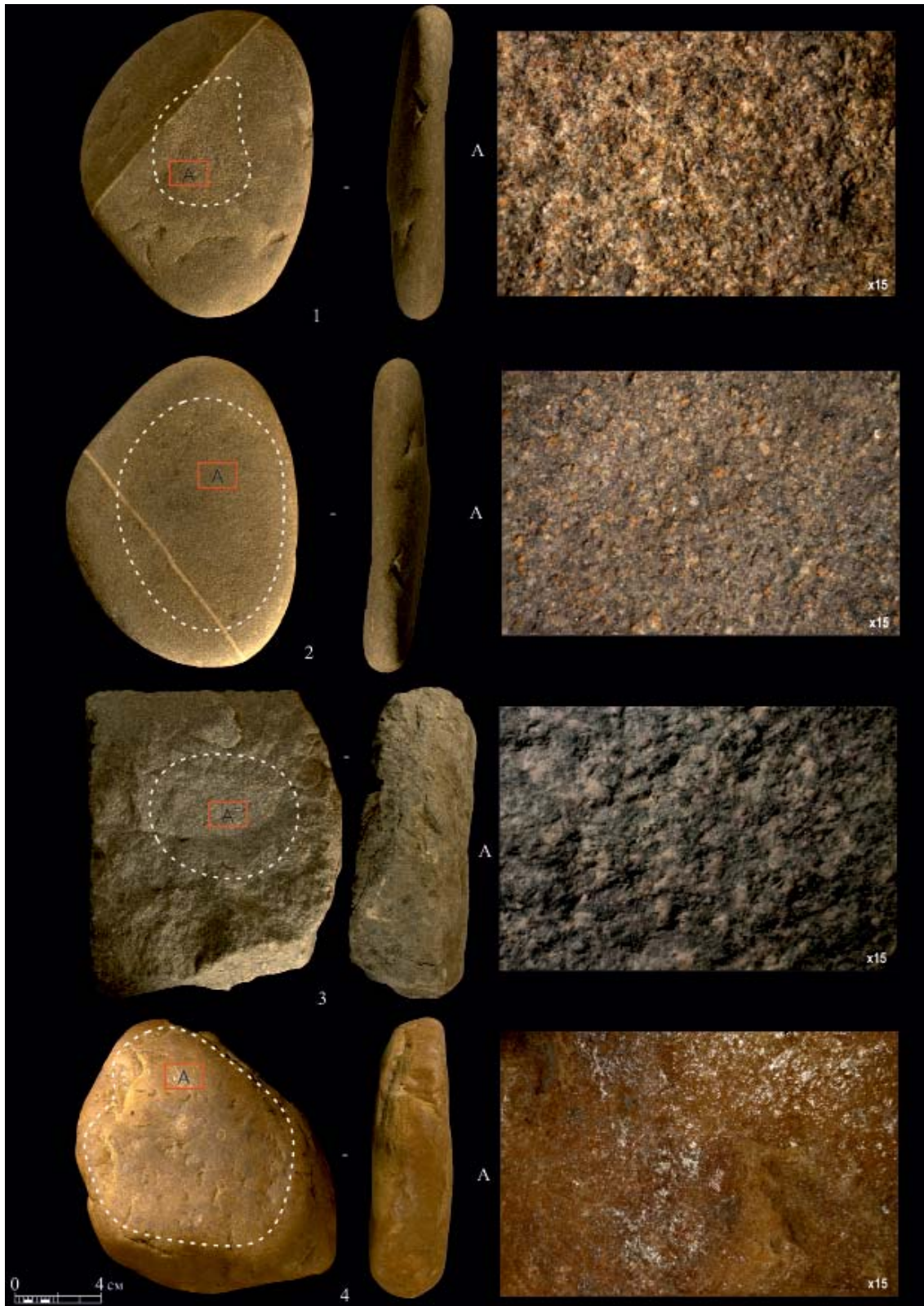

Рис. 5. Сработанность на экспериментальных плитах.
1, 3 – дробление дресвы; 2 – дробление шамота; 4 – ковка металла;
А – сработанность в зоне работы, увеличение $\times 15$.
Fig. 5. Use on experimental slab. 1, 3 – crushing of gruss; 2 – crushing of chamotte;
4 – forging metal; А – use in the work area, magnification $\times 15$.

Рис. 6. Сработанность на экспериментальных плитах. 1 – дробление медь содержащей породы; 2 – расщепление камня; А – сработанность в зоне работы, увеличение $\times 15$.

Fig. 6. Use on experimental slab and anvils. 1 – crushing of copper-bearing rock; 2 – splitting of stone; А – use in the work area, magnification $\times 15$.

2 ч. 50 мин. и 30 мин. соответственно. Следы сработанности на плитках оказались сконцентрированы в центральной части рабочих площадок (белый пунктир) (рис. 5: 1, 1А, 3, 3А). Рабочая зона приобрела более светлый оттенок, на ней практически с первых минут воздействия стали появляться многочисленные мелкие и единичные крупные, хаотично расположенные выбоинки угловатых очертаний и разной глубины, перекрытые редкими линейными следами – разнонаправленными группами длинных и глубоких бороздок.

На экспериментальном песте с выпуклым торцом следы сработанности в виде выкрошенности, выбоинок на-

чинают формироваться с первых минут работы сначала на выступающем участке, постепенно распространяясь на всю площадь рабочей зоны и прилегающие к ней боковые части. По мере использования рабочая поверхность орудия истирается, верхушка слегка уплощается в сечении, приобретая более темный оттенок. По всему рабочему торцу и даже на боковых участках фиксируются длинные царапины линейных следов (рис. 7: 1А).

Эксперимент 3. Дробление фрагментов керамики для получения шамота (рис. 4: 3, 4). В качестве сырья использовались фрагменты без примеси в формовочной массе и с добавлением в нее шамота и навоза. Для

Рис. 7. Сработанность на экспериментальных ударных инструментах.
1 – пест для дробления дресвы (А) и шамота (Б); 2 – отбойник для расщепления
камня. А, Б – сработанность в зоне работы, увеличение $\times 15$, $\times 45$.
Fig. 7. Use on experimental percussion instruments. 1 – pestle for crushing gruss (A) and chamotte
(B); 2 – chipper for splitting a stone. A, B – use in the work area, magnification $\times 15$, $\times 45$.

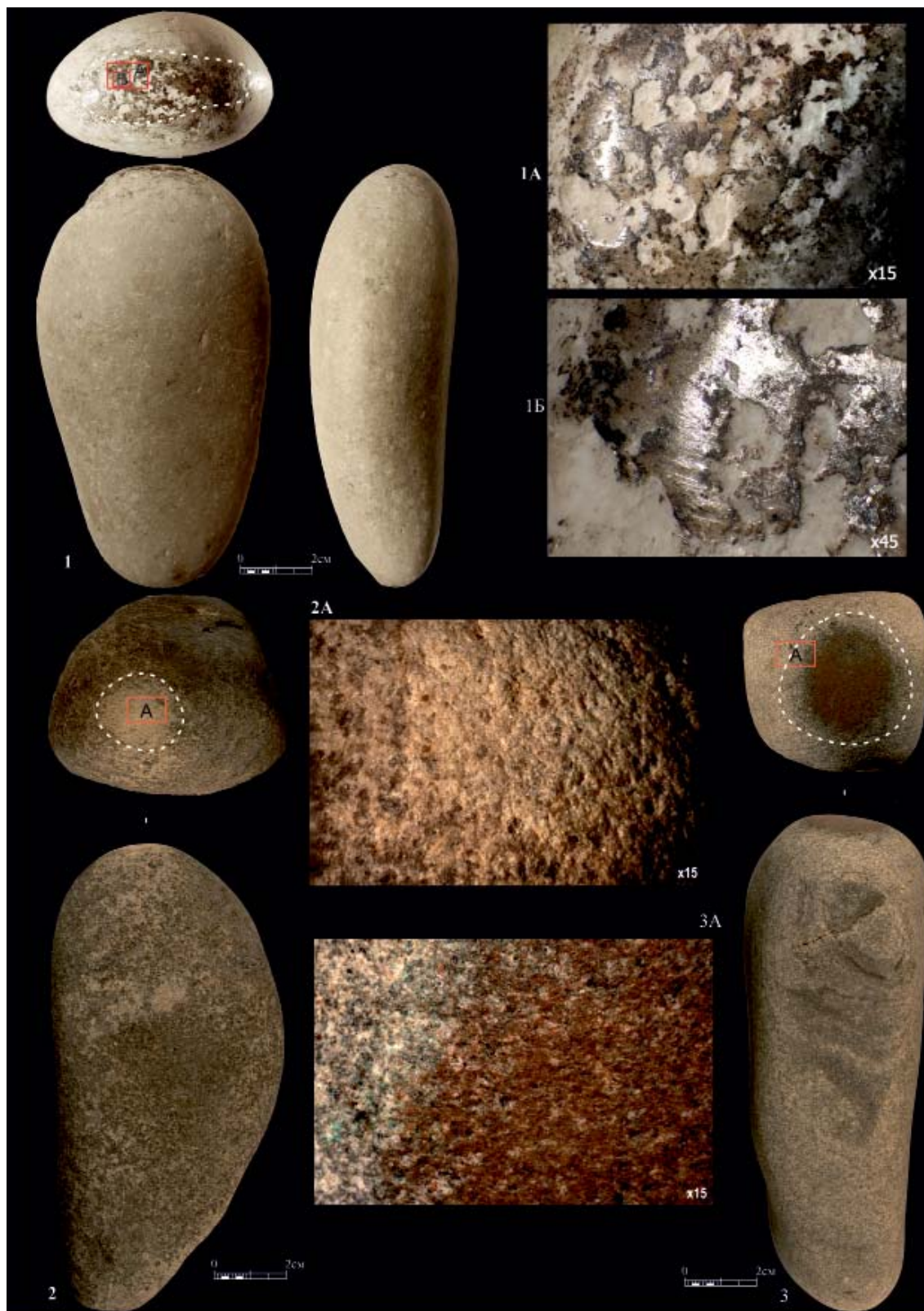

Рис. 8. Сработанность на экспериментальных ударных инструментах. 1 – молот дляковки металла; 2 – отбойник для расщепления кости; 3 – пестл для дробления медьсодержащей породы. А, Б – сработанность в зоне работы, увеличение $\times 15$, $\times 45$.

Fig. 8. Use on experimental percussion instruments. 1 – hammer for forging metal; 2 – chipper for splitting bones; 3 – pestle for crushing rocks containing copper. A, B – use in the work area, magnification $\times 15$, $\times 45$.

этого осуществлялись вертикальные удары и круговращательные движения овальной галькой-пестом. На рабочей площадке пассивной плитки практически сразу же появились единичные мелкие выбоинки, вдавления, истертость поверхности, тонкие длинные, расположенные разнонаправленными группами по всей рабочей площадке риски (рис. 5: 2, 2А). На рабочей поверхности плитки в меньшей степени, чем от дресвы, выражены признаки деформации рабочей поверхности, образовывавшиеся при дроблении керамики мелкие абразивные частицы способствовали выравниванию поверхности, ее истиранию.

Рабочая площадка экспериментального песта для получения шамота шероховатая, затерта, слегка выровнена, на ней присутствуют мелкие выбоинки. Признаки деформации наиболее интенсивны по краям. По всему торцу фиксируются линейные следы: параллельные друг другу удлиненные риски, расположенные хаотичными группами (рис. 7: 1Б).

Эксперимент 4. Дробление медьсодержащей породы (получение медной руды) (рис. 4: 5, 6: 1). На поверхности уплощенной плитки осуществлялось дробление и последующее измельчение небольших обломков сырья аморфной формы до пылевидной фракции. На рабочей поверхности плитки от ударов образовались выбоинки угловатых очертаний, начала отслаиваться окатанная поверхность (рис. 6: 1А). Локализация рабочей поверхности покрывает практически всю рабочую площадку (белый контур) (рис. 6: 1). Однако в процессе доведения фрагментов руды до пылевидного состояния неровности оказались выровнены, отмечается постепенное истирание поверхности и длинные узкие параллельные друг другу линейные следы, расположенные хаотичными группами. В качестве песта использовалась галька,

одним уплощенным концом (рис. 8: 3, 3А). Кинематика сводилась к вертикальным ударам с целью измельчения сырья, а затем возвратными и круговыми движениями в горизонтальной плоскости происходило растирание руды до более мелкой консистенции. Время работы составило 1 ч. 10 мин. На рабочей поверхности песта сформировались схожие признаки сработанности, кроме того, зафиксирован коричневый налет с зелеными вкраплениями породы, мелкие выбоинки и вдавления, затертость. Линейные следы – удлиненные параллельные друг другу риски (рис. 8: 3А).

Эксперимент 5. Ковка металла (рис. 4: 5, 5: 4). Для удобства и эффективности плита была закреплена на деревянном основании. На плитке в течение 14 часов осуществлялась холодная, горячая ковка медной литой заготовки, ее протяжка и выглаживание; ковка и протяжка бронзовых заготовок с разным содержанием олова (рис. 5: 4А). На рабочей поверхности наковальни в процессе использования появились: черный сажистый налет; шлифовка большей части рабочей зоны; не проникающая в микро рельеф заполировка, линейные следы в виде параллельных друг другу узких царапин, расположенных группами, и металлический блеск. Эти признаки занимают выступающие участки наковальни. Кроме того, фиксируются единичные округлые неглубокие сколы, достигающие 0,5 см в диаметре (рис. 5: 4А). Активными инструментами (молотками) выступали каменные гальки вытянутых очертаний с уплощенными и выпуклыми торцами. Молотками для холоднойковки осуществлялись вертикальные удары. Для горячейковки он сопровождался еще скользящим движением по орудю в горизонтальной плоскости. Выглаживание отливок осуществлялось только возвратными движениями в горизонтальной плоскости (Костома-

рова, 2020). На экспериментальном молотке – удлиненной кремневой кварцовой гальке размерами 10×3,3–5,2×3,1 см, применявшемся для ковки и протяжки металлической заготовки, следы сработанности на рабочей поверхности представлены пятнистым, занимающим верхние участки рабочей поверхности сажисто-перламутровым налетом и практически равномерным чередованием выбоинок и мелких сколов с выровненными сглаженными участками, покрытыми удлиненными рисками линейных следов и металлическим блеском (рис. 8: 1А, Б).

Эксперимент 6. Раскалывание галек в контрударной технике расщепления (рис. 4: 7, 8, 6: 2). На плитке-«наковальне» в течение 2 ч. производилось расщепление галек кварца и кремня на отщепы и пластинчатые сколы. Активным инструментом служил отбойник подпрямоугольной формы (рис. 7: 2), им производились вертикальные удары. В результате на рабочей поверхности «наковальни» наметилось осветление поверхности и образовалось углубление от ударов и контрударов, представленное сгруппированными в круг выбоинками, выкрошенностью (рис. 6: 2А). Ударная поверхность отбойника приобрела более светлый оттенок из-за выкрошенности и многочисленных ямок и выбоинок. Линейных следов не зафиксировано (рис. 7: 2А, 2Б).

Эксперимент 7. Раскалывание и дробление кости (рис. 8: 2). Время работы составило 1 час. На рабочей поверхности плиты для дробления кости фиксировалась сильная стёртость, шероховатость и выкрошенность, распространенная равномерно. Фотофиксацию выполнить не удалось в связи с тем, что плитка разбилась. Однако подобная утилизация была зафиксирована на ударном инструменте. Кроме того, рабочая поверхность песта стала более светлой, на ней сформиро-

вались многочисленные выбоинки и углубления, сильная затертость и шероховатость, произошло выравнивание рельефа (рис. 8: 2А).

На основании наших экспериментальных работ было установлено, что тенденция к углублению на рабочей поверхности плит (выбоинки, выкрошенность) образуется в ходе дробления дресвы, кости и раскалывания камня. Распространение зоны сработанности (выкрошенность, истирание, изменение цвета рабочей зоны) на всю поверхность фиксируется у плит, использовавшихся для получения шамота, дробления руды, при ковке металла. Значительному разрушению в ходе работы подвергаются отбойники по камню, кости и дресве, шамоту. Песты помимо забитости характеризуются наличием следов от истирания.

Таким образом, наиболее вероятной функцией плит с углублением, найденных на стоянке, является, на наш взгляд, использование их в качестве наковален для раскалывания камня, в пользу чего может свидетельствовать наличие на стоянке скребковидных изделий, изготовленных в контрударной технике расщепления. Кроме того, не исключаем возможности их применения в процессе получения дресвы, которая имеется в качестве примеси в керамике тиутей-салинского типа.

Заключение

На памятнике Халцынейсаля 1 обнаружены как характерный для средневековых стоянок арктической зоны комплекс орудий, представленный скребковидными изделиями, так и довольно редко встречаемые плиты-«наковальни». Скребковидные изделия встречаются в зоне циркумполярного севера Евразии в материалах памятников раннего железного века и Средневековья (Алексашенко, 2002, с. 184, Хлобыстин, 1998, с. 126, с. 309–310, рис. 138–140; Плеханов 2014,

с. 59, Чикунова и др., 2017, с. 1139, Карманов, 2017, с. 101, рис. 1, 2). На стоянке Халцынейсаля 1 скребковидные изделия использовались для снятия мездры и резания шкур, вероятно оленя. Занятие оленеводством подтверждается результатами изучения палеозоологической коллекции. Плиты с углублением в центре использовались в камнеобрабатывающем производстве и, возможно, в керамическом. Кроме того, они демонстрируют бытование такой древней традиции раскалывания камня, как контрударная техника расщепления, распространившаяся на территории Западной Сибири начиная с эпохи мезолита (История Ямала, 2010, с. 28).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексащенко Н.А.* Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. 2002. № 8. С.184–198.
2. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
3. *Голубева Е.В.* Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2016. 144 с.
4. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Колл. монография / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
5. *Загородняя О.Н.* Функциональный анализ орудий металлопроизводства поздне-бронзового века (по материалам памятников Картамышского археологического микро-районе) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 110–125.
6. *Загородняя О.Н., Степанова К.Н.* Возможности микротрассологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород // РА. 2012. № 2. С. 67–71.
7. История Ямала: в 2-х томах. Т. I: Ямал традиционный. Кн. I. Древние культуры и коренные народы / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Баско, 2010. 416 с.
8. *Карманов В.Н.* Характеристика каменного инвентаря святилища Усть-полуй (по материалам раскопок 2006-2015 гг.) // Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1 / Археология Арктики. Вып. 4. / Науч. ред. О.Н. Корочкова. Екатеринбург: Издательство Деловая пресса, 2017. С. 100–107.
9. *Костомарова Ю.В.* Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3(50). С. 48–60.
10. *Коробкова Г.Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 5 / Отв. ред. Л.Б. Кирчо. СПб: Петербургское стат, 2001. С. 146–212.
11. *Коробкова Г.Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. 219 с.
12. *Плеханов А.В.* Керамика как маркер процесса формирования населения ямальской тундры (V–XII вв. н.э.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов (Электронный ресурс) / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2017. С. 829–830.
13. *Плеханов А.В.* Новые исследования археологического памятника Юр-Яха III // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. Вып. 3. С. 18–21.
14. *Плеханов А.В.* Ямальская Арктика в эпоху средневековья: памятники в зоне типичной тундры // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи / Ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. С. 157–161.
15. *Плеханов А.В.* Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал): каталог коллекции / Отв. и науч. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 122 с.
16. *Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 1. Воронеж: Воронежский госун-т, 1996. 176 с.
17. *Семенов С.А.* Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. № 54. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

18. Степанова К.Н. Классификация ударно-абразивных орудий верхнего палеолита (по материалам стоянок Русской равнины) // Записки института истории материальной культуры. № 11 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 7–22.

19. Фёдорова Н.В., Косинцев П.А., Фитцхью В.В. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 134 с.

20. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

21. Чукунова И.Ю., Скочина С.Н., Илюшина В.В. Вещевой и керамический комплекс городища Усть-Васьеган // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов (Электронный ресурс) / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2017. С. 1138–1139.

22. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 346 с.

23. Cristiani E., Zupancich A. Sandstone Ground Stone Technology: a Multi-level Use Wear and Residue Approach to Investigate the Function of Pounding and Grinding Tools // Journal of Archaeological Method and Theory. 2021. Vol. 28. P. 704–735.

24. Dubreuil L. Long-term trends in Natufian subsistence: a use-wear analysis of ground stone tools // Journal of Archaeological Science. 2004. Vol. 31. P. 1613–1629.

25. Gilabert X. R., Mora R., Martínez-Moreno J. Identifying bipolar knapping in the Mesolithic site of Font del Ros (northeast Iberia) // Philosophical Transactions of the Royal Society B Biological Sciences. 2015. No. 370 (1682): 20140354. DOI 10.1098/rstb.2014.0354.

26. Hamon C., Plisson H. Functional analysis of grinding stones: the blind-test contribution // Prehistoric Technology // «40 years later»: Functional studies and the Russian legacy. BAR International Series 1783. Oxford: B.A.R., 2008. P. 29–38.

27. Hamon C. Functional analysis of stone grinding and polishing tools from the earliest Neolithic of north-western Europe // Journal of Archaeological Science. 2008. Vol. 35. Iss. 6. P. 1502–1520.

28. Zupancich A., Cristiani E. Functional analysis of sandstone ground stone tools: arguments for a qualitative and quantitative synergetic approach // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. 15740. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-72276-0>.

Информация об авторах:

Скочина Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Тюменский научный центр СО РАН (г. Тюмень, Россия); sveta.skochina@mail.ru

Костомарова Юлия Валерьевна, научный сотрудник. Тюменский научный центр СО РАН (г. Тюмень, Россия); jvkostomarova@yandex.ru

STONE TOOLS OF THE NOMADS OF THE ARCTIC TUNDRA FROM THE MEDIEVAL SITE OF KHALTSYNEISALYA 1 ON THE GYDAN PENINSULA (USE WEAR ANALYSIS)

S.N. Skochina, Yu.V. Kostomarova

The paper studies stone tools from the Khaltsyneisalya 1 site located on the eastern coast of the Ob Bay on the Gydan Peninsula. The ceramic material found at the site is attributed to the Tiuteisalinsky type of the Lower Ob culture, which was common among the nomads of the Arctic tundra in the Middle Ages. The resulting stone tools are represented by scrapers, knives and anvils. The presence of anvils in the materials of the site is a rather rare phenomenon, in contrast to the scrapers and knives that are consistently found on the sites of the Early Iron Age and the Middle Ages in the Arctic zone of Western Siberia. In order to establish their functional purpose, traceological analysis was carried out with experimental verification of the proposed functions. To establish the purpose of stone tools, experimental work was carried out to model wear marks, which made it possible to obtain important arguments for substantiating the function of the studied tools.

The work was carried out within the framework of the state assignment: project No. 121041600045-8.

Keywords: archaeology, Gydan Peninsula, Arctic tundra, Middle Ages, stone tool-kit, use wear analysis.

REFERENCES

1. Aleksashenko, N. A. 2002. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 8, 184–198 (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Golubeva, E. V. 2016. *Teoriya i praktika eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy nemetallichesko instrumentariya rannego zheleznoogo veka – srednevekov'ya (na materialakh yuzhno-taеzhnoy zony Sredney Sibiri) (Theory and practice of experimental and trace evidence studies of the Early Iron Age – the Middle Ages non-metallic tools (based on the materials of the South Taiga zone of Central Siberia))*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (in Russian).
4. In Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
5. Zagorodnyaya, O. N. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 257, 110–125 (in Russian).
6. Zagorodnyaya, O. N., Stepanova, K. N. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 67–71 (in Russian).
7. In Alekseyev, V. V. (ed.). 2010. *Istoriya Yamala: v 2-kh tomakh. T. I: Yamal traditsionnyy. Kn. I. Drevnie kul'tury i korennye narody (History of Yamal: in 2 volumes. Vol. I: Yamal Traditional. Book I. Ancient Cultures and Indigenous Peoples)*. Ekaterinburg: "Basko" Publ. (in Russian).
8. Karmanov, V. N. 2017. In Korochkova, O. N. (ed.). *Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya. T. 1. (Ust'-Polui: materials and research. Vol. 1) Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)* 4. Ekaterinburg: "Delovaya pressa" Publ., 100–107 (in Russian).
9. Kostomarova, Yu. V. 2020. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 50(3), 48–60 (in Russian).
10. Korobkova, G. F. 2001. In Kircho, L. B. (ed.). *Osobennosti proizvodstva poseleniya Altyn-depe v epokhu paleometalla (Peculiarities of Manufacture at the Settlement of Altyn-Depe in the Palaeo-Metallic Epoch)*. Series: Materialy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Materials of the South-Turkmenistan Archaeological Interdisciplinary Expedition). Saint Petersburg: "Peterburgkoskomstat" Publ., 146–212 (in Russian).
11. Korobkova, G. F. 1987. *Khoziaistvennye komplekсы rannikh zemledel'chesko-skotovod-cheskikh obshchestv iuga SSSR (Economic Complexes of Early agricultural and Cattle Breeding Societies in the Southern USSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Plekhanov, A. V. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronnyy resurs] (V (XXI) Russian Archaeological Congress. [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 829–830 (in Russian).
13. Plekhanov, A. V. 2016. In *Nauchnyi vestnik. Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga (Scientific bulletin of the Yamal-Nenets autonomous district)* 3, 18–21.
14. Plekhanov, A. V. 2013. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiyskoy imperii (Archaeology of North Russia: from the Iron Age to the Russian Empire)*. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 157–161 (in Russian).
15. Plekhanov, A. V. 2014. In Fedorova, N. V. (ed.). *Yarte VI – srednevekovoe «gorodishhe» na r. Yuribey (p-ov Yamal): katalog kolleksii (Yarte VI – Medieval "Settlement" on the Yuribe River (Yamal Peninsula): Collection Catalog)*. Ekaterinburg: "Delovaya pressa" Publ. (in Russian).
16. Pryakhin, A. D. 1996. *Mosolovskoe poselenie metallurgov-liteyshchikov epohi pozdney bronzy (Mosolovskoye settlement of metallurgists-foundry workers of the Late Bronze Age)* 1. Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).
17. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
18. Stepanova, K. N. 2015. In E. N. Nosov (ed.). *Zapiski IIMK (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* 11. Saint Petersburg: "Dmitry Bulanin", 7–22 (in Russian).
19. Fedorova, N. V., Kosintsev, P. A., Fittskh'yu, V. V. 1998. *Ushedshie v kholmy. Kul'tura naseleeniya poberezhny severo-zapadnogo Yamala v zheleznom veke (Gone to the hills. Culture of the population of the northwestern Yamal coasts in the Iron Age)*. Ekaterinburg: "Ekaterinburg" Publ. (in Russian).
20. Tsetlin, Yu. B. 2017. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ceramics. The Concepts and Terms of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
21. Chikunova, I. Yu., Skochina, S. N., Ilyushina, V. V. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronnyy resurs] (V (XXI) Russian Archaeological Congress. [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 1138–1139 (in Russian).

22. Khlobystin, L. P. 1998. *Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya i voprosy formirovaniya kul'tur severa Evrazii (Ancient History of Taimyr Arctic and the Formation of the North Eurasian Cultures)*. Saint Petersburg: "Dmitriy Bulanin" Publ. (in Russian).

23. Cristiani, E., Zupancich, A. 2021. In *Journal of Archaeological Method and Theory* 28, 704–735.

24. Dubreuil, L. 2004. In *Journal of Archaeological Science* 31, 1613–1629.

25. Gilabert, X. R., Mora, R., Martínez-Moreno, J. 2015. In *Philosophical Transactions of the Royal Society B Biological Sciences* 370 (1682): 20140354.

26. Hamon, C., Plisson, H. 2008. In «40 years later»: *Functional studies and the Russian legacy. BAR International Series 1783*. Oxford: B.A.R., 29–38.

27. Hamon, C. 2008. In *Journal of Archaeological Science* 35 (6), 1502–1520.

28. Zupancich, A., Cristiani, E. 2020. In *Scientific Reports* 10, 15740.

About the Authors:

Skochina Svetlana N. Candidate of Historical Sciences. Tyumen Scientific Center (Tyumen Scientific Center SB RAS), Malygina str., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; Sveta_skochina@mail.ru

Kostomarova Yulia V. Tyumen Scientific Center (Tyumen Scientific Center SB RAS). Malygina str., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; jvkostomarova@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

И ВСЕ ЖЕ – НАБОЙКИ НА КАБЛУКИ (К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ОБУВИ НА КАБЛУКАХ)¹

© 2023 г. Н.Б. Крыласова, А.Р. Смертин

В материалах XI–XIII вв. Волжской Булгарии и территорий, входивших в сферу влияния булгар, встречаются кузнечные изделия полуовальной формы, напоминающей сечение каблука, по поводу которых у исследователей нет однозначной интерпретации. Представительная серия таких предметов собрана на Рождественском городище в Пермском крае. Анализ показал, что они изготовлены из сырцово-стальной пластины, основа представляет собой полуовальную пластину с отогнутыми краями, с тремя отверстиями, куда помещались гвоздики с цилиндрической шляпкой, выступавшей над поверхностью предмета. С внутренней стороны на гвоздики надевались цилиндрические шайбы, которые проковывались при нагреве. Шайбы фиксировали кожаную пластину, предположительно, являвшуюся нижним фликом в составе наборного каблука. Таким образом, рассматриваемые предметы являлись набойками каблуков. Считается, что первые каблуки появились в IX в. на обуви персидских всадников, чтобы нога фиксировалась в стремях, когда воин вставал в стремях для более эффективной стрельбы из лука и ударов саблей. Волжская Булгария имела тесные взаимоотношения с Ираном, и болгарские всадники вполне могли заимствовать новый вид обуви. Несмотря на то, что кроме железных набоек иных свидетельств ее существования не сохранилось, можно предполагать, что в Волжской Булгарии обувь на каблуках появилась раньше, чем на Руси и в европейских странах, где это произошло в XVI в. Этот факт важен для изучения и истории средневековой обуви, и тактики ведения конного боя.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермский край, Волжская Булгария, кузнечные изделия, набойки каблуков, наборный каблук, всадники, кузнечное дело.

Археологам нередко приходится сталкиваться с тем, что не каждый обнаруженный артефакт можно однозначно атрибутировать, опираясь на современные представления. Так и остаются предметы-загадки, насчет которых разные исследователи имеют свое мнение.

Примером таких предметов являются кузнечные изделия, которые встречаются на болгарских памятниках в слоях домонгольского и начала ордынского времени, а также на территориях, входивших в сферу влияния булгар, в частности в Пермском Предуралье. Г.Н. Белорыбкин определил их как «набойки каблука с тремя штырями» (Белорыбкин, 2001, с. 71, рис. 40: 39–46). А.З. Нигамаев укло-

нился от описания этих предметов, но, судя по тому, что на иллюстрации их прорисовки представлены вместе с деталями конской упряжи, возможно, предполагает их принадлежность к этой категории (Нигамаев, 2005, рис. 105: 1–3).

Более детально данные изделия охарактеризованы К.А. Руденко. Во-первых, он уточняет их датировку – «XI–XII вв., можно предполагать и XIII в., по крайней мере в первой половине столетия», которая основана на том, что они найдены в «стратифицированных слоях на Мурзихинском, Остолоповском селищах, городище Кашан I, а также в подъемном материале с этих и других болгарских памятников указанного времени».

¹ Исследование в части технико-технологического анализа изделий выполнено Смертиным А.Р. за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023>. Исследование в части постановки и раскрытия проблемы, атрибуции изделий Н.Б. Крыласовой выполнено по теме госзадания «Урал – этнокультурный перекресток Евразии», рег. № НИОКТР АААА-А19-119032590066-2.

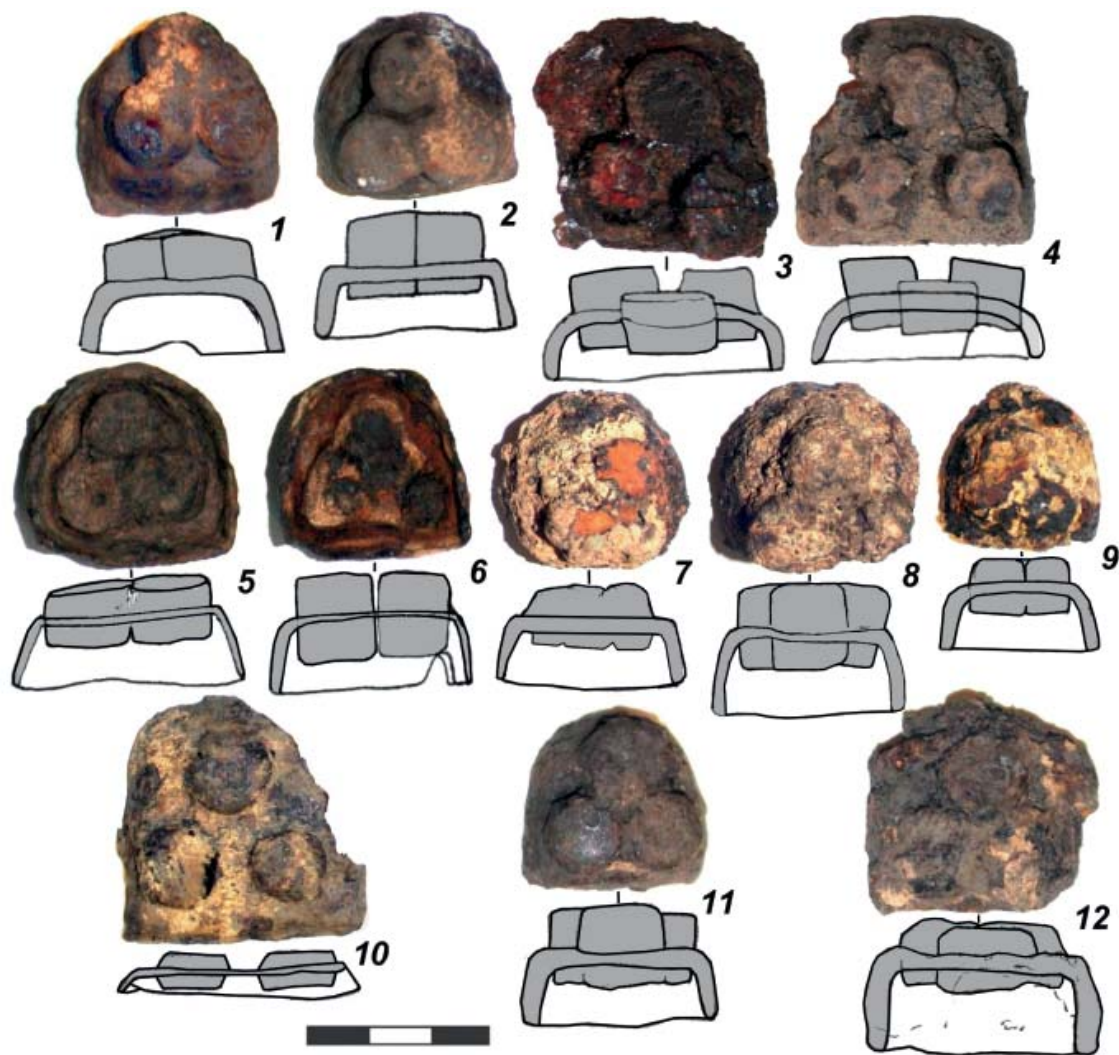

Рис. 1. Железные набойки из материалов Рождественского городища: 1 – раскоп VII 2010 г.; 2 – раскоп V 2011 г.; 3–4 – раскоп V 2012 г.; 5–6 – раскоп IX 2014 г.; 7–8 – раскоп IX 2015 г.; 9 – раскоп IX 2017 г.; 10 – раскоп VIII 2018 г.; 11–12 – раскоп VIII 2019 г.
 Fig. 1. Iron heeltaps from materials of the Rozhdstvensk hillfort: 1 – dig site VII 2010; 2 – dig site V 2011; 3–4 – dig site V 2012; 5–6 – dig site IX 2014; 7–8 – dig site IX 2015; 9 – dig site IX 2017; 10 – dig site VIII 2018; 11–12 – dig site VIII 2019.

За пределами Волжской Булгарии, кроме Золотаревского поселения в Пензенской области, подобные находки автору не известны. Во-вторых, К.А. Руденко раскритиковал точку зрения Г.Н. Белорыбкина, отметив, что кроме внешнего сходства нет никаких оснований для определения данных предметов как набоек каблучков, а «учитывая вес «набоек», можно только посочувствовать женщине или девушке, которая могла бы носить обувь с такими набойками или каблучком», и предположил, что данные изделия использовались в качестве

«наковаленки» для мелких слесарных и ювелирных работ (Руденко, 2015, с. 134).

Один из доводов К.А. Руденко, исключая, по его мнению, использование рассматриваемых предметов как набоек, это то, что «в это время обуви, приспособленной для крепления таких «деталей», просто не существовало, поэтому этот термин, по сути, абсурден» (Руденко, 2015, с. 134).

А.В. Курбатов, признанный специалист по кожаным изделиям, и в частности кожаной обуви Руси, увидев эти предметы на одной из презентаций

Рис. 2. Железные набойки (1–12), гвозди для них (13–14), специализированная игла (15) из материалов Рождественского городища: 1–15 – раскоп VIII 2022 г.

Fig. 2. Iron heeltaps (1–12); nails (13–14); special needle (15) from materials of the Rozhdestvensk hillfort: 1–15 – dig site VIII 2022.

среди материалов XI–XIII вв. с Рождественского городища в Пермском крае, высказал недоумение, почему здесь присутствуют вещи XVII в., поскольку убежден, что обувь с жесткой подошвой и каблуками появилась не ранее XVI в. (Курбатов, Овсянников, 1999, с. 265–268).

Итак, о чем, собственно, идет речь. Г.Н. Белорыбкин описывает рассматриваемые предметы как изделия «из железа в виде уплощенного полушария. Круглые короткие штыри одним концом приклепаны к накладке, которая насаживалась на каблук, а другой конец, как правило, стерт по краям» (Белорыбкин, 2001, с. 71). По описанию К.А. Руденко, «это – небольшие железные изделия в виде полуоваль-

ной в плане пластины с загнутыми вниз краями высотой около 0,7 см. В пластине пробито три сквозных отверстия, в которые вставлено три железных цилиндра диаметром до 1 см. Цилиндры, сделанные из двух половинок, расположены вплотную друг к другу, соприкасаясь боковыми сторонами. В редких случаях цилиндры расположены по краям площадки... Как правило, верхние части цилиндров имеют следы ударов... и расплющены. Интересно, что отверстие в пластине имеет диаметр от 3 до 5 мм, то есть минимум в два раза меньше диаметра цилиндра. Каким образом осуществлялось крепление половинок цилиндров между собой, пока не ясно» (Руденко, 2015, с. 134).

На территории Пермского Предуралья такие предметы обнаружены пока только на двух памятниках. Один экземпляр найден на городище Полютово, расположенном в 60 км к северо-востоку от известного Рождественского археологического комплекса. Предмет обнаружен в шурфе 1 на III–IV условном горизонте (–0,37 м) с находками XII–XIV вв. (оловянная привеска-лапка) (Вострокнутов, 2018, с. 267, 269).

Большая серия подобных изделий собрана в процессе раскопок Рождественского городища к. IX – первой половины XIV вв., где на настоящий момент изучено 5326 м². Находки происходят с раскопов в западной (раскоп VII), восточной (раскопы V, IX) и северо-восточной (раскоп VIII) частях площадки городища. Всего обнаружено 24 предмета (рис. 1–2), из которых 12 было сосредоточено на раскопе VIII 2022 г. (рис. 2: 1–12), где обнаружены также отдельные гвоздики с цилиндрической шляпкой (рис. 2: 13–14), связанные с конструкцией рассматриваемых изделий. Такая концентрация данных предметов на сравнительно небольшом участке площадью 276 м² привлекла к себе внимание и побудила внимательнее изучить эту категорию артефактов. Остатки сооружений, с которыми были связаны эти находки, преимущественно датируются в пределах конца XI – первой половины XIII вв., что вполне согласуется с их датировкой в Волжской Булгарии.

Изделия состоят из нескольких частей: основа (пластина) и гвоздики (шпеньки). Основа представляет собой кованую пластину толщиной 1–3 мм полуовальной формы с отогнутыми краями. Размеры основы от 2,5×2,5 до 4×4 см, глубина – от 0,3 до 1,7 см. Судя по одному из фрагментированных предметов (рис. 2: 4), в сформированной пластине с помощью пробоя прошивалось три отвер-

стия диаметром около 3 мм. Пробитие делали с внутренней стороны, так как углубление именно с этой стороны больше. Возможно, пробитие делали не при полном нагреве, так как от отверстия пошла трещина (вероятно, еще при жизни предмета была микротрещина) (рис. 3: 1–2).

Гвоздики с цилиндрической шляпкой диаметром 1–1,5 см, высотой 0,3–0,9 см ковались на гвоздильне отдельно (рис. 2: 13–14). Цилиндрические шляпки гвоздиков обычно вплотную примыкали друг к другу (рис. 1: 1–2, 5–9, 11–12; 2: 1, 5–10), лишь на наиболее крупных предметах были раздвинуты ближе к краям пластины (рис. 1: 3–4, 10; 2: 2–4). При увеличении видно, что снаружи шляпки смыкающихся гвоздиков друг с другом не соединялись, между ними отчетливо видны грязевые включения (рис. 3: 8).

Для проведения анализа фрагментированный предмет был расчищен кислотой. Ножки гвоздей в нем помещались в отверстия, с внутренней стороны расковывались и образовывали заклёпку (рис. 3: 3–4). С наружной стороны в месте примыкания шляпки гвоздя к пластинчатой основе при увеличении заметен промежуток (шов) (рис. 3: 5). Вероятнее всего, при заклепывании гвоздика горячим был только гвоздь, но не пластина, иначе шляпка могла бы привариться к основе, а здесь виден промежуток. Сама шляпка не деформирована, что еще раз подтверждает то, что шпенок плющился изнутри (рис. 3: 6). В профиль также видна последовательность «шляпка – основа – заклепанный хвостик» и швы между ними (рис. 3: 7).

У других предметов обычно изнутри на хвостик каждого гвоздя надевалась цилиндрическая заглушка в виде шайбы такого же диаметра, как шляпка гвоздя, но меньшей толщины, и приваривалась в ходе расковки. На фото оборотной стороны предметов видно, что они смыкаются между со-

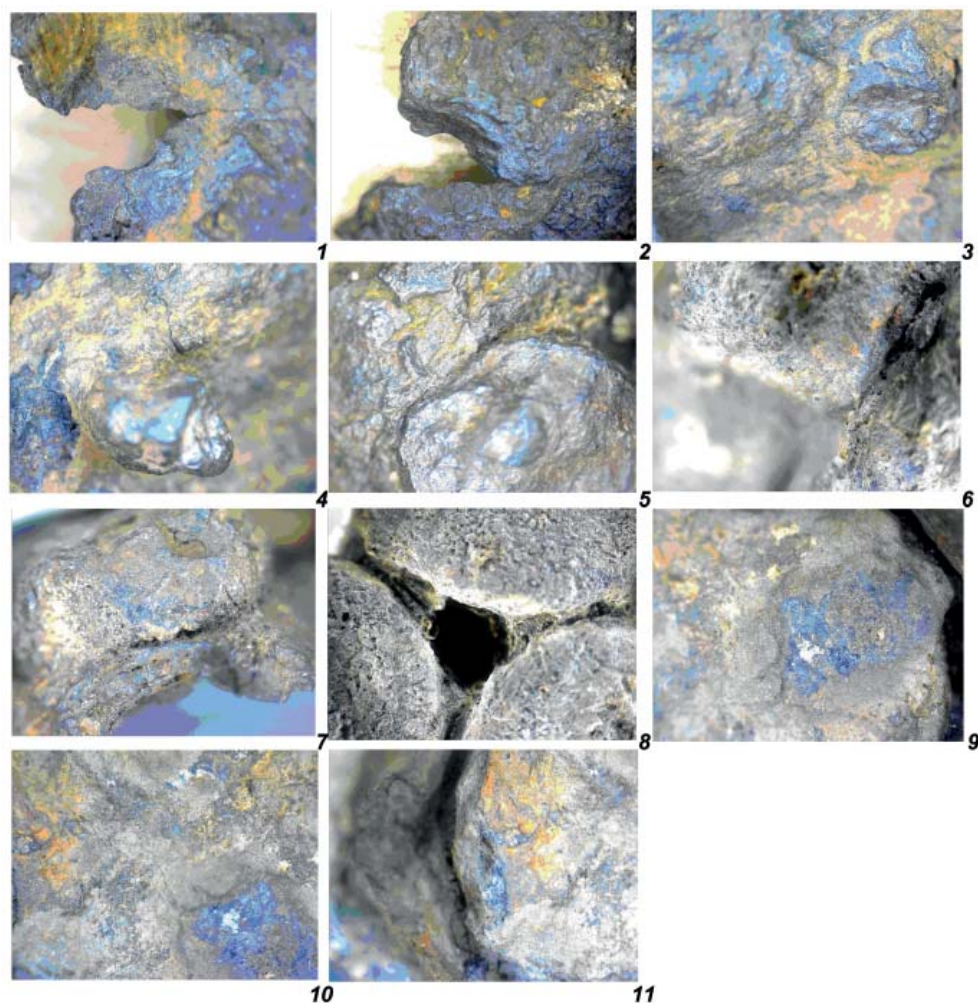

Рис. 3. Микрофотографии технологических особенностей набоек: 1 – отверстие под гвоздик с внутренней стороны; 2 – отверстие под гвоздик с внешней стороны; 3 – расплющенный гвоздик с внутренней стороны; 4 – недорасплющенный гвоздик с обратной стороны; 5 – шляпка гвоздя с наружной стороны (виден шов); 6 – крепление шляпки к основе (граница); шляпка не деформирована, это подтверждает то, что шпенец плющился изнутри, гвоздик готовился отдельно; 7 – профиль предмета (шляпка-основа-шпенец); 8 – шляпки гвоздей снаружи; 9 – расплющенный хвостик гвоздя с органическими остатками; 10 – три расплющенных хвостика гвоздей с органическими остатками; 11 – расплющенный шпенец возвышается над основой.

Fig. 3. Microphotographs of technological features of the heeltaps: 1 – nail aperture inner part; 2 – nail aperture outer part; 3 – smashed nail inner part; 4 – half-smashed nail outer part; 5 – nail cap on the outside (seam seen); 6 – cap attachment to base (border), cap not deformed, which goes to show that the shank was smashed from the inside of the tap and the nail was prepared independently; 7 – item profile (cap-base-shank); 8 – nail caps on the outside; 9 – smashed nail end with organic remnants; 10 – three smashed nail ends with organic remnants; 11 – smashed shank stands above base.

бой (рис. 2: 1–3, 5–9). У некоторых предметов (напр., рис. 2: 10) ножка гвоздя при этом была плохо прокована и торчала над шайбой. Если бы гвоздик был хорошо прокован, то он и шайба сварились бы в единую плоскость, как и на других экземплярах.

Встает вопрос о том, что же закреплялось гвоздиками-заклепками.

При рассмотрении под микроскопом одного из нерасчищенных предметов с внутренней стороны под расплющенными шпеньками были видны органические остатки (дерево с кожей) (рис. 3: 9–10), заглушка шпенька возвышается над основой (рис. 3: 11), следовательно, между ней и основой была какая-то органическая проклад-

ка (вероятно, кожаная). Придерживаясь точки зрения о том, что рассматриваемые изделия все же являлись набойками каблуков (учитывая специфичную форму и достаточно сложную конструкцию, совершенно избыточную для «наковаленок», а также характерную «стоптанность» на некоторых предметах), мы полагаем, что гвоздик вставлялся в железную основу набойки и в кожаную пластину в составе наборного каблука, протыкая её, изнутри на гвоздик нанизывалась шайба (?) и расковывалась, надёжно фиксируя кожу. Тем самым железная набойка закреплялась на обуви.

Дополнительные данные о производстве рассматриваемых железных изделий даёт археометаллографический анализ. Актуальность микроструктурного изучения каблуков состоит в том, что элементы костюма из железа редко выступают объектом микроструктурного анализа и их технологический аспект практически не раскрыт.

Исследование проводилось в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН по методике, разработанной группой металлографии (Завьялов, 2016, с. 252–278). Аналитические данные о микроструктурах получены с помощью металлографического микроскопа МЕТАМ РВ-22, измерение микротвёрдости производилось для каждой структурной составляющей изделия на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г в течение 10 сек. Данные включены в книгу регистрации образцов лаборатории².

Образцы отбирались с основы набойки каблука (ан. 14472А) и с гвоздика (ан. 14472Б) и прошли необходимую пробоподготовку. При микроскопическом исследовании обоих образцов зафиксирована структура мелкозернистого феррита с перлитом. Шлаки в металле немногочисленны, представлены включениями окру-

гой и плоской формы. Содержание углерода в основе 0,1–0,2%, в гвоздике до 0,4%. Микротвёрдость основы составила 181–236 кг/мм², гвоздика – 236–254 кг/мм². Таким образом, изделие было отковано из сырцового стали с неравномерным распределением углерода, термообработка не производилась, качествоковки хорошее. На основу была выбрана низкоуглеродистая сталь, гвоздь же был откован из сырья более высокого качества (рис. 4). Выбор сырья вполне обусловлен предписываемым требованиями к составным частям поковки. Если для основы был пригоден умеренно мягкий материал, то гвоздь соединял накладку и каблук, выступал за основу, следовательно, принимал большинство нагрузок при ходьбе и не должен был гнуться и ломаться.

Встает вопрос, какая обувь могла снабжаться подобными набойками. Культурный слой в Татарстане (на территории Волжской Булгарии) и Пермском крае характеризуется как «сухой», который не способствует сохранению органических материалов, поэтому фрагментов кожаной обуви сохранилось очень мало, в отличие от древнерусских городов с «мокрым» культурным слоем. Тем не менее на Рождественском городище в Пермском крае во влажных слоях на дне хозяйственных ям встречались отдельные фрагменты кожаной обуви. В городе Болгар, как отмечает Т.А. Хлебникова, находки кусков обуви тоже происходят из колодцев, хозяйственных ям, подполий домов (Хлебникова, 1988, с. 250). Среди находок упоминается пять наборных каблуков – полукруглой формы, четырех-семислойных, высотой 1–1,3 см, шириной от 4,5 до 10 см с железными гвоздиками или следами от них, – которые, видимо, происходят от сапог на достаточно жесткой подошве (Хлебникова, 1988, с. 246). Датировка каблуков не определена, но в целом

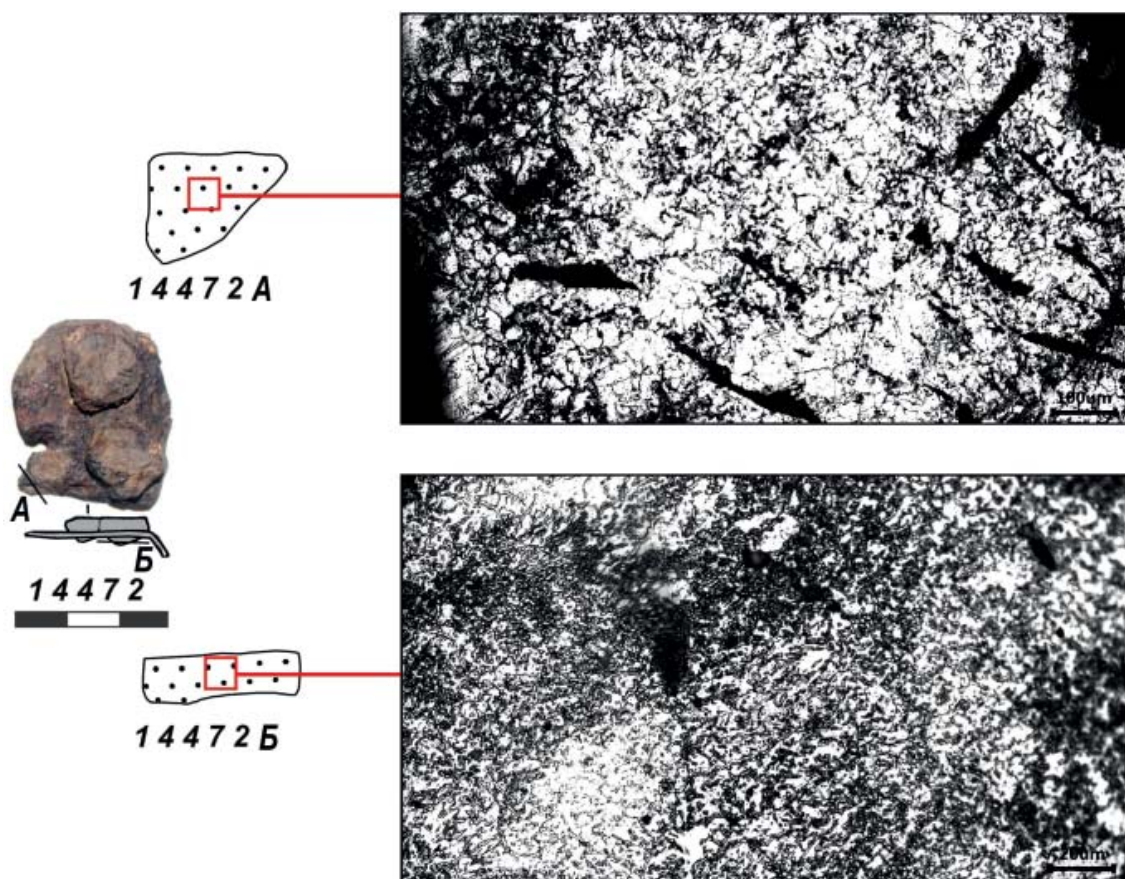

Рис. 4. Микроструктуры набойки – анализ 14472: А – основа (целиком из низкоуглеродистой сырцової стали); Б – гвоздик (целиком из сырцової стали). Сечения отображены в масштабе 1:5.

Fig. 4. Heeltap microstructure – analysis 14472: А – base (entirely of low-carbon raw steel); Б – nail (entirely of raw steel). Sections shown with a scale of 1:5.

фрагменты кожаной обуви встречаются начиная с напластований XI–XII вв., а на протяжении второй половины XIV в. деятельность кожевенных мастерских постепенно затухает (Хлебникова, 1988, с. 250). Таким образом, по всей видимости, наборные каблуки в Волжской Булгарии получили распространение раньше, чем на Руси.

Очевидно, что имеющиеся находки не могут отражать весь ассортимент кожаной обуви, использовавшейся средневековым населением. И серия специфических железных набоек позволяет предполагать наличие особого вида обуви на достаточно тонких каблуках (в отличие от тех каблуков, единичные находки которых представлены в Болгаре).

На наш взгляд, рассматриваемые набойки являлись частью именно наборных каблуков, состоящих из кожаных пластин – фликов. В современной практике каблуки, собранные из фликов, промазанных тонким слоем клея, укладываются под пресс, после флики каблука скрепляют тремя гвоздями, расположенными в виде треугольника, которые забивают со стороны углубления в каблуке так, чтобы острия гвоздей не выступали на поверхность набойки, далее производится обрубка и шлифовка каблука (Каблук...). Не исключено, что примерно так собирались каблуки и в Средневековье. Нижний флик, закрепленный в железной набойке, склеивался с остальными.

В интернете можно найти многочисленные заметки по вопросу по-

явления обуви на каблуках, но, как это обычно свойственно историкам костюма, они не содержат ссылок на источники информации. Одна из наиболее убедительных точек зрения по вопросу происхождения каблуков принадлежит эксперту по обуви и академику Элизабет Семмельхак – куратору музея обуви имени Сони Бата в Торонто (Канада). По ее мнению, обувь на каблуках является изобретением персидских всадников IX века. Каблуки высотой 4 см предназначались для того, чтобы нога фиксировалась в стремях. Когда солдат вставал в стремях, каблук помогал ему сохранить равновесие, чтобы он более эффективно мог стрелять из лука. Всадники использовали не только луки, но и сабли. Это оружие демонстрировало прекрасные результаты, если его применял именно всадник, благодаря удару, наносимому с высоты. Для этого необходимо было привстать в стремях и некоторое время удерживаться в таком положении, для чего и были придуманы каблуки. Они помогали всаднику удерживаться в стремях, не теряя равновесия, обувь не проскальзывала благодаря каблуку-упору. В указанных заметках встречаются упоминания о том, что с IX в. появляются изображения персидских воинов в обуви на настоящем каблуке, но подтверждений этой информации обнаружить не удалось (История каблука).

По данным, приведенным С.С. Веселовой, в русском языке слово каблук впервые встречается в письменных источниках в 1509 г., оно заимствовано от тюркского «kabluk», которое в свою очередь происходит от арабского «kab», что означает «пятка, пятка», вторая часть слова образовалась на базе общеславянского корня luk – «изгиб, дуга». Она приводит возможную версию о появлении первых каблуков у всадников Золотой Орды, которым они тоже были нужны для удобной езды верхом (Веселова, 2017,

с. 2). Большинство авторов отмечают, что каблуки долго оставались принадлежностью именно мужской обуви. Обувь на каблуках, предназначенная для верховой езды, была чрезвычайно неудобна для пешей ходьбы. В качестве примеров можно привести изображения персидской и монгольской обуви для верховой езды XV–XVII вв. (рис. 5), которые демонстрируют как внешний вид, так и способ ее ношения. Особенно в реалиях (рис. 5: 3–4) обращает на себя внимание то, что каблук скошен по отношению к поверхности. Именно непрактичность этой обуви служила признаком высокого социального статуса, потому, отчасти, она и привлекла внимание европейской и русской элиты в XVI веке.

Суммируя эти данные, мы можем предположить, что еще в домонгольский период каблуки могли быть заимствованы жителями Волжской Булгарии непосредственно от персов и использоваться как элемент обуви всадников. Значительное количество находок железных набоек на Рождественском городище объясняется тем, что данный памятник интерпретируется как торгово-ремесленная фактория болгар (городок Афкула), куда приезжали купеческие караваны и где постоянно проживали болгарские ремесленники, что подтверждается наличием мусульманского кладбища (Белавин, Крыласова, 2008, с. 498–509). Вполне вероятно, что среди приезжих были воины-всадники – охранники караванов, которым и могла принадлежать обувь на каблуках.

Весьма любопытными представляются материалы, полученные на Рождественском городище в 2022 г. Наличие значительной серии целых и фрагментированных набоек, а также гвоздиков с цилиндрической шляпкой, которые еще не были в употреблении, позволяет предполагать, что на данном участке могла находиться обувная мастерская (или мастерская

Рис. 5. Примеры обуви персидских и монгольских всадников: 1 – обувь монгольского всадника, фрагмент средневековой персидской миниатюры (источник <https://zabavatat.ru/interesnoe/dlja-chego-byli-bridumany-kabluki>); 2 – иллюстрация из «Шахнаме» Фирдауси, XV в. (источник <https://dombusin.livejournal.com/88494.html>); 3 – персидские туфли для верховой езды, XVII век, Музей обуви Бата, Торонто, Канада (источник <https://dombusin.livejournal.com/88494.html>); 4 – сапог на каблучке (источник <https://vmiresmi.ru/350929/Kak-poyavilas-obuv-na-kablukah-i-prichem-zdes-vsadniki-iz-Drevneiy-Persii/>).

Fig. 5. Samples of Persian and Mongol riders' footwear: 1 – Mongol rider's footwear, fragment from Medieval Persian sketch; 2 – picture from Shahnameh by Ferdowsi, 15th century; 3 – Persian shoes for horse-riding, 17th century, Bata Shoe Museum, Toronto, Canada; 4 – heeled high-boot.

по ремонту обуви). Правда, по наличию ремесленных инструментов данный участок особо не выделялся среди прочих, изученных на городище. Здесь традиционно присутствовало много ножей (56 экз.), зубила и бородки (27 экз., в т. ч. бронзовый), шилья (6 экз.), иглы (46 экз.), с обработкой кожи (точнее, кожаных шнурков) свя-

зано больше количество костяных разбивильников (22 экз.) (Крыласова, 2023, с. 103–107). Среди стальных швейных игл обращают на себя внимание иглы с концом, изогнутым крючком, и в частности – большая толстая игла длиной 7,5 см с отогнутым концом (рис. 2: 15). Не исключено, что такие иглы могли применяться сапожниками.

Отметим, что среди многочисленных игл из материалов памятника нередко встречаются экземпляры с одинаково изогнутым концом, и не всегда такие согнутые иглы являются поврежденными, возможно, это какие-то специализированные иглы для особого вида работ.

Подводя итог, следует отметить, что надежда когда-либо обнаружить рассматриваемые набойки с сохранив-

шимся каблуком крайне мала. Хотя это, конечно, полностью развеяло бы все сомнения исследователей. Тем не менее данная категория предметов представляет значительный интерес как в плане изучения средневековой обуви (причем в контексте не только болгарской, но и общемировой истории костюма), так и в плане изучения тактики ведения конного боя.

Примечания:

² Выражаем благодарность В.И. Завьялову за научное консультирование и возможность использования базы лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГГПУ, 2008. 603 с.
2. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
3. *Веселова С.С.* Каблук в истории. Кириллов: Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2017. https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2017/951_file.pdf (дата обращения 29.05.2023)
4. *Вострокнутов А.В.* Городище Полюты – средневековый памятник археологии в бассейне Р. Иньва // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2018. С. 266–273.
5. *Завьялов В.И.* Археометаллография // Междисциплинарная интеграция в археологии: по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 252–278.
6. История каблука: <https://masterok.livejournal.com/1476568.html>; <https://pressa.tv/top/72163-top-10-privychnye-nam-modnye-tendencii-i-istorii-ih-poyavleniya-11-foto.html>; <https://novate.ru/blogs/160718/47111/>; https://vk.com/wall-29445847_494; <https://vmiresmi.ru/350929/Как-poyavilas-obuv-na-kablukah-i-prichem-zdes-vsadniki-iz-Drevnej-Persii/>; <https://dombusin.livejournal.com/88494.html>; (дата обращения: 28.05.2023)
7. Каблук из кожи сборный: <http://shoeslib.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st020.shtml> (дата обращения 01.06.2023)
8. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2022 г.: рукопись. Пермь: ПГГПУ, 2023. 119 с., ил.
9. *Курбатов А.В., Овсянников О.В.* Изделия кожевенного производства в городах Русского Заполярья XVI–XVII вв.: (Мангазея) // Археологические Вести. Вып. 6 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 1999. С. 245–271.
10. *Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
11. *Руденко К.А.* Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.
12. *Хлебникова Т.А.* Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 242–251.

Информация об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Смертин Андрей Романович, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); arsmertin@mail.ru

STILL – THESE ARE HEELTAPS
(ON THE TOPIC OF HEELED FOOTWEAR IN THE MIDDLE AGES)

N.B. Krylasova, A.R. Smertin

Among materials from the Volga Bulgaria of the 11th–13th centuries, as well as the territories under Bulgarian rule, forged oval-shaped articles reminiscent of shoe heel section can be found. There is no unanimous opinion concerning these finds among researchers. A considerable assortment of these items was excavated at the Rozhdestvensky settlement in the Perm Region. Analysis showed that they were made of raw steel, with the base a half-oval plate with folded edges and with three apertures for little cylinder-capped nails, the cap standing out on the item's surface. Cylinder nuts were put on the nails from the inner side and were forged when heated. The nuts held a leather plate in place, which was thought to be a lower lift of the built-up heel. Thus the items under scrutiny served as heeltaps. It is recognized that first heels appeared in the 9th century as a feature of Persian riders' footwear. They helped to hold the feet firmly in the stirrups when the warrior stood on the stirrups to shoot with a bow or to slash with a sabre more efficiently. Volga Bulgaria had close relations with Iran, therefore Bulgar riders may well have adopted a new kind of footwear. Even though there is no other evidence save the iron heeltaps, it may be assumed that heeled footwear was adopted in Volga Bulgaria sooner than in Rus and European countries, where it happened in the 16th century. This fact is essential for both studying the footwear of the Middle Ages and tactics of fighting on horseback.

Ключевые слова: archaeology, the Middle Ages, the Perm Region, Volga Bulgaria, forged items, heeltaps, lifted-up heel, riders, blacksmithing.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
2. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
3. Veselova, S. S. 2017. *Kabluk v istorii (The heel in history)*. Kirillov: Kirillo-Belozerskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik https://kirmuseum.org/sites/default/files/ebook/2017/951_file.pdf (accessed 29.05.2023)
4. Vostroknutov, A. V. 2018. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 14. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 266–273 (in Russian).
5. Zav'yalov, V. I. 2016. In Chernykh, E. N., Mishina, T. N. (eds.). *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii: po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov (Interdisciplinary integration in archaeology: based on lectures for graduate students and young specialists)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 252–278 (in Russian).
6. *Istoriya kabluka (The history of the heel)*: <https://masterok.livejournal.com/1476568.html>; <https://pressa.tv/top/72163-top-10-privychnye-nam-modnye-tendencii-i-istorii-ih-poyavleniya-11-foto.html>; <https://novate.ru/blogs/160718/47111/>; https://vk.com/wall-29445847_494; <https://vmiresmi.ru/350929/Kak-poyavilas-obuv-na-kablukah-i-prichem-zdes-vsadniki-iz-Drevney-Persii/>; <https://dombusin.livejournal.com/88494.html>; (accessed: 28.05.2023)
7. 2018. *Kabluk iz kozhi sbornyy* <http://shoeslib.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st020.shtml> (accessed 01.06.2023)
8. Krylasova, N. B. 2023. *Otchet o raskopkakh Rozhdestvenskogo gorodishcha v Karagayskom rayone Permskogo kraja v 2022 g.: rukopis' (Report on the excavations of the Rozhdestvensky settlement in the Karagaysky district of Perm Krai in 2022: Manuscript)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
9. Kurbatov, A. V., Ovsyannikov, O. V. 1999. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Dmitrii Bulanin" Publ., 245–271 (in Russian).

The study of the technical and technological analysis of products was carried out by A.R. Smertin at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023>. The study of the problem and attribution of products was carried out by N.B. Krylasova on the topic of the state task "Ural – the ethnic-cultural crossroads of Eurasia", reg. No. AAAAA-A19-119032590066-2.

10. Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bolgar Cities of the Cis-Kama area: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

11. Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992–1996)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).

12. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 242–251 (in Russian).

About the Authors:

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Smertin Andrey R. Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; arsmertin@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

НОВЫЕ НАХОДКИ ТАТАРСКИХ НАДМОГИЛЬНЫХ КАМНЕЙ XV–XVI В.: ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ И СПЕЦИФИКА¹

© 2023 г. И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов

В статье представлены новые находки татарских надмогильных камней периода Казанского ханства, обнаруженные в ходе эпиграфических экспедиций по районам За-казанья в 2019, 2022 гг., а также выявленные в результате археологических исследований Казани последних десяти лет. Всего представлено одиннадцать камней различной сохранности, датируемых XV–XVI вв. Дается расшифровка текстов эпитафий с переводом на русский язык, а также физические параметры и географические координаты памятников. Первичный анализ показывает, что в указанный период продолжались традиции изготовления и установки погребальных памятников, характерных для эпохи Волжской Булгарии, тем самым сохранялась преемственность. Отдельные детали и элементы узора дают основание предположить, что на территории Казанского ханства в указанный период сложилась своя, самостоятельная школа камнерезного искусства.

Ключевые слова: археология, эпиграфические памятники, эпитафийное искусство, казанская эпиграфическая школа (1480–1552), погребальные традиции у татар, Казанское ханство (XV–XVI вв.).

Введение. Изучение эпиграфики в качестве прикладного направления в последнее время становится все более актуальным. Это направление гуманитарной науки начинает выполнять междисциплинарную роль: эпиграфические источники дают богатый и эксклюзивный материал не только относительно отдельных исторических персоналий, но и попутно помогают раскрывать ряд неясных эпизодов прошлого. Они являются источником ценных сведений по истории, культуре, языку и литературе, этнографии и демографии, касательно того или иного региона или исторического периода.

В этом ракурсе исследования в области татарской эпиграфики являются актуальными не только в контексте татаристики, а в целом важны для отечественной исторической науки, поскольку изучение таких эпитафий, являющихся ценным и достоверным источником, дает дополнительный материал, способный закрыть существующие лакуны.

В плане региональной значимости

подобные исследования позволяют лучше понять культурную самобытность народа: сравнивая материалы из разных мест компактного проживания татар, можно выявить универсальные черты подобных надписей и определить существующие локальные традиции. Обнаруженные эпиграфические памятники раскрывают роль и значение развитой письменной культуры и системы образования, дают возможность выявить уровень развития каллиграфии. Все это в конечном итоге способствует восполнению многочисленных пробелов, существующих в татарской историографии, литературоведении, филологии, культурологии и археологии, связанные с недостаточностью оригинальных и аутентичных письменных источников, особенно периода Средневековья и Нового времени. Кодикологические исследования, систематизация и каталогизация этих источников необходимы для сохранения этого наследия для будущего поколения (Ахунов, Усманов, Гумеров, 2021, с. 28).

Изучение мусульманских эпигра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации в форме субсидий в рамках проекта № 075-15-2020-786 «История письма в европейской цивилизации».

фических памятников Волго-Уралья насчитывает трехсотлетнюю историю. Начиная с сер. XIX в. этой теме посвятили свои исследования такие ученые, как Х. Фейзханов (Фейзханов, 1863), А. Рахим (Рахим, 1930), С.Е. Малов (Малов, 1947, 1948), Г.В. Юсупов (Юсупов, 1960), Ф.Х. Валеев (Валеев, 1975), Ф.С. Хакимзянов (Хакимзянов, 1978), Д.Г. Мухаметшин (Мухаметшин, 2008) и др.

Все эти, несомненно, значимые научные труды сыграли важную роль в обобщении знаний, касающихся древних татарских надмогильных камней. Тем не менее назрела необходимость комплексного исследования татарских эпиграфических памятников Волго-Уральского региона, актуализации данных. Особенно учитывая тот факт, что ситуация с их сохранением заметно ухудшилась – в первую очередь в районах, входящих или примыкающих к крупным городским агломерациям. Активный промышленный рост в городах, механизация и химизация сельского хозяйства – все это ведет к повышенной экологической нагрузке на памятники, приводит к их ускоренному разрушению и исчезновению. Необходимо также учитывать последствия природных катаклизмов, а также человеческий фактор.

В настоящее время в области комплексного изучения татарской эпиграфики активно работают специалисты ряда научно-исследовательских центров г. Казани: Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (далее – ИЯЛИ АН РТ), Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (далее – ИА АН РТ), Национальной библиотеки РТ.

Авторы статьи в качестве научных сотрудников Центра письменного наследия ИЯЛИ АН РТ ежегодно принимают участие в не менее двух эпиграфических экспедициях по районам Республики Татарстан, местам

компактного проживания татарского населения в регионах Российской Федерации или в странах ближнего зарубежья, в 3–5 комплексных экспедициях, организованных ИЯЛИ АН РТ. В результате аккумулируются значительные объемы данных, касающиеся татарского эпиграфического наследия, которые постепенно обнародуются в научных изданиях, а также размещаются на портале Центра Miras.info.

Данная публикация также подготовлена на основе экспедиционных материалов. В научный оборот впервые вводятся данные о семи новых найденных надмогильных камнях XV–XVI вв., обнаруженных в ходе эпиграфических экспедиций в Высокогорский (2019 г.) и Рыбно-Слободский (2022 г.) районы Республики Татарстан, а также о двух памятниках, выявленных в ходе археологических раскопок, проводимых вблизи Казанского Кремля (ул. Большая Красная, 9) в 2017 г., и двух ранее известных, но научно не описанных камнях периода Казанского ханства, хранящихся на территории музея-заповедника «Казанский Кремль».

В ходе экспедиционного сезона 2019 и 2022 гг. ставилась задача проверить сохранность татарских эпитафийных памятников, провести их учет и инвентаризацию. В Высокогорском районе были исследованы некрополи 32 населенных пунктов. Этот регион Казанской агломерации выделяется значительной концентрацией ценнейших историко-культурных объектов – татарских надмогильных камней периода Казанского ханства. Были выявлены 230 эпиграфических памятников XIV – нач. XX вв.: произведена их полная фотофиксация, выполнены графические прорисовки наиболее ценных и трудночитаемых эпитафий, частично идентифицированы имена резчиков и каллиграфов, составлены списки надмогильных плит с учетом

датировки, точного месторасположения, физических и геоданных.

Исследования показали, что в целом памятников золотоордынского периода и Казанского ханства в Высокогорском районе сохранилось 29. Утраченными оказались три надмогильных камня, зафиксированных в сер. XX в. Всего эпитафийных памятников периода XVIII–XIX вв. было обнаружено 201 ед.

Полевые исследования на территории Рыбно-Слободского района охватили 34 населенных пункта, всего был зафиксирован 181 татарский эпиграфический памятник XIV – нач. XX вв. Наиболее ранние два надмогильных памятника были обнаружены в с. Большой Ошняк (из двух стел к настоящему времени сохранилась надпись только на одном). Другие некрополи, где имеются эпитафийные памятники времен Казанского ханства, – это эпитафии, расположенные возле населенных пунктов Мамли-Козяково-Челны (три стелы), Бердибяково (одна стела), Бикчураево Чаллы (одна стела) и на кладбище села Малый Атмас (две стелы, одна из них – во фрагментарном виде).

Вводимые в научный оборот новые высокогорские и рыбно-слободские эпитафийные памятники можно отнести к образцам т. н. «казанской школы». В целом они не выбиваются из общего стилистического контекста, характерного для данной местности и периода, но имеют свои особенности. Судя по характерным типологическим признакам, в большинстве своем они были изготовлены в специализированных городских мастерских. В пользу этого говорит использование мастерами повторяющегося эскиза-шаблона, высокая художественная и каллиграфическая техника исполнения этих камней. При этом ряд локальных памятников, оставаясь в рамках контекста, по своим палеографическим особенностям, декоративной составляющей, технике

резьбы – в целом по качеству исполнения, отличаются от вышеназванной группы в худшую сторону и, судя по всему, были изготовлены руками непрофессиональных мастеров.

К этой же казанской школе можно отнести и находки 2017 г., выявленные сотрудниками ИА АН РТ в ходе археологических раскопок в г. Казани по адресу: ул. Большая Красная, 9, неподалеку от Казанского Кремля. Под фундаментом отопительной печи постройки XVII–XVIII вв. были обнаружены фрагменты двух-трех татарских эпиграфических памятников периода Казанского ханства, которые были исследованы сотрудниками Центра письменного наследия ИЯЛИ АН РТ и также впервые вводятся в научный оборот.

Помимо этого, нами были изучены два ранее не описанных татарских надмогильных памятника, которые хранятся в настоящее время на территории музея-заповедника «Казанский Кремль». По своим типологическим признакам эти два артефакта также относятся к периоду Казанского ханства. Данные об этих камнях также представлены в публикуемой статье. В целом по результатам визуального осмотра казанских находок можно предварительно датировать их в границах 2-й пол. XV в. – сер. XVI вв.

В соответствии со стилем, оформлением, техникой резьбы и почерком все новонайденные находки можно отнести к трем группам казанской школы.

Термин «казанская школа» впервые вводится в научный оборот. Под ним понимается ряд специфических характеристик: совокупность традиций резьбы по камню и письма, распространенных в казанском ареале (как правило, на территории Казанского ханства, преимущественно в период кон. XV – нач. XVI вв.), следование единой форме в изготовлении камней (большой частью, килевидно-

стрельчатой), использование богатого орнаментального рисунка с преобладанием растительных мотивов, введение в оборот дополнительного эпитафийного поля (на задней стенке камня) с указанием имени заказчика из круга близких людей покойного. В свою очередь, казанская школа включает в себя 3 группы камней, разделенные по хронологическому и типологическому принципу. При этом, учитывая относительную недолговечность существования казанской школы – около 80 лет, в отдельных случаях допускается параллельное функционирование всех трех групп.

Каждой из трех групп казанской школы характерны следующие особенности:

1-я группа камней (1480–1515 гг.) (рис. 1, 4) – это направление, сформировавшееся в городских и сельских центрах Казанского ханства в период к. XV – перв. четв. XVI вв. под влиянием золотоордынских и болгарских традиций. Условно его можно назвать переходным периодом, шел процесс поэтапного возрождения болгарского эпиграфического искусства силами казанских (и вполне возможно, при участии провинциальных) резчиков письма по камню.

Подобные камни, как правило, имеют небольшие габаритные размеры, однако среди них встречаются и более монументальные образцы – высотой до 120 см, укрепленные в пазах каменного основания. Как правило, по краям таких памятников вырезалась рельефная полоса с геометрическими плетенками небрежного исполнения, где не всегда соблюдаются элементарные правила построения композиций. Нередко нарушалась равномерность полос и четкость линий в зоне эпитафийного поля. Очевидно, работы выполнялись без предварительного эскиза или трафаретного шаблона, почерком скорописи в технике плоскорельефной резьбы, где не выдер-

жаны многие требования, например, одинаковые наклоны вертикальных элементов или пропорциональность арабских букв. В некоторых работах этой группы использовались две техники резьбы – врезанная и рельефная или одновременно смешанная.

На *тимпане* размещались коранические изречения, небрежно выполненные почерком «сульс» (приближенным к «насху»): не совсем четко соблюдалась строгость линейных строк и полос по краям текстового поля с геометрическим орнаментом (например, в виде жгута или мотива «узла счастья»), переходящим в наверхшие, которое повторяло стрельчатую форму тимпана. Создается ощущение, будто они выполнялись экспромтом, без предварительного эскиза или применения трафаретного шаблона.

Из палеографических особенностей можно отметить следующие: в некоторых случаях при написании буквы «син» встречаются буквенные символы с тремя точками (سٓ), вошедшие в оборот в золотоордынское время и, как правило, используемые в болгарских надписях.

2-я группа камней (1515–1530 гг.) (рис. 2, 3). К этому времени уже сложилась стандартного типа, но более высокого уровня техники исполнения серийных образцов традиция. Очевидно, памятники этого времени не обладали монументальными габаритами и имели форму плиты со стрельчатой аркой, наземные размеры которой не превышали 120–130 см. Как правило, эпитафии этой группы выполнялись в рельефной технике, с обязательным использованием растительного орнамента мотива виноградной лозы, повторяя внешний контур памятника. Тимпан заполнялся крупными мотивами шаблонного цветочно-растительного узора в зеркальной композиции, символизирующей райский сад.

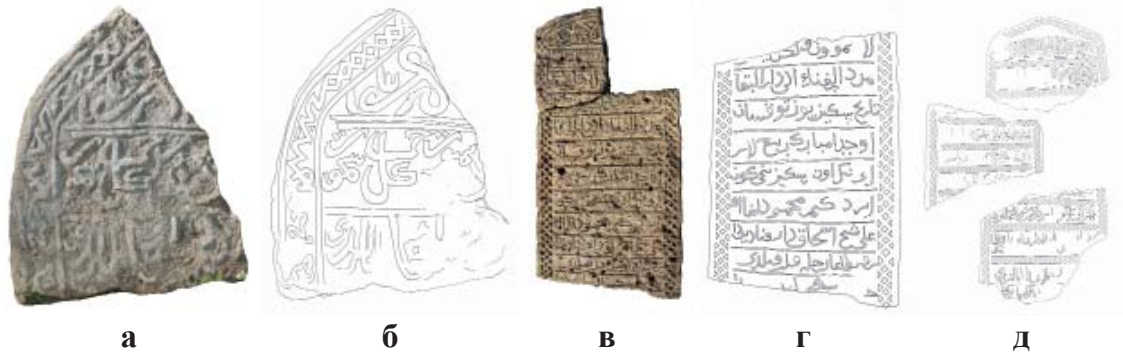

Рис. 1. Фрагменты надмогильных памятников кон. XV – нач. XVI вв., обнаруженных в Высокогорском и Пестречинском районах Республики Татарстан: а–б – фрагмент надмогильного камня, обнаруженного в с. Ибря Высокогорского р-на РТ с прорисовкой; в–д – фрагменты надмогильного камня, расположенного в с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на РТ.

Fig. 1. Fragments of gravestones of the late 15th – early 16th centuries, found in the Vysokaya Gora and Pestretsy districts of the Republic of Tatarstan.

3-я группа камней (1530–1552 гг.) (рис. 5–11). Сохранившиеся памятники данного периода являются венцом татарского эпиграфического монументального искусства. В отличие от более ранних камней отличаются количеством, разнообразием, утонченностью, высоким качеством исполнения растительного орнамента, в том числе и каллиграфического.

Как правило, орнамент верхней части составляет «затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов – розеток, завершаются трилистником-тюльпаном; в центре розетка, по обе стороны ее продолговатые стилизованные листья» (Дульский, 1929, с. 24). Надписи выполнялись почерком «сульс» на арабском и старотатарском языках, размещенных на фронтальном эпитафийном поле (как правило, от 7 до 9 строк). Эти памятники отличаются от первого и второго вида еще своими пропорциональными соотношениями (они по габаритам больше) т. е. монументальностью. Но среди них по манере исполнения имеется множество и небрежно исполненных (второго уровня) композиций, очевидно, не являющихся работами профессиональных резчиков.

Ниже помещаются описания 11 новонайденных надмогильных па-

мятников XV–XVI вв. Даются сведения о датировке, месте обнаружения, физических параметрах, расшифровка текстов эпитафий, их перевод на русский язык и краткие комментарии. Описание построено по хронологическому принципу. Графическая реконструкция (прорисовка) выполнена В.М. Усмановым.

Неатрибутированный надмогильный памятник № 1 (фрагмент) (рис. 1), с. Ибря Высокогорского района Республики Татарстан. Его координаты: N 56°01.827', E 049°12.402'. Размеры: 20×63×65. Типологически относится к 1-й группе казанской школы. Предварительная датировка (1480–1515 гг.) определена по аналогии – типологическим признакам схожего датированного памятника (с. Тат. Ходяшево Пестречинского района РТ) (рис. 1: в, г, д).

На лицевой стороне фрагмента имеется рельефная надпись на арабском языке, состоящая из трех строк (рис. 1: а, б). Из них частично читается лишь несколько слов:

...
[هو الحي الذي لا يموت] و كل الحي سيموت

...

...

[Он Аллах живой, который не умирает], все живущее умрет¹

.....

Рис. 2. Надмогильный камень, обнаруженный в с. Ибря Высокогорского р-на РТ в различных ракурсах: а – фронтальный вид (фото), б – фронтальный вид (прорисовка); в – надписи на боковых стенках (фото и прорисовка); г – вид памятника (вполуоборот).
Fig. 2. Gravestone, discovered in the village of Ibrya, Vysokaya Gora district RT (from different angles).

Неатрибутированный надмогильный памятник № 2 (рис. 2: а–г), с. Ибря Высокогорского района Республики Татарстан. Имеет лучшую сохранность. Его координаты: N 56°01.838', E 049°12.360'. Размеры: 12×45×87 см. Предварительная датировка: нач. XVI в. Типологически относится ко 2-й группе казанской школы.

На лицевой стороне сохранилась рельефная надпись на арабском и на старотатарском языках (рис. 2: а, б):

قال الله تعالى كل نفس ذا
يقاة الموت قال النبي عليه
السلام الدنيا ساعة [فاجعلها طاعة]
تاريخ توفوز [بوز] ...

Сказал Аллах Всевышний, каждая душа вкусит смерть. Сказал пророк, да будет мир над ним: Мир есть час, [так используй его в богоугодных делах].

По летоисчислению в девятьсот ... году ...

На левой боковой стенке памятника имеется рельефная надпись на старотатарском языке (рис. 2: в):

كورارمن دنياى ويران بارى
هميشه باقى ايرمس يوق قرارى

Вижу этот мир в руинах,
Не останется он в постоянстве вечным, и нет
другого решения [у Всевышнего].

Аналогичная по содержанию рельефная надпись, но уже на арабском языке нанесена на правой боковой стенке надмогильного памятника

(рис.2: в):

ارى الدنيا حربا باعتبارى
فلا يبقى مداما بالقرارى

Вижу этот мир в руинах,
Не останется он в постоянстве вечным, и нет
другого решения [у Всевышнего].

Неатрибутированный надмогильный памятник № 3 (рис. 3: а, б), с. Мульма Высокогорского района Республики Татарстан. Сохранность хорошая. Размеры: 13×47×91 см. Точная датировка неизвестна. Типологически относится ко 2-й группе казанской школы (1515–1530 гг.).

Очевидно, композиция выполнялась по предварительному эскизу или шаблону аналогично предыдущей, с использованием мотива виноградной лозы в виде бордюра по абрису стелы, а в тимпане вырезалась сложившаяся и устоявшаяся к этому времени неустойчивая полуразетка с бутончиками цветов.

На лицевой стороне памятника имеется рельефная надпись на арабском языке:

قال الله تبارك و تعالى
كل نفس ذائقة الموت

Сказал Аллах Преславный и Всевышний:
Каждая душа вкусит смерть.

На правой боковой стенке памят-

Рис. 3. Вид памятника, обнаруженного в с. Мульма Высокогорского р-на РТ (вид спереди и вполуоборот): а – фронтальная и левая боковая части (фото); б – надпись на левой стенке (фото).

Fig. 3. Gravestone, discovered in the village of Mulma, Vysokaya Gora district RT (view from the front and half-turn).

ника имеется рельефная надпись на арабском языке:

ارى الدنيا حربا باعتبارى

Вижу этот мир в руинах

На левой боковой стенке памятника (рис. 3: б) имеется продолжение рельефной надписи на арабском языке:

فلا يبقى مداما بالقرارى

Не останется он в постоянстве вечным, и нет другого решения [у Всевышнего].

Неатрибутированный надмогильный памятник/фрагмент № 4 (рис. 4: а, б), с. Ибря Высокогорского района Республики Татарстан. Датировка: 1515 г. Его координаты: N 56°01.827', E 049°12.402'. Размеры: 20×63×65 см. Типологически отно-

сится к 1-й группе казанской школы.

На лицевой стороне памятника имеется рельефная надпись на арабском и на старотатарском языках (рис. 4: а, б):

...
[قال النبي عليه السلام الدنيا] ساعة فاجعلها طاعة
تاريخ توفوز يوز يكرمى بر ده رمضان [ابنده] ... محمد
او على محشى فنادين ...

...
[Сказал пророк, да будет мир над ним:
Мир есть] час, так используй его в богоугодных делах.

По летоисчислению в девятьсот двадцать первом году [в месяце] Рамадан ...
Мухаммад ...сын Мухши из мира брального ...

Эпиграфический памятник Уразлы, сына Уразходжи, № 5 (рис. 5: а-в), с. Малый Атмас Рыб-

а

б

Рис. 4. Фрагмент эпитафийного памятника, обнаруженного в с. Ибря Высокогорского р-на РТ. Фронтальный вид: а – фото; б – прорисовка.

Fig. 4. Fragment of the sepulchral monument, discovered in the village of Ibrya, Vysokaya Gora district RT.

Рис. 5. Надмогильный камень, обнаруженный в с. М. Атмас Рыбно-Слободского р-на РТ (нижняя часть отсутствует): а – вид спереди, изображение надписей на левой и правой боковых стенках (фото); б – прорисовка фронтальной части памятника; в – фото и прорисовка нижней половины фронтальной части памятника (фото и прорисовка).

Fig. 5. Gravestone, discovered in the village of M. Atmas, Rybnaya Sloboda district RT (lower part is missing).

но-Слободского района¹ Республики Татарстан. Фрагмент памятника. Размеры: 15×52,5×114 см. Координаты: N 55°33.367', E 050°08.611'. Датировка: 1533/1534 гг. Типологически относится к 3-й группе казанской школы (локальное/провинциальное исполнение).

На лицевой стороне памятника имеется рельефная надпись на арабском и на старотатарском языках (рис. 5: б, в)):

قال الله سبحانه و تعالی ...
قال الله تعالی كل نفس ذائقة الموت
قال النبی علیه السلام [الدنيا ساعة] فاجعلها طاعة
قال النبی علیه السلام من مات عربياً قد مات شهيداً
تاریخ توقوز یوز قرق دا ذوالحجه
آیندا ایردیکم اوراز خوجه اوغلی اورازلی

Сказал Аллах Преславный и Всевышний: ...

Сказал Аллах Всевышний: Каждая душа вкусит смерть.

Сказал посланник Аллаха, да будет мир над ним: [Мир есть час,] так используй его в богоугодных делах.

Сказал пророк, да будет мир над ним: Тот кто умрет на чужбине, тот умрет шахидом.

По летоисчислению в девятьсот сороковом году в месяце Зуль-хиджа
Уразходжи сын Уразлы

На левой боковой стенке памятника имеется рельефная надпись на арабском языке (рис. 5: а):

اری الدنيا حرباً باعتباری

فلا يبقى مداما بالقراری

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и нет другого решения [у Всевышнего].

Аналогичная по содержанию рельефная надпись, но уже на старотатарском языке нанесена на правой боковой стенке надмогильного памятника (рис. 5: а):

کورار من دنیای ویران باری
همیشه باقی ایرمس یوق قراری

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и нет другого решения у Всевышнего.

Неатрибутированный надмогильный памятник № 6 (фрагмент) (рис. 6: а, б), с. Малый Атмас Рыбно-Слободского района Республики Татарстан. Размеры: 21×21×38 см. Координаты: N 55°33.367', E 050°08.611'. Предварительная датировка: 1530–1552 гг. Типологически относится к 3-й группе казанской школы.

В верхней части (в тимпане) изначально был выполнен рельефный узор, изображающий плетение растительных форм. В оформлении бордюра использовался мотив виноградной лозы, тюльпана или растительного побега. Такого типа памятники (см. образец камня из с. Васюково Зеленодольского района Республики Татарстан) (рис. 6: в) имели выверен-

Рис. 6. Изображение надмогильных памятников, сохранившихся в полном и фрагментарном виде в Зеленодольском и Рыбно-Слободском р-не РТ: а–б – фрагменты фронтальной и боковой частей памятника, обнаруженного в с. М. Атмас Рыбно-Слободского р-на РТ (фото и прорисовка); в – вид спереди и изображение надписи на правой боковой стенке памятника, обнаруженного в с. Васюково Зеленодольского р-на РТ (фото).

Fig. 6. Image of the sepulchral monuments, preserved completely or fragmentally in Zelenodolsk and Rybnaya Sloboda districts RT.

ную и сложившуюся из нескольких видов композицию с использованием разных орнаментальных растительных мотивов. Работы выполнялись по определенному предварительному эскизу, с четким расположением частей декора. Надписи выполнялись классическим почерком «сульс» на арабском и татарском языках

На лицевой стороне (на фрагменте) памятника имелись рельефные надписи на арабском и на старотатарском языках

.....
كل من عليها] فان يبقى وجه
.....

[Все что на ней (на земле) – бренно] и останется вечно (лишь) лик [Господа твоего]

На левой боковой стенке памятника имеется рельефная надпись на арабском языке:

ارى الدنيا حربا باعتبارى
فلا يبقى مداما بالقرارى

Вижу этот мир в руинах,
Не останется он в постоянстве вечным, и нет
другого решения [у Всевышнего].

Аналогичная по содержанию рельефная надпись, но уже на старотатарском языке нанесена на правой боковой стенке надмогильного памятника:

كور ار من دنياى ويران بارى
هميشه باقى ايرمس يوق قرارى

Вижу этот мир в руинах,
Не останется он в постоянстве вечным, и нет
другого решения [у Всевышнего].

Эпиграфический памятник сына Габбаса № 7 (рис. 7: а–к), с. Ямашурма Высокогорского района. Размеры: 11×50×150 см. Координаты: N 55°58.735', E 049°36.156'. Предварительная датировка: 1530–1552 гг. Типологически относится к 3-й группе казанской школы.

Образцы камней этого времени отличаются совершенством техники резьбы, мастерством исполнения растительного и каллиграфического декора. В верхней части на тимпане врезан орнамент, изображающий плетение растительных форм, но более усложненного типа. По бордюру текстовой части пущен орнамент в виде своеобразного мотива побега.

На лицевой стороне памятника имеется рельефная надпись на арабском и на старотатарском языках (рис. 7: а, б, в, г):

قال الله تبارك و تعالى
كل من عليها فان يبقى وجه
تاريخ توفوز يوز ايليك يتى ده
... صفر ايندا عباس او غلى
طاي كافر [شهيد] قىلدى

Рис. 7. Надмогильный камень, обнаруженный в с. Ямашурма Высокогорского р-на РТ (расколот надвое): а–г – вид спереди верхней и нижней частей (фото и прорисовка); д–е – вид левой боковой стенки (фото и прорисовка); ж – оборотная сторона памятника (фото и прорисовка); з–к – вид памятника вполуоборот с изображением надписей на правой и левой боковых стенках (фото и прорисовка).

Fig. 7. Gravestone, found in the village of Yamashurma, Vysokaya Gora district RT (split in two).

Сказал Аллах Преславный и Всевышний:
Все что на ней (на земле) – бренно, и останется
вечно (лишь) лик [Господа твоего].
По летоисчислению девятьсот пятьдесят ...
году
в месяце Сафар 'Аббаса сын ...
тай [от руки неверного погиб]

На оборотной стороне памятника
имеется рельефная надпись на старотатарском языке (рис. 7: ж):

حلالی زریف بنا قیلدی

Супруга (погребенного) Зарифа воздвигла.

На правой боковой стенке памятника
имеется рельефная надпись на арабском языке (рис. 7: з, и, к):

اری الدنيا حربا باعتباری
فلا یبقی مداما بالقراری

Вижу этот мир в руинах,
Не останется он в постоянстве вечным, и нет
другого решения [у Всевышнего].

Аналогичная по содержанию рельефная надпись, но уже на старотатарском языке, нанесена на левой

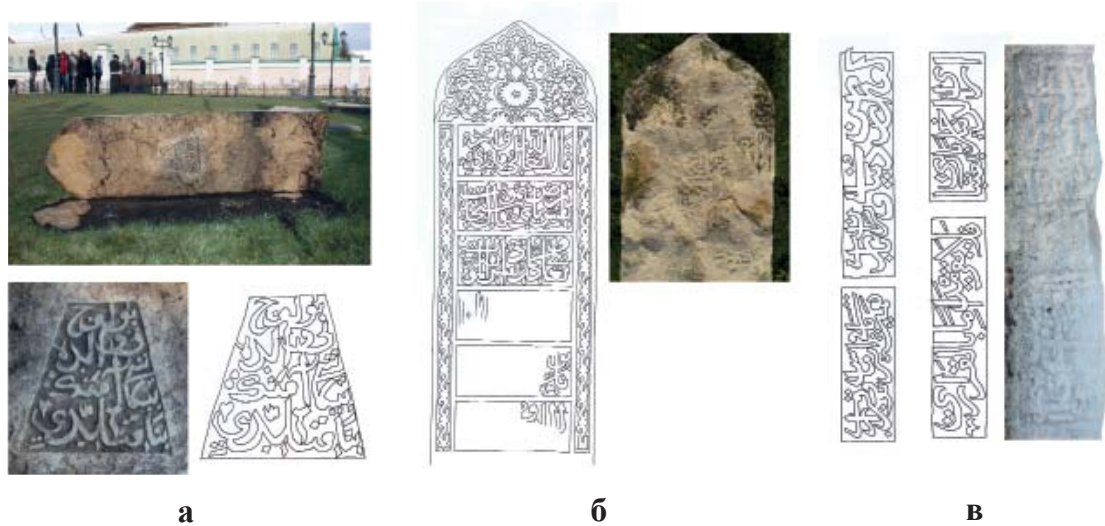

Рис. 8. Надмогильный камень, находящийся на территории музея-заповедника «Казанский Кремль»: а–б – расположение на оборотной стороне узорная рамка – место указания заказчика памятника (фото и прорисовка); в – фронтальный вид (фото и прорисовка); г – надпись на левой (прорисовка) и на правой (прорисовка и фото) боковых стенках.

Fig. 8. Gravestone, located in the Kazan Kremlin.

боковой стенке надмогильного памятника (рис. 7: г, д):

كورار من دنيانى ويران بارى
هميشه باقى ايرمس يوق قرارى

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и нет другого решения [у Всевышнего].

Неатрибутированный надмогильный памятник № 8 (рис. 8: а–д), г. Казань, музей-заповедник «Казанский Кремль». Предварительная датировка: 1530–1552 гг. Размеры: 16×45,5–52,5×165 см. Типологически относится к 3-й группе казанской школы.

Рельефные надписи этого надмогильного камня стерты до неузнаваемости. В качестве «опорных точек» для реконструкции устойчивых выражений в этой эпитафии мы используем несколько ключевых слов и набор букв, которые читаются более или менее уверенно. Основная же часть текста не сохранилась, остались лишь отдельные отрывочные слова и буквы.

На лицевой стороне памятника имелась рельефная надпись на арабском и на старотатарском языках (рис. 8: в):

[قال الله] تعالى [و ما تدرى]
[نفس باى ارض] تموت [و قال سبحانه]
[و تعالى كل نفس ذائقة الموت]

[Сказал Аллах] Всевышний: [и не знает]
[душа, на какой земле она] умрет. [И сказал
Преславный]

[и Всевышний: каждая душа вкусит смерть].

На оборотной стороне памятника имеется рельефная надпись на старотатарском языке (рис. 8: а, б):

بو لوح
نى والده
سى أمنك بيكه
بنا قىلدى

Этот памятник
дочь (погребенного)
Аманэк Бикэ
соорудила

На правой боковой стенке памятника имеется рельефная надпись на арабском языке (рис. 8: г):

ارى الدنيا حربا باعتبارى
فلا يبقى ماداما بالقرارى

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и нет другого решения [у Всевышнего].

Аналогичная по содержанию рельефная надпись, но уже на старотатарском языке нанесена на левой боковой стенке надмогильного памятника (рис. 8: г):

Рис. 9. Надмогильный камень, находящийся на территории музея-заповедника «Казанский Кремль»: а – вид спереди (фото и прорисовка).

Fig. 9. Gravestone, located in the Kazan Kremlin.

کورارمن دنیانی ویران باری
همیشه باقی ایرمس یوق قراری

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и
нет другого решения [у Всевышнего].

Неатрибутированный надмогильный памятник № 9 (рис. 9: а), г. Казань, музей-заповедник «Казанский Кремль». Размеры: 16×46,2 – 49–52,5×178 см. Типологически относится к 3-й группе казанской школы (1530–1552 гг.).

На лицевой стороне памятника имеется рельефная надпись на арабском и на старотатарском языках (рис. 9: а, б, в, г):

قال الله تبارك و تعالی
کل من علیها فان و یبقی وجه
ربک ذوالجلال والاکرام

.....
Сказал Аллах Преславный и Всевышний:
Все, что на ней (на земле) – бrenно, и
останется (лишь) лик
Господа твоего, обладателя величия и
почтения.

.....
На правой боковой стенке памятника имеется рельефная надпись на арабском языке:

اری دنیا حربا باعتباری
فلا یبقی ماداما بالقراری

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и
нет другого решения [у Всевышнего].

Аналогичная по содержанию рельефная надпись, но уже на старотатарском языке нанесена на левой боковой стенке надмогильного памятника:

کورارمن دنیانی ویران باری
همیشه باقی ایرمس یوق قراری

Вижу этот мир в руинах,

Не останется он в постоянстве вечным, и
нет другого решения [у Всевышнего].

В данной статье нами предпринята попытка классифицировать татарские надмогильные камни, разделив

их по типологическим признакам на три группы казанской эпиграфической школы. Также в научный оборот введены новые, ранее неописанные эпитафийные памятники периода существования Казанского ханства.

Все они имеют общие, характерные в целом для татарской эпиграфической традиции особенности. Это широкое использование цитат из Корана, хадисов, классической поэзии Востока. Имеются отрывочные данные об отдельных религиозных и политических деятелях своего времени, по сохранившейся на отдельных камнях датировке можно определить приблизительные годы их жизни.

В эпитафиях тексты писались на арабском и старотатарском языках достаточно устоявшимися трафаретными фразами, которые прочно вошли в татарский язык и, следовательно,

были знакомы большинству посетителей кладбищ. В палеографическом отношении исполнены в основных стилях «наسخ» и «сульс».

По оформлению надмогильные камни золотоордынского и казанского периода продолжают болгарские художественно-декоративные традиции. Надмогильные камни поздних периодов (XVII – первой половины XVIII вв.) представлены в основном «казанским» стилем. Сами камни выполнены в рамках требований исламских традиций, являются неотъемлемой частью монументального искусства всего мусульманского востока. В основном они отличаются по языку, по своим региональным элементам составления композиций или индивидуальным особенностям декорировки подчерка.

Примечания:

¹ Сура «Ал-Фуркан», 58 аят.

² В период подготовки статьи к печати, информация об этом надмогильном камне была размещена Р. Мардановым и И. Хадиевым в журнале «Безнең мирас» («Наше наследие»), 2023. № 6. С. 36).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахунов А.М., Усманов В.М., Гумеров И.Г. Время читать камни. По результатам эпиграфических экспедиций в Пестречинский и Азнакаевский районы Республики Татарстан // Калейдоскоп культур: сборник материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан / Отв. ред. Н.В. Герасимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 27–34.
2. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.
3. Дульский П. Несколько слов по поводу орнаментики памятников XVI–XVII вв. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского. 1929. С. 22–27.
4. Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. 1947. Вып. I. С. 38–45.
5. Малов С.Е. Булгарская и татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока. 1948. Вып. II. С. 41–48.
6. Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. 132 с.
7. Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. 1930. Т. I. С. 145–172.
8. Усманов В.М. Эпиграфика Казанского ханства. Казань, 2023. 568 с.
9. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия Императорского археологического общества. Т. IV. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1863. С. 396–404, табл. III (прилож.).
10. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М.: Наука, 1978. 206 с.
11. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: АН СССР, 1960. 322 с.

Информация об авторах:

Гумеров Ильгам Гусманович, кандидат филологических наук, заведующий Центром письменного наследия. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань, Россия); ilham05@bk.ru

Ахунев Азат Марсович, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань, Россия); aakhunov@gambler.ru

Усманов Венер Мударисович, научный сотрудник. Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань, Россия); v.m.usmanov@mail.ru

NEW DISCOVERIES OF TATAR GRAVESTONES OF THE 15TH–16TH CENTURIES: THEIR CLASSIFICATION AND SPECIFIC FEATURES

I.G. Gumerov, A.M. Akhunov, V.M. Usmanov

The article presents new findings of Tatar tombstones from the period of the Kazan Khanate, discovered during epigraphic expeditions in the regions of Trans-Kama area in 2019 and 2022, as well as identified through archaeological research in Kazan over the last decade. A total of eleven stones of varying preservation, dated to the 15th–16th centuries, are presented. The paper includes the deciphering of the epitaph texts with translations into Russian, as well as the physical parameters and geocoordinates of the monuments. Preliminary analysis indicates that during the specified period, the traditions of manufacturing and installing burial monuments, characteristic of the Volga Bulgaria era, continued, thereby maintaining continuity. Certain details and pattern elements suggest that in the territory of the Kazan Khanate during the specified period, a distinct, independent school of stone-carving art had emerged.

Keywords: archaeology, epigraphic monuments, epitaph art, burial traditions of Tatars, Kazan epigraphic school (1480–1552), Kazan Khanate (15th–16th centuries).

REFERENCES

1. Akhunov, A. M., Usmanov, V. M., Gumerov, I. G. 2021. In Gerasimova, N. V. (ed.). *Kaleydoskop kul'tur: sbornik materialov po rezul'tatam nauchnykh ekspeditsiy po izucheniyu kul'tury narodov Respubliki Tatarstan (Kaleidoscope of cultures: a collection of materials based on the results of scientific expeditions to study the culture of the peoples of the Republic of Tatarstan)*. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 27–34 (in Russian).
2. Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval art in the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Dul'skiy P. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamyatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)* vol. III. Kazan: "Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo" Publ., 22–27 (in Russian).
4. Malov, S. E. 1947. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* I, 38–45 (in Russian).
5. Malov, S. E. 1948. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* II, 41–48 (in Russian).
6. Mukhametshin, D. G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamyatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar epigraphic sites. Regional features and ethnic-cultural versions)*. Series "Archaeology of the Eurasian steppes". Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
7. Rakhim, A. 1930. In *Trudy Obshchestva izucheniya Tatarstana (Proceedings of the Society for the Study of Tatarstan)* vol. I., 145–172 (in Russian).
8. Usmanov, V. M. 2023. *Epigrafika Kazanskogo khanstva (Epigraphy of the Kazan Khanate)*. Kazan (in Russian).
9. Feyzkhanov, Kh. 1863. In *Izvestiya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Archaeological Society)* 4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 396–404 (in Russian).
10. Khakimzyanov, F. S. 1978. *Yazyk epitafiy volzhskikh bulgar (The language of the Volga Bolgar epitaphs)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of subsidies within the framework of project No. 075-15-2020-786 "The History of writing in European civilization".

11. Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskiyu epigrafiku (Introduction to the Bolgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Gumerov Ilgam G. Candidate of Philological Sciences. G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. K. Marx Str., 12/4, Kazan, 420111, Russian Federation; ilham05@bk.ru

Akhunov Azat M. Candidate of Philological Sciences. Associate Professor. G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. K. Marx Str., 12/4, Kazan, 420111, Russian Federation; aakhunov@rambler.ru

Usmanov Vener M. G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. K. Marx Str., 12/4, Kazan, 420111, Russian Federation; v.m.usmanov@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.4.46.250.261>**ГРУППА АМФОР КЛЕЙМА SSS В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ¹**

© 2023 г. С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский

В статье представлен краткий очерк о второй по численности группе импортных тарных амфор на территории Золотой Орды, которая получила в научной литературе название «амфоры группы клейма SSS». Она была выделена в материалах Восточной Европы И.В. Волковым. Им была прослежена её эволюция на протяжении XII–XIII вв. Приводится обзор мнений различных исследователей о месте их производства. На настоящий момент предложено минимум четыре варианта: Палестина, Киликия (?), Фессалоники, Западная Грузия. Было высказано мнение о неправомерности выделения данной группы амфор. Все предложенные гипотезы опираются на косвенные данные и логические построения, исходящие из неодинаковых посылок. По мнению авторов статьи, амфоры группы клейма SSS происходят с территории Западной Грузии периода расцвета централизованного государства в Грузии. Дана оценка численности находок и географии их распространения. Охарактеризованы наиболее характерные признаки сосудов группы. Учитывая, что в золотоордынский период амфоры группы клейма SSS поступали на протяжении всего нескольких десятилетий в середине – третьей четверти XIII в., их выявление очень важно для выявления наиболее ранних комплексов на оседлых поселениях Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Причерноморье, Трапезунд, Западная Грузия, международная торговля, гончарство, амфоры, клейма, горшки.

Импортная тарная керамика, поступающая во второй половине XIII – начале XV вв. в города и сельские поселения Золотой Орды, является важным источником для изучения не только международной торговли, но и развития экономики самой Золотой Орды, а также ценным датированным материалом. Подавляющее большинство находок относится к числу амфор трапезундской группы, но наряду с ними в Восточную Европу поступала продукция ещё целого ряда центров, которые привлекли пока ещё недостаточное внимание исследователей в силу сильной фрагментированности находок, которые зачастую даже не относят к числу импортной тары. Между тем иногда их выявление может иметь немалую научную ценность.

В домонгольский период византийские амфоры получили значительное распространение на территории Древней Руси (Коваль, 2010, с. 150–172), после чего их поступление в русские

земли в короткие сроки прекращается (Коваль, 2010, с. 193). Однако очень быстро для сбыта византийского вина открывается более близкий и гораздо более ёмкий рынок – оседлые поселения на территории Золотой Орды. Через их сеть вино становится намного доступнее и для кочевников восточно-европейских степей.

В данной статье мы рассмотрим группу керамики, получившую в научной литературе название «амфоры группы клейма SSS». По числу находок на золотоордынских памятниках она занимает второе место после трапезундских амфор и представляет широкую географию распространения – от Крыма до Болгара. Своё название она получила по единственному известному клейму из раскопок Новгорода. Группа была выделена И.В. Волковым в материалах поселений Приазовья (Волков, 1994, с. 3–8), Новгорода (Волков, 1996, с. 95–96, рис. 4; Волков, 2017, с. 172–180) и Восточной Европы в целом (Волков,

¹ Работа над статьёй была выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 4 «Археонет»).

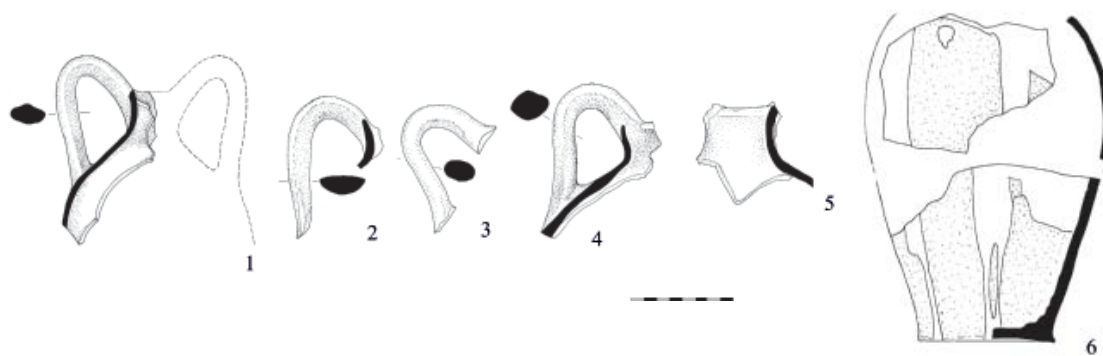

Рис. 1. Амфоры группы клейма SSS. 1 – Азак, сп. Р. Люксембург, 15, яма 3А (2001 г.); 2–6 – Азак, ул. Московская, 4, яма 7 (2005 г.), раскопки А.Н. Масловского.

Fig.1. Amphoras of the SSS stamp group. 1 – Azak, sp. R. Luxemburg, 15, pit 3A (2001); 2–6 – Azak, Moskovskaya str., 4, pit 7 (2005), excavations by A.N. Maslovsky.

2001, с. 135–144). По сравнению с другими центрами производства керамической тары византийского круга степень стандартизации здесь ниже, но тем не менее само наличие пусть и единичных клейм предполагает существование власти, которая бы контролировала это производство. При известных оговорках следует признать сосуды этой группы продукцией одного региона с достаточно специфическими общими для них признаками.

Несмотря на относительную немногочисленность, эта группа керамики породила одну из самых продолжительных дискуссий. И.В. Волковым было обосновано производство этих амфор на территории Палестины (Волков, 2001, с. 140–144). Основаниями для этого послужили: 1) прочтение этого клейма как латинской монограммы, 2) наблюдение о малочисленности находок, что говорит о поступлении амфор из-за пределов Причерноморья, 3) наблюдение за хронологией поступления амфор в Восточную Европу, которая примерно совпадает с периодом существования государств крестоносцев, а пик их импорта приходится на время существования Латинской империи, после чего резко идет на спад. Другие аргументы сводились к тому, что в Палестине производилось качественное вино и другие продукты, подхо-

дящие для транспортировки в амфорах, существовали торговые контакты с Восточной Европой.

В.В. Булгаковым, на основании анализа распространения находок XII в., была выдвинута альтернативная гипотеза о производстве таких амфор в Фессалонике (Булгаков, 2000). В рамках его системы доказательств эта версия выглядит вполне логичной. Неясно только, учитывает ли она находки XIII в. Она также не объясняет совпадения деталей технологии производства амфор группы клейма SSS и «трапезундской» группы (о чем см. ниже). Даже если принять предложенную автором локализацию этих производственных центров, расстояния между ними слишком велики, чтобы допустить заимствование технологического приёма, несущественного для потребительских свойств амфоры.

Одним из авторов данной статьи было предложено ещё одно определение места производства амфор группы клейма SSS (Масловский, 2006а, с. 445–446). Оно базируется на следующих аргументах, которые со временем удалось дополнить.

Малочисленность находок в пределах Восточной Европы мнимая. Проблема в том, что исследователи не обращают внимания на эту группу керамики и до недавнего времени особо её не выделяли. Скорее следует

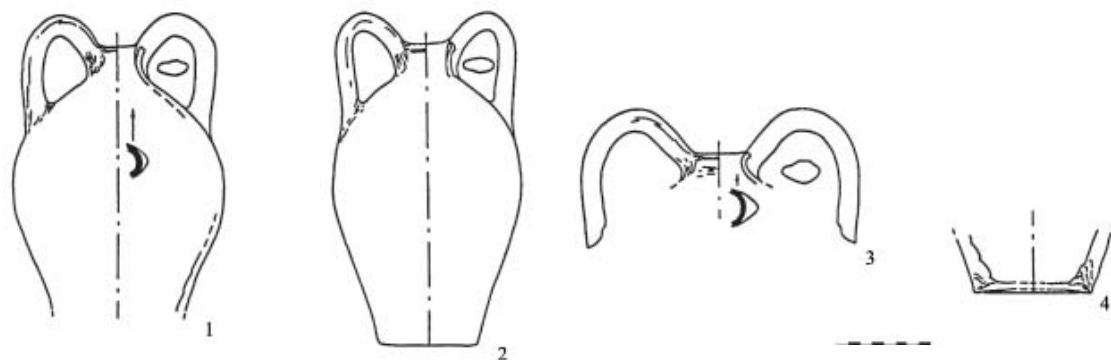

Рис. 2. Амфоры группы клейма SSS (по И.В. Волкову (Волков 2001, рис. 6, 7)).
1, 3–4 – Семеновская крепость (1992 г.) яма 4; яма 5, яма 3, раскопки П.А. Ларенка, 1992 г.; 2 – Херсон, 1987 г. кв. 7, сл. 3, п.7, зачистка кровли, раскопки А.И. Романчук.

Fig. 2. Amphoras of the SSS stamp group (by I.V. Volkov (Volkov 2001, fig. 6, 7)).
1, 3–4 – Semenovskaya fortress (1992) pit 4; pit 5, pit 3, excavations by P.A. Larenka, 1992;
2 – Kherson, 1987, grid 7, layer 3, burial 7, cleaning of the covering, excavations by A.I. Romanchuk.

говорить о том, что массовый их ввоз продолжался очень недолго, всего два-три десятилетия в середине – начале второй половины XIII в. Зато в этот период они составляют весомую долю. Например, в слое пожара XIII в. на поселении Эски-Кермен в Крыму фрагменты этих амфор являются массовым материалом. В самом раннем из закрытых комплексов золотоордынского Азака они составляют 1/3 всей керамики (Масловский, 2006б, с. 270). На примерно синхронном ему поселении Семеновская крепость на северном берегу Таганрогского залива доля этой группы амфор меньше в пределах статистической погрешности (Волков, 2005, с. 128). На поселении Мартышкина Балка в долине р. Койсуг её доля достигает 36% (Масловский, 2009, с. 61). На поселении Железнодорожный II в Закубанье её доля около 7% (Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12) всех импортов, но здесь мы имеем дело с поселением, функционировавшим всё же значительно дольше периода поступления амфор.

К тому же малочисленность находок XII в. (Коваль, 2010, с. 162–166) может быть объяснена не большим расстоянием, а тем, что в этот пери-

од данный центр имел недостаточно развитое товарное производство и, как следствие, просто малый объем экспорта.

Косвенные свидетельства (производство в Палестине качественных вин, возможность прямых поездок купцов из Палестины в Северное Причерноморье) – аргумент слабый. Для Средневековья, как, впрочем, и для нашего времени, при межрегиональной массовой торговле товарами повседневного спроса более существенными факторами являются дешевизна товара и удобство его транспортировки. Немаловажной частью последней являются расстояния. Этим, например, объясняется развитие в Средневековье виноделия в регионах, малопригодных для этого (Англия, Нормандия, Польша). Поэтому при возможных альтернативах стоит выбирать более простое объяснение, т. е. искать район поставок поближе к ареалу амфор. Участие итальянских купцов здесь ничего не меняло. На протяжении всего периода своего присутствия в регионе в XIII–XV вв. они активно вели торговлю в пределах Черного моря местными товарами: рыбой, икрой, зерном, вином.

В ассортименте сосудов, поступа-

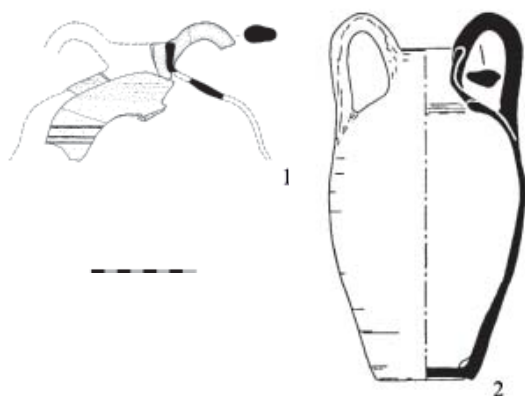

Рис. 3. Амфоры группы клейма SSS.
1 – Азак, ул. Московская, 4, яма 7 (2005 г.), раскопки А.Н. Масловского; 2 – Семеновская крепость 1995 г., яма 7, слои 1, 2, 4, Я-13, слой 4, раскопки И.В. Волкова.

Fig. 3. Amphoras of the SSS stamp group.
1 – Azak, Moskovskaya str., 4, pit 7 (2005), excavations by A.N. Maslovsky;
2 – Semenovskaya fortress 1995, pit 7, layers 1, 2, 4, I-13, layer 4, excavations by I.V. Volkov.

ющих в пределы Золотой Орды, наряду с амфорами присутствуют далеко не в единичных экземплярах кухонные горшки. И это веский аргумент в пользу того, что эта керамика перемещалась на относительно небольшие расстояния, поскольку даже для группы Трапезунда другие виды изделий, помимо амфор, отмечены единичными находками.

Определение букв на клейме как латинских вовсе не неизбежность. Другим вариантом является буква армянского алфавита «тюн» (Տ). Армянским гончарам клеймение тарных сосудов было известно (Крамаровский, 1978, с. 102–105; Валиев, 2011, с. 352–353).

Из регионов, где могли проживать армянские гончары, ближайшими являются Понт (Трапезунд) и Западная Грузия. Первый можно отбросить, поскольку вино отсюда ввозили в другой таре и его было гораздо больше. Западная Грузия, возможно, не славилась качеством вина, но его дешевизна делала перевозки в пределах Черного моря рентабельными. Есть, хотя и для более позднего периода (XIV–XV вв.), и письменные свидетельства о вывозе вина из Сухума (Карпов, 1990, с. 129).

Время поступления этой группы амфор на территорию Восточной Европы совпадает с периодом расцвета централизованного государства в Грузии, с которой Древняя Русь имела достаточно тесные контакты.

В первой трети XIII в., синхронно

с изменениями технологии изготовления трапезундских амфор, меняется и технология изготовления амфор группы клейма SSS (Волков, 2001, с. 137–138), после чего резко увеличивается объем их ввоза на территорию Восточной Европы. В середине XIII в. среди амфор группы клейма SSS встречаются круглодонные сосуды большого размера, по форме аналогичные амфорам трапезундской группы (рис. 6). У них также стыковка двух элементов произведена на уровне максимального диаметра тулова с образованием складки, обращенной вниз (рис. 6: 1–2). Также наблюдается изготовление округлого дна отдельно с последующей его стыковкой «внахлест» (рис. 6: 3). Это доказывает производство этой группы амфор неподалеку от Трапезунда. Если форму изделий можно было и имитировать, то технологию могли заимствовать только при прямых контактах мастеров.

Увеличение объема производства и прямые аналогии в технике изготовления сосудов можно связывать с созданием Трапезундской империи и её влиянием в дальнейшем. Экономическое влияние её в Западной Грузии несомненно. Одним из его проявлений могла стать и перевозка купцами-трапезитами дешевого грузинского вина.

Сокращение объема поступления амфор вскоре после 1260 года можно связывать с военными потрясениями этого времени, а полное его прекра-

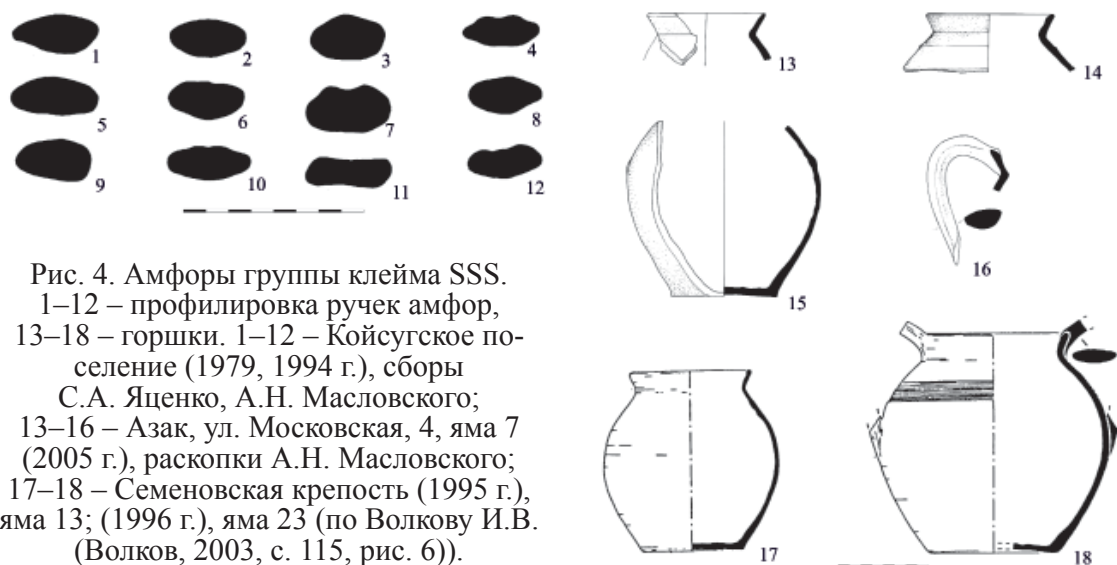

Рис. 4. Амфоры группы клейма SSS.
1–12 – профилировка ручек амфор,
13–18 – горшки. 1–12 – Койсугское по-
селение (1979, 1994 г.), сборы
С.А. Яценко, А.Н. Масловского;
13–16 – Азак, ул. Московская, 4, яма 7
(2005 г.), раскопки А.Н. Масловского;
17–18 – Семеновская крепость (1995 г.),
яма 13; (1996 г.), яма 23 (по Волкову И.В.
(Волков, 2003, с. 115, рис. 6)).

Fig. 4. Amphoras of the SSS stamp group.
1–12 profiling of amphora handles, 13–18 –
pots. 1–12 – Koisug settlement (1979, 1994),
collections by S.A. Yatsenko, A.N. Maslovsky;
13–16 – Azak, Moskovskaya str., 4, pit 7 (2005),
excavations by A.N. Maslovsky; 17–18 –
Semenovskaya fortress (1995), pit 13; (1996), pit
23 (by I.V. Volkov (Volkov, 2003, p. 115, fig. 6)).

шение – с событиями 1290-х гг., кото-
рые привели к массовому выпадению
кладов в Западной Грузии и выходу
её из зоны трапезундского аспра, что
привело, в свою очередь, к сокраще-
нию объёма чеканки Трапезундом
монеты в два раза (Пономарев, 1998,
с. 226, 236).

По более осторожному предполо-
жению В.Ю. Коваля, этот производ-
ственный центр может размещаться
и в Средиземном море, например, в
Киликии или другой области со зна-
чительной долей армянского насе-
ления (Коваль, 2010, с. 162). Признавая
весомость аргументов о числе анало-
гий и географии их распространения,
нельзя не упомянуть о сомнениях, свя-
занных с этими аналогиями. С учетом
полиморфности изделий этой группы
неясно, насколько верно мы можем
оценить точность аналогий по публи-
кациям, без знакомства с реальными
экспонатами. Если они базируются
исключительно на сходстве морфоло-
гии, то у нас есть немало примеров,
и не только для Средневековья, когда
облик амфор воспроизводился в до-

статочно удаленных мастерских. В
Азаке с использованием совершенно
иной технологии выпускались сосу-
ды, которые, если опираться только на
рисунки, могут быть отнесены к тра-
пезундской группе, но от этого не пре-
вращаются в аналогии, которые могут
подтвердить чью-либо точку зрения.
Оценки «много» или «мало» без ста-
тистических выкладок по конкретным
памятникам субъективны, а с учётом
того, что эти амфоры даже сейчас
многими исследователями просто не
замечаются, карта распространения
этой группы прискорбно неполна.
Есть ли среди перечисленных пун-
ктов Средиземноморья памятники,
где доля этой группы также достигает
36% (Масловский, 2009, с. 61) всего
комплекса? К тому же предположения
о средиземноморском происхожде-
нии не объясняют хронологии посту-
пления этой группы, а также почему
только в этом случае, помимо амфор,
происходит ввоз кухонных горшков,
которые перевозились на значитель-
ные расстояния в исключительных
случаях.

Свою лепту в дискуссию внес и
Р.В. Прокофьев (Прокофьев, 2016,
с. 263). Им была отмечена возмож-
ность прочтения клейма SSS как гре-
ческих букв и приведены примеры из
средневековой греческой эпиграфики.

Рис. 5. Амфоры группы клейма SSS. 1, 5 – Азак, сп. Р. Люксембург, 15, яма 3А (2001 г.), раскопки А.Н. Масловского; 2–4, 6 – Железнодорожный II (2012 г.), раскопки С.Е. Жеребилова.

Fig. 5. Amphoras of the SSS stamp group. 1, 5 – Azak, sp. R. Luxemburg, 15, pit 3A (2001), excavations by A.N. Maslovsky; 2–4, 6 – Zheleznodorozhny II (2012), excavations by S.Ye. Zherebilov.

Высказано мнение, отрицающее само выделение этой группы амфор (Майко, Василенко, Соков, Тищенко, 2014, с. 335). По мнению авторов статьи, подобное объединение искусственно, и для материалов XIII в. речь следует вести о моде на выпуск амфоровидных кувшинов, рассчитанных на употребление в качестве домашней тары в большом числе центров. Мнение это скорее полемическое, чем аргументированное, поскольку совершенно явно базируется на непонимании методологической основы исследований В.И. Волкова, что несколько странно, учитывая, как подробно она объясняется в каждом новом исследовании. К тому же будучи знакомыми с находками только по их рисункам, несколько самонадеянно объявлять, что фрагменты амфор из Новгорода должны принадлежать различным сосудам. Подробный разбор этой концепции потребует слишком много места, но

некоторые замечания всё же следует сделать, поскольку такие ошибочные мнения встречаются в научной литературе неоднократно. Определение сосуда как амфоры базируется не на профилировке отдельных его частей, а на его функциональном назначении. За более чем две тысячи лет существования транспортировочных амфор их формы многократно менялись. Встречались среди них и формы на плоском дне с низким поддоном, и просто с плоским дном. Следовательно, нужно определить назначение этих сосудов, а затем решать, можно ли назвать их амфорами. Анализ распространения плоскодонных сосудов, о которых идет речь, показывает, что сосуды, изготовленные в одной мастерской, можно встретить в самых различных местах Золотой Орды: Крыму, Закубанье, Азаке, Приазовье, Укеке, Болгаре. Представить себе, что они экспортировались на такие расстояния

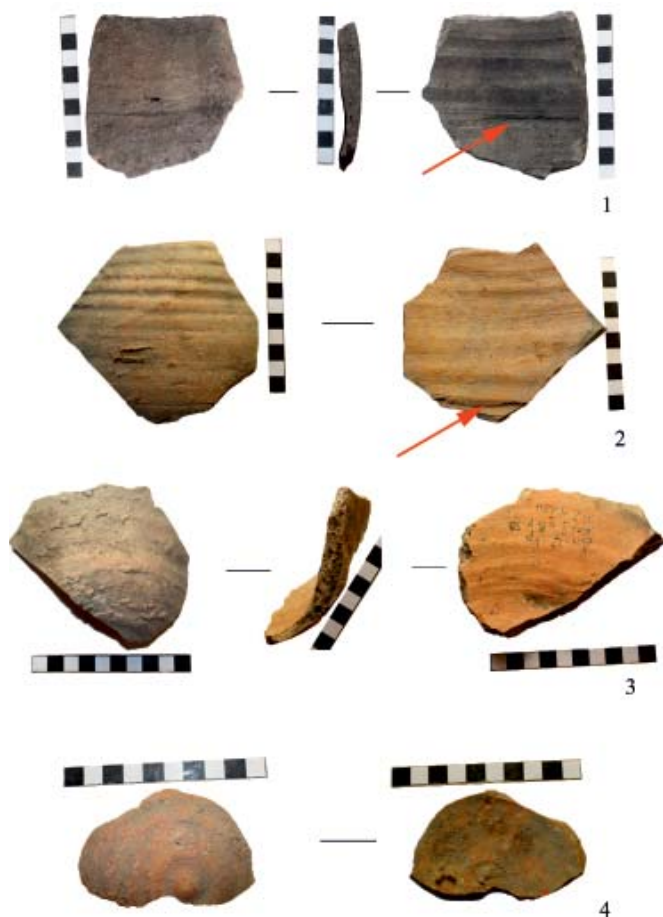

Рис. 6. Амфоры группы клейма SSS. 1 – Азак, ул. Лермонтова, 40 (2014 г.), раскопки Э.Б. Широченко; 2–4 – Железнодорожный II (2012 г.), раскопки С.Е. Жеребилова.

Fig. 6. Amphoras of the SSS stamp group. 1– Azak, 40 Lermontov str. (2014), excavations by E.B. Shirochenko; 2–4 – Zheleznodorozhny II (2012), excavations by S.Ye. Zherebilov.

пустыми, чтобы выступать в качестве домашней тары, совершенно невысказано и предполагает отказ от всех наших представлений о экономике Средневековья. Неумение же авторов статьи отделить местную продукцию от заведомых импортов на исследуемых ими памятниках свидетельствует о незнакомстве их с материалами других регионов и не является проблемой археологической науки.

По числу находок, несмотря на недолгий период её поступления, данная группа занимает второе место среди импортной тарной керамики. На территории Золотой Орды, как уже было сказано, амфоры группы клейма SSS отмечены в самых разных регионах: Крыму, Закубанье, Азаке, Приазовье, Укеке, Болгаре. Безусловно, география их распространения значительно шире, поскольку длительное время на эти сосуды не обращали внимания. Для их выявления исследовате-

лю нужно знать, как выглядит фрагментарный материал. Но как только предпринимаются целенаправленные усилия, амфоры этой группы обнаруживаются даже на сельском поселении вдалеке от моря на р. Северский Донец (Прокофьев, 2016, с. 263). Короткий период их бытования делает их незаменимыми для выделения раннезолотоордынских материалов.

Очевидно, что выпуск сосудов данной группы осуществлял одновременно целый ряд мастерских. На настоящий момент выделяется пять основных центров и несколько подгрупп, представленных очень немногочисленными или вовсе единичными находками. Нелегко найти признаки, общие для всех производственных центров и для всего периода их поступления на территорию Восточной Европы. Разброс признаков отмечается даже среди сосудов из одного центра, изготовленных одновременно.

Рис. 7. Амфоры группы клейма SSS. 1 – Азак, Петровский бульвар, 20, Р-I, Мостовая 9 (2019 г.), раскопки С.Г. Бочарова; 2 – Железнодорожный II (2012 г.), раскопки С.Е. Жеребилова; 3–4 – Азак, ул. Московская, 4, яма 7 (2005 г.), раскопки А.Н. Масловского.

Fig. 7. Amphoras of the SSS stamp group. 1 – Azak, Petrovsky blvd., 20, P-I, Mostovaya 9 (2019), excavations by S.G. Bocharov; 2 – Zheleznodorozhny II (2012), excavations by S.Ye. Zherebilov; 3–4 – Azak, Moskovskaya str., 4, pit 7 (2005), excavations by A.N. Maslovsky.

Однако при разборке материалов крупных комплексов сходство этих амфор, составляющих значительную долю всех находок, начинает ощущаться даже на интуитивном уровне. При действительно значительной вариабельности признаков изделий разных гончарных центров всё же возможно выделить черты, общие для двух и более мастерских.

Сама широкая вариабельность признаков в некотором роде является характерной чертой, которая позволяет предполагать, что производство данной группы амфор осуществлялось в нескольких центрах одного региона и не было строго стандартизировано.

По составу формовочных масс возможно выделение ряда подгрупп. Однако для всех них есть и общие признаки. Использовались малопластичные глины с естественной примесью разноразмерных (вплоть до 3–4 мм в поперечнике), преимущественно

округлых частиц темно-коричневого минерала (рис. 5: 2, 4; 6: 2–3). Иногда на поверхности черепка эти частицы твердые с глянцевой поверхностью. Цвет черепка в разных центрах колебался от светло-бежевого до очень темного коричневого (рис. 5–7). Поверхность мелкобугристая.

Амфоры периода существования Золотой Орды изготовлены вытягиванием из комка глины по донно-емкостной программе с отдельно изготовленным дном и горлом с частью плечика (РФК-6–7 – Развитие функций круга) (Бобринский, 1978, с. 60) (рис. 2: 4). Большинство сосудов небольшие, усеченно-яйцевидной формы (рис. 1: 1, 6; 2: 1–2; 3: 2). Есть единичные экземпляры того же размера, имеющие, вероятно, грушевидную форму (рис. 3: 1). На сосудах большинства центров дно имеет следы срезания нитью (рис. 7: 1–2), но в одном из центров использовалась подсыпка. О

метрологии амфор, учитывая сильную фрагментированность находок, говорить преждевременно.

Для редких сосудов большого размера использовалась стыковка элементов, изготовленных по отдельности. Судя по небольшим фрагментам, два основных элемента стыковались в районе места максимального диаметра. В результате здесь образовывалось утолщение со складкой, обращенной вниз (рис. 6: 1–2). Эта особенность технологии полностью идентична синхронным амфорам трапезундской группы. Идентичность технологической схемы позволяет предполагать, несмотря на небольшие размеры фрагментов, что большие амфоры этой группы имели также грушевидную форму.

Рифление часто выполнено редкими желобками, чаще при помощи резца. Но есть и рифление, полученное при вытягивании сосуда (рис. 5: 2; 6: 2, 4).

Достаточно характерно оформление ручек. Для большинства подгрупп отмечен языковидный наплыв от верхнего прилепа ручки на внутренней стороне горла (рис. 5: 5, 6). Ручки в месте прилепа часто имеют подтреугольное сечение (рис. 2: 1, 3), высоко приподняты над венчиком с характерным петлевидным перегибом в верхней точке. Основная часть стержня ручек в сечении очень вариабельна (рис. 4: 1–12), от уплощенного овала до почти круга. Нижняя их часть вертикальная или имеет отрицательный угол (рис. 1: 1–4; 2: 1–3; 3: 2).

Часть сосудов в верхней части иногда покрывалась белым ангобом (рис. 7: 4). Часто ангоб жидкий и не скрывает поверхности черепка.

Наибольшим числом образцов представлены следующие подгруппы (центры).

Подгруппа А (рис. 5: 1, 5; 6: 1). В формовочной массе значительная примесь золотистых чешуек. Черепок

буро-коричневого цвета. Иногда на поверхности фиксируется темный ангоб. Ручки в сечении овальные.

Подгруппа Б (рис. 5: 3–4, 6; 7: 4). Количество отощителя значительно меньше. Черепок светло-коричневый, часто с тонкой светло-серой прослойкой. Часто использовался белый ангоб. Ручки уплощенно-овальные, часто профилированные гребнями.

Подгруппа В (рис. 6: 2–4). Глины не содержат заметных примесей, кроме овальных коричневых включений. Черепок красно-оранжевого цвета. Рифление выполнялось при вытягивании сосуда на круге.

Подгруппа Г (рис. 7: 3). Глина содержит среднего размера черный песок. Черепок красно-оранжевый, реже темно-коричневый. Только для этой подгруппы характерно использование зольной подсыпки.

Подгруппа Д (рис. 7: 2). Глина содержит мелкий светлый песок. Черепок белый или светло-оранжевый.

Количественное соотношение отдельных подгрупп на разных памятниках может сильно колебаться.

Немногочисленны фрагменты других видов изделий. Пока они отмечены только в приморских регионах. В основном это горшки с одной или двумя ручками с туловом бочковидной или усеченно-шаровидной формы (рис. 4: 13–18) (Волков, 2003, рис. 6; Масловский 2006б, с. 273, рис. 6, 5–11). Единичными находками представлены кувшины (Масловский, 2006б, с. 273, рис. 8, 1, 2, 5).

Амфоры группы клейма SSS являются одним из самых ярких маркеров скорости образования оседлых поселений на территории Золотой Орды и развития международной торговли. Всего спустя десятилетие или немногим более даже на небольшие сельские поселения (округа Азака, поселение Караул на р. Северский Донец) и в глубину страны (Укек, Болгар) начинается массовый ввоз вин,

которые были доступны широкому кругу потребителей. Поскольку период поступления этой группы амфор на территорию Золотой Орды ограничивается серединой – третьей четвертью XIII в., возможно незначительно выходя за эти границы, выявление их фрагментов является наиболее надежным способом выявления золотоордынских поселений на начальной фазе их развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Булгаков В.В.* Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточно-европейский археологический журнал. 2000. 4(5). [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20080523024635/http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/classification/> (дата обращения 07.12.2023).
3. *Валиев Р.Р.* Хумы с клеймами из раскопок Селитренного городища // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Вып. 2 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, 2011. С. 351–353.
4. *Волков И.В.* Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в Северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории. Тезисы докладов / Отв. ред. И.М. Узнардов. Ростов-на-Дону: Логос, 1994. С. 3–8.
5. *Волков И.В.* Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 10: Материалы научной конференции, Новгород, 23–25 января 1996 г. Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 1996. С. 90–103.
6. *Волков И.В.* О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морская торговля в Северном Причерноморье / Ред. М.И. Гладких. Киев: СтилоС, 2001. С. 130–146.
7. *Волков И.В.* Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 108–130.
8. *Волков И.В.* Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: СтилоС, 2005. С. 122–159.
9. *Волков И.В.* Амфоры // Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М.А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 172–180.
10. *Жеребилов С.Е., Масловский А.Н.* Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина реки Адагум) (XIII–XIV вв.) // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость, 2016. С. 10–15.
11. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
12. *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
13. *Крамаровский М.Г.* Гончар-армянин из Сарая ал-Джежид // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XIX. Л.: Аврора, 1978. С. 102–105.
14. *Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б.* Материалы к типологии, хронологии и клеймлению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и западного Закубанья) // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 329–343.
15. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 2006а. С. 308–473.
16. *Масловский А.Н.* О времени возникновения Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 2006б. С. 257–295.
17. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник Южного научного центра. 2009б. Т. 5.

№ 3. С. 59–68.

18. Пономарев А.Л. Денежный рынок Трапезундской империи // Причерноморье в средние века. Вып. 3 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетейя, 1998. С. 201–239.

19. Прокофьев Р.В. Древнерусское поселение в устье р. Лихая у г. Белая Калитва Ростовской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: V Международная Нижневолжская археологическая конференция. 15–18 ноября 2016 г. Материалы / Редкол. П.М. Кольцов и др. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2016. С. 262–267.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра «Археологические исследования», доцент кафедры Всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

A GROUP OF SSS BRANDED AMPHORAS IN THE GOLDEN HORDE

S.G. Bocharov, A.N. Maslovskiy

A short essay about the second largest of group imported container amphoras on the territory of the Golden Horde which was named in scientific literature «amphoras of SSS stamp group» is presented in the article. In materials from Eastern Europe this group was singled-out by I.V. Volkov. He tracked evolution of this group throughout the 12th – 13th centuries. The authors have made an overview of the opinions of different researchers about the place of their production. At the moment, at least four options have been proposed: Palestine, Cilicia (?), Thessaloniki, Western Georgia. An opinion was expressed that it was unlawful to single out this group of amphoras. All proposed hypotheses are based on indirect data and logical constructions based on different conditions. On the opinion of the authors of the article, the amphoras of the SSS stamp group came from the territory of Western Georgia during the period of flourishing of the centralized state in Georgia. An estimate of the number of finds and the geography of their distribution are given. Also most characteristic features of the vessels of this group are characterized. Considering that during the Golden Horde period, amphoras of the SSS stamp group arrived during a few decades in the middle of the third quarter of 13th century, their identification is very important for revealing of the earliest complexes on the settled settlements of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Black Sea region, Trebizond, Western Georgia, international trade, pottery, amphoras, stamps, pots.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bulgakov, V. V. 2000. In *Vostochnoevro-peyskiy arkhelogicheskiy zhurnal (East European Archaeological Journal)* 4(5). [Electronic resource] URL: <https://web.archive.org/web/20080523024635/http://archaeolo-gy.kiev.ua/byzantine/amphorae/classification/> (date of issue 07.12.2023) (in Russian)
3. Valiev, R. R. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskai i sotsial'no-ekonomicheskai istoriia Zolotoi Ordy» (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde)* 2. Kazan: "Foliant" Publ., 351–353 (in Russian).
4. Volkov, I. V. 1994. In Uznarodov, I. M. (ed.). *Problemy istorii. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii (Problems of History. Theses of reports of the scientific conference)*. Rostov-on-Don: "Logos" Publ., 3–8 (in Russian).
5. Volkov, I. V. 1996. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriiya i arkhologiiya. 10 (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 10. Novgorod: "Novgorodskiy gos. ob"ed. muzey-zapovednik" Publ., 90–103 (in Russian).
6. Volkov, I. V. 2001. In 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaia trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the North Black Sea region)*. Kiev: "Stilos" Publ., 130–146 (in Russian).

The paper was prepared by support of the Priority-2030 program of Sevastopol State University (strategic project 4 "Archaeonet").

7. Volkov, I. V. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th century. Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–130 (in Russian).
8. Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 122–159 (in Russian).
9. Volkov, I. V. 2017. In Rodionova, M. A. (ed.). *Novgorodskiy detinets i Vladychnyy dvor v XI–XV vv. (Novgorod Stronghold and the Prince Court in the 11th–15th Centuries)* Saint Petersburg: «Dmitry Bulanin» Publ., 172–180 (in Russian).
10. Zherebilov, S. E., Maslovskiy, A. N. 2016. . In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 10–15 (in Russian).
11. Karpov, S. P. *Ital'ianskie morskije respubliki i Iuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy torgovli (Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th–15th cc.: Issues of Trade)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
12. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Kramarovskiy, M. G. 1978. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* 19. Leningrad: "Aurora" Publ., 102–105 (in Russian).
14. Mayko, V. V., Vasilinenko, D. E., Sokov, P. V., Tishchenko, I. B. 2014. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* 30, 329–343 (in Russian).
15. Maslovskiy, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–473 (in Russian).
16. Maslovskiy, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 257–473 (in Russian).
17. Maslovskiy, A. N. 2009. In *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra (Bulletin of the Southern Scientific Center)* 5 (3). 59–68 (in Russian).
18. Ponomarev, A. L. 1998. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Pontic Sea Region in the Middle Ages)*. (3). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 201–239 (in Russian).
19. Prokofev, R. V. 2016. In Kol'tsov, P. M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Elista: Kalmyk State University Publ., 262–267 (in Russian).

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Archaeological Center; Associated professor, Department of World History and Culture, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Maslovskiy Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Статья принята в номер 01.12.2023 г.

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный музей Востока
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГПНП – Государственный природный национальный парк
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора
ДВП – дискретно-варьирующие признаки
ДК – метод диагностических коэффициентов
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
МИЦАИ – Международный институт Центральноазиатских исследований (г. Самарканд, Узбекистан)
МЮТАКЭ – Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – научно-исследовательский институт
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
РА – Российская археология (Москва)
РАН – Российская академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РГО – Русское географическое общество
РИЦ – редакционно-издательский центр
РНФ – Российский научный фонд

- СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СК – сапаллинская культура
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПб – Санкт-Петербург
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭ – Советская этнография
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук
УФИЦ – Уфимский федеральный исследовательский центр
ХАЭ – Хорезмская археологическая экспедиция
ХНМЦОКС – Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини
АМІТ – Archäologischemitteilungen aus Iran und Turan
ВМАС – Bactria-Margiana Archaeological Culture
ІІСАС – International Institute for Central Asian Studies (Samarkand)
IsMEO-ROME – Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
- Rome, Italy

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря

№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года

№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года

№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 22.12.2023 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 2023

- Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan).** Look Karimov S.K. № 1
- Агаханова В.А. (Москва, Россия).** См. Скакун Н.Н. № 1
- Акымбек Е.Ш., Железняков Б.А. (Алматы, Республика Казахстан).** Бронзовые кувшины мастерской Ахмада XI в. из Юго-Восточного Казахстана. № 2, 101
- Андреев К.М., Выборнов А.А., Андреева О.В. (Самара, Россия), Кулькова М.А. (Санкт-Петербург, Россия).** Поселение Сокольный VIII – новая стоянка позднего неолита Марийского Поволжья. № 3, 8
- Андреева О.В. (Самара, Россия).** См. Андреев К.М. № 3
- Apendiyev T.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 1
- Агупов К.С. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Ахунов А.М. (Казань, Россия).** См. Гумеров И.Г. № 4
- Бабенко В.А., Колесникова М.Е. (Ставрополь, Россия).** Золотоордынские памятники Ставрополя в научном творчестве А.А. Спицына. № 2, 221
- Базылхан Н. (Астана, Казахстан).** См. Кыдырали Д. № 1
- Baitanayev V.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Байтанаев Б.А. (Алматы, Республика Казахстан), Ергешбаев А.А. (Шымкент, Республика Казахстан), Шаяхметов А.Х. (Алматы, Республика Казахстан).** Хаммам из Ханкурмана. № 2, 114
- Баранов В.С. (Казань, Россия).** См. Волкова Е.В. № 4
- Батболд Г. (Улан-Батор, Монголия).** См. Кыдырали Д. № 1
- Batyrbekkyzy G. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 1
- Bakhtybayev M.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Бахтыбаев М.М. (Туркестан, Казахстан).** См. Мургабаев С.С. № 3
- Бехтер А.П. (Санкт-Петербург, Россия).** Філіскос о маҳиқос (к интерпретации одного мирмекийского графита). № 3, 148
- Блышко Д.В., Данилов Г.К. (Санкт-Петербург, Россия), Жульников А.М. (Петрозаводск, Россия), Недомолкина Н.Г. (Вологда, Россия), Тарасов А.Ю. (Петрозаводск, Россия).** Особенности использования асбеста населением Восточной Фенноскандии во второй половине IV тыс. до н. э. (по материалам стоянки-мастерской Фофаново XIII). № 3, 219
- Богатова Л.Ф. (Казань, Россия).** См. Никитина Т.Б. № 2
- Богенбаев Н. (Астана, Казахстан).** См. Кыдырали Д. № 1
- Болелов С.Б. (Москва, Россия).** См. Утубаев Ж.Р. № 3
- Бородовский А.П., Волков П.В. (Новосибирск, Россия).** Манипуляции с головой погребенных в Быстровском некрополе (эпоха раннего железа Верхнее Приобье). № 4, 81
- Боруцкая С.Б. (Москва, Россия).** См. Васильев С.В. № 3
- Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия), Масловский А.Н. (Азов, Россия).** Группа амфор клейма SSS в Золотой Орде. № 4, 250
- Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Смертин А.Р. (Пермь, Россия).** Железная поясная гарнитура из погребений Плотниковского могильника (родановская культура, Пермский край). № 2, 8
- Бурова Н.Д. (Санкт-Петербург, Россия).** См. Васильев С.В. № 3
- Буршнева С.Г. (Казань, Россия).** См. Никитина Т.Б. № 2
- Буянхишиг Ц. (Улан-Батор, Монголия).** См. Кыдырали Д. № 1

Валеев Р.М. (Казань, Россия). Торговые контакты Волжской Болгарии с мордвой в X – начале XV века. № 2, 63

Варфоломеев В.В. (Караганда, Республика Казахстан). Каменная печать с реки Каракенгир. № 2, 145

Вархедьи Ж. (Будапешт, Венгрия). См. Никитина Т.Б. № 2

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. (Москва, Россия), Желудков А.С. (Липецк, Россия), Пузанова Т.А. (Москва, Россия), Чендев Ю.Г. (Белгород, Россия), Бурова Н.Д., Лохова О.В. (Санкт-Петербург, Россия). Биоархеологические и палеоклиматические аспекты изучения населения Верхнего Подонья эпохи средней бронзы. № 3, 158

Волков И.В., Лопан О.В., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия). Исследования на раскопе СХСIV в юго-восточной части Болгарского городища. № 2, 189

Волков П.В. (Новосибирск, Россия). См. Бородовский А.П. № 4

Волкова Е.В., Баранов В.С., Кириягин К.В., Жолобов А.И., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия), Рахматуллин Н.Р. (Альметьевск, Россия), Калянов В.А. (Казань, Россия). Предварительное антропологическое и судебно-медицинское исследование индивида из погребения 11 раскопа СХLIX Болгарского городища. № 4, 97

Выборнов А.А. (Самара, Россия). См. Андреев К.М. № 3

Выборнов А.А. (Самара, Россия). См. Дога Н.С. № 3

Гасилин В.В. (Екатеринбург, Россия). См. Скоробогатов А.М. № 3

Гилязов Ф.Ф. (Самара, Россия). См. Дога Н.С. № 3

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Резепкин А.Д., Дороничева Е.В. (Санкт-Петербург, Россия), Паламарчук Р.С. (Миасс, Россия). От эппалеолита до средневековья. Предварительные результаты изучения «Навеса у Алебастрового завода» в Приэльбрусье. № 3, 46

Головченко Н.Н., Демин М.А. (Барнаул, Россия). Реконструкция и интерпретация поясного набора из кургана № 3 могильника Карбан-2 (Северный Алтай). № 1, 182

Гречкина Т.Ю. (Астрахань, Россия). См. Дога Н.С. № 3

Григорьев С.А. (Екатеринбург, Россия). Хронология центральноевропейских импульсов в лесном Поволжье: фатьяновская и абашевская культуры. № 3, 84

Гумеров И.Г., Ахунов А.М., Усманов В.М. (Казань, Россия). Новые находки татарских надмогильных камней XV–XVI в.: их классификация и специфика. № 4, 235

Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan). Look Sizdikov B.S. № 2

Данилов Г.К. (Санкт-Петербург, Россия). См. Блышко Д.В. № 3

Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия). Историческая топография Царевококшайска. № 4, 66

Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия). См. Соловьев Б.С. № 4

Демин М.А. (Барнаул, Россия). См. Головченко Н.Н. № 1

Днепровский К.А. (Москва, Россия). См. Скакун Н.Н. № 1

Добровольский Л.С., Сыдыков Е.Б., Умиткалиев У.У., Каженова Г.Т. (Астана, Казахстан). Семантика образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны. № 1, 113

Дога Н.С., Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Сомов А.В. (Самара, Россия), Гречкина Т.Ю. (Астрахань, Россия). См. Дога Н.С. Новый памятник неолита в Северном Прикаспии. № 3, 25

Докучаева С.В. (Челябинск, Россия). Анализ изображения повозки на сосуде из могильника у с. Спасского. № 1, 67

Долбунова Е.В. (Санкт-Петербург, Россия). См. Скоробогатов А.М. № 3

Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Мэгро Й. (Париж, Франция), Филиппова В.Л. (Санкт-Петербург, Россия). Днепро-Двинское

междуречье в конце 6 тыс. до н. э. и ранние керамические традиции циркумбалтийско-го региона. № 1, 8

Дороничев В.Б. (Санкт-Петербург, Россия). См. Голованова Л.В. № 3

Дороничева Е.В. (Санкт-Петербург, Россия). См. Голованова Л.В. № 3

Ергешбаев А.А. (Шымкент, Республика Казахстан). См. Байтанаев Б.А. № 2

Железняков Б.А. (Алматы, Республика Казахстан). См. Акымбек Е.Ш. № 2

Желудков А.С. (Липецк, Россия). См. Васильев С.В. № 3

Жолобов А.И. (Казань, Россия). См. Волкова Е.В. № 4

Жульников А.М. (Петрозаводск, Россия). См. Блышко Д.В. № 3

Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М. (Йошкар-Ола, Россия), Сивицкий М.В. (Болгар, Россия), Ситдинов А.Г. (Казань, Россия), Сарыбаев М.К. (Нукус, Узбекистан). Строительные материалы мавзолея № 1 ханского некрополя у пос. Лапас (предварительный анализ). № 4, 8

Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. (Тула, Россия), Майко В.В. (Симферополь, Россия). Магнитометрические исследования городища Белинское на Керченском полуострове. № 4, 158

Йовита Р. (Нью-Йорк, США). См. Мургабаев С.С. № 3

Каженова Г.Т. (Астана, Казахстан). См. Добровольский Л.С. № 1

Казаков Е.П. (Казань, Россия). См. Руденко К.А. № 4

Калиева Ж.С. (Алматы, Казахстан). См. Утубаев Ж.Р. № 3

Калянов В.А. (Казань, Россия). См. Волкова Е.В. № 4

Камышев А.М., Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызстан). Монеты с городища Кен-Булуи в Кыргызстане (из раскопок 2022–2023 гг. и случайных находок прежних лет). № 4, 173

Karimov S.K. (Lankaran, Azerbaijan Republic), Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan). “The Sacrificial Ram”: Golden Statue in the History of Art. № 1, 92

Касенова А.Д. (Алматы, Казахстан). См. Утубаев Ж.Р. № 3

Каспаров А.Р. (Самарканд, Узбекистан). Погребальная практика сапаллинской культуры в отражении ведических текстов. № 3, 109

Катгаева Г.Ч. (Термез, Узбекистан). См. Хамидов О.А. № 4

Кириягин К.В. (Казань, Россия). См. Волкова Е.В. № 4

Кишне Бэндэфи М. (Будапешт, Венгрия). См. Никитина Т.Б. № 2

Колесник А.В. (Ростов-на-Дону, Россия). Особенности формирования и деформации культурных слоев памятников каменного века в степной зоне Русской Равнины. № 1, 209

Колесникова М.Е. (Ставрополь, Россия). См. Бабенко В.А. № 2

Колоколов А.М. (Тула, Россия). Поминальный комплекс второй половины VII–VIII вв. у д. Гора Услань. № 2, 173

Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызстан). См. Камышев А.М. № 4

Корочкова О.Н. (Екатеринбург, Россия). Среднее Зауралье и Западная Сибирь: от эпохи камня к эпохе металла. № 3, 70

Костомарова Ю.В. (Тюмень, Россия). См. Скочина С.Н. № 4

Крыласова Н.Б., Смертин А.Р. (Пермь, Россия). И все же – набойки на каблуки (к вопросу о средневековой обуви на каблуках). № 4, 223

Кубарев Г.В. (Новосибирск, Россия), Нускабай А. (Астана, Республика Казахстан). Раннесредневековые поминальные оградки Семиречья: новые данные. № 2, 72

Кулькова М.А. (Санкт-Петербург, Россия). Природные и культурные трансформации на рубеже эпохи бронзы – раннего железного веков в степном поясе Евразии. № 3, 95

Кулькова М.А. (Санкт-Петербург, Россия). См. Андреев К.М. № 3

Кыдырали Д. (Астана, Казахстан), Энхтур А. (Улан-Батор, Монголия), Базылхан Н., Богенбаев Н. (Астана, Казахстан), Буянхишиг Ц., Батболд Г. (Улан-Батор, Монголия). Поминальный комплекс и стела с надписями Кутлук-Кагана (Предварительный научный отчет совместной экспедиции «Номгон-2019, 2022» Международной Тюркской академии и Института археологии Академии наук Монголии). № 1, 234

Лифанов Н.А. (Казань, Россия). Раскопки могильника Брусяны II в 2020 г. № 1, 54

Лифанов Н.А. (Казань, Россия). Раскопки могильника Малая Рязань I в 2020 г. № 4, 149

Лозовская О.В., Фёдорова Д.Н., Малютина А.А., Такташева С.Д. (Санкт-Петербург, Россия). Типологический анализ и оценка костеобрабатывающего каменного инвентаря позднемезолитического слоя стоянки Замостье 2. № 3, 171

Лопан О.В. (Казань, Россия). См. Волков И.В. № 2

Лохова О.В. (Санкт-Петербург, Россия). См. Васильев С.В. № 3

Лыганов А.В. (Казань, Россия). См. Чижевский А.А. № 1

Лычагина Е.Л., Смергина А.Ю., Томилина Е.М. (Пермь, Россия). Каменные украшения с энеолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья (попытка комплексного анализа). № 3, 191

Мазуркевич А.Н. (Санкт-Петербург, Россия). См. Долбунова Е.В. № 1

Майко В.В. (Симферополь, Россия). См. Зубарев В.Г. № 4

Малдыбекова Л.Д. (Туркестан, Казахстан). См. Мургабаев С.С. № 3

Малютина А.А. (Санкт-Петербург, Россия). См. Лозовская О.В. № 3

Малютина А.А., Мурашкин А.И., Такташева С.Д. (Санкт-Петербург, Россия). Обработка рога северного оленя на поселении неолита – эпохи бронзы Маяк 2 (Мурманская обл.). № 3, 204

Масловский А.Н. (Азов, Россия). См. Бочаров С.Г. № 4

Медведь А.Н. (Москва, Россия). Фортификация Московского государства XVI в. и плетневые конструкции Центральной Европы. № 2, 160

Меркулов А.Н. (Воронеж, Россия). См. Разуваев Ю.Д. № 1

Мимоход Р.А. (Москва, Россия). ¹⁴C данные посткатакомбных памятников Поволжья и Волго-Уралья в контексте региональной радиоуглеродной хронологии. № 1, 27

Монгуш К.М. (Кызыл, Россия). См. Серегин Н.Н. № 2

Морозов В.В. (Москва, Россия). См. Ставицкий В.В. № 1

Моряхина К.В. (Пермь, Россия). Погребальный обряд Щукинского могильника ломоватовской археологической культуры. № 2, 51

Muldakhmetova Z.I. (Shymkent, Republic of Kazakhstan). Look Sizdikov B.S. № 1

Мурашкин А.И. (Санкт-Петербург, Россия). См. Малютина А.А. № 3

Murgabayev S.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan). Look Sizdikov B.S. № 2

Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Д., Сиздиков Б.С. (Туркестан, Казахстан), Йовита Р. (Нью-Йорк, США). Археологические исследования южных склонов Каратау (комплекс Шимайлы). № 3, 118

Мухаметшин Д.Г. (Болгар, Россия). Стиль и форма болгаро-татарских надмогильных памятников: единство и своеобразие. № 4, 21

Мысыр О.Д. (Семей, Казахстан). См. Ярыгин С.А. № 1

Мэгро Й. (Париж, Франция). См. Долбунова Е.В. № 1

Наджафов Ш.Н. (Баку, Азербайджан). Глиняные печати-пинтадеры из поселения Сарвантепе. № 1, 76

Недомолкина Н.Г. (Вологда, Россия). См. Блышко Д.В. № 3

Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Тюрк А. (Будапешт, Венгрия), Буршнев С.Г. (Казань, Россия), Кишне Бэндэфи М., Вархеды Ж., Харанги Ф., Янчик Б. (Будапешт, Венгрия), Богатова Л.Ф., Шайхутдинова Е.Ф., Федан П.В. (Казань,

Россия). Комплексное изучение естественнонаучными методами и реставрация сумочки из Красногорского могильника. № 2, 22

Нускабай А. (Астана, Республика Казахстан). См. Кубарев Г.В. № 2

Овсянников В.В. (Уфа, Россия). Исследования Ново-Уфимского могильника кара-абызской культуры в 2000 году. № 3, 134

Паламарчук Р.С. (Миасс, Россия). См. Голованова Л.В. № 3

Памеев Р.А. (Йошкар-Ола, Россия). См. Соловьев Б.С. № 4

Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия), Ситдинов А.Г. (Казань, Россия). Мавзолейный комплекс у с. Лапас Астраханской области (из полевого дневника В.В. Дворниченко). № 2, 209

Пигарев Е.М. (Йошкар-Ола, Россия). См. Зеленева Ю.А. № 4

Подосёнова Ю.А. (Пермь, Россия). См. Брюхова Н.Г. № 2

Пузанова Т.А. (Москва, Россия). См. Васильев С.В. № 3

Разуваев Ю.Д., Меркулов А.Н. (Воронеж, Россия). Земледелие скифского времени в донской лесостепи: к вопросу о культурно-региональных особенностях. № 1, 169

Рахматуллин Н.Р. (Альметьевск, Россия). См. Волкова Е.В. № 4

Резепкин А.Д. (Санкт-Петербург, Россия). См. Голованова Л.В. № 3

Рослякова Н.В. (Самара, Россия). См. Скоробогатов А.М. № 3

Руденко К.А., Казаков Е.П. (Казань, Россия). Средневековые археологические памятники Семеновского острова в Татарстане: история изучения и некоторые итоги исследований. № 4 129

Сагдуллаев А.С., Шайдуллаев А.Ш., Тогаев Ж.Э. (Ташкент, Узбекистан). О древневосточных и евразийских миграциях в Центральную Азию. № 4, 113

Сакенов С.К. (Нур-Султан, Казахстан). См. Ярыгин С.А. № 1

Сарыбаев М.К. (Нукус, Узбекистан). См. Зеленева Ю.А. № 4

Селин Д.В. (Новосибирск, Россия), Чемякин Ю.П. (Екатеринбург, Россия). Особенности межкультурного взаимодействия в раннем железном веке в Сургутском Приобье (по материалам керамики селища Барсова Гора III/66). № 1, 100

Seraliyev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan), Look Sizdikov B.S. № 2

Серегин Н.Н. (Барнаул, Россия), Монгуш К.М. (Кызыл, Россия). Раннетюркские оградки комплекса Ак-Даг. № 2, 87

Сивицкий М.В. (Болгар, Россия). См. Зеленева Ю.А. № 4

Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Apendiyev T.A., Batyrbekkyzy G. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Muldakhmetova Z.I. (Shymkent, Republic of Kazakhstan). The Resettlement of Nomadic Horsemen Tribes to Asia Minor. № 1, 195

Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Arynov K.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Seraliyev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan). Mausoleums in the Medieval City of Syganak. № 2, 131

Сиздинов Б.С. (Туркестан, Казахстан). См. Мургабаев С.С. № 3

Ситдинов А.Г. (Казань, Россия). См. Волков И.В. № 2

Ситдинов А.Г. (Казань, Россия). См. Волкова Е.В. № 4

Ситдинов А.Г. (Казань, Россия). См. Зеленева Ю.А. № 4

Ситдинов А.Г. (Казань, Россия). См. Пигарёв Е.М. № 2

Скакун Н.Н., Терехина В.В. (Санкт-Петербург, Россия), Эредиа Х. (Гранада, Испания), Днепровский К.А., Сухорукова Е.С., Агаханова В.А. (Москва, Россия). Мужские сланцевые шлифованные ножи древнеберингоморской культуры и технология их изготовления (по материалам Эквенского могильника и этнографическим данным). № 1, 220

Скоробогатов А.М. (Воронеж, Россия), Долбунова Е.В. (Санкт-Петербург, Россия), Рослякова Н.В. (Самара, Россия), Гасилин В.В. (Екатеринбург, Россия). Ранний неолит Среднего Дона в свете современных исследований (по материалам стоянки Черкасская-5). № 3, 38

Скочина С.Н., Костомарова Ю.В. (Тюмень, Россия). Каменный инвентарь кочевников арктической тундры средневековой стоянки Халщынейсаля 1 на Гыданском п-ове (экспериментально-трасологический анализ). № 4, 206

Смекалов С.Л. (Тула, Россия). См. Зубарев В.Г. № 4

Смертин А.Р. (Пермь, Россия). См. Брюхова Н.Г. № 2

Смертин А.Р. (Пермь, Россия). См. Крыласова Н.Б. № 4

Смертина А.Ю. (Пермь, Россия). См. Лычагина Е.Л. № 3

Соловьев Б.С., Данилов П.С., Памеев Р.А. (Йошкар-Ола, Россия). Исследование Большепемьяльского могильника в 2022 году. № 4, 37

Сомов А.В. (Самара, Россия). См. Дога Н.С. № 3

Ставицкий В.В. (Пенза, Россия), Морозов В.В. (Москва, Россия). О культурно-хронологической принадлежности Панфиловской стоянки. № 1, 40

Сухорукова Е.С. (Москва, Россия). См. Скакун Н.Н. № 1

Суюндикова М.К. (Алматы, Казахстан). См. Утубаев Ж.Р. № 3

Сыдыков Е.Б. (Астана, Казахстан). См. Добровольский Л.С. № 1

Такташева С.Д. (Санкт-Петербург, Россия). См. Лозовская О.В. № 3

Такташева С.Д. (Санкт-Петербург, Россия). См. Малютина А.А. № 3

Тарасов А.Ю. (Петрозаводск, Россия). См. Блышко Д.В. № 3

Татауров Ф.С., Татаурова Л.В. (Омск, Россия). Археологические свидетельства русской цивилизации в культурах коренных народов Западной Сибири XVI–XVIII вв. № 2, 236

Татаурова Л.В. (Омск, Россия). См. Татауров Ф.С. № 2

Терехина В.В. (Санкт-Петербург, Россия). См. Скакун Н.Н. № 1

Тогаев Ж.Э. (Ташкент, Узбекистан). См. Сагдуллаев А.С. № 4

Томилина Е.М. (Пермь, Россия). См. Лычагина Е.Л. № 3

Точилова Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия). Роговые обоймицы из раскопок в Великом Новгороде и Смоленске. № 2, 150

Третьяков Е.А. (Тюмень, Россия), Тюрк А. (Будапешт, Венгрия). Вещи «Мадьярского круга» из памятников Зауралья: артефакты и контекст. № 2, 38

Тюрк А. (Будапешт, Венгрия). См. Никитина Т.Б. № 2

Тюрк А. (Будапешт, Венгрия). См. Третьяков Е.А. № 2

Умиткалиев У.У. (Астана, Казахстан). См. Добровольский Л.С. № 1

Усманов В.М. (Казань, Россия). См. Гумеров И.Г. № 4

Утубаев Ж.Р. (Алматы, Казахстан), Болелов С.Б. (Москва, Россия), Калиева Ж.С., Суюндикова М.К., Касенова А.Д. (Алматы, Казахстан). Экспериментальные работы по изготовлению керамики чирикрабатской культуры. № 3, 235

Федан П.В. (Казань, Россия). См. Никитина Т.Б. № 2

Фёдорова Д.Н. (Санкт-Петербург, Россия). См. Лозовская О.В. № 3

Федулов М.И. (Чебоксары, Россия). Погребальный обряд чувашей XVI–XIX вв. № 4, 47

Филиппова В.Л. (Санкт-Петербург, Россия). См. Долбунова Е.В. № 1

Хамидов О.А., Катгаева Г.Ч. (Термез, Узбекистан). Типология булавок культуры Сапалли. № 4, 187

Харанги Ф. (Будапешт, Венгрия). См. Никитина Т.Б. № 2

Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия). См. Чижевский А.А. № 1

Чемякин Ю.П. (Екатеринбург, Россия). См. Селин Д.В. № 1

- Чендев Ю.Г. (Белгород, Россия). См. Васильев С.В. № 3**
- Чижевский А.А., Лыганов А.В., Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия). Образ головы хищной птицы в ананьинской культурно-исторической области. № 1, 141**
- Шайдуллаев А.Ш. (Ташкент, Узбекистан). См. Сагдуллаев А.С. № 4**
- Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия). См. Никитина Т.Б. № 2**
- Шаяхметов А.Х. (Алматы, Республика Казахстан). См. Байтанаев Б.А. № 2**
- Энхтур А. (Улан-Батор, Монголия). См. Кыдырали Д. № 1**
- Эредиа Х. (Гранада, Испания). См. Скакун Н.Н. № 1**
- Янчик Б. (Будапешт, Венгрия). См. Никитина Т.Б. № 2**
- Ярыгин С.А., Сакенов С.К. (Нур-Султан, Казахстан), Мысыр О.Д. (Семей, Казахстан). Курган раннесакского времени Улькенсор. № 1, 127**
- Правила для авторов. № 1, 250**
- Правила для авторов. № 2, 250**
- Правила для авторов. № 3, 250**
- Правила для авторов. № 4, 264**
- Список сокращений. № 1, 248**
- Список сокращений. № 2, 248**
- Список сокращений. № 3, 248**
- Список сокращений. № 4, 262**

INDEX OF THE AUTHORS 2023

- Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan Republic).** Look Karimov S.K. № 1
- Agakhanova V.A. (Moscow, Russian Federation).** Look Skakun N.N. № 1
- Akymbek E.Sh., Zheleznyakov B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Bronze Jugs from Ahmad's Workshop of 11th Century from Southeast Kazakhstan. № 2, 101
- Andreev K.M., Vybornov A.A., Andreeva O.V. (Samara, Russian Federation), Kulkova M.A. (St. Petersburg, Russian Federation).** The Sokolnyy VIII Settlement – the New Site of the Late Neolithic in the Mari Volga Basin. № 3, 8
- Andreeva O.V. (Samara, Russian Federation).** Look Andreev K.M. № 3
- Apendiyev T.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 1
- Arynov K.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Akhunov A.M. (Kazan, Russian Federation).** Look Gumerov I.G. № 4
- Babenko V.A., Kolesnikova M.E. (Stavropol, Russian Federation).** Golden Horde Monuments in Stavropol Region in Scientific Work of A.A. Spitsyn. № 2, 221
- Bazylkhan N. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Look Kydyrali D. № 1
- Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Baitanaev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Ergeshbayev A.A. (Shymkent, Republic of Kazakhstan), Shayakhmetov A.H. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Hammam from Khankurgan. № 2, 114
- Baranov V.S. (Kazan, Russian Federation).** Look Volkova E.V. № 4
- Batbold G. (Ulaanbaatar, Mongolia).** Look Kydyrali D. № 1
- Batyrbekkyzy G. (Almaty, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 1
- Bakhtybayev M.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Bakhtybaev M.M. (Turkestan, Kazakhstan).** Look Murgabayev S.S. № 3
- Bekhter A.P. (St. Petersburg, Russian Federation).** ΦΙΛΙΣΚΟΣ Ο ΜΑΧΙΜΟΣ (to the Interpretation of the Graffito from Myrmekion). № 3, 148
- Blyshko D.V., Danilov G.K. (St. Petersburg, Russian Federation), Zhul'nikov A.M. (Petrozavodsk, Russian Federation), Nedomolkina N.G. (Vologda, Russian Federation), Tarasov A.Yu. (Petrozavodsk, Russian Federation).** Specifics of Asbestos Utilization in the Second Half of the 4th Millenium Bc in the Eastern Fennoscandia (on the materials of lithic workshop Fofanovo XIII). № 3, 219
- Bogatova L.F. (Kazan, Russian Federation).** Look Nikitina T.B. № 2
- Bogenbaev N. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Look Kydyrali D. № 1
- Bolelov S.B. (Moscow, Russian Federation).** Look Utubaev Zh.R. № 3
- Borodovskiy A.P., Volkov P.V. (Novosibirsk, Russian Federation).** Manipulations with the Head of those Buried in the Bystrovka Necropolis (the Early Iron Age of the Upper Ob Region). № 4, 81
- Borutskaya S.B. (Moscow, Russian Federation).** Look Vasilyev S.V. № 3
- Bocharov S.G. (Sevastopol, Russian Federation), Maslovskiy A.N. (Azov, Russian Federation).** A Group of SSS Branded Amphoras in the Golden Horde. № 4, 250
- Bryukhova N.G., Podosenova Yu.A., Smertin A.R. (Perm, Russian Federation).** Iron Belt Set from the Burials of the Plotnikovo Burial Ground (Rodanovo Culture, Perm Region). № 2, 8
- Burova N.D. (St. Petersburg, Russian Federation).** Look Vasilyev S.V. № 3
- S.G. Burshneva (Kazan, Russian Federation).** Look Nikitina T.B. № 2
- Buyankhishig Ts. (Ulaanbaatar, Mongolia).** Look Kydyrali D. № 1

- Valeev R.M. (Kazan, Russian Federation).** Trade Contacts of Volga Bulgaria with the Mordvins in the 10th – Beginning of the 15th Century. № 2, 63
- Varfolomeev V.V. (Karaganda, Republic of Kazakhstan).** Stone Print from the Karakengir River. № 2, 145
- Varhedyi J. (Budapest, Hungary).** Look Nikitina T.B. № 2
- Vasilyev S.V., Borutskaya S.B. (Moscow, Russian Federation), Zheludkov A.S. (Lipetsk, Russian Federation), Puzanova T.A. (Moscow, Russian Federation), Chendev Yu.G. (Belgorod, Russian Federation), Burova N.D., Lokhova O.V. (St. Petersburg, Russian Federation).** Bioarchaeology and Paleoclimate Aspects of the Study of the Upper Don Region Population of the Middle Bronze Age. № 3, 158
- Volkov I.V., Lopan O.V., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).** Research on the Excavation CXXIV in the South-Eastern Part of the Bolgar Fortified Settlement. № 2, 189
- Volkov P.V. (Novosibirsk, Russian Federation).** Look Borodovskiy A.P. № 4
- Volkova E.V., Baranov V.S., Kiryagin K.V., Zholobov A.I., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Rakhmatullin N.R. (Almetyevsk, Russian Federation), Kalyanov V.A. (Kazan, Russian Federation).** Preliminary Anthropological and Forensic Study of an Individual from Grave No 11 of Excavation CXLIX of Bolgar Settlement. № 4, 97
- Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).** Look Andreev K.M. № 3
- Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).** Look Doga N.S. № 3
- Gasilin V.V. (Yekaterinburg, Russian Federation).** Look Skorobogatov A.M. № 3
- Gilyazov F.F. (Samara, Russian Federation).** Look Doga N.S. № 3
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Rezepkin A.D., Doronicheva E.V. (St. Petersburg, Russian Federation), Palamarchuk R.S. (Miass, Russian Federation).** From the Epipaleolithic to the Middle Ages. Preliminary Research Results of the “Alebastrovyy Zavod Rockshelter” in the Elbrus Region. № 3, 46
- Golovchenko N.N., Demin M.A. (Barnaul, Russian Federation).** Reconstruction and Interpretation of the Belt Set from the Barrow № 3 of the Burial Ground Karban-2 (North Altai). № 1, 182
- Grechkina T.Y. (Astrakhan, Russian Federation).** Look Doga N.S. № 3
- Grigoriev S.A. (Yekaterinburg, Russian Federation).** Chronology of Central European Impulses in the Volga Forest Region: Fatyanovo and Abashevo Cultures. № 3, 84
- Gumerov I.G., Akhunov A.M., Usmanov V.M. (Kazan, Russian Federation).** New Discoveries of Tatar Gravestones of the 15th–16th Centuries: their classification and specific features. № 4, 235
- Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- G.K. Danilov (St. Petersburg, Russian Federation).** Look Blyshko D.V. № 3
- Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)** Historical Topography of Tsarevokokshaysk. № 4, 66
- Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** Look Solovev B.S. № 4
- Demin M.A. (Barnaul, Russian Federation).** Look Golovchenko N.N. № 1
- Dneprovskiy K.A. (Moscow, Russian Federation).** Look Skakun N.N. № 1
- Dobrovol'skiy L.S., Sydykov E.B., Umitkaliev U.U., Kazhenova G.T. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Semantics of the images of the “griffin-hippocampus” and “horned fish” in the Scythian animal style of the Eastern European zone. № 1, 113
- Doga N.S., Vybornov A.A., Gilyazov F.F., Somov A.V. (Samara, Russian Federation), Grechkina T.Yu. (Astrakhan, Russian Federation).** Look Doga N.S. Look Doga N.S. A New Neolithic Site in the Northern Caspian Region. № 3, 25
- Dokuchaeva S.V. (Chelyabinsk, Russian Federation).** Musings about image cart on the pot from the burial ground about village Spassky. № 1, 67

Dolbunova E.V. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Skorobogatov A.M. Look Skorobogatov A.M. № 3

Dolbunova E.V., Mazurkevich A.N. (St Petersburg, Russian Federation), Megro Y. (Paris, France), Filippova V.L. (St Petersburg, Russian Federation). Dnieper-Dvina basin at the end of 6th millennium BC and early ceramic traditions of the Circum-Baltic region № 1, 8

Doronichev V.B. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Golovanova L.V. № 3

Doronicheva E.V. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Golovanova L.V. № 3

Ergeshbayev A.A. (Shymkent, Republic of Kazakhstan). Look Baitanaev B.A. № 2

Zheleznyakov B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Look Akymbek E.Sh. № 2

Zheludkov A.S. (Lipetsk, Russian Federation). Look Vasilyev S.V. № 3

Zholobov A.I. (Kazan, Russian Federation) Look Volkova E.V. № 4

Zhul'nikov A.M. (Petrozavodsk, Russian Federation). Look Blyshko D.V. № 3

Zelenev Yu.A., Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Sivitsky M.V. (Bolgar, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Sarybaev M.K. (Nukus, Uzbekistan). Construction Materials of the Mausoleum No. 1 of the Khan Necropolis at Pos. Lapas (preliminary analysis). № 4, 8

Zubarev V.G., Smekalov S.L. (Tula, Russian Federation), Maiko V.V. (Simferopol, Russian Federation). Magnetometry Studies of Belinskoye Settlement on the Kerch Peninsula. № 4, 158

Jovita R. (New York, USA). Look Murgabayev S.S. № 3

Kazhenova G.T. (Astana, Republic of Kazakhstan). Look Dobrovol'skiy L.S. № 1

Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation). Look Rudenko K.A. № 4

Kalieva Zh.S. (Almaty, Kazakhstan). Look Utubaev Zh.R. № 3

Kalyanov V.A. (Kazan, Russian Federation). Look Volkova E.V. № 4

Kamyshev A.M., Kolchenko V.A. (Bishkek, Kyrgyzstan). Coins from the City of Ken-Bulun in Kyrgyzstan (from excavations in 2022–2023 and random finds from previous years). № 4, 173

Karimov S.K. (Lankaran, Azerbaijan Republic), Agalarzade A.M. (Baku, Azerbaijan Republic). “The Sacrificial Ram”: Golden Statue in the History of Art. № 1, 92

Kassenova A.D. (Almaty, Kazakhstan). Look Utubaev Zh.R. № 3

Kasparov A.R. (Samarkand, Uzbekistan). Funeral Practice of the Sapalli Culture in the Reflection of Vedic Texts. № 3, 109

Kattaeva G.Ch. (Termez, Uzbekistan). Look Khamidov O.A. № 4

Kiryagin K.V. (Kazan, Russian Federation). Look Volkova E.V. № 4

Kishne Bandefi M. (Budapest, Hungary). Look Nikitina T.B. № 2

Kolesnik A.V. (Rostov-on-Don, Russian Federation). Specifics of Formation and Deformation of Stone Age Sites Cultural Layers in Steppe Zone of East European Plain. № 1, 209

Kolesnikova M.E. (Stavropol, Russian Federation). Look Babenko V.A. № 2

Kolokolov A.M. (Tula, Russian Federation). Memorial Complex of the Second Half of the 7th–8th Centuries at the Hillfort Near the Village of Gora Uslan. № 2, 173

Kolchenko V.A. (Bishkek, Kyrgyzstan). Look Kamyshev A.M. № 4

Korochkova O.N. (Yekaterinburg, Russian Federation). Middle Trans-Urals and Western Siberia: from the Stone Age of to the Metal Age. № 3, 70

Kostomarova Yu.V. (Tyumen, Russian Federation). Look Skochina S.N. № 4

Krylasova N.B., Smertin A.R. (Perm, Russian Federation). Still – these are Heeltaps (on the topic of heeled footwear in the Middle Ages). № 4, 223

Kubarev G.V. (Novosibirsk, Russian Federation), Nuskabai A. (Astana, Republic of Kazakhstan). Early Medieval Memorial Enclosures in Semirechye: new data. № 2, 72

Kulkova M.A. (Saint Petersburg, Russian Federation). Environmental and Cultural Transformations at the Turn of the Late Bronze and Early Iron Age in the Steppe Belt of Eurasia. № 3, 95

Kulkova M.A. (Saint Petersburg, Russian Federation). Look Andreev K.M. № 3

Kydyrali D. (Astana, Republic of Kazakhstan), Enkhtur A. (Ulaanbaatar, Mongolia), Bazylkhan N., Bogenbaev N. (Astana, Republic of Kazakhstan), Buyankhishig Ts., Batbold G. (Ulaanbaatar, Mongolia). Kutluk-Kagan Memorial Complex And Stele With Inscriptions (Preliminary scientific report of the joint expedition "Nomgon-2019, 2022" of the International Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences). № 1, 234

Lifanov N.A. (Kazan, Russian Federation). Excavations of the Burial Ground Brusyany II in 2020. № 1, 54

Lifanov N.A. (Kazan, Russian Federation). The Excavations of the Cemetery Malaya Ryazan I in 2020. № 4, 149

Lozovskaya O.V., Fedorova D.N., Malyutina A.A., Taktasheva S.D. (St. Petersburg, Russian Federation). Typological Analysis and Assessment of the Bone-Working Stone Inventory of the Zamostje 2 Late Mesolithic Layer. № 3, 171

Lopan O.V. (Kazan, Russian Federation). Look Volkov I.V. № 2

Lokhova O.V. (Saint Petersburg, Russian Federation). Look Vasilyev S.V. № 3

Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). Look Chizhevsky A.A. № 1

Lychagina E.L., Smertina A.Yu., Tomilina E.M. (Perm, Russian Federation). Stone Decorations from the Chalcolithic Sites of the Upper and Middle Kama Region (an attempt at complex analysis). № 3, 191

Mazurkevich A.N. (St Petersburg, Russian Federation). Look Dolbunova E.V. № 1

Maiko V.V. (Simferopol, Russian Federation). Look Zubarev V.G. № 4

Maldybekova L.D. (Turkestan, Kazakhstan). Look Murgabayev S.S. № 3

Malyutina A.A. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Lozovskaya O.V. № 3

Malyutina A.A., Murashkin A.I., Taktasheva S.D. (St. Petersburg, Russian Federation). Working of Reindeer's Antlers at the Neolithic – Bronze Age Settlement Mayak 2 (Murmansk region). № 3, 204

Maslovskiy A.N. (Azov, Russian Federation). Look Bocharov S.G. № 4

Medved A.N. (Moscow, Russian Federation). Fortification of the Moscow State in the 16th Century and the Wattle Structures in Central Europe. № 2, 160

Merkulov A.N. (Voronezh, Russian Federation). Look Razuvaev Yu.D. № 1

Mimokhod R.A. (Moscow, Russian Federation). ¹⁴C Data of Post-Catacomb Sites in the Volga Region and the Volga-Urals in the Context of Regional Radiocarbon Chronology. № 1, 27

Mongush K.M. (Kyzyl, Russian Federation). Look Seregin N.N. № 2

Morozov V.V. (Moscow, Russian Federation). Look Stavitskiy V.V. № 1

Moryakhina K.V. (Perm, Russian Federation). Burial Rite of the Shchukinsky Burial Ground of the Lomovatovo Archaeological Culture. № 2, 51

Muldakhmetova Z.I. (Shymkent, Republic of Kazakhstan). Look Sizdikov B.S. № 1

Murashkin A.I. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Malyutina A.A. № 3

Murgabayev S.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan). Look Sizdikov B.S. № 2

Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M., Maldybekova L.D., Sizdikov B.S. (Turkestan, Kazakhstan), Jovita R. (New York, USA). Archaeological Research of the Southern Slopes of Karatau (Shimayla Complex). № 3, 118

Mukhametshin D.G. (Bolgar, Russian Federation) Style and Shape of Bolgar-Tatar Sepulchral Monuments: unity and uniqueness. № 4, 21

Mysyr O.D. (Semey, Republic of Kazakhstan). Look Yarygin S.A. № 1

- Megro Y. (Paris, France).** Look Dolbunova E.V. № 1
- Nadzhafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan Republic).** Clay seals-pintaderas from Sarvantepe settlement. № 1 76
- Nedomolkina N.G. (Vologda, Russian Federation).** Look Blyshko D.V. № 3
- Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Turk A. (Budapest, Hungary), S.G. Burshneva (Kazan, Russian Federation), Kishne Bandefi M., Varhedyi J., Harangi F., Yanchik B. (Budapest, Hungary), Bogatova L.F., Shaikhutdinova E.F., Fedan P.V. (Kazan, Russian Federation).** Comprehensive Study of Natural Science Methods and Conservation of a Handbag from Krasnogorskiy Burial Ground. № 2, 22
- Nuskabai A. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Look Kubarev G.V. № 2
- Ovsyannikov V.V. (Ufa, Russian Federation).** The Studies of the Novo-Ufa Burial Ground in 2000. № 3, 134
- Palamarchuk R.S. (Miass, Russian Federation).** Look Golovanova L.V. № 3
- Pameev R.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** Look Solovov B.S. № 4
- Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).** Mausoleum Complex near the Village of Lapas, Astrakhan Region (from the Field Diary of V.V. Dvornichenko). № 2, 209
- Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** Look Zeleneev Yu.A. № 4
- Podosenova Yu.A. (Perm, Russian Federation).** Look Bryukhova N.G. № 2
- Puzanova T.A. (Moscow, Russian Federation).** Look Vasilyev S.V. № 3
- Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N. (Voronezh, Russian Federation).** Agriculture During Scythian Time in the Don Forest-steppe Region: to the question of cultural and regional features. № 1, 169
- Rakhmatullin N.R. (Almetyevsk, Russian Federation).** Look Volkova E.V. № 4
- Rezepkin A.D. (St. Petersburg, Russian Federation).** Look Golovanova L.V. № 3
- Roslyakova N.V. (Samara, Russian Federation).** № 3
- Rudenko K.A., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation).** Medieval Archaeological Sites of Semenovskiy Island in Tatarstan: history of study and some results of research. № 4, 129
- Sagdullaev A.S., Shaydullaev A.S., Togaev J.E. (Tashkent, Uzbekistan).** About Ancient Eastern and Eurasian Migrations to Central Asia. № 4, 113
- Sakenov S.K. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan).** Look Yarygin S.A. № 1
- Sarybaev M.K. (Nukus, Uzbekistan)** Look Zeleneev Yu.A. № 4
- Selin D.V. (Yekaterinburg, Russian Federation), Chemyakin Yu.P. (Novosibirsk, Russian Federation).** Peculiarities of Intercultural Interaction in the Early Iron Age in the Surgut Ob River Region (by materials of the ceramics of the settlement Barsova Gora III/66). № 1, 100
- Seraliyev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Look Sizdikov B.S. № 2
- Seregin N.N. (Barnaul, Russian Federation), Mongush K.M. (Kyzyl, Russian Federation).** Early Turkic Enclosures of the Ak-Dag Complex. № 2, 87
- Sivitsky M.V. (Bolgar, Russian Federation).** Look Zeleneev Yu.A. № 4
- Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Apendiyev T.A., Batyrbekkyzy G. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Muldakhmetova Z.I. (Shymkent, Republic of Kazakhstan).** The Resettlement of Nomadic Horsemen Tribes to Asia Minor. № 1, 195
- Sizdikov B.S. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Arynov K.S. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Seraliyev A.A. (Astana, Republic of Kazakhstan).** Mausoleums in the Medieval City of Syganak. № 2, 131

- Sizdikov B.S. (Turkestan, Kazakhstan). Look Murgabayev S.S. № 3
- Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). Look Volkov I.V. № 2
- Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). Look Volkova E.V. № 4
- Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation) Look Zeleneev Yu.A. № 4
- Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). Look Pigarev E.M. № 2
- Skakun N.N., Terekhina V.V. (St Petersburg, Russian Federation), Heredia J. (Granada, Spain), Dneprovskiy K.A., Sukhorukova E.S., Agakhanova V.A. (Moscow, Russian Federation). Man's slate polished knives in the Old Bering Sea culture and their manufacturing technology (based on the materials of the Ekven burial ground and ethnographic data). № 1, 220
- Skorobogatov A.M. (Voronezh, Russian Federation), Dolbunova E.V. (St. Petersburg, Russian Federation), Roslyakova N.V. (Samara, Russian Federation), Gasilin V.V. (Yekaterinburg, Russian Federation). Early Neolithic of the Middle Don in the Light of Current Research (based on materials from the Cherkasskaya-5 site). № 3, 38
- Skochina S.N., Kostomarova Yu.V. (Tyumen, Russian Federation). Stone Tools of the Nomads of the Arctic Tundra from the Medieval Site of Khaltsyneisalya 1 on the Gydan Peninsula (use wear analysis). № 4, 206
- Smekalov S.L. (Tula, Russian Federation). Look Zubarev V.G. № 4
- Smertin A.R. (Perm, Russian Federation). Look Bryukhova N.G. № 2
- Smertin A.R. (Perm, Russian Federation). Look Krylasova N.B. № 4
- Smertina A.Yu. (Perm, Russian Federation). Look Lychagina E.L. № 3
- Solovev B.S., Danilov P.S., Pameev R.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Investigation of the Bolshye Pamyaly Burial Ground in 2022. № 4, 37
- Somov A.V. (Samara, Russian Federation). Look Doga N.S. № 3
- Stavitskiy V.V. (Penza, Russian Federation), Morozov V.V. (Moscow, Russian Federation). On the Cultural Attribution on the Panfilovo Site. № 1, 40
- Sukhorukova E.S. (Moscow, Russian Federation). Look Skakun N.N. № 1
- Suyundikova M.K. (Almaty, Kazakhstan). Look Utubaev Zh.R. № 3
- Sydykov E.B. (Astana, Republic of Kazakhstan). Look Dobrovol'skiy L.S. № 1
- Taktasheva S.D. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Lozovskaya O.V. № 3
- Taktasheva S.D. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Maljutina A.A. № 3
- Tarasov A.Yu. (Petrozavodsk, Russian Federation). Look Blyshko D.V. № 3
- Tataurov F.S., Tataurova L.V. (Omsk, Russian Federation). Archaeological Evidence of Russian Civilization in the Cultures of the Indigenous Peoples of Western Siberia in the 16th–18th Centuries. № 2, 236
- Tataurova L.V. (Omsk, Russian Federation). Look Tataurov F.S. № 2
- Terekhina V.V. (St Petersburg, Russian Federation). Look Skakun N.N. № 1
- Togaev J.E. (Tashkent, Uzbekistan). Look Sagdullaev A.S. № 4
- E.M. Tomilina (Perm, Russian Federation). Look Lychagina E.L. № 3
- Tochilova N.N. (Saint Petersburg, Russian Federation). Horn Ferrules from Excavation at Novgorod the Great and Smolensk. № 2, 150
- Tretyakov E.A. (Tyumen, Russian Federation), Turk A. (Budapest, Hungary). Products of «Hungarian Style» from Archaeological Sites of the Trans-Urals: artifacts and context. № 2, 38
- Turk A. (Budapest, Hungary). Look Nikitina T.B. № 2
- Turk A. (Budapest, Hungary). Look Tretyakov E.A. № 2
- Umitkaliev U.U. (Astana, Republic of Kazakhstan). Look Dobrovol'skiy L.S. № 1
- Akhunov A.M., Usmanov V.M. (Kazan, Russian Federation). Look Gumerov I.G. № 4

Utubaev Zh.R. (Almaty, Kazakhstan), Bolelov S.B. (Moscow, Russian Federation), Kalieva Zh.S., Suyundikova M.K., Kassenova A.D. (Almaty, Kazakhstan). Experimental Work on the Production of Ceramics of the Chirik-Rabat Culture. № 3, 235

Fedan P.V. (Kazan, Russian Federation). Look Nikitina T.B. № 2

Fedorova D.N. (St. Petersburg, Russian Federation). Look Lozovskaya O.V. № 3

Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation) Burial Rite of the Chuvash People in the 16th–19th Centuries. № 4, 47

Filippova V.L. (St Petersburg, Russian Federation). Look Dolbunova E.V. № 1

Khamidov O.A., Kattaeva G.Ch. (Termez, Uzbekistan). The Typology of Pins of Sapalli Culture. № 4, 187

Harangi F. (Budapest, Hungary). Look Nikitina T.B. № 2

Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation). Look Chizhevsky A.A. № 1

Chemyakin Yu.P. (Novosibirsk, Russian Federation). Look Selin D.V. № 1

Chendeu Yu.G. (Belgorod, Russian Federation). Look Vasilyev S.V. № 3

Chizhevsky A.A., Lyganov A.V., Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation). Image of the Head of a Bird of Prey in Ananyino Cultural and Historical Area. № 1, 141

Shaydullaev A.S. (Tashkent, Uzbekistan). Look Sagdullaev A.S. № 4

Shaikhutdinova E.F. (Kazan, Russian Federation). Look Nikitina T.B. № 2

Shayakhmetov A.H. (Almaty, Republic of Kazakhstan). Look Baitanaev B.A. № 2

Enkhtur A. (Ulaanbaatar, Mongolia). Look Kydyrali D. № 1

Heredia J. (Granada, Spain). Look Skakun N.N. № 1

Yanchik B. (Budapest, Hungary). Look Nikitina T.B. № 2

Yarygin S.A., Sakenov S.K. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Mysyr O.D. (Semey, Republic of Kazakhstan). Barrow of the Early Saka Time Ulkensor. № 1, 127

Submissions. № 1, 250

Submissions. № 2, 250

Submissions. № 3, 250

Submissions № 4, 264

List of Abbreviations. № 1, 248

List of Abbreviations. № 2, 248

List of abbreviations № 3, 248

List of Abbreviations № 4, 262